

|| 11 ||

НОВАЯ МИРА

НОВАЯ
МИРА

|| 1951 ||

11

1951

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXVII

№ 11

Ноябрь, 1951 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ — Высота, роман	3
АЛЕКСАНДР ЯШИН — Два стихотворения	99
ДМИТРИЙ ОСИН — Первый месяц, рассказ	101
НИКОЛАЙ ПЕРЕВАЛОВ — По великому плану, стихи	118
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ	
ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ. Переводы Л. Эйдлима	120
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
В. ШАЛАГИНОВ — Судья. Окончание	124
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН — Шагающий гигант	149
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Д. КРАМИНОВ — «Психологическая война» Уолл-стрита	185
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	
А. ТВАРДОВСКИЙ — Ответ читателям «Василия Тёркина»	204
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Н. ТОЛЧЕНОВА — По поверхности жизни. (Современная тема в художественной прозе журнала «Звезда»)	229
Трибуна читателя	
О ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ	245
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Ю. Лукин. Слово боли и гнева. — К. Лапин. Университет борьбы. — С. Швецов. Неполноценный сборник. — Е. Романова. Теория и практика литературных бизнесменов.	258
<i>Политика и наука</i>	
Б. Леонтьев. Будущее принадлежит коммунизму. — Доктор философских наук Б. Быховский. Откровения Иммануэля Ньюйоркского. — М. Дабыдов. Преображённая Сибирь. — Г. Нуров. Гордость узбекской науки.	274
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (Сентябрь — октябрь, 1951 года)	286

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР“

Москва

ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ

★

ВЫСОТА

Роман

1

День сегодня ветреный, но ветер не несёт с собой свежести, он настоен на зное. Жара, жара! Куртки сброшены с плеч. Многие работают в майках, иные обнажены по пояс. Майки, кепки, косынки, штаны, платья — всё выцвело. И сквозь подмётки чувствуется раскалённый камень, железо. Ещё утро, а белое солнце уже пышет неистово, как в полдень, и небо от зноя тоже выцвело и стало белёсым.

У киоска, где продают газированную воду, толпятся жаждущие, и вода здесь в жаркие дни всегда холодная. Её выпивают прежде, чем она успеет согреться.

Воду пьют, за отсутствием кружек, из компотных банок. Весь день продавщица твердит одну и ту же фразу: «С сиропом или без?». Весь день её торопят. Весь день у неё не высыхают розовые от сиропа липкие руки. В блюде лежит вечно мокрое серебро и медь.

Токмаков, разморённый, подошёл к киоску.

У киоска остановилась трехтонка. Из кабины, не заглушив мотора, вылез водитель. Лицо его, шея, грудь и голые руки лоснились от грязного пота. От трехтонки несло бензиновым чадом и перегретой резиной. Казалось, ещё немного — не выдержит, размякнет, потечёт краска с крыльев, с капота.

— Надо и свой собственный радиатор залить, — водитель шлёпнул себя ладонью по животу. — Разрешите удалить жажду?

— Удаляй! А то и закипеть недолго, — Токмаков пропустил чумазого водителя вперёд.

Тот залпом осушил банку воды, вскочил в машину и уехал.

Токмаков, не торопясь, выпил воды и пожалел, что взял с сиропом — жажду он всё-таки не утолил. Вода, которую он пил недавно вместе с какой-то смазливой девчонкой, была определённо вкуснее. Токмаков ухмыльнулся, вспомнив, как девушка сердито отпрянула, когда он, коснувшись щекой её щеки, тоже начал ловить губами мощную струю из водоразборной колонки в доменном сквере.

Он выплеснул остатки розовой воды на асфальт, и сладкая лужица испарилась мгновенно. буквально на глазах.

Ну и печёт! Как говорит Пасечник, в такие дни куры мечтают, чтобы их ошипали.

Токмаков зашагал к домне. Он прошёл мимо листа фанеры, на котором висела газета «Каменогорский рабочий». Газету вывесили рано утром, а она пожелтела и обесцветилась так, словно солнце жгло её всё лето.

На щите, рядом с газетой, Токмаков прочитал: «Осталось 88 дней до пуска домны». «88» было написано красной краской и очень крупно, всё остальное — чёрным и помельче. Цифру каждый день меняли, вставляя в квадратное окошечко, выпиленное в фанерном щите.

Всего каких-нибудь шесть дней не был Токмаков на стройке. Шесть дней! Как мало и как много!

Стройка показалась сегодня Токмакову более шумной и оживлённой, чем обычно. Оказывается, за шесть дней можно изрядно отвыкнуть от этой суетоки. Но ухо Токмакова попрежнему безошибочно улавливало осмысленную последовательность в хаосе звуков, в неумолчном гаме.

Вслед за гудком паровоза натужно трогается с места состав, и тут же слышен истошный крик «бойся!». Кран с урчаньем подымает хобот, и тотчас же доносятся скрип такелажа и скрежет железа — это перехваченная тросом деталь напоследок ёрзает по земле, принаравливаясь к тросу перед путешествием по воздуху.

Сегодня все эти циклопические стальные трубы, цилиндры, резервуары самого причудливого покрова — и поднятые, и ещё лежащие на земле — представлялись Токмакову более внушительными, чем обычно. Он успел несколько отвыкнуть от деталей домны, если только можно называть «детальями» многотонные сооружения, рядом с которыми люди выглядят карликами.

Но человек чувствует себя среди этих железных великанов уверенно и даёт им названия, пользуясь самым отдалённым их подобием с привычными предметами домашнего обихода, одежды, утвари. Так в словаре строителей домны появляются «свечи», «граммофоны», «башмаки», «самовары», «рукава», «коромысла», «штаны», «подсвечники», «серьги».

Токмаков хотел было сперва проведать своего фронтowego друга Баграта и направился к кауперам, но заметил там долговязую фигуру Дерябина. Старший прораб Дерябин стоял спиной к нему, покачиваясь с пяток на носки, в руках его, заложенных за спину, был свёрнутый в трубку чертёж. Он смотрел вверх, и Токмаков прошёл прямо к домне, довольный тем, что остался незамеченным.

Токмаков смерил домну ревнивым взглядом. Он сразу отметил, что нового в переменчивом пейзаже стройки.

Домна и три каупера по соседству с ней вытянулись за эти дни вверх. Теперь, стоя у подножья домны, приходилось сильно запрокидывать голову, чтобы следить за монтажниками, работающими на высоте.

Конечно, приятно, что монтажники забрались за эти дни так высоко. Но в то же время неприятно сознавать, что всё это сделано без тебя.

Кто-то закричал сверху. Кажется, Пасечник. Что случилось? Ничего не разобрать. Пасечник размахивает руками. С кем же он переговаривается? Ах, с Матвеичем. Токмаков сразу и не увидел старика.

— Эй, там, наверху! — кричал Матвеич. — Опять у вас всё замёрзло? Матвеич изнывал от жары. Он снял кепку и вытер лысину.

— Наше вам с кисточкой, товарищ прораб! — донеслось сверху.

Это снова кричал Пасечник. Он беззаботно шагал на высоте нескольких этажей по узкой-узкой балочке. Токмаков погрозил Пасечнику пальцем.

— С выздоровлением! — Кто-то хлопнул Токмакова по большому плечу.

Токмаков вздрогнул, круто обернулся и увидел Гладких.

— Это ты ладно придумал, что вышел на работу! Главное сейчас что? Главное сейчас — в свете последнего решения — сборка на земле...

Это я тебе как группарторг говорю. Надо тебе, Токмаков, целиком сесть на этот участок...

Токмаков отмахнулся и сказал:

— Ладно, ладно... У меня ещё бюллетень. А ты, Гладких, и о службе своей не забывай. Кажется, Пасечник опять там без монтажного пояса разгуливает...

— Константин Максимович! Добрый день! — донёлся звонкий мальчишеский голос.

— Здравствуй, Борис! — улыбнулся Токмаков.

Борис сдёрнул кепку, и вихор встал на его темени торчком.

Токмаков подошёл к лебёдке и пожал Борису руку. Тот осмотрелся, все ли видели, что прораб здоровался с ним за руку.

— Наверху уже были? — Борис показал на макушку домны.

— Сегодня не собираюсь.

Токмаков намеревался сегодня лишь посмотреть на домну и проверить своих монтажников, не вмешиваясь ни во что. Но не прошло и получаса, как он уже сидел, скинув куртку, на нагретой солнцем трубе неправильной формы и озабоченно потирал лоб.

Перед ним был разостлан чертёж. Матвейч виновато моргал, вытирал лысину и невнятно оправдывался:

— Так я только что сверху... В натуре всё правильно...

— В натуре, в натуре!.. А для чего тебе чертёж дан? Опять не прочитал как следует. А теперь возись с перестроповкой!..

Токмаков спрыгнул на землю, выхватил из рук Матвейча рулетку и начал вымерять трубу, чертить мелом на её округлых боках, — он искал центр тяжести перед тем как заново перевязать её стальными стропами, чтобы поднять на высоту.

— Интересно, чем прораб занимается! — услышал Токмаков чей-то насмешливый голос, и тут же Матвейч испуганно шепнул:

— Начальство!

Токмаков выпрямился и увидел рядом массивную фигуру управляющего Дымова, окружённого большой свитой. К свите уже присоединился и старший прораб Дерябин.

Начальники были в парусиновых костюмах и таких же картузах. Эти картузы на стройке — как генеральские фуражки.

— У вас что, бригадиров уже нет? — спросил Дымов. — А мастер стоит, сложив руки?

— Всё ясно! — раздался грубоватый бас из свиты. — Сначала проспал, а теперь аврал.

Это был главный диспетчер Медовец, он на голову возвышался над окружающими.

— Так ведь не сразу всё подсчитаешь... — вмешался Матвейч. — Промашка... В чертеже заблудился...

— Снять тогда вас надо, если в чертежах не разбираетесь, — рассердился Дымов и резко повернулся к Токмакову. — Над каждой трубой собираетесь так колдовать? Тогда весь график в трубу вылетит. Почему прошлой ночью не было света на площадке?

— Я ночью здесь не был...

Токмаков выжидательно взглянул на Дерябина — неужели не скажет, что Токмаков болен? Но Дерябин только молча пожевал губами.

— Вы не были, Дерябин не был. Теперь понятно, почему авралите. А наверху давно не были?

— Шесть дней.

— Ну вот, видите, — Дымов повернулся к Дерябину и посмотрел на него, пригнув голову. — Прорабы с вас пример берут!

— Товарищ Токмаков, собственно говоря, на бюллетене, — сказал Дерябин, оправдываясь.

— Если больной, так нечего здесь околачиваться. А если пришёл — надо работу организовать. И прежде всего — наверху! Проверьте, как царга стоит...

Дымов ушёл не попрощавшись, как и начал разговор не поздоровавшись.

Токмаков стоял хмурый, с рулеткой в руке. Начальства уже не было видно, но из-за трубы ещё доносился звучный бас Медовца, кого-то распекающего на ходу: «Ещё двое суток? Да где мне их шукать? У нас сейчас какой календарь? Григорианский. Его и будем придерживать. Вы меня чуете? Никакого нового летоисчисления вводить пока не будем!..»

— Начальство! — вздохнул Матвейч. — Обругали и пошли... А если разобраться...

— Тебя-то во всяком случае обругали за дело. Будешь на глазок работать — выгонят из мастеров.

Токмаков сунул Матвейчу рулетку и решительно зашагал к подножью домны.

2

Далеко внизу остались сходни и мостки со следами цемента и глины на досках. Остались внизу и железные лестницы с перильцами. Их сменили вёрткие стремянки, затем — шаткие трапы из плетёного металлического канатика с прутьями-ступеньками и, напоследок, скобы, приваренные к конструкциям домны.

На высоте восьми этажей глуше разноголосица стройки, её гомон и гул. Издали с кауперов доносится пневматическая дробь молотков. Токмаков живо представил себе, как там, внутри стальной башни, его друг Баграт, оглушённый, хватает шипцами огненные тельца за клёпок, просовывает их через отверстия брони каупера, чтобы на них обрушился пневматический молоток старика Карпухина. Этот железный грохот дни и ночи бил в уши Токмакову на стройках всех других домн. А здесь, на этой домне, впервые Токмаков работает в относительной тишине: сварка вытеснила отсюда клёпку. Токмаков остановился, прислушиваясь, как шипят огни электросварки, словно кто-то непрерывно окунает в ведро с водой горящие головешки. Это сваривают конструкции, поднятые и установленные его монтажниками.

«А Баграт и не знает, каким ветром занесло меня сегодня наверх», — подумал Токмаков и полез выше. Чем выше он подымался, тем яснее слышал тяжеловесный скрип такелажа и хлопанье флага, укреплённого на макушке башенного крана.

Одновременно с Токмаковым наверх подымались техник-геодезист и его помощник речник в выцветшей фуражке пограничника.

Токмаков всё время видел у себя над головой тапочки геодезиста. Тот любил работать в лёгкой обуви, любил ощущать пяткой, пальцами, всей ступнёй тот кусочек стали, на который ставит ногу. Речник лез в валенках.

Ощущаешь острый зуд в коленях и холодок в сердце, когда следишь взглядом за человеком, который карабкается над тобой.

«Ну, куда он ставит ногу? — невольно пугался Токмаков. — Левее, левее. Нет, не ставит. Только примеряется. Ещё левее. Наконец-то! А всё-таки нет лучше валенок. Первая обувь для верхолаза. В них и на краску наступишь — не поскользнёшься».

Каждый пояс домны — его также называют царгой, — каждая деталь её должны стоять на своей отметке с точностью до нескольких миллиметров. Вот почему геодезист тащил наверх складной треножник, а у речника за спиной — теодолит, нивелир, ватерпас и отвес. Инструменты лежали в футляре, похожем на футляр от баяна. Будто сумасшедший баянист, собравшись играть неведомо кому, разве что птицам перелётным, карабкался на небо по балочкам, по скобам, по кронштейнам.

Там, где негде стать теодолиту, устанавливают отвес. Сегодня — ветерок, и белый грузик, очень похожий на пулю, раскачивается на нитке под треножником. Места для нивелира тоже не нашлось — установили ватерпас. И капля спирта в ватерпасе свидетельствует, насколько точно уложена царга на царгу, могут ли их сваривать сварщики.

Прежде чем приступить к работе, Токмаков не мог отказаться от удовольствия просто так постоять наверху, вдоволь хлебнуть чистого воздуха. Здесь на высоте воздух не так зноен, и Токмакову казалось, что он стоит сейчас на самом берегу Урала, подступившего близко к заводу полноводным прудом.

Далеко на западе, за рекой, виднеются очертания гор, то — один из южных отрогов Уральского хребта. Горы поближе — темнозелёные и полулежат, горы подальше — чёрные и стоят во весь рост.

Горы окружают Каменогорск. Все горы, вплотную подступающие к городу, застроены, и только Мангай, драгоценная кладовая железной руды, возвышается голая.

Лишь столбы электрической дороги видел Токмаков на Мангае, одну линию столбов над другой. Рудное тело горы обнажено, изрезано горизонтами. Они подобны террасам или исполинским ступеням, ведущим на вершину Мангая. Чем выше, тем длина этих круговых террас меньше. Тело горы неоднородно по своему составу, и обнажённые разрезы её пестры. Преобладают рыжие, красноватые, бурые оттенки — всё зависит от процента содержания железа в руде, от примесей.

Холмы подобных тонов и оттенков видит Токмаков, когда смотрит отсюда на рудную эстакаду доменного цеха.

Дымчатые, сизые холмы — кокс, будто он тоже выцвел на этом солнцепёке. Коричнево-рыжие дюны с шоколадным оттенком — руда. Грязносерые холмы — известняк. Среди холмов руды на эстакаде стоит саморазгружающаяся платформа. И сама она, и шпалы, и рельсы, и всё вокруг неё — бурого цвета. На платформе работают шесть грузчиков. «Наверно, самоопрокидыватель не сработал», — предположил Токмаков. Грузчики — в бурых кепках и штанах. И всё вокруг — бурое, кроме шести блестящих от пота голых спин и шести лопат, поблёскивающих при каждом взмахе под лучами солнца.

В единый огляд видны были Токмакову вся стройка и весь завод.

Дымное облако стелется над шеренгой домен, над заводом, с вечным постоянством.

Ветер вырывает из заводских труб дымы, дымки, дымочки. Их резко сносит в сторону, и каждая из полусотни труб отчётливо видна на фоне неба.

Оттого что дымы из цеховых труб и из труб паровозов, снующих по заводу и по стройке, сносит в одну сторону, во всём заводском пейзаже царит деловитое согласие.

Левее, над сушильными башнями коксохимкомбината, вперемежку с дымами — от почти бесцветного до чёрного, отягощённого копотью, — вдруг возникают густые клубы пара такой белизны, что облако, проплывающее по соседству, кажется грязным. Где-то в вышине столб

пара растворяется — он теряет свою упругость и сверхъестественную белизну.

Но всё-таки господствующей высотой является сегодня строящаяся домна, первая в мире мощная цельносварная домна.

Однако пора приниматься за дело.

Токмаков решил проверить, как идёт установка поднятой без него царги. Для этого нужно было обойти вокруг по дощатому настилу, называемому «голубятник». А поперёк царги, по диаметру окружности, лежала длинная узкая балка. Эта балка понадобилась геодезисту для проверки оси домны.

«Нет, не пойду вокруг по настилу, — пришла Токмакову шальная мысль. — Пройду по балочке».

Токмаков поддался искушению и двинулся шагком за шагком по балочке. Она была шириной в папиросную коробку, не более.

Потому ли, что Токмаков за эту неделю успел отвыкнуть от высоты, потому ли, что несколько ослабел за дни болезни, потому ли, что балочка, висящая над бездной, была уж очень узка, — ему стало страшно, едва он сделал первые несколько шагков.

Повернуть обратно? Ещё опаснее, а кроме того, стыдно.

Ноги стали как ватные. Так и подмывало желание опуститься, сесть на балку верхом, крепко обвить её ногами и ползти, ползти, ползти на груди, на животе, цепляясь за балку руками.

Но геодезист и реечник стояли где-то рядом, Токмаков чувствовал на спине их взгляды. Поодно было итти на попятный.

И он внешне непринуждённо, даже беззаботно продолжал ступать шагком за шагком, стараясь не замечать, как страх противно щекочет пальцы на ногах. Ещё, ещё шагок. Ближе, ближе спасительные подмости.

Токмаков ухватился рукой за край царги, надёжно поставил на подмости одну ступню, за ней вторую, шумно передохнул и нагнулся, проверяя, как укреплен трос, всё ли в порядке.

Дрожащими руками он достал папиросу, чиркнул спичкой, тотчас же спрятал огонёк в ладонях и с наслаждением закурил.

Обернувшись, Токмаков встретился взглядом с геодезистом, тот укоризненно покачал головой. А рядом с геодезистом стоял Пасечник с блоком на плече.

В зелёных глазах Пасечника светилось горячее одобрение, даже восхищение. Рыжий чуб его весело горел на солнце.

Когда же, однако, Пасечник успел сюда вскарабкаться?

Токмакову льстило, что такой верхолаз, как Пасечник, был свидетелем его прогулки над пропастью. Но в то же время Токмаков понимал, что подал плохой пример своему бригадиру — и какому бригадиру? — ухарю, которого хлебом не корми, только позволь полазать чёрт знает где и на какой высоте. Дымов как-то сказал: «Вашему Пасечнику только разрешите — он у чёрта на рогах домну смонтирует»...

Пасечник сам себя называл «запорожец за Уралом». Он и на самом деле был родом из Запорожья и всех уверял, будто и верхолазом стал только потому, что, пока рядом с их хатой строили мачту электропередачи, он лазил на эту мачту, чтобы гонять голубей. Пасечник работал ещё на Днепрострое: сидел, подвешенный в люльке, между бычками Днепровской плотины, над бурлящим потоком, срубал на бычках наросты из бетона, устранял зазоры, и тогда щит плотно опускался на своё место.

С той поры Пасечник работал верхолазом на многих стройках страны, и он сам не помнит уже, на какие только мачты, трубы, мосты,

башни, вышки ни взбирался. Во всяком случае, он провёл наверху много тысяч часов. Про лётчиков у нас говорят: «Налетал столько-то часов». Но разве можно подсчитать, сколько верхолаз налазил?

Пасечник показал однажды Токмакову несколько фронтовых фотографий. На одной из них Пасечник был снят в маскировочном халате разведчика. Буаль из марли была закинута на ушанку. Пасечник умудрился и тут выпустить зуб из-под ушанки, а выражение лица его было и надменное и озорное одновременно. В руке он картинно держал бинокль, видимо специально одолженный у кого-то для съёмки.

Пасечник и теперь любил сниматься. Фотограф «Каменогорского рабочего» несколько раз снимал его и для газеты, и для доски почёта, и каждый раз Пасечник во время съёмки кричал: «Страна должна знать своих героев!», а перед съёмкой сам устраивал маленькую инсценировку. То он горделиво разглядывал чужой чертёж, то из кармана его куртки торчали одолженные на время съёмки логарифмическая линейка, карандаши, чья-то вечная ручка.

Пасечник относился свысока ко всем, кто работал на земле, и пренебрежительно называл их каменюшниками. Вот так же на фронте он считал, что все, кто не ходит в разведку, — тыловые крысы. Начальство Пасечник недолюбливал за то, что ему вечно приходилось выслушивать выговоры и замечания и всё — внизу, на земле, от людей, которые не так часто подымались наверх. Токмакова он уважал — и за его фронтовое прошлое, и за любовь к высоте...

— Наше вам! — прокричал Пасечник, снимая с плеча блок и направляя в него конец троса. — Давно начальства на верхотуре не было!

— А вы и рады, что начальство болеет.

— Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным, но больным! Сколько осколочек весил, товарищ прораб? Сорок пять граммов?

— А вы откуда пронюхали?

— Разведка всё знает. В осведомлённых кругах нам сообщили: у прораба из лопатки прорезался фронтовой осколочек.

— Хватит зубы заговаривать. Вы почему разгуливаете без монтажного пояса?

Пасечник оглядел Токмакова с головы до ног и иронически свистнул.

— Где вы свой пояс прячете, товарищ прораб? Под пиджачком?

— На мне пояс не ищите. Я тут сегодня случайно. А вы всё время инструкцию нарушаете... Дайте-ка лучше чертёж! Помогите развернуть!..

Токмаков, держась рукой за трос, стал вместе с Пасечником разглядывать чертёж царги, установку которой он проверял.

Солнце стояло уже прямо над головой, а тени сделались короче и резче, когда Токмаков, наконец, спустился вниз.

Вскоре Токмаков забыл о происшествии там, наверху, но ему всё-таки пришлось вспомнить о нём в тот день ещё раз.

Уже после полудня Токмаков стоял, не отрывая спокойного взгляда от макушки домны.

Но внезапно его глаза расширились от ужаса.

Он увидел, как человек ухватился руками за натянутый трос, повис на нём, оттолкнулся от подмостей, на которых стоял, оплёл трос ногами и стремглав понёсся по нему вниз.

Несколько раз Пасечник, — Токмаков узнал его тотчас же, — тормозил спуск, сильно зажимая трос ногами, чтобы погасить скорость, а затем снова разогнался и летел вниз.

Наконец, ещё раз притормозив, Пасечник коснулся земли согнутыми

в коленях ногами, тут же выпрямился и задымил папиросой, которая торчала у него в сжатых зубах.

Может быть, всего секунд пятнадцать-двадцать продолжался этот головокружительный спуск; в такой отрезок времени не успевают сгореть спичка.

Пасечнику совсем не хотелось встретиться сейчас с прорабом, но Токмаков уже повелительно махал рукой, подзывая его к себе.

Пасечник подошёл лениво, вразвалку.

— Это ещё что за номер, товарищ Пасечник? — спросил Токмаков, с трудом беря спокойный тон.

— Прямое сообщение, товарищ прораб! Без пересадки. А то — пока оттуда по лестницам...

— Так можно и на тот свет. Без пересадки. Шестьдесят метров — всё путешествие.

Пасечник презрительно свистнул.

— Как бы не так! Помирать нам рановато. Поскольку есть у нас ещё на домне дела. Думаете, совсем младенец? А это вот?

Пасечник снял рукавичку, под ней была надета ещё одна.

— В Жданове тоже один хотел на землю спуститься. А оказался в земле. Стальная нитка от троса прошила ладонь, он и отдёнул руку...

— Мало ли глупостей чудаки делают! — Пасечник пригладил волосы. — Глупость, говорят философы, в истории играет не меньшую роль, чем ум.

— Об уме вам, Пасечник, в данную минуту лучше совсем не говорить. — Токмаков поспешно достал папиросу; Пасечник протянул ему свой дотлевающий окурочок, но Токмаков сделал вид, что не заметил этого, и чиркнул спичкой. — Предположим, вы покалечили бы руку. Что же? Государство вам за озорство бюллетень должно выдавать?

— Я и с бюллетенем, когда лихорадка была, работал. Вы же знаете!

— Знаю. — Токмаков чувствовал, что у него уже иссякает запас спокойствия, и он с большим трудом удерживается от того, чтобы не накричать. — А всё-таки, товарищ Пасечник, придётся вам разряд снять. За нарушение правил техники безопасности. Злостное нарушение! Это у вас не первый случай!

— Ну что же, снимайте. Если есть такое право. Просить: «Дяденька, больше не буду» — не собираюсь.

Пасечник картинно откинул со лба чуб, пригладил его, чуть-чуть задержав пальцы, прежде чем огнать их. И всё это так невозмутимо, будто единственное, что его сейчас беспокоило, — хорошо ли лежат волосы, не увидят ли девушки его растрёпанным.

— Разрешите итти? — спросил он с подчёркнутой отчуждённостью.

— Идите.

Пасечник повернулся на каблуках.

Токмаков посмотрел Пасечнику вслед. Спина его и коротко остриженный рыжеватый затылок выражали горькую обиду.

«Ничего, мы тебя обломаем», — подумал Токмаков. В ушах его всё ещё звучал заносчивый голос Пасечника: «Снимайте разряд, если имеете право».

«А вот есть ли у меня сегодня это внутреннее право?»

Токмаков вынул блокнот, помедлил и составил проект приказа: «За злостное нарушение правил техники безопасности снять бригадиру Пасечнику Н. П. разряд сроком на один месяц».

Продолжительный гудок паровоза. Ему ответил дискантом паропутевой кран. Подали голоса ещё несколько паровозов. Пронзительный свист, крики «кончай!», «шабаш!» и железный трезвон. Это бьют прут в пустой баллон из-под кислорода, висящий над землёй и выполняющий обязанности колокола.

Обеденный перерыв.

На земле прекращают работу почти все. На своих местах остаются лишь лебёдчики, такелажники, крановщики — те, кто связан с работающими наверху. От иных столовая, казалось бы, рукой подать, вот виднеется её покрытая шифером крыша. Но не так просто спуститься в столовую с монтажных высот, а затем вновь забраться туда. Бывает и так, что нельзя приостановить подъём, нельзя оставить груз на полдороге, у крана «в зубах».

Монтажники готовились на земле к очередному подъёму.

Токмаков дал команду на обед, и сам тоже направился в столовую.

У подножья башенного крана Токмаков нагнал бригадира Вадима Пудалова. За ним, с видом просителя, плёлся лебёдчик Хаенко.

— Понимаешь? Растратился! — по лицу Хаенко блуждала беспомощная улыбка. — Потеха. С утра без корма. Ну что тебе стоит? Подбрось десятку до получки.

— Недавно же получка была.

— Ну, выручи...

— Надо аккуратнее тратить, — сказал Вадим, доставая деньги. — Ты что-то в рюмку стал часто заглядывать. Каждый день в «бенилюксе»...

Услышав про бенилюкс, Токмаков невольно улыбнулся. Так строители называли пустырь у трамвайной остановки, на котором стояли рядом, один беднее другого, три дощатых сарайчика. Назывались все три по-разному: «Буфет», «Ларёк Пиво-Воды» и самый жалкий — «Павильон».

— Тоже указчик нашёлся, — Хаенко уже спрятал деньги в карман, от почтительности не осталось и следа. — Подумаешь, дал десятку, так теперь нравочения твои слушать? Мне, братец, некогда...

Токмаков обошёл стороной башенный кран и, нагнувшись под тросом, прошёл мимо электролебёдки, у которой стоял Борис и с ним какая-то незнакомая девушка.

Токмаков узнал недотрогу, с которой несколько дней назад вместе пил воду из водоразборной колонки. Тот же пёстрый платочек в пунцовых и оранжевых квадратиках, с бахромой по краям. Тот же выцветший комбинезон, скорее голубой, чем синий, тот же белый воротничок. А когда девушка пила воду, комбинезон на её груди намок, сапожки внизу тоже стали мокрыми. Он удивительно отчётливо представил себе её в тот момент, когда она, заложив руку за спину, ловила выпяченными губами струю и втягивала воду напряжённым ртом.

Прядка волос, выгоревшая на солнцепёке, и теперь выбивалась из-под платка на лоб, не знающий морщинок и веснушек. Фигура — типичная для уральской девушки: в бёдрах узка, в плечах чуть широковата, с хорошо очерченной грудью. Во всём облике её одновременно что-то и мальчишеское и очень женственное.

Девушка отвернулась, ей не понравилось, что её так пристально и бесцеремонно разглядывают.

— Знакомьтесь, — сказал Борис. — Сестрёнка моя...

— А мы уже знакомы, — бойко перебил Токмаков.

- Разве? — сухо спросила девушка. — У меня таких знакомых нет. Токмаков смутился.
- Что ты, Маша! Это же Константин Максимович! Мой прораб. Я же тебе рассказывал...
- Возможно, — Маша нехотя протянула руку. — Берестова. Она насмешливо смотрела на Токмакова:
- А я представляла вас другим.
- Лучше или хуже?
- Во всяком случае, более солидным.
- Неужели мне нехватает солидности? — Токмаков провёл рукой по подбородку, словно разгладил несуществующую бороду. — Или прорабам запрещено пить воду из гидранта?
- Маша, не отвечая, повернулась к Борису:
- Ты, кажется, в столовую собрался?
- Идём с нами, — обрадовался Борис.
- Обедать? — заколебалась Маша. — А меня пропустят?
- Почему же не пропустят? — поспешно встал Токмаков. — Столовая открытая. И карточки у нас на домне давно отменены. А кроме того, как же могут не пропустить в столовую дочку знатного доменного мастера Берестова?!
- И сестру лебёдчика! — подсказал Борис.
- Ты хотел сказать — сестру помощника лебёдчика, — рассмеялась Маша и решительно пошла вперёд.
- Токмаков и Борис шагали рядом с ней.
- В столовой было не так душно. Пол обильно полили водой, окна были завешаны от солнца тёмными гардинами, царила милосердная прохлада. Они нашли столик у самого буфета.
- Терпеть не могу бумажных цветов, — сказала Маша и отодвинула вазу на дальний от себя угол столика.
- Токмаков подошёл к буфету. Хаенко, стоя у стойки, протягивал продавщице деньги и требовал «полутёрку с прицепом», что означало сто пятьдесят граммов водки и кружку пива.
- Отставить! — скомандовал Токмаков. — Ещё навверх лезть. Забыл мой приказ? Только кружку пива!
- Не много ли будет — целая кружка? — спросил Хаенко с вежливой наглостью. — Может, рюмочку пива?..
- Токмаков не ответил. Он взял с буфетной стойки и протянул к своему столику три кружки пива.
- Однако вы строгий, — насмешливо сказала Маша и добавила: — К другим.
- К другим? — тень на какое-то мгновение легла на лицо Токмакова. — Я и к себе строг: как видите — всем по одной кружке... Хотя пивом и не чокаются — ваше здоровье!
- Вы, кажется, любитель чокаться. Даже у гидранта.
- Оба рассмеялись. Токмаков отхлебнул пива, вытер губы.
- А вы мне тогда здоровья не пожелали.
- Ещё бы! За что?
- Как за что? Я очень нуждался в таком пожелании.
- Вы, кажется, всегда нуждаетесь?
- Тогда — особенно. Бюллетень был в кармане, а пришлось работать.
- Вот уж не были вы похожи на больного!
- Борис, недоумённо слушавший весь этот разговор, вставил:
- Я же тебе рассказывал, что у Константина Максимовича — ранение.

— Оказывается, у вас в доме полная информация обо мне?

— А как же! Мы даже знаем, что вы приехали из Кривого Рога. Знаем, что вы закоренелый холостяк, что вы четыре года в отпуску не были, мать не видели.

Борис покраснел: уж очень выразительно посмотрел на него Токмаков.

— Куда нашему брату жениться? Мы народ кочевой. На колёсах состаримся. Как говорит Пасечник, прорабы шумную толпой по всем строительствам кочуют!..

Маша рассмеялась.

— Про этого Пасечника я тоже слышала. Он, кажется, лестниц не признаёт?

Токмаков снова помрачнел.

— А я бы только позавидовала вашим путешествиям. Это же так интересно — путешествовать и строить. Есть такая поговорка: жизнь прожита не зря, если человек посадил дерево, вырастил сына и построил дом.

— Домну! — поправил Токмаков. — И не одну. Последнему требованию поговорки я отвечаю. А вы скорее всего — второму?

Маша смутилась.

— Нет, я — первому. Деревья сажаю. — Маша положила перед собой на стол руки, сильные и маленькие, земля въелась в трещинки кожи. — Не отмываются, — Маша стёрнула руки со стола, будто обожглась о клеёнку.

— И много вы деревьев посадили на своём веку?

— Тысячи полторы.

— Ого! Кем же вы работаете?

— Техник зелёного строительства.

— А почему техник зелёного строительства плохо ест наши зелёные щи?

— Это не зелёные, а пустые щи, — Маша отставила почти полную тарелку.

— Избаловали дочку дома! Мамаша, небось, не такие готовит?

— Ещё бы! — сказал Борис. — Приходите к нам обедать — увидите. Ну что же ты, Маша, молчишь?

— Если хотите, приходите завтра, — безразлично произнесла Маша. — Как раз воскресенье.

— Спасибо за такое приглашение, — усмехнулся Токмаков. — К сожалению, днём занят. На домне буду.

— Тогда приходите попозже. К чаю.

— А варенье есть?

— Оказывается, не я, а вы избалованы. Интересно, кем?..

Выйдя из столовой, Маша сразу заторопилась. И уже издали, полуобернувшись, крикнула:

— Так приходите! А то Борис всё варенье съест!..

Токмаков проводил её взглядом. «Ну что ж, пожалуй, схожу»...

4

Токмаков направился к домне. Он поровнялся со щитом-календарём, на котором сегодня значилось: «Осталось 77 дней до пуска домны». И неожиданно для себя подсчитал, что впервые увидел Машу одиннадцать дней назад.

Он несколько раз оглянулся в ту сторону, куда ушла Маша, и всё прислушивался, словно ещё не замолкли её шаги.

Он ничего не имел бы против того, чтобы закончился этот затянувшийся сбеденный перерыв, чтобы уже можно было приступить к работе. Праздная прогулка по площадке была ему сейчас в тягость.

Всюду, где только темнела благодатная, спасительная тень, отдыхали и спали строители.

Группа монтажников сидела под высоким забором, иные читали газеты. Здесь — Вадим, Пасечник, монтажник по прозвищу «Иван-да-Марья», Бесфамильных, Хаенко, Метельский и ещё несколько человек. Бесфамильных обнажён до пояса, не только лицо его, но вся грудь, шея и даже уши обсыпаны веснушками, как коричневой сыпью, кожа у него не загорает, а только краснеет.

Мимо проехала телега, гружённая огнеупорным кирпичом. Сонный возница не заметил, как два кирпича упали на дорогу. Монтажные в несколько голосов закричали. Возница встрепенулся, соскочил, не останавливая лошади. с телеги подобрал кирпичи и, прижав их к груди, бросился догонять телегу.

— То-то же! — закричал ему вдогонку Пасечник. — Оборачиваемость оборотных средств надо соблюдать!..

Хаенко держал в руках «Крокодил». Он ещё не развернул журнала, не взгляделся в облжку, а лицо его уже расплылось в широкой улыбке.

— Вот дают жизни! — Хаенко осклабился, предвкушая возможность посмеяться.

«Тебе бы вчера дать жизни!» — с раздражением подумал Токмаков, проходя мимо.

Вчера во время обеденного перерыва Хаенко едва не вызвал аварию. Он ушёл обедать в то время, когда не было току, а рубильник лебёдки забыл выключить. И вот пока Хаенко обедал, включили ток, лебёдка пришла в действие, трос натянулся, лопнул, и едва не полетела мачта, к верхушке которой трос был привязан. Но ещё больше, чем эта небрежность, Токмакова разозлила беспечность, равнодушие, с которым Хаенко выслушал выговор...

Токмаков продолжал задумчиво шагать по отдыхающей, наполовину сонной площадке.

В укромном кутке, между штабелями досок, спали каменщики. Здесь солнце никогда не доберётся до спящих.

Положив голову на бревно, спал плотник. И тут же у его руки торчал воткнутый в бревно топор.

Паренёк, весь в кирпичной пыли, спал, свернувшись клубком в тележке, в которой он возит кирпич.

Шофёр трёхтонки спал, уронив голову на баранку.

Шофёр бетоновоза улёгся поперёк сиденья, а ноги свесились и торчали из раскрытой дверцы кабины.

Девушки-грузицы безмятежно спали на самосвале, стоявшем в тени пропылённых акаций. Одна из них — в оранжевом платочке, похожем на платок Маши.

Обеденный перерыв подходил к концу, на площадке становилось всё оживлённее. Включались моторы кранов, электролебёдок, транспортёров, автомашин. Из-за акаций раздался пронзительный девичий визг. Шофёр самосвала подшутил — весь кузов, со спящими девушками, он приподнял, как при разгрузке. Девчатам никак не удавалось встать, и они визжали, оправляя задранные платья.

У башенного крана Токмакова окликнули, он обернулся и рядом с Гладких увидел парторга строительства Тернового с его неизменной галкой. Терновой приглашающе помахал палкой Токмакову

— Опять Дерябин жалуется на твоего Матвейча, — сказал Терновой

сзабоченно. — Я, говорит, снимаю с себя всякую ответственность, если мастер в чертежах путаег. Вчера опять перестроповку делали прежде, чем поднять газоход?

— Вчера вины Матвейча не было. Дерябин сам не рассчитал как следует все габариты. Разве можно было подымать груз в горизонтальном положении? Его наклонно, почти стоймя, надо было подымать. Иначе не развернуться на площадке!

— Пусть даже Дерябин неправ, — Терновой сердито постучал палкой о железную плиту, на которой они стояли втроём, — но Матвейч вас подводит день за днём. Это уже до Дымова дошло. Если Матвейч стар для такого напряжённого участка, как ваш, переведём его с домны, найдём работу поспокойнее.

— Матвейч меня не подводит. Я за Матвейча отвечаю.

— Отвечать мало. Надо тогда учить.

— Попробую. Буду учить.

— Вы уверены, что Матвейч захочет на старости лет математикой заниматься?

— Обломаю старика, надеюсь. Мы с ним в соседних домах живём.

— Ну что же, Токмаков, попробуйте. Большое сделаете дело.

— Но я должен прямо сказать, что Матвейч сильно загружен, — вмешался Гладких. — Он у меня и староста кружка текущей политики, и в цехкоме.

— Разгрузить его надо.

— Что же, если надо — разгрузим, Иван Иванович. Кружок текущей политики придётся взять на себя.

Терновой поморщился и помахал рукой перед своим лицом.

— Кто у вас в партгруппе — только ты да Матвейч? Поручи Пудалову кружок.

— Вадим же — кандидат?

— Что же ты испугался? Вот и дай ему партийное поручение.

— А явку на кружок Вадим сможет обеспечить? А уходчики?

— Кто, кто?

— Уходчики. Которые с бесед уходят.

— Уже придумал ярлычок. Ты запомни, Гладких, раз и навсегда: нет уходчиков, есть плохие беседчики, плохие парторги. С последней беседы товарища Токмакова о высотных зданиях в Москве многие ушли?

— Беседа была интересная. Я лично присутствовал.

— А с твоей беседой на той неделе?

— Врать не стану, плохо народ мобилизовался.

— Разве это беседа была? Был я на ней. Ты ругал тех, которые присутствовали, за отсутствующих. И потом тон у тебя казённый: «мобилизовались», «на сегодняшний день»... Брось ты весь этот словесный мусор и говсри с людьми просто, по-человечески. Сколько я тебя знаю, ты всё мусолишь одни и те же слова. Будто и сейчас разговариваешь с грабарями, как двадцать лет назад...

Терновой знал Гладких ещё в годы первой пятилетки. Гладких работал тогда в постройкоме. Он всегда был исполнителен и прилежен. Но просто удивительно, почти непостижимо, как Гладких умудрился эти двадцать лет оставаться на месте, не расти — словно и сейчас его окружали грабари и сезонники в лаптях. Гладких стал партгруппоргом, когда на стройке домны было тихо и малоллюдно. Но вот приехали монтажники, размах работы увеличивался, темпы росли, стройка домны стала средоточием многих новшеств, местом встречи новаторов-строителей, и Гладких оказался в центре большого коллектива. А во

главе его он так стать и не смог. Терновой понимал, что Гладких и не сможет по-настоящему возглавить организацию. Поэтому он часто и сам сюда приходил. Другого партгруппорга монтажники выбрать пока и не могли. Дело в том, что большинство монтажников были люди приезжие и состояли здесь на временном партийном учёте, а это лишило их права быть избранными на место парторга...

— Вот что, товарищ Токмаков,— раздражённо сказал Терновой. — Вы Гладких не слушайте и начинайте занятия с Матвеечем. А Гладких ему замену найдёт. Идём, Гладких.

Терновой, тяжело опираясь на палку, заковылял, на ходу выговаривая что-то Гладких, а Токмаков пошёл в свою конторку.

В конторке сидел за чертежами и чесал лысину Матвееч.

— Ага, пыхтишь, старик? А мне за тебя опять нагорело.

— Чёрт его знает, опять в этих эллипсах заблудился.

— Я вот тебе покажу завтра «еллипсы»! Приходи ко мне завтра в восемь вечера на квартиру. Помнишь куда? Комната четырнадцать, по второй лестнице. Хотя, что я говорю? — спохватился Токмаков, вспомнив про приглашение к Берестовым. — Вечером я занят. Приходи завтра в шесть утра. И вот тебе мой приказ: через день в шесть утра являйся ко мне на урок. Ранец дочка не выбросила? Захвати тетрадки, карандаши. Готовальня у меня найдётся. Учебники займи у Бориса. Всё равно он пока не учится.

Матвееч стоял ошарашенный, не находя слов для возражений.

5

Вешалка большая, но не найти свободного крючка. Всё увешано кепками, фуражками, картузами. Кепки с пуговками и без пуговок, кепки грубошерстные и шевиотовые, кепки чёрные, коричневые, серые и какого-то совсем неопределённого цвета. Начальнические картузы из парусины. Одна фуражка обтрепалась настолько, что из козырька её торчит картон. Висит шляпа — измятая, выцветшая и запятанная до потери естественного цвета: значит и Нежданов здесь.

В комнату вносят баллон с газированной водой, похожий на бочонок. Баллон покоится в оцинкованном ящике, набитом льдом. Крышка ящика не закрывается, сифон всё время шипит. Жаждающие передают друг другу стаканы.

Сквозь раскрытые окна доносится смутный гул стройки. Резко выделяются только гудки паровозов и пневматические очереди клёпки. Токмаков слышит эти очереди и вспоминает: «Баграг сегодня во второй смене».

За окнами отсветы электросварки, прожектора, мощные фонари, полосы света от снующих мимо машин. Машины работают всю ночь, не смыкая фар.

Оперативка вот-вот начнётся. Не всем хватило места за большим столом, иные сидят у окон, вдоль стены.

— Ты что меня уговариваешь? Что я — девушка? — гремит голос главного диспетчера Медовца.

На прораба, тоже не низенького, Медовец смотрит сверху вниз.

— Вот увидите, Михал Кузьмич! — Прораб занскиваяще подымает глаза. — Вы мне только пиломатериалов подбросьте. Много мне не нужно. Ну хотя бы пяток платформ. Сразу всем участком с места рвануть!

— Як та кляча! — громыкает Медовец. Он бережно трогает своей ручищей верхнюю пуговицу прорабовского кителя и продолжает вполголоса: — Ты кинокартину «Индийская гробница» бачил? Не бачил?

Зря! Там один магараджа хотел заживо похоронить свою любовницу. Изменила она ему. С одним хлопчиком. Ты меня чуешь? Алло!.. И вот стоит эта самая бабёнка и смотрит в окошко. Как ей индусы гробницу строят. А индусы босые, надо считать, в одних трусах. Копают землю заступами, трамбуют её деревянными ступами. И в этот самый трагический момент слышу голос в зале, впереди: «Надо было Матюшину поручить стройку. Матюшин ту гробницу за пять лет бы не построил. Такая уж у него на участке механизация... И бабёнка та спаслась бы». — Медовец даже затрясся от приступа смеха. — Да чего ты рукой машешь? Алло! Чистая правда! Какие могут быть шутки?..

Одни входят в комнату, громогласно здороваясь, и тут же начинают между собой споры или как бы продолжают споры, начатые давно и лишь временно прерванные. Другие входят молча, держатся в тени и садятся в дальнем углу, за печкой.

В углу за печкой сидел и Токмаков. Сегодня его впервые пригласили на оперативку.

Дымов увидел Токмакова на площадке уже к концу дня, когда тот собрался уходить, и сказал:

— Сегодня приходите к семи. У нас оперативка — как футбольный матч. Состоится при любой погоде.

«В восемь вечера меня у Берестовых будут ждать, — подумал Токмаков с досадой. — Вот и чай с вареньем! И Борис ушёл. Не с кем записку передать, предупредить».

И всё-таки Токмаков скорее обрадовался, чем огорчился, уж очень лестное было приглашение.

Ежевечерние оперативные совещания проводил сам Дымов. В совещании участвовали все начальники и главные инженеры управлений и контор, ведущих стройку домны, старшие прорабы.

Многих, кто здесь сидел, Токмаков знал только в лицо. Он видел и слышал, как они распоряжаются на площадке, но кто они такие и чем именно занимаются — не знал.

Дымов сидит на председательском месте, в конце длинного стола, и что-то пишет. Его мощные покатые плечи опущены. Справа от Дымова — главный инженер Гинзбург. Глаза полузакрыты, у него, как всегда, сонный вид. Гинзбург — в вылинявшей холщёвой куртке со следами не то бетона, не то извести и в таких же, некогда синих, штанах. Слева от Дымова — стенографистка. В том же конце стола сидят ещё какие-то люди в парусиновых кителях. На стене за спиной Дымова — чертёж: доменная печь в разрезе.

Нежданов протирает очки и оглядывает соседей прищуренными глазами. Выражение лица у него насмешливое и в то же время беспомощное. На висках возле ушей и на переносице видны вдавлинки от очков. На столе перед Неждановым корреспондентский блокнот.

Рядом с Неждановым сидит, излишне выпрямившись, Дерябин. Токмаков видит острый профиль Дерябина и вспоминает: «Наверно не скажу, но по всей вероятности навряд ли»... Так Пасечник передразнивает старшего прораба. Токмаков улыбается; эта улыбка так неуместна, он кусает себе губы. Удивительно всё-таки, как Дерябин был главным инженером главка. А может, там он был на месте? Но разве можно быть хорошим главным инженером и при этом быть скверным прорабом?

Дымов разговаривает по телефону.

— Плохо слышно? Удивительно! Когда вас хвалят — слышимость отличная. А ругают — сразу глухнете?.. Тем более! Значит, Терновой был прав тогда на парткоме. Я спрашиваю, сколько бетона будет

завтра?.. Опять не слышно?! А вы перестаньте гадать. Я же не прошу вас предсказать погоду на будущий четверг? Не прошу!.. В процентах? Я в процентах не разбираюсь. Я хочу знать в тоннах. Что значит — будем стараться?! Это не художественная самодеятельность!.. Нет, не могу. График есть график... А вы подумайте!.. Не знаю, не знаю. По моему календарю после июля сразу, без всякого перерыва, начинается август. Нет, не могу. А Медовец мне разрешит? Не разрешит! Ни одного дня в резерве у меня нет... Так это же совсем другое дело! С этого надо было начинать. Так и запишем!..

Дымов бросает трубку, не прощаясь.

Тут же начинается оперативка. Никто не выступает с докладами. У всех под рукой — график работ. Одни держат его перед собой. У других этот график, отпечатанный и сброшированный в виде портативной книжечки, торчит из нагрудного кармана. Разговор идёт только о тех участках, которые отстают, угрожают выполнению общего графика. График, график и график!

Токмаков только сейчас вот, положив на колени развёрнутый график, по-настоящему понял роль этого ежевечернего заседания строительного штаба.

Полсотни управлений, входящих в трест, контор подрядчиков и субподрядчиков, которые вели работы на домне, не были одним производственным организмом. В условиях, где одни строители наступают на пятки другим, где одни торпят или задерживают других, часто возникают трения и взаимные претензии контор и прорабов друг к другу. Иные норовят, по выражению Тернового, свалить вину «на соседа слева». Нужно властной рукой связать всех воедино, объединить замыслы, намерения, планы, усилия. Вот так же гравий, щебёнка, вода и цемент являются только мёртвым серым месивом до того, как в грохоте бетономешалки не возникнут и не войдут в силу внутренние законы сцепления, не родится бетон.

Каждый, кто получает на оперативке слово, встаёт. Здесь и большие начальники ведут себя, как ученики в классе. Дымов сам не курит и не разрешает сейчас курить другим.

Непосвящённый человек многого бы не понял в пёстром словаре оперативки, где перемешались технические термины, цифры, фамилии прорабов, условные определения. Токмаков тоже разобрался не во всех вопросах — он вёл монтаж самой печи, а тут ещё упоминались каупера, пылеуловители, воздуходувки, водоотделители, литейный двор, наклонный мост, скиповая лебёдка и т. д. и т. д. Шутка сказать — хозяйство доменной печи!

— Как у вас сегодня с планом? — спрашивает Дымов у прораба, фамилии которого Токмаков не знает, но помнит, что тот занимается электросваркой.

— Тяжело, очень тяжело...

— С планом как раз не тяжело. Это без плана тяжело. Завтра наверстаете?

— Постараемся.

— Это не ответ.

— Хочу попросить ещё два дня.

— И вы правы. Но просто нет у меня такого количества дней. Неоткуда их взять...

— Как-нибудь поднатужимся...

— Нет у вас уверенности! Ни в голосе. Ни в поведении. Ни в работе. И что вы глаза опускаете? Что я вам — неприличный вопрос задаю? Опять голову повесили?

— Это я такой сутулый.

Слышится чей-то приглушённый смех.

— А где лестницы на эстакаду?

— Вот сейчас, — прораб смотрит в окно на сполохи сварки, — доваривают!

— Вчера почему не варили?

— Думал, «Стальмонтаж» со своими людьми сделает.

— Оказываюсь, надо было Москву запросить, кто нам эти лестницы приварит. Что вы мне тут загадки загадываете и ребусы сочиняете?

Дымов сердится, а когда сердится, наклоняет голову и смотрит на человека исподлобья.

— А всё потому, — продолжает Дымов неторопливо, в раздумье, — что все мы слишком долго привыкаем друг к другу. На каждой домне заново знакомимся. Всё время уходит на знакомства. Только срабатывается с человеком — прощаться приходится. Потом заново знакомимся. А я вот мечтаю, чтобы все конторы, все подрядчики переезжали со стройки на стройку, как цеха одного завода... — Дымов помолчал и уже совершенно другим тоном сказал, обращаясь к прорабу:

— Чтобы завтра вы и ваши сваршники появились на эстакаде в последний раз. Чтобы больше я вас там не видел. А как лестницы на наклонном мосту?

— Вечером закончили.

— Ходить можно? Или лазать придётся?

— Можно ходить.

— Ну я, например, могу сейчас пройти по этим лестницам?

— Если проект предусматривает ваши габариты — сможете.

Смеются все, а Дымов охотнее других. Дымов — крупный, грузный, а лесенки, ведущие на колосник, — очень узенькие.

Дымов предоставил слово Дерябину. Тот поспешно встал, пожевал тонкими губами и начал обстоятельно докладывать. Перехватив нетерпеливый взгляд Дымова, Дерябин быстро закруглился:

— В общем, Иннокентий Пантелеймонович, нужно считать, что с графиком — порядок.

— Нельзя ли всё-таки сжать ваш график?

— Насколько я помню, Иннокентий Пантелеймонович, ни одна из построенных в прошлом году домен...

— При чём здесь прошлый год? В прошлом году вы сидели в главке и хвалили нас за темпы. А сейчас за те темпы нас с вами ругать следует... Механомонтажники жалуются. За руки их держите. Нет у них широкого фронта работ.

— Монтируем, Иннокентий Пантелеймонович, согласно проекту. Собственно говоря, я не могу нести ответственность за другую контору.

— Когда проект утверждали, на такой башенный кран не рассчитывали. А у вас вот какой могучий помощник появился!

И Дымов показал карандашом на окно, в сторону крана.

Дерябин пожал плечами и сделал жест, словно умывал руки.

— Рисковать надо во-время, Иннокентий Пантелеймонович. Поскольку я отвечаю за монтаж...

— А я что же, по-вашему? Не отвечаю за монтаж? — Дымов уже пригнул голову и с сердитым вниманием, исподлобья смотрел на Дерябина, будто впервые видел его длиннее, сплюснутое с двух сторон лицо:

— Любите вы, товарищ Дерябин, спокойную жизнь, — неожиданно сказал Гинзбург твёрдым, решительным голосом; таким тоном говорят иные мягкосердечные люди, которые знают о своей слабости и стараются скрыть её от окружающих. — Никак свой московский кабинет не забудете.

— Спокойная жизнь? — Дерябин недовольно пожевал губами. — Я бы не сказал, Григорий Наумович, что у меня спокойная жизнь.

— Не в том дело, чтобы доложить здесь о выполнении графика, — сказал Дымов жёстко. — Ещё бы вы план не выполнили!.. С таким народом! С такими подъёмными механизмами! Но есть у вас эдакая трестовская манера — резервы припрятать. Чтобы потом в героях числиться. Думаете, мне нужны такие герои? Не нужны! Почему наверху мало народу?

— Тесно там, Иннокентий Пантелеймонович. Верхслазы будут возражать.

Токмаков с трудом удержался, чтобы не крикнуть с места: «Враньё!»

— Откуда вы знаете! Наверху были сегодня?

— Откровенно говоря, не был, Иннокентий Пантелеймонович, но...

— А вчера? — У Гинзбурга уже опять был скучающий вид, а глаза полузакрыты.

— Вчера, Григорий Наумович, не пришлось, но, сами понимаете...

— Вот в том-то и дело, товарищ Дерябин. — Дымов сердито глядел на Дерябина. — А Токмаков говорит, что можно укрупнить, утяжелить подъёмы.

Дерябин передёрнул плечами.

— Мало ли что говорят, Иннокентий Пантелеймонович! Взять хотя бы мастера Петренко, Петра Матвеевича, — продолжал Дерябин, крутя в руках свиток с чертежами. — Между нами говоря, вы же знаете: чертежи читает плохо. А сколько я из-за него нервов перепортил! Он всё время ставит график под удар. А этот Токмаков его покрывает. Токмаков — известный сорви-голова...

— А что по этому поводу думает сам товарищ Токмаков? — Дымов поискал глазами Токмакова и слегка подался вперёд, отчего его плечи стали ещё более покатыми.

Дерябин, следуя за взглядом Дымова, увидел в углу за печкой Токмакова. Откуда он тут взялся? Сам напросился? Пригласили? И зачем? Очная ставка?

Токмаков поднялся, чувствуя на себе любопытные взгляды, даже стенографистка перестала чинить карандаш, а Гинзбург поднял веки и перестал попыхивать трубкой.

В комнате стало очень тихо, отчего гул стройки за окном сделался более явственным.

— Насчёт Петренко, то есть Матвейча, зря здесь наговорено. Никакого графика он не срывает. Дельный мастер, с большим опытом, но нехватает ему знаний...

— Оставьте это, — махнул рукой Дымов. — Речь идёт об укрупнении монтажа.

— А тем самым — о сокращении числа подъёмов, — добавил Гинзбург.

— Монтаж укрупнить можно. Кран позволяет, — сказал Токмаков твёрдо.

Дымов, сразу повеселев, откинулся назад и выжидательно посмотрел на Дерябина.

— Ну, что вы на это скажете?

— В некоторой степени позволяет, — сказал Дерябин, не спуская глаз с Дымова. — Хотя и не вполне...

— Понятно! — Дымов стукнул кулаком по столу, отчего подпрыгнули карандаши, лежащие перед стенографисткой. — Вот именно — не вполне!

— Сами понимаете, Иннокентий Пантелеймонович, — вздохнул Де-

рябин. — Пересмотреть расчёты, технологию... Ведь придётся повернуть всю работу...

И выражение лица, и поза, и тон Дерябина были полны неуверенности, грустного сожаления.

— Только смотрите, товарищ Дерябин, чтобы у вас не получилось, как у того прораба, который обещал повернуть всю работу на триста шестьдесят градусов...

Уже усевшись, Дерябин стал подёргивать ртом, будто жуя что-то. Он всё поглядывал в ту сторону, где сидел Токмаков.

Дымов с пристрастием выпрашивал что-то у другого прораба.

Дерябину не хотелось прислушиваться ко всему этому. Надоело. Дымов его всё-таки не ценит, как он того заслуживает. Придирается. Вечно он недоволен, даже когда монтаж идёт по графику. Когда же кончится эта стройка? Неёносимо. Семьдесят шесть дней до пуска! Значит, два с половиной месяца ещё придётся проторчать в Каменогорске. А в отпуск — зимой? Зина опять надуется. Хорошо, если обойдётся без истерики...

Неприятности у Дерябина начались сразу после Нового года, когда министр сказал на совещании: «А вам, Дерябин, полезно будет глотнуть свежего воздуха. Сидите сиднем в кабинете, а проветриваете его плохо». И вот его послали в эту командировку на периферию. Добро бы министр послал его старшим прорабом на домну временно, расшить узкое место, потому что не надеялся на местных инженеров! А если эта командировка — постоянная? Уже полтора месяца Дерябин глотает свежую пыль и его обдувают сквозняки на высоте. Ну, пусть ещё два с половиной месяца. Дерябин всё ещё не переводил свои часы на местное время. Так ему удобнее было звонить по исчам в Москву, жене. Только поздно ночью её и застанешь дома. Конечно, дома ей скучно. Крутятся вокруг неё всякие шаркуны, как в новогоднюю ночь в «Метрополе»: «Разрешите пригласить вашу даму!» А потом и разрешения спрашивать не стали. Надо ночью опять позвонить Зине... Когда же кончится эта каторга?..

Зазвонил телефон. Дерябин встрепенулся, как разбуженный. Дымов взял трубку.

— Да. Что? Здравствуй! — лицо Дымова сделалось растерянным. — Стекланный? Позвони потом... Срочно?

Дымов жаждал рукой трубку и спросил у стенографистки шёпотом:

— Стекланный — через два «эн»?

Стенографистка торопливо кивнула и шёпотом же ответила:

— Одно из трёх исключений...

— Ну, конечно, через два «эн»... Да... вот и умница! Очень занят, Веточка. Завтра утром увидимся... Ну, значит, после обеда... Ну, тогда вечером. Да, два «эн». Одно из трёх исключений. Можешь смело писать. Под мою ответственность.

Дымов положил трубку и смущённо огляделся.

— Это у неё наследственное... — Он нажал кнопку звонка и сурово сказал вошедшей секретарше: — Не соединяйте меня. Вы же знаете порядок!

Дымов обвёл взглядом присутствующих, увидел Нежданова и, что-то вспомнив, круто повернул голову к стенографистке.

— Запишите. Товарищу Рудых. Закончить к утру вторую лестницу на литейный двор.

— Не начинали ещё...

— Запишите. Начать и закончить к утру вторую лестницу на литейный двор... Толкучка там у вас. Чего только не носят по той лестнице!

Баллоны с кислородом. Доски. Вёдра с раствором. Электроды. Инструменты. Позор нам, сами не могли догадаться! Сколько времени уходит у людей зря. Мы, строители, мечтаем о том, чтобы догнать другие отрасли промышленности по технологии, организации дела. А ведём себя подчас, как сезонники в лаптях. Позор! Очередь к лестнице! Спасибо корреспонденту — подсказал...

Снова зазвонил телефон. Дымов посмотрел на него неприязненно, не сразу взял трубку и поднёс её к уху не спеша.

— Вот странные люди! Я же просил не соединять! Сколько раз... Что? Давайте, давайте! Здравствуйте, Александр Павлович. График? Пока держимся...

В комнате сразу, с первых же реплик Дымова, установилась почти-тишина. Все поняли, что управляющий говорит с министром. Дыхание Москвы донеслось сюда, в этот дощатый домик на строительной площадке, за тысячи километров.

— И я так думаю. Не забудьте про Локтева. Дозарезу нужен. Вы же обещали! И вторая просьба. Я же много не прошу, Александр Павлович. Хотя бы тысячу покрывшек. Хожу совсем разутый... Ничего не прибудняюсь!.. При чём здесь мой характер? Когда машины без резины... Новый посёлок? На днях место выберем... Пока нет, сил не хватает. А людей дадите?.. Своих? Так они же после домны опять все разлетятся. Бобылем останусь... Ничего не прибудняюсь! Карпухин?.. Конечно, не во-время. Клёпка в разгаре, а тут гастролы. — Дымов тяжело вздохнул. — Если бы не ваша телеграмма — ни за что не пустил бы. Спасибо, передам... Терновому? Обязательно. Да, да, кончили.

Дымов вызвал секретаршу и передал ей два распоряжения. Карпухину нужно выехать в областной центр. Завтра в десять утра пусть Карпухин зайдёт к нему. Начальнику автобазы снарядить для Карпухина «Победу», ну хотя бы дежурную, трестовскую, обеспечив её горючим в оба конца.

Конечно, не время отрывать сейчас лучшего клепальщика Карпухина от работы. Но в то же время Дымову приятно сознавать, что Карпухин будет делиться опытом «Уралстроя», что где-то на других стройках идёт слава о его клепальщиках, что кто-то через министра добивался того, чтобы Карпухин сделал доклад на технической конференции. И пусть обязательно едет на «Победу», чтобы все видели: человек приехал не с какой-нибудь стройки-замухрышки, а с самого «Уралстроя»...

— Министр пожелал нам успеха, — сказал Дымов, записав что-то срочное в настольный блокнот. — Сильно не ругал. Но в случае чего, сами понимаете. Особенно, если график...

График, график, график!

Неумолимая власть времени! Календарь не желает считаться ни с чем, он не слышит ничего, кроме тиканья часов, он не видит ничего, кроме бега стрелок по циферблату.

Не уложишься в назначенный тебе срок — подведёшь соседей, которые работают бок о бок с тобой. А как трудно, мучительно трудно навёрстывать то, что упущено сегодня! Ведь завтрашний день несёт с собой ворох новых дел.

Дымов сидит здесь, как верный страж календаря, как хранитель времени. Он знает цену каждому часу, каждому дню. Демна должна быть пущена в срок, тридцатого сентября тысяча девятьсот сорок девятого года.

Опоздать с пуском? Совершенно немыслимо! И дело тут не только в репутации «Уралстроя» и самого Дымова.

Дымов отлично понимает, что значит опоздать. Ведь тот чугу́н, который домна будет выплавлять, начиная с первого октября, уже внесён в железный баланс страны. Ведь если первого октября не будет выдана первая плавка, значит кто-то не получит нужных дозарезу и уже запланированных, обещанных рельсов, проволоки, плугоз, автомашин, кровельного железа, топоров, радиаторов, сковородок, гвоздей — мало ли чего ещё!

И Дымов опять и опять бережёт, выкраивает, экономит, собирает по минутам суки. Ради этого он недосыпает ночей, не видит по неделям свою дочку, ради этого он ссорится, изобретает, ругается до хрипоты, хитрит, распинается, скандалит, умоляет, грозит, клянётся, клянёт, бывает упрям, невежлив, а иногда даже жесток...

Под конец оперативки Дымов, как обычно, попросил Медовца прочесть телеграмму со Свердловской метеостанции — прогноз погоды на завтра.

— Ну-ка, что там предсказывает наш кудесник, любимец богов? «Сухая жаркая погода удержится, — прочёл Медовец так громогласно, словно его должны были услышать сварщики на домне, — возможна буря порывами ветра двадцати метров секунду без резких колебаний температуры тчк погода».

Прогноз погоды всегда вызывал несколько весёлых реплик.

— Они только на вчерашний день умеют погоду предсказывать.

— Те, кто даёт прогнозы, никогда не ошибаются. Это погода ошибается.

— Парусная лодка застряла на середине пруда и ни к одному берегу пристать не может. А они всё ветром пугают!..

— Неделю подряд обещают этот ветер, а ветра всё нема, — сказал Медовец и с деланным простодушием посмотрел на Дерябина. — Чуете? Боятся взять на себя ответственность за хорошую погоду. А всю неделю тихо, чтобы не сглазить...

В комнату внесли новый баллон с газированной водой.

— Ну что же. Вечерняя зарядка окончена, — сказал Дымов. — Осталась только водная процедура. Заседаем — воду льём, отдыхаем — воду пьём. Прошу, товарищи!

Раскрыли настежь окна, и в комнату вновь ворвался неутомимый гул стройки, её шумная бессоница.

Все заговорили. У окон собрались курильщики, иные сразу устремились к вешалке.

У ящика со льдом снова образовалась толкучка, стаканов нехватало, их передавали из рук в руки.

— А что такое, в сущности говоря, жажда? — спрашивал Гинзбург, держа в руках стакан и шурясь на пузырящуюся воду. — Жажда есть не что иное, как естественное стремление тела восполнить потерю влаги...

— Тогда пейте, Григорий Наумович, — прогремел откуда-то сверху Медовец. — Поскольку мне тоже треба восполнить потерю влаги...

— Вы, товарищ Токмаков, собственно говоря, на каком курсе института? — спросил Дерябин, отпивая воду маленькими глотками.

— На третьем застрял.

— Вот видите, товарищ Токмаков!

— Мне бы осенью на сессию! Да от института своего за тридевять земель заехал...

— На третьем курсе! — Дерябин укоризненно покачал головой. — Да ещё на заочном! А опытных инженеров учить желаете.

— Желания нет, товарищ Дерябин. Есть острая необходимость. Хотите — обижайтесь. Для того и говорю.

— Если вы на «сорви-голову» обиделись...

— Да не обижен я, а зол на вас. Это разные вещи, поймите! Зол за то, что пытались нас, верхслазов, взять к себе в ложные свидетели.

— Ну к чему эти громкие слова? — Дерябин поморщился и отхлебнул маленький глоток.

— Предположим, учить вас подчинённый не может...

— Пожалуйста, но, откровенно говоря...

— Но сердиться, надеюсь, он имеет право? Даже если у него незаконченное высшее образование!..

— Сердитесь! Только, между нами говоря, мне слушать некогда. У меня с женой разговор заказан.

Токмаков тоже заторопился было к вешалке, но невесело посмотрел на часы — итти в гости уже было поздно.

6

Токмаков передал Маше с Борисом записку, извинился, что не пришёл в то воскресенье, но ответа не получил. Всю неделю, не смея себе в том сознаться, он искал встреч с Машей и всё время обманывался, принимая за неё на какие-то мгновенья других, находя мимолётное сходство там, где его не было.

Он ходил теперь на работу через доменный сквер, засаженный чахлыми клёнами, мимо гидранта, к которому садовник привинчивал по утрам шланг и смывал копоть с серых листьев и травы. Обедать стал каждый день с Борисом, чем тот был очень доволен.

Но Маши всё не было.

Он увидел её случайно утром при въезде на дамбу, в кабине нагружённого чернозёмом самосвала. Маша была в том же платочке с бахромой по краям и в том же комбинезоне с белым воротничком.

Токмаков вскочил на подножку и, держась за дверцу, заговорил с Машей горячо, не пряча своей радости, не сдерживая себя.

— Вы к нам?

— Нет, в питомник.

— Я соскочу на развилке.

— Лезьте в кузов. Упадёте.

— Ничего. Я здесь. Что же вы мне не ответили?

— На что? На извинение?

— Я тогда не мог. Оперативка была.

— А Борис ваше варенье съел.

— Всё?

Маша покосилась на толстушку-шофёра, та улыбалась. Маша сказала:

— Кое-что осталось.

— Приглашение в силе?

— Крепче держитесь. Ухаб.

— Не бойтесь. Держусь. Видите афишу?

— «Счастливым рейс»?

— Счастливый. Пойдёте в «Магнит»?

— Сегодня занята.

— А в воскресенье?

— Днём — в кино?

— Можно вечером.

— Вечером занята.

— Пойдёмте в зверинец!

— Днём?

— Часов в двенадцать?

— Развилка... Вам налево?

— Да. Так вы пойдёте?

Толстушка-шсфёр снова улыбнулась, притормозила и скомандовала:

— Прыгайте!

— Так в два? — Токмаков спрыгнул.

— А где?..

— Здесь! — крикнул Токмаков вслед и указал пальцем на шоссе.

Но самосвал уже завернул направо, и Токмаков лишь увидел машущую руку в облаке пыли.

«Даже не оглянулась! — разозлился на себя Токмаков. — Бёл себя, как мальчишка».

В субботу Токмаков собирался уйти с площадки пораньше, но пробыл там до утра. Он уехал домой с первым, ещё пустым трамваем и едва сел у окна — сразу заснул. Попутных машин не было, и от трамвайного кольца пришлось идти пешком через дамбу, а затем по берегу пруда.

Он миновал дом, где жил БаграТ. Хорошо бы завалиться спать у него и не тащиться к чёрту на кулички, на Новоодиннадцатый посёлоч.

Но Токмаков вспомнил, что сегодня воскресенье и опять придёт на урок Матвеич, но не в шесть, как обычно, а в восемь. Пожалуй, не стоит и ложиться на какой-нибудь час-полтора.

Токмаков распахнул дверь, откинул висящую за дверью плащ-палатку и вошёл в свою комнату. Он недружелюбно оглядел голые стены, постоял, не снимая кепки, сел было на койку, но опять вспомнил про урок, лениво нагнулся и одной рукой вытащил из-под койки нераспакованный чемодан. На дне чемодана, под смятым бельём, он нашёл логарифмическую линейку.

Матвеич явился на урок без опоздания. Сперва они сидели за чертежами, потом занимались геометрией. В комнате долго слышалось: «разрез по линии А—Б», «гипотенуза», «объём усечённой пирамиды», «допустим, что сумма обоих углов больше двух прямых» и — неизменное, токмаковское: «Эллипсы, а не еллипсы!..»

Несколько лет назад Матвеич помогал решать задачи дочке, тогда ученице пятого класса. Когда дочка перешла в шестой класс, Матвеич уже готовил её уроки с трудом, уровень их знаний сравнялся. Когда дочка стала семиклассницей, она уже не могла рассчитывать на помощь отца и сама изредка занималась с ним. «Сколько я из-за одних только квадратных уравнений горя принял — страшно сказать», — вспоминал Матвеич. Но после семилетки дочка поступила в акушёрско-фельдшерский техникум, и Матвеич лишился репетитора. И вот теперь Матвеич снова враждовал с кляузной цифирью, отчаянно размахивая при этом руками и почёсывая лысину.

Наконец Матвеич ушёл. Токмаков побрился и направился к БаграТу. Таня и накормит его завтраком, и выгладит рубашку.

...В начале лета Токмаков послал письмо БаграТу и Тане Андриасовым на Смоленщину.

«Живу в Европе, — писал Токмаков, — а на работу ездю через реку Урал в Азию. Строим здесь мощную цельносварную домну. Таких домен ещё нигде в мире не строили. Работаю прорабом на монтаже, так что нужно считать, не зря БаграТ нырял за мной на дно Немана и не зря Таня истратила на меня столько медикаментов. Плохо нашему брату сапёру без сапёрной лопатки, а без своей собственной лопапки ещё хуже. Плечо ведёт себя хорошо, а когда начинает капризничать — ста-

раюсь не обращать на него внимания, и тогда оно успокаивается. Так что здоровье у меня лучше, чем у многих других, хотя и хуже, чем у некоторых. Так говорит мой бригадир Пасечник, рискованный и отчаянный парень, тоже гвардейского роду-племени, из разведчиков. Нужда в строителях большая, так что оба вы устройтесь. Город, хотя и пыльный, но зелёный. Я и то подумываю — не бросить ли якорь в этой гавани, не довольно ли бороздить мне бурное житейское море? Жить на первых порах сможете у меня. Комната небольшая, но сухая и солнечная. Правда, далековато от стройки. Но не вам, фронтовикам, пугаться прогулок! Или забыли наши марши, да ещё с полной выкладкой, да ещё по болотам, когда из голенищ при каждом шаге выплёскивалась вода? Пересадки в Москве не бойтесь, на то есть комната матери и ребёнка на Казанском вокзале. Крепко жму руки. Ваш Константин. Позелуйте Серёжку. Беру его на полное игрушечное довольствие. Приезжайте, а то одному мне тошно!»

До этого письма Токмаков писал Андриасовым из Запорожья, из Тагила, из Кривого Рога и каждый раз звал на работу и жаловался на одиночество. Письмо из Запорожья пришло в то время, когда Баграт строил себе дом. Он плотничал, он один ворочал такие брёвна, что мать Тани только ахала. Распоряжалась всем Таня, недаром она чергёжница. Письмо из Тагила пришло, когда Баграт работал в сельской кузнице молотобойцем. В тот послевоенный год у кузнеца в сожжённой деревне дела хватало. Ни полосового, ни шинного железа не было, но за деревенской околицей стоял подбитый немецкий танк, и кузнецы «раскулачивали» его. Токмаков звал Андриасовых и в Кривой Рог. Но разве можно было двинуться в путь с грудным Серёжкой? Они решили посидеть на месте ещё с полгода. В то время по соседству начали восстанавливать мост. Таня устроилась копировщицей в чертёжное бюро, а Баграт стал подручным клепальщика. Он навечно соединял разлученные войной берега того самого Днепра, который когда-то форсировал, на котором наводил временные переправы. Но когда пришло письмо из Каменогорска, Андриасовы быстро собрались в дорогу.

Токмаков встретил их на вокзале, привёз к себе на Новоодиннадцатый посёлок, и некоторое время они жили одной семьёй. Но вскоре Токмаков определил Баграта подручным к Карпухину, и Баграту дали комнату ближе к стройке..

Токмаков часто не доходил до своего дома и застревал у друзей. Он привык уже к их заботам, и сейчас Таня, выслушав его просьбу, не удивилась, но только лукаво улыбнулась.

Когда рубашка была выглажена, Таня предложила:

— А может, пойдём втроём? Серёжке зверей покажем!

Токмаков замаялся.

— Зачем втроём? — догадался Баграт. — Вдвоём всегда веселее!..

Уходя, Токмаков посмотрелся в зеркало — глаза, глубоко запавшие, очерченные тёмными кругами бессонницы, — и безнадежно махнул рукой.

Он так торопился, что оказался на шоссе, у развилки, на час раньше назначенного времени.

«А вдруг не придёт? Буду я здесь торчать столбом целый час!».

Токмаков отправился бродить по городу и незаметно для себя оказался у пустыющего лесного склада, где расположился передвижной зверинец.

У входа в зверинец толпился народ. Торговки мороженым зазывали покупателей, стараясь перекрыть одна другую. Хрипел патефон, усиленный динамиком. Завели модную пластинку с полевой почтой. «На всей земле сухого места нет», — утверждал патефонный тенор. А вокруг

стояло пыльное затмение. Искрошенная в порошок земля лежала на дороге пухлым слоем. Пыль набилась даже в широко раскрытые жестяные рты водосточных труб.

Забор был заляпан цветными афишами. На одной афише значился длинный перечень животных, которые демонстрируются в зверинце. Крупным шрифтом было выделено: «Впервые в СССР. Гибрид тигра-лев, родившийся в зверинце, в Ворошиловграде 13 июня 1948 года».

Под кассу приспособили клетку с надписью над ней «страус». Погиб ли тот страус в вечных странствованиях по городам или клетка нужна была ему только во время переездов?

У касс вытянулась длинная очередь. Устроители передвижного зверинца и сами не предполагали, что их ждёт такой успех. Никогда до того в Каменогорске не было порядочного зверинца.

Кто-то скандалил и переругивался с контролёром.

— Пропустите меня!

— А где билет?

— Я всегда без билета. У меня тёща — мать-героиня.

— А ну-ка, зятёк, проваливай.

«Ну, конечно, Хаенко», — узнал Токмаков.

— И всё из-за несчастной трёшки! — возмущался Хаенко, отходя от контролёра и нетвёрдой походкой направляясь вдоль очереди у кассы. — Прямо потеха! Никого из знакомых. Некому проявить чуткость к живому человеку. А, товарищ Пасечник идёт!

— Проваливай, Десяткин, — опередил попрошайку Пасечник. — Бог подаст...

Ещё за несколько шагов до хвоста очереди Пасечник крикнул:

— Кто последний? Я за Катей!

Катя, нагревальщица из бригады Карпухина, поспешно спрятала руку. На руке было синим вытатуировано её имя. Дело тут было не в татуировке. Просто Катя теряла обычную самоуверенность, когда видела этого весёлоглазого парня с золотистым чубом, в синем комбинезоне, перепоясанном командирским ремнём с медной пряжкой в виде пятиконечной звезды, впаянной в квадрат.

— Разрешите представиться. Вэрхолаз Пасечник. Это моя девичья фамилия.

Катя, собрав щепоткой вялые пальцы, протянула руку.

— Катя.

— Уже прочитал. Разве так здороваются? Вот как нужно здороваться! Разрешите угостить вас безалкогольным напитком? А то, пока очередь дойдёт!

— Это насчёт лимонаду? — Катя презрительно поджала губы. — Фу! Разве лимонадом угощают? Это только ремесленники...

Пасечник принялся рассказывать что-то, а Катя несколько раз перебивала его заученной фразой:

— Бросьте зубы заговаривать, у меня зубы не болят!..

При этом Катя принималась излишне громко и неестественно хохотать, показывая очень красивые зубы — не крупные, не мелкие и такие плотные, будто они были выпилены из одного куска кости.

Токмаков стал в очередь за Пасечником. Пасечник увидел прораба, поздоровался и мрачно отвернулся. Он так и не знал — снял прораб ему разряд, как грозился, или не снял?

Пасечник даже перестал балагурить, он жалел, что оказался в очереди вместе с Катей. Странно, и что ему нравится в этой Кате? Ведь она вызывая себе вездёт, небрежно причёсана, на ней уродливое красно-зелёное платье.

— Что вы вдруг завяли? — окликнула его Катя, блеснув большими серыми глазами, и Пасечник снова заставил себя балагурить, а она с хохотом перебивала его:

— Бывает! Бывает, что медведь с горы летает!..

В очереди, за несколько человек до Токмакова, высился Медовец, он стоял с сыном. К Медовцу подошёл человек в парусиновом костюме и в таком же картузе.

— Значит как же, Михаил Кузьмич?

— Даже не надейся.

— А может быть?

— Знаешь что? Хочу дать тебе один совет: правый сапог надевай на правую ногу. Ты меня чуешь? Алло! Так удобнее носить.

— Много не прошу, Михаил Кузьмич! Хоть бы шесть вагонов.

— Мы, дорогой товарищ, живём пока с тобой не на Марсе, а на земле! И отрываться от неё не собираемся. Цемент мне нужен для домны.

— Без ножа режете, Михаил Кузьмич! Ну, хотя бы пять вагонов!

— Да что ты меня уговариваешь? Вот ты её уговаривай! — Медовец повернулся и показал большим пальцем на Катю; та охотно расхохоталась. — Ты при разгрузке зачем вагоны смешал? Что же получилось? Весь цемент пошёл по низшей марке. А там портланда было два вагона!.. Не дам!

Медовец отошёл от кассы с билетами и бросил поджидающему его прорабу:

— Я этим цементом уже сыт по горло. Пойдём-ка лучше подивимся, что це такэ за гибрид. Всё-таки земляк он мне. Тоже из Ворошиловграда...

— Вам один? — спросила кассирша у Токмакова.

— Два! — и подумал: «А вдруг не придёт?».

Токмаков совсем не ожидал увидеть Машу такой, какой он встретил её сегодня.

— Какая вы нарядная!

Маша покраснела от удовольствия.

— Что же я, по-вашему? Всегда в спецовке?

Белая блузка-безрукавка в синий горошек, синяя юбка. На плечах синяя косыночка в крупных белых горсшинах. Модные белые туфли с дырочкой на носке.

Маша держалась с уверенностью девушки, знающей, что она хорошо одета, что она нравится.

Ещё недавно в лесном складе пахло смолой, высыхающей древесной, опилками. Сейчас здесь стояли острые запахи зверей, живущих в клетках и вольерах. Маша, всё больше увлекаясь, ходила от клетки к клетке и рассматривала невиданных ею зверей. Она выросла в Каменогорске и никогда не бывала в большом зоопарке. Может быть, поэтому она так легко согласилась на предложение Токмакова сходить в зверинец. Токмакова радовало, что Маше так нравится прогулка, он готов был ходить и ходить с ней хоть до вечера, лишь бы видеть её блестящие глаза, то очень серьёзные, то смеющиеся, видеть, как она удивлённо поднимает брови, как она смеётся и тут же сразу становится задумчивой.

Но ему так хотелось спать, что он с трудом сдерживал зевоту, давая Маше пояснения.

Втянув голову в сутулые крылья, белые с исподу и желтоватые сверху, сидел в клетке сонный орёл. Его круглую голову покрывал редкий пух. Глаза, похожие на кошачьи, были слегка прищурены.

Орёл очень страдал от жары, духоты и вынужденного покоя. Лимонные лапы с хищными когтями недвижимы так же, как сильно загнутый клюв. Изредка орёл топорщил своё жёсткое оперение, и тогда вид у него становился ещё более жалким, ошипанным.

— Вы что улыбаетесь, Константин Максимыч?

— Вспомнил нашего Дымова. Он, когда очень доволен работником, называет его орлом. Посмотрел бы он на этого беднягу!..

К клетке, где сидела обезьяна «Яшка», не протолкаться.

Токмаков кивнул своим монтажникам. Здесь стояли Бесфамильных в рубахе на выпуск, Пасечник с Катей, Хаенко — пробился всё-таки!

Катя громко и ненатурально захохотала, показывая «Яшке» зеркало; обезьяна смотрела на своё отражение, смешно наклоняя шерстистую морду и морща лоб. «Яшка» висел, ухватившись рукой за перекладину, потом вспрыгнул на неё и начал раскачиваться на качелях.

— Вот это верхолаз! — пришёл в восторг Пасечник и, замегив Токмакова, добавил: — А вместо монтажного пояса у него хвост. Техника безо всякой опасности.

«А всё-таки зря я до сих пор приказа не подписал», — вспомнил Токмаков и опять с трудом подавил зевок.

Из толпы возле клетки с тигро-львом доносился полный драматизма голос служителя:

— Когти и зубы развиты у семейства кошек особенно сильно. Взрослый лев ударом лапы убивает телёнка... Попрошу, граждане, от клетки!..

А тигро-лев спал, отвернувшись от зрителей, и никак не реагировал на повышенный интерес к нему. Его не мог разбудить ни хриплый голос Утёсова, уже в который раз вопрошающего в недоумении «что-то я тебя, корова, толком не пойму», ни далёкие взрывы на горе Мангай, ни даже грохот тягача, идущего мимо забора.

— Что за день сегодня! — рассмеялась Маша. — Все, даже звери, сонные!

— Ещё бы! В такую жару сидят в клетке! Всё на свете надоест!

— А вам тоже всё надоело? Мне кажется, вам страшно скучно со мной. Вы же всё время зеваете.

— Простите. -- смутился Токмаков. — Я сегодня всю ночь не спал.

— Бессонница?

— Да нет. На стройке торчал до утра.

— Что же вы молчали? Идёмте сейчас же отсюда, вам надо выспаться.

— А медведь? А дикобраз?

— Идёмте, идёмте, они, наверно, тоже спят, — Маша потащила Токмакова за рукав к выходу...

— Только пойдём пешком, — предложил Токмаков, когда они вышли из зверинца.

— А вы где живёте?

— Тоже на правом берегу. Я вас сперва провожу.

Токмаков никогда прежде не был в этой части города. Они шли по улице, сплошь застроенной четырёхэтажными домами, отделёнными друг от друга то пустырями, то скверами.

Токмаков шагал не спеша, останавливался, расспрашивал Машу. Она знала город, как старожил, показывала то сквер, который сама посадила, то школу, в которой училась. Маша рассказывала о Каменогорске, каким она помнила его с детства. Она была ровесница городу. Маленькая девочка играла в котлованах, спускаясь туда по лесенкам. Она взбиралась на высокие-превысокие горы песка. Она бегала взапуски

среди экскаваторов, дышала пылью и дымом стройки. И в чём была прелесть таких игр? Постынно изменялся пейзаж и вся обстановка. Она бежала утром к котловану, но тот уже не был таким, как вчера. Он стал ещё глубже! И тропинка, по которой она бежала вчера, была перегорожена забором! Или тропинка обрывалась у песчаной ямы и нужно было искать другую дорогу. Первая школа города помещалась в бараке. Ученики писали углём на фанере. Не было ни мела, ни класной доски. А обязанности звонка, возвещавшего перемену, исполнял буфер от товарного вагона. Сторожиха била в буфер, как в колокол...

На угловом доме Токмаков прочитал синюю табличку: «Улица Маяковского». На бульварчике против большого дома стоял мраморный Маяковский.

— Молодцы, однако, каменогорцы! А москвичи двадцать лет такого памятника ждут... Как вы думаете, Маша? Эта улица всегда так называлась?

— Как же она могла ещё называться? У нас же не было Соборных и Дворянских!

— Но как же тогда могли на улице Маяковского, да ещё против памятника, построить такой дом?

Токмаков установил против большого, странно выкрашенного дома. Цоколь дома — светлосерый, первый этаж — почти чёрный, а верхние этажи — жёлтые. Бетонные козырьки у подъездов были неоправданно массивными. И без того низкие двери казались поэтому ещё ниже, чем были на самом деле. Балконов в доме не было, их роль играли глубокие полугёмные ниши с решётками, наподобие балконных.

— На таких балконах только бельё сушить! — раздражённо сказал Токмаков.

— Плохой дом, — согласилась Маша.

— А плохой дом — хуже всего. Плохую книгу забудут или даже не прочтут. На плохую картину не станут смотреть. Я вот не представляю себе: как можно построить плохую домну? А вот такой дом построят, и будет стоять этот каменный урод до окончания веков. Когда ещё этот дом снесут!.. Как же можно такие дома строить в новом городе?!

— А у нас на правом берегу таких домов не строят. Здесь же старый город.

— Старый? — рассмеялся Токмаков. — А сколько ему лет?

— Лет двадцать.

— Разве вы старая?

Маша лукаво взглянула на Токмакова.

— Во всяком случае, моложе этого дома.

Они свернули с улицы Маяковского и шли сейчас по молодому бульвару, к дамбе. Тень узорными пятнами лежала на песке. Маша обрадовалась:

— Видите? Уже дают тень!

— Разве это тень? — поддразнил Машу Токмаков.

— Ничего вы не понимаете! Привыкли свои домны и кауперы клетать. И никогда не поймёте, что такое первая тень. А я сажала этот карагач и акацию со слезами. Попробуйте здесь деревцо вырастить. И пыль, и всякие газы, и копать из ваших домен. А ведь, смотрите, как вытянулись за три года. Все прижились. Мы свою породу вывели: мeroзoустoйчивую, газoустoйчивую...

— А козоустойчивой породы ещё не вывели?

— Моих посадок козы не трогают. Говорят, у меня рука лёгкая. Что ни посажу — всё привьётся и никто не ломает.

— Жаль, я не саженец.

Маша засмеялась.

— Саженец на одном месте растёт. А вас пришлось бы всё время выкапывать и перевозить с места на место.

— Это верно. Я птица перелётная.

— А я, — сказала Маша в тон Токмакову, — всеми корнями в здешней земле...

Токмаков только поздно вечером добрался до своей берлоги.

Удивительно короткой показалась ему сегодня дорога от горы Мангай до Чапаевского посёлка, где жила Маша, и очень далёкой дорога к себе на Новоодиннадцатый.

Токмаков лежал на свсей узкой жёсткой койке и никак не мог уснуть. После обеда у Берестовых, когда его разморило от выпитой водки, его уложили спать. Только в доме у матери, в Плесе, над Волгой спал он после фронта в такой постели. Один месяц за последние восемь лет, а то всё — койки, топчаны, лежанки, нары или просто мать сыра земля. Он вспоминал, как Маша принесла ему подушку, взбила её и подложила под голову. «До чего мягкая», — сказал он. — «Все подушки одинаковые. А у вас разве не такая?» — «У меня? Да по сравнению с этой моя подушка — наковальня»... Маша ушла на цыпочках, будто он уже заснул, и очень осторожно прикрыла за собой дверь. В окно буйно ломилась сирень, в комнате было свежо и совсем тихо, только мошка монотонно гудела, тычась в оконное стекло...

Он провёл у Берестовых почти весь воскресный день, и на него повеяло мимолётным теплом чужого очага с такой силой, какой он никогда не испытывал раньше. От этого сейчас он острее переживал свою житейскую неустроенность, одиночество, трудное и безалаберное кочевье. «И почему? — размышлял он. — После всех лет войны? Разве не заслужил я лучшего?.. Книжную полку бы к стене прибить...»

Он скользнул взглядом по стенам, перечёркнутым ломаной световой линией. Лампочку прикрывал картуз из обугленной и пожелтевшей газеты — жалкое подобие абажура. Плащ-палатка на двери тоже казалась скроённой из холста двух цветов — светлозелёного и почти чёрного. Плащ-палатка эта призвана была оградить от коридорного шума, но всё равно слышно было, как за перегородкой кашляют, считают на счётах. За противоположной перегородкой убаюкивали ребёнка.

«До каких же пор цыганить? — думал Токмаков. — Никогда новый год не встречал дважды в одном месте». В прошлом году ему предлагали остаться в Москве. И в Запорожье предлагали остаться. Да и Дымов уже намекал, что хорошо, мол, жить в городе, который сам строишь. А почему бы и не осесть в этом Каменогорске? Что здесь — работы, что ли, не найдётся?

И Токмаков вспомнил, как, прощаясь, говорила ему мать нето осуждая, не то сожалея: «Ну и работёнку нашёл себе сынок! Нигде места под собой не согреешь. Бездомный, как шмель!..»

7

Придя с работы, Карпухин между прочим и как можно небрежнее сказал Василисе:

— Завтра в область еду. Лекцию читать. Со всех строек съедутся. Делать им, наверно, нечего в выходной день.

— А билет уже взял?

— Зачем билет? На машине поеду.

— Это кто же тебя, старого, с собой в машину берёт?

— То есть что значит — «с собой»? Ведь объясняю. Мне Дымов предоставил машину. В пять утра, прямо к дому подадут. И чего им

там в области приспичило? Уже не могут без меня обойтись. Мало было хлопот, так ещё — опыт делить!

Карпухин знал, что Василиса ревниво отнесется к его известности, и именно поэтому прикидывался равнодушным, словно был утомлён постоянным интересом к своей работе и к своей особе: опять лекция, опять статья в газете, опять фотография, опять нужно выступать по радио, опять пришли письма с других строек, отвечать на них некогда, а пишем столько, что на одних марках можно разориться — «пустят меня по миру эти писаря!».

Тётка Василиса жалела, что «Победа» подкатила к их дому так рано, когда никто из соседей этого не видел и только собаки со всей Кандыбиной балки провожали машину недружным лаем.

Редакция газеты «Труд» устроила в областном городе стахановский вторник, на котором Карпухин выступил с лекцией: «Как я добился своих рекордов».

На лекцию съехались клепальщики со всего Урала.

Карпухина попросили остаться ещё на один день и выступить на крупном строительстве, в предместье города. Он стал отказываться. Но ему показали телеграмму Дымова, у которого уже испросили согласие.

После этой лекции в коридоре Дворца культуры Карпухина догнала девушка.

— Вот, пожалуйста, — она протянула конверт. — Здесь ваш гонорар.

— Что? — гаркнул Карпухин.

— Это вам за лекцию.

— Да вы что, смеётесь? Чтобы Захар Захарович Карпухин за свой опыт деньги у рабочих брал?

— Что же вы на меня кричите? У нас так полагается. За каждый концерт, за каждую лекцию...

— Клепальщики без крика не могут. Я со старухой своей по душам разговариваю — и то на улице слышать. Деньги, дочка, убери. Пригодятся ещё вашему клубу...

Карпухин вернулся домой на ночь глядя, когда, к сожалению Василисы, соседи спали и опять никто не видел, как важно подкатил её старый на «Победе».

За поздним ужином Карпухин обстоятельно рассказал Василисе и Вадиму — их приёмному сыну — про свою поездку. И как встречали, и как хлопали, и как подвозил на своей «Победе» какого-то директора. Когда он невзначай упомянул о конверте с деньгами, Василиса рассердилась:

— Да ты что, старый, из ума выжил? От кровных денег отказываться!

— Что? Кровные деньги? Что я, артист или композитор какой-нибудь! Хочешь, чтоб Карпухин на весь Урал себя опозорил! Да о Карпухине сам министр звонил в Каменогорск. Все рекорды — мои!..

Вадим, зная, что такой разговор по душам может затянуться до глубокой ночи, решил отвлечь старика. Он рассказал с новостях на стройке и, в частности, о том, что Баграт Андриасов установил вчера новый рекорд — восемьсот пять заклёпок за смену.

Услышав новость, Карпухин сразу обмяк и подчёркнуто-безразлично пожал плечами.

— Можно и тысячу заклёпок нащёлкать. Там, наверно, браку — пруд пруди...

— Какого браку?.. «Дятел» принял...

— Значит, «дятел» со счёта сбился. Присчитал вчерашние заклёпки. Это у него бывает.

«Дятлом» клепальщики прозвали контрольного мастера, неразлучного с остроклювым молотком. Мастер ударяет молотком по заклёпке и тотчас же прикладывает к ней палец — не дрожит ли? Заклёпки, которые мастер забраковал, или, как говорят клепальщики, «склевал», он обводит мелком и для верности бьёт по заклёпкам керном молотка. Мелок сразу показывает, какие заклёпки менять, а керном «дятел» бьёт на случай, если бы кто-нибудь вздумал стереть меловые кружочки или их смыло бы дождём.

Карпухин вышел из-за стола и, сославшись на усталость, стал собираться ко сну.

— Хорошего же ты ученичка нам сосватал! — напустилась Василиса на Вадима.

Но Карпухин так выразительно на неё глянул, что тётка Василиса, гремя посудой, поспешила убраться в сени.

Тётка Василиса долго слышала, как её старый кряхтел, вздыхал, ворочался с боку на бок.

...Когда Вадим по просьбе своего прораба впервые привёл Баграта к Карпухину, тот придиричиво оглядел новичка с ног до головы.

— Ты думаешь, можно будет работать кое-как, на швырок?

— Зачем кое-как?

— Имей в виду, что теперь шестьсот заклёпок уже из моды выходят. Подлататься к чужой славе не придётся. Будем держать курс на шестьсот пятьдесят.

Багат молчал. В старое время, перед тем как нанять клепальщика, мастер, обычно сам силач, предлагал: «А ну, пожми мне руку!». Карпухин одобрительно скользнул взглядом по литым плечам и волосатой груди, распиравшей майку Баграта.

— Силёнкой тебя, видать, бог не обидел. Но есть и такие — сила прёт, а работать не хотят. Только смотрят, как бы поскорее. А того не понимают, что заклёпка — она внимания требует... Из молодых, да ранние. Наобещают столько, что в шапку не заберёшь, а коснётся до дела...

— Дела не боюсь.

— Не боишься? Дело мастера боится, если хочешь знать! Придётся не раз вспотеть. Клепать — не штаны латать.

— Зачем штаны?..

— Посмотрим в деле. Нячиться с тобой не придётся.

Багат только вздыхал и переминался с ноги на ногу...

Небо висело над работающими в каупере просторным голубым зенитом. Монтажники наращивали пояс за поясом, каупер рос, и небо над головой сжималось. Следом за монтажниками лезли вверх Карпухин, его новый подручный Багат и нагревальщица Катя. Они всё выше тащили своё горно, воздушные шланги и оглушительный неумолчный гром, какого никогда не слышало небо.

В десять-двенадцать молотков одновременно прошивают клепальщики стальной строчкой рубахи кауперов. Ни одна птица не рискует залетать к кауперам, в грохочущие небеса. Солнце пробивается в каупер только золотым пунктиром сквозь отверстия, ещё не схваченные болтами или заклёпками, — эта мерезка идёт по краям стальных листов. Но зато как солнце успевает накалить за день броню! На дощатом настиле стоит горно. В раскалённом коксе — пригоршня заклёпок. Чадным зноем несёт от горна. Чад медленно, как в большую вытяжную трубу, уходит вверх. Дрожит и струится нагретый воздух.

Нагревальщица Катя стоит у горна, закрываясь рукой от искр, дыма и ловко ворошит щипцами заклёпки. Они — как грибы с одинаковыми шляпками на одинаково прямых ножках.

Катя подаёт клещами заклёпку Баграту, тот перехватывает её своими щипцами, тут же вгоняет в отверстие и прижимает светлокрасную головку молотком. Как только из отверстия показывается раскалённый стержень — на него обрушивается молоток Карпухина. И вот уже с внешней стороны каупера образуется вторая головка, подобная той, которая виднеется внутри. Когда заклёпка остынет, она укоротится и ещё туже схватит два стальных листа, не оставив между ними ни малейшего зазора, чтобы отныне эти два листа сделались как один.

Под присмотром Карпухина Баграт выклепал первую заклёпку.

Карпухин слегка постучал по заклёпке молотком.

— Ну, слышишь?

Баграт чуть пригнул голову.

— Слышу.

— А что слышишь?

— Звенит.

— Звенит! Слышишь, как та бабуся. На одно ухо глуха, а другим не чувствует... Не звенит, а дребезжит.

— Верно, дребезжит.

— Отчего же она дребезжит?

— Не знаю.

— Сруби ей голову, — приказал Карпухин.

Баграт срубил заклёпку, выколотил её — не тяжёлая, но стыдная работа.

Заклёпка, если она хорошая, даёт при постукивании по головке густой звон. А если звук надтреснутый, дребезжащий — заклёпка плохо заполнила своё гнездо. В такое отверстие и воздух пройдёт и вода просочится, неся с собою ржавчину.

Новая заклёпка, заполнившая то же отверстие, была поставлена Багратом по всем правилам.

Настал день, когда Карпухин сварливым тоном сказал Баграту:

— Нечего больше за мою спину прятаться. Завтра берись сам за молоток. Вот кого только тебе в нагревальщицы определим?

— Кого? — переспросила Катя. — А меня?

Карпухина покорило, что Катя так легко предпочла старому мастеру новичка. «Ишь, вертихвостка! Надоело со мной премии получать. Мимо рубля — за пяточком. Ну и пусть идёт!..»

А Катя, обрадованная, завертелась на месте:

Ох, ох, не дай бог,
С клепальщиком знаться,
Губы — в саже, нос — в угле,
Лезет целоваться!..

Каждый день подымался Карпухин на соседний каупер, залезал в люльку к Баграту и неизменно спрашивал:

— Ну как, вспотел?

— Да, не замёрз, — неизменно отвечал Баграт.

При этом он распрямлял спину и вытирал лоб, весь в потёках чёрного пота, и от этого лоб всегда становился ещё грязнее.

Выработка Баграта быстро росла, и перед отъездом Карпухина на лекцию его бывший подручный уже сидел у него, что называется, на пятках. «Моя хватка!» — думал о нём Карпухин, с удовлетворением и смутной тревогой видя, как ученик догоняет учителя...

Карпухин всю ночь кряхтел, ворочался с боку на бок и, не дождав-шись света, начал впотьмах одеваться.

— Ты куда это чуть свет? — всполошилась тётка Василиса.

— На домну.

— И Вадимушку ждать не будешь?

— Пусть своё досыпает.

Он наскоро и без всякого аппетита выпил молока с хлебом и ушёл, тихо прикрыв за собой дверь.

Ещё издали Карпухин заметил, что каупера за эти двое суток под-нялись в росте.

На первый каупер, стоящий поближе к доменной печи, монтажники уже надели сферический купол. Каупер с куполом очень похож на испо-линскую заклёпку или на гриб.

«Верхние пояса осталось выклепать», — прикинул Карпухин, глядя на купол своего каупера.

Карпухин и сам не отдавал себе отчёта, зачем и куда идёт в такую рань.

На площадке было тихо и пустынно. Карпухин подошёл к подножью чужого каупера и взялся рукой за стальной прут — ступеньку монтаж-ной лестницы. Он занёс ногу и воровато оглянулся — не видит ли его кто-нибудь?

Карпухин поднялся на несколько ступенек и снова осмотрелся — ни-кого. Но ведь чем выше он станет подыматься, тем лучше его будет видно со всех концов площадки!

Он не доверял этому безлюдью. Ему чудилось, что все попрятались от него за штабели кирпича, трубы, вагоны, краны и оттуда наблюдают за ним.

Никогда, за все годы работы, монтажная лестница не была столь длинной, как сейчас, и никогда в жизни Карпухин не подымался по ней с таким тяжёлым чувством...

Он залез в люльку Баграта, опасливо поглядел на землю, скользнул взглядом по лесам домны, соседним кауперам.

Люлька ждала своего хозяина. Инструменты Баграта лежали в пол-ном порядке, как Карпухин наказывал их держать. Слева лежали те, что придётся брать левой рукой, справа — правой. Самые ходовые инструменты лежали поближе, менее ходовые — подальше.

Он провёл рукой по ряду заклёпок, стукнул по нескольким из них молоточком и поспешно приложил палец. Заклёпки отзывались звонки-ми голосами, без предательской дребезжинки.

Не нашёл Карпухин ни «лысаков» (так называют заклёпки с непол-ными головками), ни «восьмёрок», то есть скособоченных, недобитых заклёпок, когда видна щель; про такую щель Карпухин говаривал Баграту: «оставил для горобцов».

Карпухин надел монтажный пояс Баграта, вылез из люльки, долго лазил вокруг каупера и всё искал изъянов, незамеченных «дятлом», и не находил этих изъянов.

«Мой почерк», — с мрачной гордостью отметил про себя Карпухин.

Карпухин знал, с какого места начал вчера клепать Баграт, знал, сколько заклёпок держат каждый стальной лист, и ему нетрудно было подсчитать число заклёпок, выставленных вчера Багратом. Получались те же самые восемьсот пять заклёпок, которые принял контрольный ма-стер.

Карпухин поднялся по монтажной лестнице на макушку каупера и залез через люк во внутрь. Его давно разбирало любопытство, что

это за усовершенствование сделали Баграт и его приятель прораб, чтобы заклёпки в горне нагревались более равномерно.

Остывшее горно ждало свою хозяйку, и тот же порядок, к которому он, Карпухин, приучил некогда Катю, царил вокруг. Карпухин готов был поручиться, что Катя уже перебрала и ощупала руками каждую заклёпку, которую ей сегодня придётся нагреть. Она натаскала впрок кокса и накрошила помельче, чтобы кокс давал короткое и ровное пламя, так Кате было удобнее.

Проверены и вычищены до блеска клепальный молоток, пневматические поддержки, приготовлены обжимки, оправки, кувалды, кузнечные клещи, зубила, скребки, щётки.

Карпухин осмотрел горно.

— Ну что же, можно и таким манером воздух подводить. Ошибки тут нету, — пробормотал он, — Ишь, что вымудрили! Башковитый, однако, этот прораб. Или это Баграт придумал?

Карпухин знал, как трудно, ох, как трудно придумать что-нибудь новое, своё, в деле, которое давно и хорошо делали и делают сотни и сотни людей. Было обидно, что за столько лет работы он сам не додумался до этого.

Годубой предутренний свет проникал в каупер сквозь люк в куполе и сотни маленьких дыр, ждущих заклёпок. Этот светящийся пунктир лёг на лицо Карпухина и заставил его встревожиться. Свет прибывал быстро. Земля ещё была темна, а купол каупера уже сиял розовым сиянием.

Спускаться по лестнице было стыдно. «Тоже нашёлся контролёр-общественник, — подумал о себе Карпухин со злобой. — Поганой метлой нужно гнать таких контролёров. Только сам себе на нервы действую...»

С чувством облегчения ступил Карпухин на землю и оглянулея. Слава богу, никого.

Если бы тётка Василиса увидела сейчас Захара Захаровича, он показался бы ей постаревшим. Брови нависли ниже, складки, идущие от носа к уголкам рта, были сейчас подобны двум глубоким шрамам, и весь он как-то сгорбился.

Не успел Карпухин пройти и сотни шагов, как повстречал Баграта. Тот пришёл на площадку задолго до смены. Карпухин успел заметить, что Баграт за эти дни похудел, стал ещё чернее, и от этого больше выделялись чистые белки.

— С приездом вас! — Баграт ещё издали приветливо улыбнулся.

— Явился — не запылится! А ты что, может, соокучился?

— Есть немного.

— А по-моему, тебе скучать некогда было. Какая у тебя наверху погода? Сколько вчера?

— Восемь сотен набралось.

— Не обсчитался?

— Восемь сотен и ещё пять штук.

— Пять штук? — машинально переспросил Карпухин, будто в этих пяти заклёпках было всё дело. — Устал, небось!

— Было немножко.

«Немножко!» Баграт постеснялся сказать Карпухину, что он вчера с трудом вылез из люльки, с трудом спустился по лестнице. Но только когда подходил к дому, он почувствовал усталость в полной мере, будто не рекорд, а дорога домой его так утомила. «Чего же удивляться, что так устал? — раздумывал счастливый Баграт, подходя к дому. — Все-союзный рекорд сработал!» Таня с сыном ждали вчера Баграта у подъ-

езда дома. Увидев отца, Серёжка, как обычно, разбежался со всех ног, Но Баграт не рискнул поднять разогнавшегося Серёжу, он боялся, что не удержит его над головой...

— Восемьсот пять! — повторил Карпухин. — Откуда же такая добыча?

— Верно, что добыча богатая. Это у нас на Кавказе есть такая легенда. Как одна старуха, которая мышей боялась, барса поймала. Никогда не видел барсовой шкуры, Захар Захарыч? Очень красиво!

— Тут бы свою шкуру спасти. С такими ученичками! — Карпухин засмеялся.

Он повернул голову и долго смотрел на каупер, будто собрался отсюда заново пересчитать все заклёпки, сработанные Багратам за прошлую смену...

— Я, Захар Захарыч, с товарищем своим посоветовался, с прорабом Токмаковым, — сказал Баграт, — и горно слегка переделал. Чтобы заклёпки более равномерно грелись. Катя одобряет.

— Ну и что же?

— Хочу вам показать. А после смены и ваше горно переделаем.

— Та-ак... Значит, решил меня уму-разуму учить?

— Зачем учить? Я только хотел поделиться, Захар Захарыч.

— Молод ещё со мной делиться. Яйца курицу не учат. Может, прикажешь к тебе в учение поступить? Научите, товарищ Андриасов, заклёпки клепать! — Карпухин сдёрнул с головы кепку и надел её обратно. — Не оставьте без совета! — Карпухин опять сдёрнул кепку, раскланялся и пошёл прочь.

Навстречу Карпухину шёл Гладких.

— Что, обогнали старика? — ещё издали и очень весело прокричал Гладких.

— А я ни с кем наперегонки не бегал. Годы мои вышли в пятнашки играть.

— Отстал ты на сегодняшний день. Не нужно было, дорогой товарищ Карпухин, успокаиваться на достигнутом.

— Ещё не известно, кто из нас больше отстал на твой сегодняшний день.

— Это в каком смысле?

— А в том, что я хоть и беспартийный, а вот постановил: признать твою работу неудовлетворительной!

Карпухин кивнул на фанерный щит-плакат, висящий у подножья каупера.

— Почему старый плакат висит?

— Так я же вашей клёпки не касаюсь.

— А я всего касаюсь. Вот приду на партийное собрание и выволочку тебе сделаю. При всём народе. Что ни говори, отстал ты от нашей жизни!..

Карпухин направился к своему кауперу, тяжело ступая и не глядя на плакат, на котором значилось: «Вчера Карпухин дал 776 заклёпок за смену. Привет знатному мастеру клёпки!»

Токмаков смотрел на небо нахмураясь, деловито и внимательно. Он стоял, широко расставив ноги, слегка согнутые в коленях, скрестив руки на груди. Голова была запрокинута настолько, что непонятно, как кепка держалась на затылке и не падала.

К полудню небо успеет выщеветь от зноя и станет белёсым, почти

серым. Но сейчас растрёпанные ветром облака хорошо оттеняли густую синеву неба.

Облака шли на восток, навстречу солнцу. Косые лучи не могли пронизать облака насквозь, только края их были оторочены жарким золотом. Одно облако очень напоминало гончую, распластавшую в стремительном беге узкое и хищное тело. Гончую настигала легковая автомашина с обтекаемым, чрезмерно приплюснутым кузовом. Автомашину догоняла рыба с задраным вверх хвостом и неестественно большими плавниками.

Токмакову, однако, не было сейчас решительно никакого дела до вытянутых в длину, причудливых облаков. Он смотрел на небо озабоченно, даже встревоженно.

Так иногда стоят и смотрят, — приглядываясь к облакам, прислушиваясь к дыханию ветра, — на аэродромах, в яхт-клубах, у ветряных мельниц, на метеостанциях. Так поглядывают на небо мальчишки, запустившие воздушного змея, так поглядывают учёные, наблюдающие перелёты птиц.

Так смотрят и верхолазы, строители доменных печей.

Токмаков не видел сейчас ничего, кроме ветреного неба и макушки строящейся домны. Он стоял в глубокой задумчивости, будто решал и никак не мог решить очень сложную задачу. А что её решать, эту задачу, когда всё подсчитано и пересчитано, когда подъём продуман до мелочей, люди расставлены по местам, ощупан каждый ролик, блок, трос, когда осталось только начать самый подъём?

Он ещё раз проследил взглядом за стрелой крана, простёртой над домной, подобно длинной стальной руке, за тросом, который свешивался со стрелы и нёс на конце своём мощный крюк.

Крюк этот, очень похожий на вопросительный знак, перевёрнутый вниз головой, праздно висел над самой землёй, а под ним лежал на земле исполинский стальной пояс, называемый царгой. Царга готова была совершить путешествие по воздуху — туда, на макушку домны.

Рядом с Токмаковым, в той же позе и в такой же кепке, приученной не падать с самого затылка, стоял Матвейч. Только руки у Матвейча не были спокойны, он всё время размахивал ими, указывал вверх пальцем.

Матвейч сердито глядел на небо, вздыхал, почёсывал лысину, наконец сказал:

— Неблагонадёжная погодка... Как бы ветерок рикошета не наделал...

Токмаков ничего не ответил, а только потёр себе лоб, как всегда, когда бывал в затруднении. Губы его шевелились, будто он говорил сам с собой или считал в уме.

Оба ещё раз посмотрели на флажок, укреплённый на самой верхушке крана. За минувший месяц, знойный и дождливый одновременно, флажок выцвел и стал блёкло-розовым. То он расправлял переменчивые складки, то опадал.

— И долго будете на божий свет любоваться?

Токмаков нехотя обернулся на голос.

— Пока не надоест, товарищ Дерябин.

Вся долговязая фигура Дерябина выражала нетерпение. Он жевал папиросу тонкими подвижными губами, слегка покачивался с пяток на носки и суетливо теребил чертёж, свёрнутый в трубку.

— Пора бы уже, между нами говоря, и за дело приниматься.

— А сводка какая?

— Да что вы, их сводок не знаете? Только маленьких пугать! Они

уже неделю подряд бурю обещают... А вы что, собственно говоря, предлагаете? Ещё день потерять? Как вчера, позавчера? Сидеть у домы и ждать погоды?

— Надо, товарищ Дерябин, подождать.

— Было бы начало месяца — пожалуйста.

— А какая разница?

— Откровенно говоря, разница большая. — Дерябин выплюнул папиросу с изжёванным мундштуком. — Подъёма не сделаем — сорвём план третьей декады. Забыли, как Дымов нас на оперативке ругал?

— Если так, то конечно... — поспешно кивнул Матвейч. — Почему не поднять...

Токмаков зло посмотрел на Матвейча, тот замялся.

— Придётся поднять, если... Ветерок, однако... Но если начальство... Мы люди маленькие...

— Сорвать план третьей декады — значит, между нами говоря, испортить весь месяц. — Дерябин достал новую папиросу. — Двадцать пятое июля сегодня, дорогой товарищ Токмаков. Понятно? Не пятое, не пятнадцатое, а двадцать пятое.

— К сожалению, ветер с календарём не считается. Нельзя сегодня подымать.

— А я работаю по календарю. И вам приказываю. Понятно?

Токмаков ничего не ответил, а Дерябин, испуганный своей решительностью, обмяк:

— Смелости нужно больше, дорогой товарищ Токмаков! Смелость не в том, чтобы самому, как белке, лазать по фермам. От прораба требуется смелость другого сорта. Вот какая смелость!..

Дерябин пощёлкал костлявыми пальцами, показав, какая именно смелость требуется от Токмакова, и ушёл.

Токмаков проводил Дерябина холодным взглядом, круто отвернулся и снова стал всматриваться вверх.

— Косвенный человек, — вздохнул Матвейч. — Семь раз отрежет, ни разу не примерит...

— Сам ты тоже шибко прямой, — рассердился Токмаков. — Всё юлишь: мы люди маленькие!..

Матвейч снова вздохнул. Есть грешок, не умеет он спорить с начальством. Иногда и хочется возразить, и возражения очень дельные, а язык не слушается, сам начинает поддакивать, и голова сама согласно кивает.

— Ну, хватит вздыхать. Приказано — надо делать. Флажок-то успокоился?..

— Вроде успокоился.

Токмаков всё же недоверчиво смотрел на вытянутые облака, догоняющие друг дружку.

— Начнём подъём, — решил Токмаков. — Только давайте перестроповку сделаем. Возьмём строп — дюйм с четвертью. Запас прочности не повредит. Груз парусный...

Прежде чем начать подъём, царгу согласно правилам подержали с четверть часа на весу, над самой землёй. Токмаков убедился ещё раз, что всё в порядке, — строп не ёрзает, узлы надёжны, центр тяжести груза найден точно.

И вот, наконец, Токмаков поднимает над головой правую руку и описывает указательным пальцем несколько витков, будто ввинчивает в воздух штопор.

— Вира!

Десять, двадцать, двадцать пять, тридцать метров высоты.

Всё в порядке.

Снова и снова Токмаков буравит указательным пальцем воздух, описывая восходящий штопер. При этом Токмаков не отрывает взгляда от царги, висящей на крюке.

Башенный кран можно уподобить колодезному журавлю, с той разницей, что, вместо неподвижного столба, врытого в землю у колодезного сруба, здесь высится на четырёх подошвах-тележках стройная стальная башня, сужающаяся кверху. Бульжник, кусок рельса или какая-нибудь железина, привязанная к концу колодезного журавля, уравнивает вес ведра воды. На башенном кране тоже есть контрлруз, но весом он с гружёный товарный вагон.

Токмаков внимательно следит за тросами. Тросы и канаты, толстые и тонкие, тянутся вверх, пересекаясь под разными углами, в разных плоскостях. Тросы привязаны к верхушкам мачт и кранов, к стрелам, похожим на корабельные рей. Бесфамильных тянет за трос, повиснув на нём всем телом. Подбегает «Иван-да-Марья» и тоже виснет. Они — как матросы, ставящие паруса на диковинном фрегате, оснащённом стальными снастями.

Пришлому человеку всё это переплетение тросов представляется беспорядочным, но такелажник отлично разбирается в оснастке строящейся домны. Здесь — свои законы, своя точность и мудрость. Все эти тросы — работяги и силачи. Одни поднимают тяжести, другие сообщают устойчивость и силу подъёмным механизмам.

Царга, которую предстоит поднять, — последняя. Шестнадцать таких царг, сваренных вместе, составляют стальную рубаху домны. Шестнадцатая царга — самая тяжёлая.

Подъём шестнадцатой царги осложнён тем, что на высоте сорока метров путь ей пересекает трос, держащий соседнюю подъёмную мачту. Нужно славировать, обойти этот трос.

Токмаков поднял царгу выше домны, повернул стрелу крана и сильно увеличил её вылет, бережно перенёс царгу над самым тросом, почти впритирку к нему, затем, сразу повеселев, подал команду «майна».

Самое опасное позади.

В момент, когда царга переходила через злополучный трос, кран испытывал почти предельную для себя нагрузку. При большом вылете стрелы кран теряет в своей силе. Ведь и человек поднимет меньше вытянутой в сторону рукой, чем согнутой в локте.

Как только царга пошла вниз, снова появился Дерябин.

— Ну, вот видите, — Дерябин пожевал губами. — Полный порядок! Теперь вы и без меня справитесь.

— Теперь мы и без вас справимся.

Дерябин притворился, что не понял иронии. Он надул впалые щёки и сказал:

— Ну, а я — наверх. Дело ответственное. Буду лично руководить.

Едва Дерябин поднялся по лестнице, как царга качнулась от сильного порыва ветра.

Токмаков тревожно глянул на флажок.

Флажок бился так, будто ветер решил разорвать его в клочья или отдрать от древка.

Токмаков осмотрелся и прислушался.

Ветер крепчал с каждой минутой. Он шатал тросы, раскачивал кислородные шланги, электрокабели, трепал обрывки проволоки и верёвок. Он выхватывал листки из рук прорабов, срывал косынки с девушек. О том, чтобы расстелить чертёж, свернуть цыгарку или зажечь спичку, — и думать было нечего.

На литейном дворе нагружали в тачку цемент. Каждый взмах лопатой рождал пепельное облачко, будто лопата взрывала всю кучу цемента. И там тоже прекратили работу и прикрыли цемент досками, чтобы его не выдувало.

Бросила работу Одарка, монтер высоковольтной линии. Тяжело шлёпая резиновыми сапогами, с контрольной лампой в руке, она побежала к трансформаторной будке. Рукой в резиновой перчатке она потянула к себе стальную дверь с белым черепом, перекрещённым красными молниями. Дверь, прижатая ветром, не поддавалась. Одарка засунула лампу в карман комбинезона и схватилась за дверь обеими руками. Ветер вздул по-старушечьи повязанный красный платочек. Одарка прикусила его зубами, рывком приоткрыла дверь и скрылась в будке. Ветер свирепо хлопнул дверью ей вслед.

Электросварщики бросали работу и спускались вниз. Одна за другой гасли лазурные звёзды.

Последней потухла звезда сварщика Шереметьева. Ветер гасил сварочную дугу, но Шереметьев упрямо не выпускал из рук держателя с электродом. Фоминых, напарник Шереметьева, привязался монтажным поясом и двумя руками держал лист железа, чтобы оградить дугу от ветра. Но ничего не помогало, работу пришлось прекратить.

На кауперах бросали работу клепальщики. Замолк, наконец, и последний молоток.

И только монтажники из бригад Вадима и Пасечника не собирались уходить сверху. Они должны были принять царгу, поймать её за болты.

Токмаков заметил опасность сразу и подал команду «полный майна».

Но ветер уже ударил, как в парус, в округлые борта царги и в дощатые подмости, которыми та была обшита. Царга ходила ходуном над головами монтажников.

Монтажники, облепившие верхушку домны, никак не могли утихомирить царгу.

Токмаков подозвал Матвейча:

— Возьмите двух такелажников. Живо на пылеуловитель! Посадим царгу туда. На верхнюю горловину. Держать «в зубах» опасно. Каждая минута...

Матвейч, низко пригнувшись и отчаянно размахивая руками, побежал к пылеуловителю.

Только бы удалась эта затея! Диаметр царги — шестнадцать метров, диаметр позволяет. Пусть хоть набекрень сядет, пусть совсем криво — лишь бы переждать непогоду!

«Что же так долго? — нетерпеливо поглядывал наверх Токмаков. — Где же старый чёрт застрял?»

На макушке пылеуловителя — высоченной железной башни — поцаразались три человеческие фигурки.

Матвейч прокричал что-то Вадиму, стоявшему на домне. Вадим что-то закричал в ответ. Матвейч приложил руку к уху, вслушиваясь и не слыша, — Вадим кричал против ветра.

Они переговаривались, как если бы стояли на крышах двух десятиэтажных домов, разделённых шумной улицей.

Токмаков показал большим пальцем, отставленным от ладони, вправо, и стрела крана, несущая царгу, повернулась к пылеуловителю.

До Матвейча остаётся двенадцать, десять, восемь, семь, шесть метров. С каким трудом движется царга!

И когда до Матвейча оставалось не больше пяти метров, Токмаков понял, что царгу развернуть не удастся.

Поворотная лебёдка в состоянии тащить эти двадцать восемь тонн. Но ветер спутал все карты. Неизвестно, какую ветровую нагрузку несут сейчас царга и сам кран.

Когда верхушка крана оказалась на фоне движущихся облаков, кран гнулся куда-то набок.

Токмаков знает, что это обман зрения, но всё-таки проверяет себя. Он находит рядом с верхушкой крана неподвижную точку — макушку фабричной трубы — и убеждается, что кран вовсе не гнётся.

Но кран подрагивает от усилий, испытывает перегрузку, нечего и думать о том, чтобы увеличить вылет стрелы на пять метров. Пять, всего пять метров осталось до Матвейча!

Токмаков стоял бледный, это было видно даже сквозь загар. Горькие складки легли у плотно сжатого рта, глаза потемнели. Если бы ему сейчас нужно было бегать, отдавать во весь голос приказания, перекрывая шум ветра, кого-то подбадривать, а кого-то ругать, лазать самому по фермам на головокружительной высоте, — ему было бы легче. А он вынужден молча, неподвижно стоять на месте и только жестами приказывать машинисту крана.

Токмаков провёл рукой по лбу — сухая ладонь. А ему казалось, что лоб в испарине. Или это ветер высушил?..

Поодаль толпились строители. Откуда-то появились и Нежданов с фотографом Фляжным. Ближе всех к Токмакову стояли Карпухин, Баграт и Катя.

Жёлтую с цветами, задымлённую косынку Катя завязала, чтобы её не сорвало ветром, под подбородком тугим узлом. Но платок всё-таки отбросило на плечи. Ветер растрепал и откинул назад смоляные волосы, сбнажил смуглую шею. Платье прилипло к ногам, обнажённым выше колен, к животу и груди, чётко очертив девичью фигуру, будто Катя только что вышла из воды и стояла во всём мокром.

Токмаков показал сильно оттопыренным большим пальцем влево. Машинист крана повернул стрелу влево. Стрела вернулась в прежнее положение, и царга вновь закачалась на крюке, над головами монтажников.

Ветер дул с той же знойной силой, неутомимый и настойчивый. Сколько же баллов — шесть, семь, вс-семь? Но ведь этими баллами измеряют ветер на земле. На высоте он сильнее.

Тучи горячей пыли носились над строительной площадкой. Ветер, как старательный дворник, подмёл вокруг — ни щепки, ни бумажки, ни стружки. Ветер подрывал крошки земли и песчинки, рвал корни травинки, шевелил камешки и камни. Вскоре ветру уже было под силу катить и перекачивать круглые камешки, а иные кругляши отрывать от земли.

Когда порыв ветра ударял в лицо, больно били песчинки и мелкие камешки, будто лицо вытирали наждачной бумагой.

Сотни тысяч тонн песка были подняты в воздух. Непадающая подвижная завеса из песка.

Здесь, у Каменогорска, берут сильный разгон ветры, прорвавшиеся через отроги Уральского хребта. Может быть, ветер, не позволяя песчинкам оседать на землю, примчал эти мириады песчинок из раскалённой пустыни, — с берегов Аральского моря или откуда-нибудь из Каракумов?

Видимость ухудшилась, и иногда Вадим, подающий Токмакову сигналы рукой, и верхушка домны, со всеми людьми на ней, скрывались из глаз в пыльном затмении, в тончайшей сухой мгле. Но и тогда Токмаков удивительно отчётливо представлял себе своих монтажников, будто всё время держал их в поле зрения.

Все виделись Токмакову такими, какими он запомнил их перед подъёмом.

У Пасечника, когда тот слушал напутствие, был подчёркнуто-скучающий вид, даже золотистый чуб его поблёк. «Всё это я знаю не хуже тебя, — как бы говорил Пасечник. — Хватит наставлений. Скорей бы наверх».

Вадим, большелобый и сероглазый, слушал, как всегда, очень внимательно и молчал, стараясь точно запомнить все распоряжения Токмакова.

Бесфамильных опасливо посматривал вверх, бормогал себе под нос и смешно морщил веснушчатый лоб — так он хмурил несуществующие брови. Грудь его, вся в веснушках, была открыта, ветер забирался к нему за пазуху.

Борис был счастлив тем, что его отлучили от лебёдки и послали наверх, правда не на самую верхушку домны, но всё-таки наверх. «Константин Максимович! — снова прозвучал в ушах Токмакова звонкий ломающийся голос. Борис выговаривал в его имени-отчестве все буквы до одной. — Так буду стараться!.. Вот сами увидите!»

Пыль на время улеглась. Токмаков вновь увидел людей на верхушке домны.

Царга раскачивалась, трос ёрзал на крюке, испытывая его выносливость и хватку, пробуя вырваться из своего глубокого, узкого ложа. Снизу этот крюк, в полторы тонны весом, высотой в рост человека, казался совсем маленьким.

Двумя канатами-расчалками, оттянутыми в противоположные стороны, такелажники сдерживали царгу. Одна расчалка тянулась к верхушке каупера, вторая — к пылеуловителю.

И вот ветер — он вёл себя теперь, как буйн, — сильно дёрнул царгу, и расчалка, протянутая к кауперу, лопнула.

Катя принялась кричать что-то, словно она одна и никто больше не видит, что стряслась беда. Она сама не слышала и не понимала, что именно кричит.

Но Токмаков и сам всё видел, а там наверху видят ещё лучше его.

Если не натянуть новую расчалку, лопнет и вторая, и тогда уже царга, раскачиваемая ветром, станет игрушкой стихии.

Царга «заиграла» сильнее. Её швыряло в стороны, она неслась по какой-то сумасбродной кривой, она начинала крутиться то влево, то вправо, и обрывок троса никчёмно болтался под нею.

Нечего было и думать о том, чтобы посадить сейчас царгу на своё место. Она ударит в домну, сомнёт дощатые подмости на её верхушке, погубит людей. От удара может лопнуть по швам и сама царга, сваренная из стальных листов.

Тревожный гул голосов. Чьё-то «ах!». Девичий вскрик.

Токмаков тоже увидел, как человек ухватился за дощатые подмости царги и повис, раскачиваемый вместе с нею в воздухе.

Человек ухватился за царгу в тот момент, когда её пронесло над головами монтажников. Через плечо у него висел моток троса. Человек подтянулся на руках, ловко взобрался на подмости.

Когда пыль слегка улеглась, Токмаков увидел синий комбинезон и рыжеватую шапку волос.

— Коля! — крикнула Катя.

Она закрыла лицо руками, но тут же снова отняла их и ухватилась за концы косынки.

— Пасечник? — вскричал Нежданов, живо обернувшись к Кате.

— А то кто же! — грубовато бросила Катя.

Флягин тоже увидел Пасечника, повисшего на царге. Флягин схва-

тился за «лейку», но тут же опустил её. Слишком высоко, да и пыль мешает. Вот если бы с верхней площадки — какие изумительные кадры он мог бы заснять!

Из трансформаторной будки вышла Одарка и встала рядом с Катей. Она посмотрела вверх на царгу и принялась искать взглядом Вадима.

А наверху Пасечник делал то, что задумал. Он встал на подмости во весь рост, шагнул раз, другой и, прижимаясь к царге, начал разматывать трос. Потом, взобравшись на борт царги, Пасечник привязал на месте обрыва расчалки новый трос и помахал товарищам рукой, словно хотел этим сказать: «Давно ждал такой работёнки». Он уселся на борту, свесив ноги, безмятежно, как на качелях.

Карпухин даже крякнул:

— Ну и артист!

— Как под куполом цирка! — подхватил Нежданов. — На трапедии.

— Зачем цирк? — сказал Баграт. — Без сетки работает.

Пасечник посидел так с минуту. Он круто повернулся всем туловищем, съехал животом и грудью по царге снова на подмости и ухватился за их край. Когда царга вновь стала приближаться к домне, он повис на вытянутых руках, готовый к прыжку.

Как только царга оказалась над домной, Пасечник разжал пальцы и ловко спрыгнул на её верхнюю площадку. Он с удовольствием притопнул, ощутив себя снова на домне, и подмигнул рядом стоящему Борису. Тот подался к Пасечнику и даже заплакал.

Пасечник проводил взглядом свои недавние качели, уже отнесённые ветром в сторону, в серое от пыли небо.

Расчалку, привязанную Пасечником, подали на каупер, натянули, и царга заметно успокоилась.

Но ветер дул с прежней силой.

От подмостей, которыми была обшита неприкаянная царга, уже оторвалось несколько досок. Сорвался и полетел вниз фанерный щит с лозунгом: «Ни минуты простоя на домне Уралстроя». Потеряв равновесие, упал и со звоном разбился зеркальный прожектор.

9

Токмаков не спускал глаз с царги. Уже от одного этого зрелища он чувствовал физическую усталость, крайнюю её степень, почти изнеможение, будто сам он всё время держал на весу какую-то невыносимую тяжесть, будто нервы и жилы его были вплетены в трос вместе со стальными нитями.

«Где же застрял Матвейч? — вспомнил вдруг Токмаков. — Впрочем, без лестницы старик спускается по уголкам... Скорей бы его сюда. А я — сразу наверх».

Шесть витков по тридцать семь ниток в витке — подходяще. Но как подсчитать ветровую нагрузку? Шутка сказать — сто пятьдесят метров паруса! Прямо как шхуна.

У Токмакова совсем пересохло во рту от горячего ветра. Неужели это вчера вечером он пил у Берестовых чай с вареньем? Маша, сидевшая рядом, засмеялась и наложила второе блюдечко. После каждой ложечки она вскидывала глаза и притворялась испуганной: «Больше нельзя, а то в пот бросит, простудитесь. Всё-таки малина». Каким далёким стало это чаепитие! И кто это отодвинул вчерашний день на такое огромное расстояние от сегодняшнего утра? Маша и не подозревает, какое у него сегодня утро... Скрипят канаты, ветер свищет. «А мачта гнётся и скрипит»... Ничего с этой подъёмной мачтой не делается.

И трос должен выдерживать. Во-время сделали перестроповку. Восьмикратный запас — хорошо. А десятикратный — ещё лучше.

Опять дёрнуло царгу, опять её погнало в сторону.

Жаль, царгу не удалось посадить на пылеуловитель. Царгу нельзя также опустить на землю и отложить подъём. Для этого нужно обогнуть тот самый злополучный трос, а как это сделать, когда царгу шатает?

Значит, всё-таки единственный выход — посадить груз на место. И сделать это нужно как можно скорее.

Вдруг ветер разбушуется ещё сильнее? Или несчастье с тросом?

Наверно, наверху выбились из сил, да и людей нехватает. Послать сейчас людей наверх своей властью Токмаков не имеет права. Но добровольцы?

Токмаков подбежал к людям, наблюдавшим за подъёмом, остановился на фойлдорге, показал рукой на верхушку домны, и голосом, неожиданным громким для самого себя, прокричал, перекрывая шум ветра:

— Коммуни-и-исты, вперёд!..

Он прокричал эти два слова тем зычным командирским голосом, который ему самому всегда казался чужим, но который хорошо знали когда-то его сапёры, — голосом, полным страсти и вдохновения, непреклонной воли и отваги, требовательным и в то же время задушевым.

Токмаков первый рванулся к лестнице литейного двора, начинающей лабиринт лестниц, лесенок, настилов, подмостей и скоб, ведущих наверх.

Но, не добежав до лестницы, Токмаков остановился и горестно махнул рукой.

Мимо него пробежал, затягивая на ходу монтажный пояс, Баграт, электросварщик Шереметьев, прошёл своей неторопливой походкой Карпужин, пробежал, что-то крича на ходу, партгруппорг монтажного участка Гладких, Метельский и Нежданов, в своей грязно-бурой шляпе, напяленной глубоко на уши.

«А этот в очках и в шляпе зачем прётся?» — подумал Токмаков с раздражением.

Флягин, которому Нежданов на ходу, не оборачиваясь, бросил «вперёд!», снял было с шеи ремешок от «лейки», поискал глазами, кому бы её доверить, увидел, что Нежданов уже взбирается по лестнице, повесил «лейку» обратно и остался стоять, где стоял.

Рядом с Флягиным, заложив руки в карманы, стоял Хаенко. Куртка у него, вместо пуговиц, держалась на обрывках закрученной медной проволоки.

— Вон их сколько туда полезло! — показал Флягин наверх и добавил, оправдываясь. — Толкучка! Приличного кадра снять не дадут.

— Факт, не дадут! — подтвердил Хаенко.

Флягин покосился на него:

— Пожалуй, и места там не нашлось бы... Для всех...

— Факт, не нашлось бы!.. — сказал Хаенко уже с явной издевкой... —

А меня, собственно, туда и не звали. Вы тоже беспартийный?

Флягин ничего не ответил и отошёл от Хаенко подальше.

Лебёдкич Метельский поднялся по лестнице самым последним. Чем выше он подымался, тем нерешительнее становились его шаги. Он с ужасом посмотрел вверх, потом вниз, колени подогнулись, его ударило в пот, будто окунули во что-то холодное и липкое, и он сел на ступеньку, закрыв глаза, обхватив руками шаткие перильца.

— ... ни-и-ист... рё-уд! — донеслось до Токмакова откуда-то сверху, будто запоздавшее эхо.

И услышав этот приглушённый, разорванный ветром крик, Токмаков вдруг удивительно ясно и отчётливо вспомнил, как в бою за высоту

208,8 под Витебском, он, молодой командир роты, впервые кликнул этот клич. Он вспомнил и себя самого, своё внезапно отяжелевшее тело, которое каждой клеточкой своей прижималось к сочной июньской траве и которому так трудно было оторваться от земли и броситься навстречу смертному повисту пуль.

Но в том бою под высоткой 208,8 он, Токмаков, сам бежал в цепи. Бежать бы ему и сейчас впереди всех, перепрыгивая ступеньки, низко пригибаясь от ветра, задыхаясь от быстрого бега, на выручку к своим. А он провожает взглядом товарищей, внявших его призыву, и сам остаётся внизу, в безопасности.

Матвейча всё нет; Токмакову самому нужно управлять подъёмом, доверив все работы наверху Вадиму и Пасечнику. Кто же из них там командует? Вадим или Пасечник? Только бы не Дерябин.

Токмаков похвастал как-то в парткоме, что бригадиры у него один лучше другого.

«Один лучше другого? — ядовито переспросил Терновой. — А вот вы скажите, чем лучше и чем хуже?»

В самом деле, чем Пасечник лучше Вадима и в чём Вадим лучше Пасечника?

Оба бескорыстны, отважны, правдивы. Да, именно правдивы. Верховлаз должен быть очень правдив, прораб доверяет ему безгранично. Верховлаза, как разведчика на войне, часто некогда или нельзя проверить.

Вадим более осмотрителен. Зато Пасечник находчивее и отчаяннее.

Оба очень любят технические новшества. Вадим, прежде чем работать по-новому, сам на опыте хочет убедиться, что новый способ монтажа или новое приспособление лучше старого. Пасечник более жаден до всяких новинок и усовершенствований. Он может избрать и неверный путь, лишь бы он был новым.

Вадим во время работы помалкивает и не дёргает своих людей, а это большое умение — не дёргать людей. Какие бы ни были вокруг Вадима сутелока и ералаш — он остаётся медлительным на словах и в жестах. А Пасечник излишне шумлив. Любит во время работы слышать свой повелительный голос.

Вадим более пунктуален. Он любит слово в слово по-военному повторять приказы. Ему волей-неволей приходится отдавать все распоряжения по-фронтному: чётко, лаконично. А с Пасечником беда. Он вечно допускает какую-нибудь отсебятину, а потом оправдывается. Проявил, говорит, нездоровую инициативу...

На высоте, когда приходится работать без подмостей, Пасечник чувствует себя увереннее. Но зато на земле, когда верхолазы готовятся к подъёмам, когда много всяких расчётов, Вадим надёжнее. Пасечник на земле бывает ленив и небрежен.

И всё же, если бы Терновой опять спросил у Токмакова, кто из двух бригадиров лучше, — он затруднился бы ответить...

Токмаков вновь стал метрах в сорока от крана, чтобы видеть горизонт верхней площадки домны и чтобы машинист крана, который стоит за рубильником и всё время смотрит на прораба в окно будки, отчётливо видел его руки.

Машинист крана не видел ничего, кроме кисти руки прораба, подвижной и выразительной. Указательный палец обращён книзу — майна, крюк крана идёт вниз, а стрела его остаётся неподвижной. Если Токмаков слегка пошлёпывает ладонью по воздуху и опускает её всё ниже — сильно майна. Если после этого Токмаков показывает пальцем себе на зуб, значит груз следует опустить ещё самую малость, чуть-чуть. Если же нужно опустить не один крюк, а всю стрелу — вниз обращён боль-

шой палец. Токмаков откидывает руку, будто просит слова на собрании или властно требует тишины — стоп!

На верхней площадке домны стало многолюднее. Все ли успели прижаться? Все ли прочно стоят на ногах? Каждая ступня требует места, а места там — ох, как мало!

Кто-то перебежал на подгибающихся ногах заводские пути, неловко спотыкаясь о шпалы, то вихляя руками, то прижимая их к груди. Бегущий сильно сутулился, корпус его был наклонён вперёд. Матвейч, наконец-то!

Матвейч силился что-то сказать, но только размахивал руками.

— Сердце... — Матвейч шумно глотнул воздух. — Нашло время... Был верхолаз, да весь вышел... Бурум наверху...

— Бурум, бурум! Где ты пропадал?

Матвейч всё ещё не мог отдышаться:

— Ступай, Константин Максимыч... Я в порядке... Буду семафорить.

Токмаков бросился, пробиваясь сквозь ветер, к подножью домны. Он перепрыгивал через тросы, натянутые над самой землёй и пригибался под натянутыми повыше, он прыгал через трубы, брёвна, баллоны с кислородом, обегал тачки с кирпичом, штабели чугуновых плит, лебёдки.

Он понёсся по лесенкам, перепрыгивая ступеньки, с разгона беря поворотные площадки, жадно хватаясь за шаткие перильца.

На одной из верхних лесенок сидел Метельский. Он растерянно вскочил и стал боком, прижимаясь к перилам, а Токмаков тоже выставил плечо вперёд — иначе не разминуться. Метельский на какое-то мгновение ощутил на своём лице прерывистое дыхание Токмакова и втянул голову в чахлые плечи. Если бы прораб на ходу ругнулся по его адресу, Метельскому было бы не так стыдно. Он поднял глаза и увидел только ноги Токмакова, уже на следующей лесенке. Метельский хотел что-то крикнуть вдогонку, но не нашёлся, робко шагнул вслед и уселся на следующую ступеньку ещё более подавленный.

Позади Токмакова — лесенки, узкие дощатые трапы, подмости размером с подоконник. Вот она — верхняя площадка.

Увидев Токмакова, Вадим сразу перестал распоряжаться, и все, вслед за Вадимом, повернулись к Токмакову, ожидая его указаний. Пасечник весело ему подмигнул. Бесфамильных прокричал:

— Борьба со стихией, товарищ прораб!

Губы его дрожали.

Дерябин стоял, ухватившись руками за скобу, ни во что не вмешиваясь. Глаза его были прикованы к проклятой царге. Он был бледен и часто сплёвывал вниз, не замечая сердитых взглядов: верхолазы, когда работают на высоте, никогда не плюют на землю.

Вот так же моряки никогда не плюют в море.

Он отплёвывался от пыли и зло вспоминал: «А вам, Дерябин, полезно будет глотнуть свежего воздуха. Всё сквозняка боитесь. Кабинет у вас плохо проветрен». Вот и свежий воздух. Вот и сквозняк. Вот товарищ Дерябин и проветрился в командировочке!

Длинное лицо Дерябина с впальми щеками ещё больше заострилось, будто высушенное горячим ветром. Парусиновый картуз, измятый и почерневший, Дерябин напялил на уши.

Дерябин очень старался выглядеть спокойным и солидным, что ему не удавалось, и от этого тщетного старания вид у него был ещё более растерянный и жалкий. На лице его было ясно написано, что в успешный подъём он уже не верит.

«Не надо было торопить Токмакова, — твердил про себя Дерябин, косясь на царгу. — Да ещё при свидетеле, при Матвейче. А всё этот

Терновой виноват. Пристал тогда. Творческую смелость ему подавай! Вот и расхлебывай! Но почему я один должен отвечать за всё?...»

Дерябин смотрел на Токмакова просительно, почти нежно — на земле Дерябин никогда не смотрел так.

— Я вам не нужен? — спросил Дерябин тоном подчинённого, ожидающего распоряжений.

— Как будто нет.

— Тогда спущусь вниз. — Дерябин отпустил скобу и сделал такой жест, словно умывал руки. — Нужно дозвониться на аэродром. Насчёт погоды.

— Пожалуй, поздно, товарищ старший прораб.

— А подъём, собственно говоря, ведут бригадиры. Зачем нам с вами их подменять? Каждый должен нести ответственность за свой участок.

Едва Дерябин успел сойти с площадки, Пасечник подошёл к Токмакову и прокричал ему в ухо:

— Может, помочь товарищу? — Глаза Пасечника сверкнули озорным блеском. — Может, сам не донесёт?

— Что не донесёт?

— Ответственности! Несит её взад-вперёд. Может, устал человек? Так и надорваться недолго...

— Прекратите этот разговор, Пасечник!

— А что же? Дипломатничать, как вы? Примите уверения в совершенном почтении? Вот и вплили с дипломатией. С царгой что теперь делать? Целоваться с ней, что ли?!

Токмаков гневно поглядел на Пасечника.

— Отставить! Мой приказ. Я веду подъём. По местам! Будем ставить царгу.

— Понятно, — ступившаяся Пасечник.

Токмаков озабоченно посмотрел вниз. Он с трудом увидел сквозь пыль Матвейча, коротконогого, неестественно приземистого, как все, на кого смотришь с большой высоты.

Да, здесь на площадке ветер сильнее. Приходится напрягать веки, чтобы глаза были открыты. Рот Токмакова, когда он кричит, набит ветром. Пыль сюда не доносится, но завеса её висит над землёй. Как же Матвейч будет следить за его сигналами?

Здесь, на высоте десяти этажей, сейчас шумнее, чем внизу: тяжело-весный скрип такелажа, натужный скрежет блоков и тросов, хлопанье флага на верхушке крана. С площадки домны хорошо виден флаг — видна бахрома на рваных краях, нижний уголок оторван начисто. Ветер дерётся с листьями кровельного железа, которыми обшит подъёмник, ведущий на каупера. Ветер относит в сторону слова команды и чей-то свист.

И Токмаков вновь мысленно благословил добротный гибкий трос в дюйм с четвертью толщиной, из шести витков по тридцать семь ниток в каждом витке, да ещё пеньковый канат посередке — трос, на котором висела царга.

Царга то появлялась над головами монтажников, то её относило в сторону. Отяжками, крючками с длинными ручьятками, петлями из троса, а то и голыми руками люди пытались удержать царгу.

То держась рукой за трос, то цепляясь за подобие перил, ставя ногу то на уголок, то на скобу, то на крохотный выступ, где не умещалась вся ступня, Токмаков перелезал с настила на настил, бросал на ходу короткие приказания, менял людей местами.

В глазах Пасечника горел злой азарт, рыжеватый чуб особенно воинственно бился на ветру.

Бесфамильных по обыкновению суетился, горячился, сыпал ругательствами, сам себе подавал команды и сам себя подбадривал выкриками. Веснушки отчётливо виднелись на его сильно побледневшем лице. Сперва ветер надул его рубаху пузырям, затем вырвал из-за пояса, а теперь полёскал её полы.

Только сам Бесфамильных знал, каких усилий, какого душевного напряжения стоит ему эта бойкость, деланная весёлость. Он умел подавлять в себе страх, а вот Пасечнику или Токмакову подобное умение не нужно, они самого страха-то не испытывают, они не знают, что такое тошнотный ком, подступающий к горлу, или предательская дрожь в коленях. Бесфамильных завидовал, остро завидовал Пасечнику и Токмакову, которые сейчас, в минуту опасности, так непринуждённо спойкойны, что могут показаться беззаботными.

Карпужин и Баграт стояли тесно друг к другу. Выцветшая голубая майка туго обтягивала богатырскую грудь Баграта. Бледно-голубые лямки касались не плеч, а шеи. У Карпужина, как всегда, был недовольный вид, словно его силком заставили лезть сюда на верхотуру, в это пекло, на горячий сквозняк. Он злобно косился на царгу, которая кура-лесила на ветру.

Рядом с Карпужиным и Баграмом тянул за трос Нежданов. Он ещё глубже, на самые очки и на затылок, напялил шляпу, которую пытался сдёрнуть ветер. На стёклах очков густо осела пыль, но Нежданов не решался отпустить трос и протереть стёкла пальцами.

Токмаков удивился, увидев здесь Бориса. Тот должен был работать на одном из промежуточных поясов, в полной безопасности, но, видимо, воспользовался суматохой и поднялся сюда, на самую макушку. И следа страха не было на его разгорячённом лице. Борис мало что умел, хотя очень старался.

Работал и Гладких. Он то помогал тянуть трос, то хватался за чужой лом и при этом зычно покрикивал:

— Давайте, товарищи, поднажмём! Мобилизуем все силы!..

Гладких только отвлекал сейчас внимание монтажников от команд, подаваемых Вадимом.

Так, воюя с ветром, Токмаков облезил всю площадку по узким дощатым подмостям, заново расставил людей, заново распределил их обязанности.

Токмаков почувствовал, что иные работают уже из последних сил, без веры в успех. Наступил критический момент, когда достаточно пустяка, чтобы люди дрогнули, отступили или, наоборот, обрели новый запас сил, вернули себе уверенность и упорство.

Крановщик держал крюк с висящей на нём царгой, как обычно — над самым центром домны. Но ветер относил царгу в сторону, и её очень трудно было подтягивать обратно. Токмаков правильно рассчитал, что царгу всё равно будет сносить к центру домны и легче её подтягивать, чем удерживать. Он подавал Матвейчу сигнал — держать царгу не над площадкой, а с надветренной стороны, метров на десять восточнее. Несколько раз пришлось повторить сигнал, пока Матвейч понял его. Наконец, крановщик сделал то, что требовал Токмаков.

Вадим первый оценил остроумный манёвр прораба, но только молча кивнул, а Пасечник несколько раз показал большой палец и прокричал что-то одобрительное.

Самое скверное, что нельзя надеяться на сигналы рукой. За пылью не разглядишь кисть руки. Матвейч, боясь ошибиться, подолгу вглядывается, ждёт повторных сигналов, и кран опаздывает. Упущено немало благоприятных моментов. Надо добиться того, чтобы усилия крана и

людей точно совпадали между собой в узкие промежутки времени. Так рыбаки, вытягивающие на берег тяжёлый баркас, поджидают, пока под днище подкатит волна, бьющая в берег, чтобы объединить свои усилия с этой волной.

Нежданов тоже понял, что сигналить рукой сейчас нельзя. Ему вспомнился подъём конструкций на монтаже комсомольской домны ещё в первую пятилетку, когда во время снежного бурана несколько горластых ребят голосом передавали команды с этажа на этаж. Нежданов полез к Токмакову, чтобы посоветовать ему устроить такой же живой телефон. «Только бы не потерять, не разбить очки,— думал Нежданов, нащупывая ступнёй какой-то уголок.— Тогда я погиб».

Токмаков выслушал Нежданова и сразу подозвал Бориса:

— Спускайся вниз. Там Метельский загорает. Пусть там и торчит. Сам подымись на пять поясов выше Метельского. Во-он на ту лесенку. Будешь мою команду передавать Метельскому. А он — Матвейчу. Выполняй!

— Константин Максимович! Сделаю!

Борис спускался с сияющим лицом. Ветер немилосердно трепал и ворошил его светлый вихор.

Токмаков стоял, прихватив трос локтем, перегнувшись вниз, сложив руки рупором.

Звонким, ломающимся голосом Борис с быстротой эха вторил Токмакову.

Метельский на своём рубеже подхватывал команды и передавал их Матвейчу, крайне довольный тем, что и он — при общем деле.

Колебания царги становились всё меньше, совсем как у маятника часов, когда кончается завод.

Царга опускалась всё ниже, и вот уже не стало видно Пасечника и других монтажников, стоявших на верхней площадке, внутри домны. А монтажники, стоявшие вместе с Токмаковым на подмостях с внешней стороны домны, ловко перебирались на царгу, где уже побывал раньше Пасечник.

Просвет между телом домны и шестнадцатой царгой всё уменьшался.

И наступил, наконец, долгожданный момент. Сталь коснулась стали, и спокойный глухой звон возвестил, что царга легла на своё место. Её надёжно закрепили болтами. Она теперь стала верхушкой домны.

Ветер дул с прежней силой, но теперь казалось, что он внезапно ослабел, что не царга, а сам ветер очутился на привязи.

10

Монтажники гуськом спускались по узким сходам, лесенкам, лестницам.

Пасечник долго не уходил сверху. Он словно жалел, что царга лежит неподвижно и послушно на своём месте. Он лишь разохотился по-настоящему, он ещё не успел показать всем свою удаль.

Токмаков спустился самым последним. Прежде чем сойти вниз, он окинул взглядом строительную площадку, завод, окрестности. Только сейчас он заметил, что пруд вёл себя, как маленькое бурное море, белели гребешки волн. Где-то у мартена шёл паровоз. Он шёл быстро, но всё же никак не мог поспеть за своим дымом — ветер клочьями вырывал дым из трубы.

У подножья крана стояла толпа, и лица всех были обращены кверху. Токмаков узнал Матвейча по лысине, Катю по жёлтой косынке и Дерябина по нарусиновому картузу.

Спускался Токмаков так быстро, будто ему обязательно нужно было нагнать ушедших вниз монтажников. Он и в самом деле едва не нагнал Пасечника, шагавшего по лестницам с видом скучающего лентяя.

Едва Токмаков отнял руку от перил и ступил на землю, Матвейч протянул ему кепку. Токмаков смотрел на свою замызганную кепку и удивлённо вертел её в руках. «Когда потерял? Убейте, не помню».

Монтажники и добровольцы толпились, не расходясь, у подножья крана. Все стояли тесной кучкой, как на верхней площадке домны, а не на просторной земле.

Печать усталости лежала на лицах, они почернели от потёков пота, ржавой пыли, окалины. Словно все за эти несколько часов стали небритыми.

Бесфамильных в рубахе навывпуск безумолку комментировал минувшие события.

— Я за трос, а трос — от меня. Я нажал сильнее, а царгу ка-а-ак качнёт!.. Левая нога и сорвалась. Спасибо, пояс выручил. А то бы — одни брызги от меня остались...

Вадим молчал и жадно курил, пряча цыгарку от ветра в кулак. Лицо его почернело, как у всех, но лоб был белый и чистый, к нему грязь не пристала.

Здесь же среди верхолазов толкался чумазый машинист башенного крана. Только сейчас он вылез из своей будки и посмотрел на царгу, которую поднимал. Он устал от одиночества и молчания — всё утро с ним говорили жестами, как с глухонемым. И сейчас с ним никто не заговаривал. Неизвестно к кому обращаясь, он неестественно громко сказал:

— У нас на Байкале тоже ветерок налетает иногда. Короткий, а злой! Катер перевернуть ему ничего не стоит. Сарма — называют у нас тот ветер!..

Пасечник, ещё не дойдя до монтажников, крикнул издали:

— Дайте мне, не то помру!

Он приложил два пальца к губам и быстро отнял их, давая понять, от чего именно может умереть, если не уважат его просьбу.

Ему протянули сигареты, а Катя пачку «Беломора».

— А махорочкой не разживусь? Которая позлее?

Ему протянули несколько кисетов.

Сгрудились в тесный кружок, чтобы легче было свернуть цыгарки на ветру.

Борис пожалел, что он не курит, а то бы он ничем не отличался от всех остальных. Он опасливо вглядывался в лица — не смотрит ли на него кто-нибудь с усмешкой? Как будто нет. Может и в самом деле никто не заметил, как он плакал?

— Прошу, товарищ прораб! — гостеприимно раздёрнул Пасечник чужой кисет, увидав подходившего Токмакова.

Чья-то чёрная рука протянула из-за плеча обрывок газеты.

— Родная газетка, «Каменогорский рабочий»! — обрадовался Пасечник. — Вот её и свернём, товарищ корреспондент.

— И мне клочок оставьте, — добродушно сказал Нежданов.

— Ишь! А у самого сердце рвётся: газетку скуривают! — поддел Карпухин.

Токмаков начал скручивать цыгарку, и всё никак не мог её скрутить дрожащими пальцами, рассыпал махорку. Пришлось позаимствовать ещё щепотку из чужого кисета. Он склеил цыгарку и почувствовал, что губа распухла и кровоточит. «Это когда же я так искусал себе губы?»

Дерябин топтался поблизости, поджидая, когда Токмаков подойдёт к нему. Не дождавшись, Дерябин сам подошёл к монтажникам.

— А я, товарищ Токмаков, между нами говоря, на аэродром дозвонился,— сообщил он как о чём-то очень важном.— У них тоже самолёт чуть-чуть через крыло не перевернулся. Едва успели привязать.

— Что самолёт — царга чуть не полетела!

— Стихия! — Дерябин пожевал губами и сплюнул. — Нужно считать, ветер был метров тридцать пять в секунду...

— К сожалению, запоздала ваша сводка!..

— Ну, я тороплюсь,— перебил его Дерябин.— Дел ещё, откровенно говоря, по горло. Надо ещё про подъём Дымову доложить...

Когда Дерябин отошёл, Пасечник тоном фальшивого сострадания сказал:

— Трудно нашему начальнику! И в ветер, и в безветренную погоду.

— Это почему же? — спросил Бесфамильных.

Пасечник оглянулся на Токмакова и сказал, понизив голос:

— Трудно нос по ветру держать. Слышали, сегодня опять флюгер подвёл... С таким начальством только лёд сушить. Как только с ним наш прораб уживается!

Выкурив цыгарку, Баграт повёл мощными плечами и сказал:

— Эх, сейчас бы кружечку воды из Соук-Су.

— Товарищ Андриасов! — спросил Борис.— А что это за вода?

— Это в нашем Батуми родник есть такой. Лёд — вода! Зубы от неё ломит. Вкусная вода! К столу турецкого султана эту воду возили.

— Житуха у турецкого султана была не пыльная,— не удержался Пасечник.— Не хуже, чем в другом санаторий. Одно плохо — гарем. Целое женское подразделение! Я вот от одной тётки — и то сбежал...

— Товарищ Андриасов! Это какому султану воду возили? Которому запорожцы письмо писали?

— Тому самому,— заверил Пасечник.— Это мои предки писали письмо. Конечно, доплатное...

Всех сейчас легко было рассмешить, всем было весело.

Рядом с Борисом стоял Метельский. Никто над ним не трунил, никто на него не косился. Метельский, когда он хлопотал у своей лебёдки, был исполнительным и добросовестным работником. Что же делать, если он панически боится высоты! Некоторые страдают высотобоязнью. Это — как морская болезнь, от неё нет лекарств.

Пасечник сделал ещё несколько глубоких затяжек, затоптал окурок и неожиданно запел озорным голосом:

Поднимали мы колесечко,
А в колечке тридцать тонн,
Тридцать тонн...

Пасечник сделал паузу, подмигнул Кате и продолжал:

А быть может, тридцать пять,
В самом деле тридцать пять —
Да!

Катя во все глаза смотрела на Пасечника. Она хотела бы скрыть, что он ей нравится, но как это сделать? Встречая его самоуверенный и чуть насмешливый взгляд, Катя смущалась. К тому же она — только от горна, вся в копоти, саже и такая растрёпанная.

Она уже решила было подойти, но Пасечник, глянув на папиросу в её руке, отвернулся.

К нему подошёл Нежданов:

— Ну как, товарищ Пасечник? Взяли господствующую высоту?

— Штурмом! Разведка обеспечила успех!

— А связь? А второй эшелон? — показал Токмаков на Бориса и Метельского.

Борис обиделся:

— Какой же я второй эшелон? Я в первом был.

— Верно, пенчик! Как ветер поднялся — он вспорхнул наверх, — сказал Пасечник и добавил не без ехидства в адрес Токмакова: — Про-явил, так сказать, нездоровую инициативу...

Токмаков усмехнулся:

— Ну, это болезнь распространённая. Особенно в моей разведке.

Пасечник, а за ним и все, рассмеялись. Нежданов записал что-то в блокнот.

— Ну и материал у меня сегодня! Очерк о монтажниках напишу: «Господствующая высота!»

— Уже и заголовок придумали?

— А как же! Всё начинается с заголовка... Товарищ Токмаков, ответьте на сугубо корреспондентский вопрос. О чём вы думали в минуту самой большой опасности? Ну, когда расчалка лопнула?

— О чём думал? — Токмаков потёр лоб, вопрос застал его врас-пloch.— Чёрт его знает, о чём думал. Если не ошибаюсь, о том, что бѹду делать в следующую минуту...

— Замечательно! Значит не растерялись. А я уже решил, что аварии не миновать.

— При таком урагане всего можно ждать. Но кран нас всё-таки выручил. Такой оказался силач!.. Знаете, что я решил?

— Что?

— Нужно смелее укрупнять детали. Сократить число подъѹмов. Если кран выдержал двадцать восемь тонн при таком урагане... В общем, если работать осторожно, а не очертя голову, как сегодня... Можно такие тяжеловесы подымать! Весь график монтажа сожмѹм. Убедѹн в этом!

— Обязательно напишите об этом в «Трибуну опыта».

— До трибуны ещё далеко, — отмахнулся Токмаков. — Надо ещё всё как следует подсчитать с карандашом...

Борис почтительно тронул Токмакова за рукав:

— Константин Максимович! Хотел у вас спросить... Я буду верхо-лазом?

— Всему своё время. Разве на фронте новичков посылали в развед-ку? Верхолаз на стройке — тот же разведчик. Тебе сегодня страшно было?

— Ни капельки!

— Вот и плохо... Ни капельки! Думаешь, это — храбрость? Просто опасности не понимаешь. А мне вот страшно было. Иначе сегодня и быть не могло...

Токмаков снова посмотрел на верхушку домны. Однако как болит шея! Раньше он этого не замечал.

Последняя царга увенчала домну, ставшую от этого выше и строй-нее. Над царгой, опутанной стропами, попрежнему висел крюк крана, будто он собрался поднять всю домну целиком.

Виден был и кусок провисшего, отдыхающего от тяжести троса — ещё недавно он был натянут, как струна.

Небо, полное свежести и простора, без единого облачка, синело над

головой. «Это когда же исчезли облака? Убейте — не помню! И ведь всё время смотрел вверх!»

Токмаков с любопытством огляделся. Паровозы, как им и полагается, бежали впереди своих дымков. Девушки нагружали тачки цементом, и он, как обычно, курился над лопатами лёгкими пепельными облачками, тут же оседающими. Флаг на башенном кране вёл себя совсем спокойно. Заводские дымы, отягощённые копотью, неторопливо тянулись на восток. Как быстро и незаметно утих ветер!

Где-то высоко вспыхнула первая звезда электросварки, пониже — вторая, и скоро уже лазурное созвездие заискрилось на нескольких поясах. Шереметьев, стоявший среди монтажников, поправил на голове фибровый щиток, похожий на рыцарское забрало, и заторопился.

— Ну, вам отдыхать, а нам работать,— бросил он монтажникам.

С каупера донеслась дробь пневматического молотка. Карпухин, Баграт, а за ними и Катя озабоченно повернули головы на звук. Первому молотку отозвались ещё несколько, будто все клепальщики только и ждали этого сигнала.

— И нам пора,— сказал Карпухин, повернулся, собираясь итти, но столкнулся с Терновым.

Судя по встревоженному лицу, Терновой уже знал о событиях сегодняшнего утра.

— Ты что тут делаешь, Захар Захарыч? В монтажники записался?

Карпухин ещё не успел ответить, как Гладких поднял упавший ранее сверху фанерный щит «Ни минуты простоя на домне Уралстроя» и поспешил с ним — от греха подальше — к лестнице.

— Нас, Иван Иванович, ветер с каупера прогнал,— объяснил Карпухин, с усмешкой взглянув вслед Гладких.— Мы внизу стояли, когда вся заварушка началась.

— Внизу? А мне сказали, вы на домне были.

— Были. Прораб пригласил туда коммунистов.

— Разве вы — коммунист? — Терновой обернулся к Баграту.

— Пока беспартийный. Но в данном случае...

Токмаков с удовольствием сказал:

— Совершенно верно, Баграт.

— А вы, оказывается, старые знакомые! — удивился Терновой.

Оба — Токмаков и Баграт — улыбнулись. Терновой вспомнил:

— Тот самый Андриасов, которого мы с вами к Захар Захарычу определили?

Баграт стал по команде «смирно», отчего его могучие плечи и грудь стали ещё внушительнее, и отчеканил:

— Так точно, товарищ гвардии подполковник!

— Осведомлённый народ!

— У нас на кауперах, Иван Иванович, всё известно,— сказал Карпухин.— Получше, чем в отделе кадров. Они там уткнутся носом в анкету — и всё. А нам сверху всё начальство видно, как на ладони. Оттуда, с верхотурья, каждого начальника видно, что он из себя представляет. Кто без толку носится, кричит про свою ответственность, а сам — шишка на гладком месте. А кто действительно темпами командует. Мне сверху всё видно...

— Знаешь, Захар Захарыч, свысока на людей смотреть отовсюду плохо: и из канцелярского кресла, и с твоего верхотурья.

— Ну, мы пошли, Иван Иванович,— надулся Карпухин.— Катя, опаздываем!

Следом за Карпухиным, Багратом и Катей, которая на ходу всё оглядывалась на Пасечника, ушёл, торопясь в редакцию, Нежданов.

Токмаков осмотрелся,— остались только свои: Матвейч, машинист крана, монтажники из бригад Вадима и Пасечника, лебёдчики, таке-лажники.

— Почему сегодня такой подъём затеяли? — строго спросил Терновой.— Вы же знали сводку погоды, товарищ Токмаков?

— Сводки я не знал.

— Как же не поинтересовались? Погоды ещё вчера нам не обещали. Наоборот, бурей пугали. Кто же это распорядился подыпать царгу?

Матвейч попытался влезть в разговор:

— Если разобраться, так ведь...

— Я поднял царгу,— перебил его Токмаков и процедил сквозь зубы: — График есть график. Не срывать же график!

— А если бы царга сорвалась?

— Я сделал перестроповку. Взял трос с запасом прочности в десять раз. Вместо дюйма — дюйм с четвертью.

— Но вы же силу ветра не знали? Вы же в сводку не заглянули? Токмаков озабоченно потёр лоб.

-- О чём говорить? Ведь подняли?

-- Вы думаете, победителей не судят? Нам важна не только сама победа. Но и какой ценой она добыта. Её себестоимость!

Терновой быстро зашагал прочь, с усилием опираясь на палку и хромя больше, чем обычно.

Матвейч с состраданием посмотрел на помрачневшего Токмакова.

— Что же, Константин Максимыч, получается? Старший прораб Дымьву там рапортует, а мы тут ответственность несём? Выходит, Дерябину — коврижки, а нам с вами шишки?

— Хватит скрипеть! Пора за работу.

Токмаков взглянул на спокойное небо, на тихий флажок наверху и голосом громким и резким, голосом, который был отлично знаком монтажникам, отдал приказ готовиться к новому подъёму.

11

— Товарищ Токмаков — прошу!

Терновой стоял на пороге кабинета, широко распахнув дверь.

Сколько Токмаков помнил, в этой приёмной всегда было многолюдно. А сегодня народу было и вовсе много, так как через полчаса начиналось заседание бюро.

Токмаков пришёл немного раньше назначенного времени. Он сидел в приёмной и ломал себе голову: зачем его вызвал Терновой? Может, собрались судить победителей? А за что? За то, что он точно выполнил приказ старшего прораба? Матвейч, конечно, сказал бы Терновому: «Мы люди маленькие, Дерябин приказал». Но Токмаков помнил, как он крикнул Пасечнику: «Мой приказ!» Да, он сам готов за всё отвечать. Приказ есть приказ — так его воспитал фронт.

Токмаков с досадой подумал, что ещё только вчера он собирался итти в партком к Терновому, как к близкому человеку, посоветоваться с ним о своём намерении остаться в Каменогорске, а сейчас Токмаков пришёл к Терновому как к судье, хотя и не чувствует за собой никакой вины.

Теперь, пожалуй, не скажешь Терновому, что эта домна — последняя для Токмакова. Ведь не поймёт он, почему Токмаков решил навсегда покончить с кочевьем. Ещё чего доброго подумает — испугался бури, испугался ответственности.

Когда Токмаков проходил в кабинет, он услышал за спиной чей-то приглушённый голос:

— Ну конечно, тот самый прораб, читали сегодня? В такой ветер... Токмаков самодовольно улыбнулся: «Господствующая высота! По-фронтovому!»

Терновой назначил встречу на половину седьмого, и Токмаков невольно скользнул взглядом по циферблату стенных часов — тридцать пять седьмого.

Ниже часов, как раз против стола Тернового и второго стола, при-мыкающего к первому, висел портрет Сталина, такой же, какой он видел позавчера в доме Берестовых. Сталин попыхивал трубкой и чуть-чуть щурился от невидимого дыма, так что в уголках глаз обозначились ласковые морщинки.

— Давно хотел поговорить,— сказал Терновой, показав на кресло.

Терновой подождал, пока сядет Токмаков, и уселся сам.

Он был, как всегда, в парусиновом кителе, такая же кепка лежала на столе. Терновой относился к тому типу людей, которых очень трудно представить себе при галстукe и в шляпе. Он был коротко острижен, но спереди оставлен чуб — чёрный, с проседью. Такая причёска всегда молодит.

— Ну, как Матвейч?

— Старается. Занятий не пропускает.

— Хвалю. Ученика и учителя. Ему раньше дочка помогала. Теперь она в родильном доме практикует. Какая там математика? Младенцев пересчитать разве... Со счёту не собьётся..

Терновой засмеялся, не сдерживаясь, во весь голос. Тут же он провёл рукой по лицу, как бы стерев улыбку.

Токмаков сидел ершистый, молчал.

— Немного иногда нужно сделать, чтобы сохранил человек равновесие. Руку во-время протянуть. Палец один! И человек удержался на ногах. Кстати, насчёт равновесия. Инспектор по технике безопасности опять жалуется. Что это вы нам, цирк, что ли, в Каменогорске открыли? Тоже нашлись короли воздуха! Рыжий этот, с чубом...

— Мой лучший верхолаз Пасечник.

— ...Потом тот, у которого всегда душа нараспашку... — продолжал Терновой, словно не замечая вызывающего тона Токмакова.— Ну, тот, с веснушками...

— Бесфамильных. Тоже отличный верхолаз.

— ...Да и прораб у них, доложу я вам... — усмехнулся Терновой.— Какой-то заслуженный артист без пубрики.

— Это — в мой огород?

Терновой вновь провёл рукой по лицу и сразу стал строгим.

— Вы же должны знать, товарищ Токмаков. На переднем крае дисциплина всегда крепче...

— Совершенно верно!

— Так и у вас должно быть, у верхолазов. Вы — боевое охранение всей стройки. Подумаешь, господствующая высота! Мало взять высоту...

— Я знаю. Надо закрепить на ней.

— Мало закрепить, надо двигаться дальше, а дисциплина у вас слаба. Слаба... Командир подаёт плохой пример.

— В чём плохой пример? Ведь вчера...

— Вчера, вчера,— перебил Терновой.— Пасечника за вчерашний подвиг, будь это в моей власти, орденом наградил бы. И сами вы вчера наверху смело действовали. Вчера — прыгать по уголкам, по кронштейнам — это был героизм. А раньше — только озорство.

— Я думаю, смелость — всегда полезный пример.

Терновой неодобрительно покачал головой:

— Нет, не всегда... У Толстого хорошо сказано насчёт храбрости. Главное — знать, чего нужно и чего не нужно бояться. Так вот: храбрый человек — это тот, который боится только того, чего следует бояться. И не боится того, чего бояться не следует. Всё зависит от того, чем вы руководствовались в момент опасности. Какие нормы поведения избрали для себя. Если вы сделали выбор под влиянием чувства долга, значит вы храбрый человек. Ну, а если человек поступился своим долгом?

— А когда я поступился своим долгом?

— А вот вы по узенькой балочке, как по бульвару прогуливались. Знаете, что я вам скажу? Храбрость самоубийцы — самая отвратительная трусость.

— Я трус?! — Токмаков вскочил с места и весь подался вперёд.

— Да, если хотите знать, это — трусость, — спокойно подтвердил Терновой, его слегка раскосые глаза сузились. — Разве человек, который рискует жизнью из тщеславия, ухарства, нездорового любопытства или, предположим, — не в наших условиях, — из желания сделать бизнес, разве такой человек — храбрый человек? Конечно, нет! Ведь когда вы бессмысленно лезете на рожон, вы забываете о своих элементарных обязанностях перед обществом. Вы коммунист. Вы забываете, что нужны партии живой. Когда потребуется для дела ваша жизнь — вам прикажут и, я знаю, вы не дрогнете. Какое вы имеете право пижонить?

Терновой, всё больше распаляясь, нервно постукивал кулаком по столу и стал шаркать раненой ногой под столом, словно она ещё сильнее заныла, не давая ему покоя.

— В конце концов, — почти кричал Терновой, — у вас есть обязанности перед семьёй. Да, нет у вас семьи. Ну, мать у вас есть?

— Есть, — тихо сказал Токмаков.

— А если бы ей командир написал, что её сын нарушает приказ и маячит под огнём без каски, в пилоточке? Какой бы это был для неё удар? Мать ночи не спит, все глаза выплакала, дрожа за жизнь сына, а он, видите ли, хорохорится, смелость свою демонстрирует... Ведь вы с фронта письма писали? Сколько мать горя приняла, волнуясь за каждый ваш шаг, за каждый час вашей жизни!

Терновой помахал перед собой рукой, будто отгонял несуществующий дым, — значит крепко сердился.

— А главное вот ещё что, товарищ Токмаков. Вы забываете, что вам доверена жизнь людей. Жизнь Пасечника, жизнь Бесфамильных. Жизнь этого молоденького паренька, сына Берестова, Бориса... А если он вам начнёт подражать? Если разобьётся? Мы с вами за его жизнь отвечаем!

Токмаков вначале порывался перебивать, возражать, его обидела была резкость Тернового. Потом, когда тот заговорил о матери, Токмаков вспомнил, что и с ним такое бывало. Он хаживал мишенью под пулями, стесняясь пригнуться, чтобы не сказали «полтинники собирает». Он даже собирал на минном поле землянику для девушки из медсанбата. Токмаков вспомнил всё это и почувствовал, насколько прав Терновой. Ведь когда Дымов обидел его, сравнив с Дерябиным, он пошёл гулять по балочке тоже из озорства, чтобы порисоваться перед геодезистом и его помощником речником.

Терновой, словно боясь своей вспыльчивости, боясь не сдержаться, вскочил и заковылял прочь из кабинета, резко распахнув дверь. Он тут же вернулся и протянул Токмакову какую-то бумагу:

— Читайте!

Терновой откинулся в кресле и прикрыл глаза рукой.

Самой тяжёлой обязанностью комиссара полка на фронте была обязанность подписывать похоронные извещения семьям погибших. По многу раз приносил полковой писарь на подпись одни и те же извещения, и у Тернового не сразу поднималась рука их подписать. То он говорил, что ему некогда сейчас, то он заставлял писаря обзванивать ещё роты, то он гонял его к комбатам, и когда всё-таки приходилось подписывать, Терновой с трудом брал перо, подсаживался к каганцу, клал планшет на колени, мрачнел и снова спрашивал: «А в медсанбате проверили? Человек, возможно, после операции поправляется?..» Помимо извещений, Терновой сам вменил себе в обязанность писать письма семьям погибших.

Он писал родным о подвигах героев — погибших и живых, — поздравлял с наградами. Он писал в освобождённые города и сёла, чтобы на месте увековечили имена героев. В полк приходили сообщения, что там назвали именем героя школу, там — колхоз, там — улицу, там украсили могилуobeliskом и обнесли её оградой. И когда однажды, уже после войны, Терновой проехал дорогой наступления — история полка предстала перед ним, увековеченная в благодарной памяти народа.

Поздравить семью награждённого, отличившегося на стройке, Терновой считал такой же обязанностью, как и в былые дни на фронте. Он никогда не мог забыть о потерях своего полка и был поистине счастлив, что на этом—мирном—фронте нет и не должно быть людских потерь.

Токмаков читал, и лицо его светлело.

В его руках было поздравление руководителей «Уралстроя» семьям участников подъёма царги. «Премиируется за трудовой подвиг...» — перечитывал Токмаков.

«Подвиг! А ведь как ругал, а?» И тут же вспомнил про проект приказа о Пасечнике, который он уже подписал было, но после ветреного утра решил не отдавать Дерябину: «Хорошо, что не снизили ему разряд. Вот бы история получилась! Одной рукой наказывать, другой — награждать!»

— Нравится? — спросил Терновой.

— А как же! — сказал Токмаков.

Терновой, сузив глаза, посмотрел на него и тихо сказал:

— А если бы иное пришлось писать семьям? Понял ты теперь?

Токмаков передёрнулся, словно его хлестнули по больному месту.

А Терновой перегнулся к нему через стол и интимно сказал:

— Ну, хорошо, хорошо. Дай адресок матери. Напишу ей. Не бойся, только про вчерашнее. Про старое не буду. Ты давно её не видел?

— Да как же я её увижу, когда мотаюсь со стройки на стройку? Бродяга из бродяг. Три года на постоянный партийный учёт не становился. Всё временно!.. Я давно с вами хотел поговорить. Хочу осесть.

— Что, женишься?

— Да не в этом дело, — замылся Токмаков. — Я разговаривал с Дымовым, он согласен. Хочу остаться в Каменогорске. На постоянную работу.

— Дымов, тот хороших работников любит, — неопределённо произнёс Терновой. — Кого угодно переманит. Не постесняется!

Токмаков покраснел и сказал обиженно:

— Я же не за длинным рублём гонюсь. Не за должностью... Сами посудите! Четыре года — на фронте. А после войны чемодана распаковать не пришлось. Ни кола, ни двора... А потом, если говорить формально, я всегда могу уйти из «Стальмонтажа». По инвалидности.

Токмаков взглянул на палку, приставленную к столу, и смутился.

— Но не в этом дело, — продолжал Токмаков. — Хочу жить оседло... Доучиться никак не могу, на третьем курсе застрял.

— Ну, что я могу сказать? Уговаривать вас, как Дымов, не собираюсь. Потому что и в «Стальмонтаже» вы нужны. Очень нужны. И, может, завтра будете нужнее, чем сегодня. Но и возражать против перехода не имею оснований... Вот и на постоянный учёт станете...

Зазвонил телефон, Терновой взял трубку.

— Да, как всегда... Нет, почему же? Хорошо, Иннокентий Пантелеймоныч. Как раз ко второму вопросу... Какой прораб? Ты имеешь в виду Токмакова? Знаю, знаю. Он мне сам сказал. Переманиваешь?.. Орёл?.. Ты, кажется, этого орла уже приручил... Хорошо, не возражаю...

Терновой положил трубку, нажал кнопку звонка и сказал вошедшей секретарше:

— Дымов опоздает. Переставьте первые два вопроса в повестке дня. Начнём со снабжения овощами.

— Вы, оказывается, всерьёз решили у нас остаться, — сказал Терновой Токмакову. — Вот и Дымов говорил насчёт вас...

Из-за двери доносился шум голосов. Терновой взглянул на часы.

— Ещё один вопрос к вам. Почему вы меня вчера обманули? Почему скрыли, что приказ о подъёме дал Дерябин?

— Я согласился с его приказом.

— Гладких мне рассказал, как вы спорили с Дерябиным. И правильно спорили. Но не dospорили до конца.

— Гладких наговорит! Никогда толком не разберётся и бухает.

— Оба вы не разобрались в существе дела. Вы не поняли, где кончается стихия и где начинается стихийное администрирование. Вы неправильно ведёте себя с Дерябиным. Робеете... — Токмаков снова привстал, глаза его потемнели. — Да, робеете. Садитесь. Я знаю, что вы умеете ссориться с начальством. Но с Дерябиным не хотите ссориться. Неровен час, подумают, что сами метите в старшие прорабы, что подсиживаете Дерябина. Потому его и не критикуете. Так?

Токмаков промолчал.

— Мало ли что Дерябин главный инженер главка! Он ведёт себя на стройке как временщик, как сезонник. Эдакий отходник, командированный из министерства... А если вы твёрдо убеждены, что поведёте монтаж лучше Дерябина, что вы сильнее его — вы обязаны его «подсидживать»! Не бойтесь этого слова. Не бойтесь, что вас назовут карьеристом. Честному человеку нечего бояться обывательской молвы.

Терновой продолжал, совсем спокойно:

— Между прочим, вы мою ошибку повторяете. Когда я принял стройку после армии, я тоже стеснялся ругать своего предшественника. А он того заслуживал. Бригада ЦК партии тогда работала на стройке. Мне указали на ошибку. К чёрту деликатность, если нужно ломать старые порядки! Если того дело требует!.. А потом ещё один совет разрешите дать. Дерябин боится ответственности, как чёрт лада-на. А вы взваливаете на себя чужую ответственность. А это не достоинство. Вы отвечайте только за то, за что вам отвечать положено, и не приучайте людей прятаться за вашей спиной. Спина у вас широкая. Вот и начнут за неё прятаться не только Дерябин, но и ваши подчинённые...

Терновой встал с места, прощаясь с Токмаковым.

— Ну, а насчёт вашей просьбы, видимо, должен решать министр. Вы ещё подумайте. Окончательно решите, когда достроите домну.

Токмаков расстался с Терновым в смятении. Разговор оставил какой-то смутный осадок. Он ждал суда — суда, конечно, не было. Но и героизм себя он теперь не чувствовал. Подумаешь, «господствующая высота». Зря он не поговорил с Терновым о главном, что дало вчерашнее утро.

До вчерашнего утра тот спор с Дерябиным на оперативке практически не был разрешён. Токмаков не сомневался, что надо сделать попытку отступить от проекта, и предлагал Дерябину провести первый укрупнённый подъём тяжеловеса. Ведь то, что на земле можно смонтировать за сутки, на высоте иногда приходится монтировать неделю. Но Дерябин под всякими предложениями отказывался. Он считал неизблемым всё, что он утвердил когда-то, сидя в министерстве, и что уже много раз испытано, опробовано, проверено.

И вот — не было бы счастья, да несчастье помогло. Можно утяжелить подъёмы! Это главное, что принесло вчерашнее утро. Об этом, а не о героизме монтажников, надо было разговаривать с Терновым. Сейчас Токмаков подумал, что, может быть, именно потому он так легко и согласился с сумасбродной затеей Дерябина, что ему не терпелось дернуть. Впрочем, он же не знал, что ветерок разыграется и достигнет силы урагана. Конечно, он рисковал необдуманно, в этом Терновой прав.

В приёмной, куда вышел Токмаков, было многолюдно и шумно. Больше всех шумел Нежданов. Он тыкал пальцем в кучку огурцов, выложенных на стол, и грозил какому-то дядьке.

— Пусть Иван Иванович полюбуется, какими ты огурцами торгуешь!

Это и в самом деле были огурцы-уроды — вялые, пожухлые, бурые, давно перезревшие, — совсем карлики или, наоборот, огромные, похожие на маленькие тыквы.

— Ты ещё мне два целковых отдай! — бушевал Нежданов, воинственно блестя стёклами очков. — Которые за эти вещественные доказательства уплачены. Есть твои огурцы всё равно нельзя. Ими только тебя срамить.

— А вот ты заметку про эти огурцы напишешь и ещё на салат заботаешь, — огрызнулся снабженец.

— Подожди, сейчас Иван Иванович тебя салатом угостит!

Нежданов пытался собрать огурцы в пригоршню, но как он ни растопыривал пальцы, огурцы не вмещались в ладони. И тогда Нежданов сгрёб их прямо в свою шляпу и потащил снабженца к Терновому.

Токмаков вспомнил о предложении Нежданова написать про укрупнение подъёмов в «Трибуну опыта». Нет, какой из него писака! Надо сесть и всё рассчитать, пойти с этими расчётами к Гинзбургу, чтобы подъём «свечей» провести уже вдвое быстрее. «Сжать график!» — Дымов твердил об этом каждый день. Шестидесят семь дней осталось до пуска домны. Два месяца и семь дней. Может быть, монтаж удастся закончить быстрее, быстрее пойдёт вся стройка, и домну задуют раньше. Ещё два месяца и семь дней! А что дальше? А потом куда? На Алтай или в Керчь?

Токмаков так и не понял — одобрил Терновой его намерение остаться в Каменогорске или он против? А почему бы Терновому быть против? Ведь вот Багра́т — останется же он с Таней в Каменогорске надолго, может быть навсегда. И никто не упрекнёт его в том, что он ищет жизни полегче. Разве строить новые дома в Каменогорске — значит искать жизни полегче? Разве для того, чтобы чувствовать себя участником великого строительства, нужно быть подвижником, скитальцем? «Буду строить Каменогорск!» Токмакову захотелось скорее поведать об этом решении Багра́ту и Тане — «принимайте земляка!»

Баграт сегодня работает ночью, сейчас он, наверное, спит. Что же, стоит и разбудить друга ради такой новости!

Токмаков вышел было из парткома, но вдруг вернулся и спросил в приёмной секретаршу:

— Можно от вас позвонить?

— У вас срочное дело?

— Личное.

— Личное дело тоже может быть срочным. Только, по-моему, вам удобнее звонить из парткабинета, наедине.

— Вы угадали, — улыбнулся Токмаков, и его словно осенило. — Как позвонить в лесопитомник?

Секретарша протянула ему телефонную книгу.

Странно выглядела телефонная книга города Каменогорска. Сперва шли телефоны металлургического завода, рудника и всех четырнадцати строительных управлений треста «Уралстрой». Они занимали три четверти книги. Можно было позвонить прямо на скиповый подъёмник третьей домны, в динамитный склад на руднике, на главный пост блуминга, на гранитный карьер, в цех оконных переплётов деревообделочного комбината. Все прочие телефоны, установленные в учреждениях или на квартирах, были как бы вспомогательными и ютились в конце книги.

Лесопитомник значился в книге сразу вслед за четырнадцатым строительным управлением.

В парткабинете за стеной и на самом деле было сейчас пусто.

Решив позвонить Маше, Токмаков повеселел. Наверно, она очень удивится его звонку.

— Левый берег. Два шестьдесят два.

— Слушаю... Ну, кто там?..

— Здравствуйте, Маша. Не узнаёте?

Она ответила не сразу.

— Вот не ждала! Здравствуйте, Константин Максимыч!

Голос всё тот же, и всё то же певучее уральское произношение.

— Удивляетесь? Извините, если оторвал от дела.

— Нет, пожалуйста! Уже отоспались?

— Как медведь. И у вас тогда, и когда до дому добрался.

— Я не о том. После вчерашнего отдохнули? Борис говорит, у вас творилось что-то страшное.

— Та буря уже позади.

— Разве была новая?

— Только что. В кабинете у Тернового.

— Вы расстроены?

— Нет, я рад.

— Тому, что вам попало?

— Знаете, Маша, я, кажется, остаюсь в Каменогорске.

— Насовсем?

— Да. Вас это огорчает?

Маша молчала. Слышалось только её дыхание. Токмаков представил себе, как стоит сейчас у телефона Маша. Голова чуть склонена набок. Рот полуоткрыт. Брови, высокие, словно она чем-то удивлена, приподняты.

— Маша, вы меня слышите?

— Я вас хорошо слышу, Константин Максимыч.

— Нам кто-то мешаёт?

— По-моему, нет.

— Алло! Повесьте трубку. Мы разговариваем. Кто-то третий на про-
воде.

— Ну и пусть! Он нам не мешает.

— Вот теперь хорошо слышно.

Смешок. Оба молчали.

— Что же вы замолчали?

— Я не привык говорить по телефону. Мы давно не виделись.

— Разве? Два дня.

— Сорок восемь часов. Вы сегодня заняты?

— Да. А вы?

— Тоже.

Оба рассмеялись.

— А завтра?

— Завтра у меня подъём. Очень ответственный.

— Только осторожней прыгайте, берегитесь.

— Борис вам уже наговорил?

— Я сама прочитала... Знаете, в нашем саду буря поломала яблоню.

— А как ваши козостойчивые?

— Выстояли.

Кто-то зашёл в парткабинет и начал ворошить подшивки газет на
столе.

— Я вам ещё позвоню. Завтра или послезавтра. Можно?

Маша рассмеялась.

— А сегодня вы просили разрешения?

— Набрался храбрости.

— Ну, до свиданья!

— До скорого свиданья!..

13

Третий день приходил Нежданов к Дымову, напоминая о статье,
которую тот обещал написать.

Комната, в которой обычно шли оперативные совещания, принадле-
жала прежде начальнику одной из строительных контор. Дымов выселил
этого начальника в соседнюю комнату, а сам перебрался сюда из треста.
Так командир во время трудного боя совсем не показывается в штабе
и всё время сидит на своём наблюдательном пункте или, как говорили
военные, «на глазах».

Передний край строительства проходил по площадке домны, и Ды-
мов проводил здесь большую часть времени.

Но он оставался управляющим трестом «Уралстрой», он в это же
самое время строил коксовую батарею, мартеновские печи, прокатный
стан, рудообогатительную фабрику.

И вот все заместители Дымова, начальники отделов и старшие про-
рабы, не заставшие его в тресте или разминувшиеся с ним на своих
участках, приезжали к нему на домну.

Тесная приёмная (её называли предбанником) всегда была полна
народу. Часам к девяти, когда обычно заканчивалось оперативное сове-
щание, к невзрачному дощатому домику на площадке съезжалось мно-
жество машин.

В коридорчик, из-за двери с табличкой «коммутатор «Домна», доно-
сился безразличный галос телефонистки: «Дымов занят... Соединяю...
Готово... Разъединяю для Дымова... Будет говорить Дымов»... Слыша-
лось щёлканье, с которым наконечники на пружинящих шнурах вскаки-
вают в гнезда коммутатора.

— Что же я могу сделать,— говорил Дымов сидящему перед ним Нежданову. — Тяну я, тяну с этой статьёй. Но вы же сами понимаете. Это не обычная статья. Это же государственный вопрос!

— Да, статья очень серьёзная и очень нам нужна.

— Вам нужна? Всем строителям нужна! Но котелок у автора к ночи уже не варит. Вы не очень торопитесь? Посидите у меня. Мы вместе по площадке пройдемся. Потом статью обмозгуем. Идёт? Ну и превосходно!..

Нежданов недоверчиво покачал головой: и позавчера, и вчера был тот же разговор, а статьи всё не было. Опять редактор накричит, что Нежданов не умеет привлекать авторский актив..

Вошёл заместитель Дымова Плонский, прозванный «скупым рыцарем». Никто и никогда не видел его без тучного порыжевшего портфеля подмышкой, словно портфель этот прирос к Плонскому и стал органом его тела.

Плонский порылся в портфеле, достал оттуда толстую пачку бумаг и начал выкладывать их по одной на стол, под самое перо Дымова.

Дымов бегло просматривал бумаги.

— Согласен. Ну что же, давайте... Нет, никак не согласен. Надо добавить... Ну, хотя бы тысяч пятьдесят. Вы понимаете, что это за дом? Дом выходного дня. Для кого? Для наших строителей. Почему это Дом металлурга должен быть богаче? Давайте уже держать марку «Урал-строя». В бедные родственники к Осадчему? Не пойду! Увольте. Так что не будем тут скаречничать. Вот эту цифирку мы исправим. И нечего так вздыхать!..

Плонский вытер платком своё одутловатое, в складках, лицо:

— А как же мой баланец? Деньги-то у меня государственные...

— А я кто, по-вашему, частник? — Дымов пригнул голову.

— Всё составлено согласно смете прошлого года. Пожалуйста!.. Число мест не увеличилось...

— А запросы и требования строителей увеличились. Речь идёт не о каких-нибудь человеко-днях, но о человеках. О лучших людях стройки. Нужно, чтобы в этот дом прямо-таки рвались. Чтобы ссорились из-за путёвок! А что у вас творилось в прошлые годы? Мне рассказывали. На аркане туда тянули. Сухим калачом хотели заманить.

Плонский снова вытер красное лицо. Плонский знал, отлично знал что Дымов станет его ругать, но не спорить он не мог.

— Вообще, товарищ Плонский, я не советую вам так часто ссылаться на прошлый год. Давайте лучше чаще думать о будущем годе.

— О будущем годе? Пожалуйста!..

Плонского сменили инженеры, прилетевшие сегодня из Москвы. Завтра они начнут просвечивание сварных швов с помощью радия. Внутри кожуха домны будет установлена касета с рентгеновской плёнкой. Ампулу с радием подвешат с внешней стороны. Гамма-лучи нанесут на плёнку точный и беспристрастный отпечаток шва.

Напоследок Дымов принял юрисконсульта треста «Домэстрой». Этот трест строил дома в рабочем посёлке. В тресте приняли проект, по которому стены комнат не штукатурили, а обивали толстым прессованным картоном. Жители называли этот картон «радость клопа». Дымов назначил специальную комиссию, передал дело в государственный арбитраж. Картон признали непригодным для обивки стен, стены решено было оштукатурить, а все расходы отнести за счёт «Домостроя».

— Нам всё-таки не совсем понятны причины, по которым вы настаиваете на штукатурных работах в этих домах,— произнёс юрисконсульт вежливым баритоном.

— А что же тут непонятного? Один клоп поселится в вашем картоне — и всё пропало. Ничем его уже оттуда не выкуришь. Даже паяльными лампами выжигали. Прикажете весь дом сжигать?

— Позвольте, — пророкотал баритон. — Но ведь такие дома строятся не у вас одних?!

— Тем более! Значит, мы ещё строже должны к ним подходить! А где вы ещё такие дома строите?

— Мало ли где? В Тагиле, например, в Макеевке, в Кривом Роге.

— Ага, хорошо.

Дымов нажал кнопку звонка. Вошла секретарша.

— Запишите, — сказал ей Дымов. — Составить телеграмму и послать в Тагил, Макеевку, Кривой Рог... Больше нигде не строите?

— Мне не совсем ясно!

— Я вас спрашиваю: вы больше нигде не строите клопные дома?

— Зачем вы утрируете!

— Пишите. Телеграмму о том, что мы забраковали работу «Домостроя», как негодную, и взыскиваем с них все протори и убытки по решению арбитража. Чтобы и там работу забраковали.

Юрисконсульт привскочил:

— Но согласитесь!.. Трест не может нести ответственность за антисанитарные условия, в которых живут ваши строители.

— Не живут, а жили бы. Если бы мы не выбросили ваш картон. И не заменили его штукатуркой. Вынуждены были это сделать. Вместо вас. А значит, за ваш счёт... Извините, но вопрос ясен, а я стеснён временем.

Юрисконсульт попятился к двери и, растерянный, вышел. Секретарша — за ним.

— Я им покажу — «не у вас одних!» — погрозил Дымов закрытой двери. — Домострой хотят мне тут ввести! У них, наверно, сам управляющий треста из прессованного картона сделан... Спасибо, Терновой скандал поднял... Пора кончать с этой кустарщиной! Ведь вся беда в том, что они мне не подчинены. Будь это дело в моих руках, я бы вообще не разрешал строить такие клетушки. Для нашего времени — это те же бараки. Только двухэтажные. Этот разговор, Нежданов, тоже к нашей теме относится!.. Культура строительства!..

«Как же я насчёт этих домов не знал?» — подумал Нежданов, делая запись в блокноте.

14

Только в первом часу ночи Дымов закончил свои дела, и они с Неждановым вышли из опустевшего домика.

На верхушке башенного крана, на домне и кауперах горят прожекторы. От этого небо — светлосинее, свет электрических фонарей — жёлтый, а красный флажок на макушке крана — серый.

Лучше всего освещена доменная печь, чётко вычерчивается на тёмном фоне её профиль, подсвеченный зарницами сварки.

Дымов и Нежданов всё время что-то обходят, через что-то перелезают, перепрыгивают, обо что-то спотыкаются, куда-то карабкаются.

Вынырнул паровоз, застлав всё облаком пара. Нежданов на какое-то время потерял из виду Дымова. Казалось, ночью снующих паровозов ещё больше, чем днём, это оттого, что за ними всё время нужно с опаской поглядывать.

По дороге Дымов натывается в темноте на спящего. Тот улёгся на самой тропке. Спящий накрылся ватником, под головой у него рукавицы.

Дымов и Нежданов смстрят на спящего. Тот лежит на спине, без-

мятежно раскинув руки. Отсветы сварки подрагивают на его дбу, на скулах, на подбородке.

— Как думаете, Нежданов? Разбудить или не стоит?

— Вот чудак, разспался! Конечно, если это лодырь, его нужно разбудить. Ну, а если это геройский строитель?

— Почему же он не уходит ночевать домой?

— Вы же знаете, что автобусы не обслуживают ночную смену?

— Что же ты не стукнешь в газете нашего автомобильного короля?

— А вы что же, ждёте, пока я стукну? Король-то — ваш подданный?

— Ну, так будить?

— Жалко. Знаете что? Не будем думать об этом человеке плохо.

Пусть спит.

Дымов осторожно переступает через спящего, Нежданов переступает следом.

Они подходят к подножью домны и долго молча смотрят на неё.

Лазурные звёзды электросварки мерцают на нескольких горизонтах. Целое созвездие искрится на самом верху — это сваривают шестнадцатую царгу. Ночью все сварщики — наперечёт, работа каждого из них зрима. Сиянье звёзд не сливается, потому что сварщики, работающие рядом, отделены друг от друга лёгкими переносными ширмами, которые защищают от света, зноя, искр соседней дуги.

Лишь изредка, в свете вольтовой дуги, мелькает фигура сварщика. Он варит, пригнувшись, стоя на коленях и даже сидя на корточках.

То молочно-голубое, то сине-фиолетовое пламя вольтовой дуги выхватывает из темноты одни конструкции, отбрасывает фантастические тени на другие или вдруг освещает ажурную мачту крана. Каждый раз, когда дуга затухает, темнота сгущается, и в ней на какие-то доли секунды остаётся жить оранжевый венчик — то искры и брызги металла. Словно только что отгорела ракета и опадают её последние, уже бесильные огни. Падая, расплавленные комочки разбиваются о конструкции, падают ещё ниже, снова ударяются, дробятся на мелкие капельки металла, затухают где-то на лету и, уже невидимые, летят на землю.

Одновременно работает несколько бригад сварщиков, и домну непрерывно омывает голубой искрящийся душ.

Вот она, давнишняя мечта сварщиков — цельносварная домна!

Дымов сам был сварщиком, и ему кажется закономерным и справедливым, что первую такую домну строит именно он.

Дымов долго стоит, заложив руки за спину, и смотрит на домну, всю в зарницах сварки. Её отблески играют на стёклах очков Нежданова.

— А было время, — вспоминает вслух Дымов, шагая к подножью домны, — сидел я в кутке за железными ширмами. Один на весь завод. Важный такой! Принесут мне деталь. Я её сварю. Потом деталь унесут. Ну, прямо, как факир, только без чалмы... Ведь когда мы на Уралмаше первую дымогарную трубу сварили — никакой веры нам не было. «Как же, говорят, вы её подымете? Ведь она же, говорят, сломается!» — «Почему же она сломается, спрашиваю, если она хорошо сварена?» — «Сварена-то сварена, говорят, а не мешало бы всё-таки рядом со сварным швом заклёпки поставить». Один паренёк, не помню уже его фамилии, бросил тогда кепку об землю и говорит: «Подымайте меня с трубой вместе. Буду сидеть на верхушке. Головой отвечаю, что не сломается труба. А сломается — и мне тогда не жить». Эта труба, говорят, и сейчас там дымит. Без малого двадцать лет...

Мимо самой домны Дымов и Нежданов, как и все, проходят, подняв для безопасности воротники, втянув головы, оберегаясь от искр и брызг металла.

Едва Дымов появился у домны, его сразу обступили прорабы. Обсуждали очень сложный технический вопрос — о борьбе с внутренним напряжением металла при сварке последней царги.

До Нежданова долетали отдельные фразы и выражения: «динамическая нагрузка», «подрубить корень шва», «внутреннее напряжение металла», «газовые пузыри», «провар пятого слоя». Нежданов подумал с досадой: «Двадцать лет на стройке, а не всё понимаю. Надо и мне по сварке что-нибудь почитать».

Дымов был в затруднении, ему предстояло сейчас принять ответственное решение. В таких случаях он любил, чтобы с ним спорили, чтобы ему возражали, старались его опровергнуть.

— С вами и посоветоваться нельзя, — рассердился Дымов на инженера-сварщика. — Вы слишком быстро соглашаетесь с начальством. С равнодушным человеком сговориться легко. А вы поспорьте со мной! Приказа-то ещё нет, чтобы его безоговорочно выполнять? Неужели вы не можете сами придумать, как лучше регулировать силу тока? Мало ли что вам сверху, из управления предложат. Вы же практик, вы лучше меня знаете дело. А не знаете — спросите сварщиков. Шереметьев у вас — профессор. Где Шереметьев?..

— Здравия желаю, товарищ управляющий! — откликнулся какой-то сварщик. Он отбросил щиток на затылок.

— Лицо знакомое, но не могу вспомнить...

— В бане виделись, товарищ управляющий. Фоминых моя фамилия.

— Ах, Фоминых? А баня у вас знаменитая!

— Так точно, товарищ управляющий! — рябое лицо Фоминых расплылось в улыбке.

— А где же ваш напарник?

— За электродами пошёл. Сейчас позову.

Фоминных ушёл.

— Что это за банщик? — спросил Нежданов.

— Вы же знаете моё пристрастие к бане? Попарился, пью пиво в предбаннике и слышу: какой-то банных дел мастер схватился с нашим Карпухиным и доказывает, что сварка лучше клёпки. Я слышу — человек все тонкости дела знает. Фоминых этот. После войны по инвалидности в баню попал. В заведующие. Он и в бане сваркой занимался, такой хитрый душ сварил: станешь на решётку — вода льётся, сойдёшь — сама собой остановится. И не ошпаришься!.. Ну, я его сюда и втянул. В напарники к Шереметьеву. Сначала — на курсы, сдал мой банщик экзамен, подтвердил свой класс и вот — работает. У этого Шереметьева я сам когда-то напарником был. Сварщик высокого класса!..

Вернулся Фоминых с Шереметьевым. Тот держал в руке пучок электродов, похожих на длинные палочки бенгальского огня. Лицо его было воспалено, как всегда после сварки.

— Здравствуй, Емельян! — Дымов протянул руку своему старому напарнику. — Ну, ты что-нибудь придумал?

— Это насчёт регулировки тока? Сразу же после того разговора занялся. Дело простое. Надо только посадить около наших машин дежурного электрика. Ну и контрольный щит с четырнадцатью лампочками. У каждого сварщика — своя лампочка. Я ему сверху морзянкой подмигивать буду: то короче замкну, то длиннее. Сигнализацию разработаем. Тому только и дела — следить за лампочками и выполнять наши приказания. Кому добавить, а кому сбавить силу тока.

— Слыхали, товарищ инженер? Вот кого нужно почаще спрашивать. Ну, идите, занимайтесь своим делом. — Дымов махнул рукой и обернулся к Шереметьеву: — Можно тебя поздравить?

— А как же!
 — Поздравляю, Емельян Кто же?
 — Девочка.
 — Правильно. Мальчик у нас уже есть. А как назвали?
 — Ульяной..
 — Плохо. Ульяна Емельяновна?.. Это же как моё имя-отчество — Иннокентий Пантелеймонович. Только Дерябин полностью выговаривает.
 — Жена очень хотела. Улей назвали. В честь Ульяны Громовой. Сын-то у меня, если помните, Олег, в честь Кошевого.

— Приеду на крестины, так и знай.
 — А мы ждём, обязательно. Три года Олегу тогда неплохо отпраздновали. Помните? В Заднепровье?
 — Это когда солёные кавуны у тебя были? А я раков в пиве варил. Никогда не пробовали, Нежданов? Замечательная штука! Ну, я вижу, ты в столовую собрался, Емельян! Шагай. На днях заеду. Жене привет. Уля, так Уля!..

Шереметьев и Фоминых ушли к столовой. Вдали виднеются её ярко освещённые окна. На Доске почёта, на щите-календаре и на плакате, посвящённом рекорду Андриасова, горят лампочки.

Дымов и Нежданов направились к машине.
 По дороге Дымов успел накричать на какого-то молодого инженера:
 — Я же вас после обеда отправил спать. Кому вы нужны такой? Почему не выполнили приказа?

— Приказ выполнен.
 — Почему же вы здесь? — Дымов уже смотрел на инженера исподлобья.

— Выспался! Целых полтора часа спал.
 — Вы думаете, мне вас жалко? Мне за «Уралстрой» стыдно. Штурмовщину здесь разводите. У вас тут прямо на земле люди спят. Во-время домой не можете отправить...

Дверца в «Победе» раскрыта, там гостеприимно горит лампочка. Дымов, уже держась за дверцу, долго стоит и смотрит на домну.

— А что, если нам махнуть сейчас на прокатный? — говорит Дымов.
 — А статья?
 — Статья от нас не убежит. Только пройдемся. Имею же я право на отдых?!

— Имеете, — вздыхает Нежданов.
 — Тогда прямо — на главный пост!

Шофёр всегда охотно возит Дымова на прокат. Такие поездки Дымова — признак хорошего расположения духа.

— Подождёшь у тех ворот, за ножницами, — велит Дымов, вылезая из машины...

Строительство тонколистового стана было связано с большими трудностями. Этот стан требовал от строителей огромного напряжения сил. Не поэтому ли Дымов сохранил к нему такую привязанность?

После домен, построенных в Каменогорске в годы войны, Дымов уехал в Заднепровье восстанавливать металлургический завод. Прошлым летом, впервые за многие годы, он получил отпуск и уехал из Заднепровья в Сочи. Он ещё не успел загореть и как следует отоспаться после бессонных пусковых ночей, как за ним был прислан самолёт. Министр срочно вызывал Дымова в Москву. Дымова назначили начальником «Уралстроя». Необходимо было в самые сжатые сроки пустить тонколистовой стан.

— Придётся вам, товарищ Дымов, обратно на Урал. В родные края.
 — Но мне же необходимо сдать дела?..

- Позже. Кто же сдаёт дела во время отпуска?
- Разрешите хотя бы слетать в Заднепровье за вещами?
- Какие вещи вам крайне необходимы?
- Ну, костюм какой-нибудь. Не могу же я лететь вот в этом!

Дымов был в парусиновом кителе, таких же брюках и туфлях.

— Дам свой костюм. Совсем новый. На мне мешковат, вам будет впору. А на Урал вылетайте всё-таки на рассвете. Жаль, конечно, что не придётся выспаться. В час ночи вам нужно быть в ЦК партии. Вас примет товарищ Каганович. Есть ли у вас просьбы? Кого из работников хотите взять на подмогу?

— Медовца.

— Медовец на днях будет в Каменогорске.

— Ещё попрошу у вас человек десять. Из моего комсостава.

— Из дымовской гвардии? Понятно. Что же, дадим. Только не жадничайте. Я ведь знаю ваш характер! На каждую новую стройку со своим десантом... Давайте пока сядем за чертежи цеха...

Теперь, когда Дымов входит в этот цех, лицо его сразу светлеет и не только от бликов раскалённого слитка, зажато́го клешнями крана и плывущего под крышей. С лица его сходят тени усталости, на нём разгладились морщины.

Слиток уже бежит по рольгангам, и жестяные рабчие номерки, тесно висящие на гвоздиках, на доске под сеткой, сразу становятся золотыми, и проволочная сетка тоже, как позолочённая. Дрожит и струится горячий воздух над нагревательными колодцами. Слиток, подрагивая, словно от острого нетерпения, подкатывает на рольгангах к стану и обдаёт всё вокруг внезапным зноем, перекрашивает стан и струи воды, льющиеся перед валками, в оранжевый цвет.

Дымов и Нежданов переходят по мостику, под ними проезжает слиток, перила мостика сильно нагреты.

Могучие валки заглатывают слиток, с его оранжевого тела опадает окалина. Слиток снуёт вперёд и назад, стальные пальцы ворочают его с ребра на ребро, вновь и вновь прогоняют между валками, а зазор между ними всё уменьшается. То, что слиток теряет в толщине, он прибавляет в длине. И вот уже бывший слиток, ныне — стальная полоса — стремится по самоходной дорожке дальше к другим валкам, и грузный Дымов, чтобы не отстать, чуть ли не бегом бежит за этой полосой.

Дымов наблюдает за станом, и ему вспоминается день пуска: паровоз, увитый цветами; платформа с первыми стальными листами, держащими путь на далёкий автомобильный завод; многотысячная толпа, заполнившая цех; верхолазы, сидящие под самой крышей, на опасной галёрке; рапорт товарищу Сталину, прочитанный Терновым, — «Докладываем вам, дорогой товарищ Сталин...», концерт с участием московских артистов тут же в цехе — роль эстрады играла пустая платформа, которую вкатил в цех паровоз; юпитера кинооператоров у трибуны.

«Видел ли Сталин ту кинохронику? — раздумывает Дымов. — Пожалуй, видел». Дымову очень хотелось, чтобы товарищ Сталин хотя бы на киноплёнке увидел этот цех.

Стремительно убегают, догоняя друг друга, длинные стальные листы. Листы теряют в пути свою слепящую желтизну, их уже коснулась краснота остывания. Оранжево-жёлтые тона последовательно сменяются пунцовыми, вишнёвыми, сиреневыми, пепельно-серыми...

Дымов молча сидит в машине и, наконец, говорит:

— Хорошо! Очень хорошо!

— А я вот однажды принялся рассказывать про этот цех московскому писателю, — вспоминает Нежданов. — Цех, говорю, больше, чем

Красная площадь. Он, конечно, ахает, но чувствую — не проняло его. Миллион, говорю, квадратных метров фасада окрасили маляры. И фасад мой не тянет! На крышу, говорю, вернее сказать, на фонари крыши, ушло сто вагонов стекла. Смотрю — он поднял брови и прислушивается. Ладно, думаю. Сейчас я самого главного козыря выброшу. А чтобы, говорю, эти фонари застеклить, потребовалось сто тонн замазки. Вот тут только дошло. Сто тонн замазки! Только подумать, что стекольщик размял каждый кусочек замазки пальцами...

— Большие цифры, конечно, дают представление о масштабе, — говорит Дымов. — Но только не козыряйте, Нежданов, числом строителей, если хотите показать размах работ. Любит ваш брат-журналист щегольнуть! Десять, двадцать тысяч строителей! Думает, это показатель масштаба стройки. А мне вот хочется, чтобы число строителей в ваших статьях всё время уменьшалось. Чтобы читатель понял, что нынешний строитель — не человек с лопатой, а человек, управляющий машиной. Домой вас отвезти?..

— А статья?

— Давайте отложим статью на завтра. В общих чертах я её обмозговал. И знаете когда? Когда мы с вами вдоль стана шли. А что, подумал я, если бы каждый прокатчик строил технологический процесс проката по своему усмотрению? Подумал и ужаснулся. То, что у металлургов...

— И вообще в промышленности, — добавляет Нежданов.

— Да, и вообще в промышленности — закон жизни — вы понимаете меня? — закон жизни — у нас, у строителей, до сих пор — невидаль. Это при наших темпах! При нашей механизации! При нашей плановости! А главное, знаете что? — Дымов медленно, подчёркивая весомость слов, поясняет: — Главное — непрерывное ведение строительных работ. Терновой — тот лучше меня сформулировал сегодня. В советской экономике расширенное воспроизводство — основной закон развития. Значит, непрерывное созидание — в самой природе нашей. Мы с самого своего рождения — строители. Чуете, как говорит Медовец? Значит, строительная промышленность не должна, не смеет отставать от других отраслей! Ни по технологии! Ни по организации! Ни по экономике! А мы позорно отстаём. Какая, собственно говоря, разница — завод или стройка? Только то, что у них готовая продукция выходит из ворот завода, а наша готовая продукция — это сами заводы. Включая сюда, кстати сказать, и заводские ворота... В общем, приезжайте завтра на домну к шести вечера. Перед оперативкой статью и сочиним. Если, конечно, ничего такого не стрясётся..

— Ну что же, попробуем, — вздыхает Нежданов.

Он совсем не уверен, что Дымов сядет за статью завтра. Но хорошо уже и то, что Дымов думает над ней и даже советовался об этой статье с Терновым.

Шофёр так мчит по ночному шоссе в город, точно пытается наверстать часы, которые не доспит сегодня его хозяин.

На перекрёстке, тотчас за сквером, где днём и ночью журчит фонтан, шофёр плавно тормозит — здесь всегда высаживается Нежданов.

— Так завтра обязательно, Иннокентий Пантелеймонович? — взмолился Нежданов, прощаясь.

— Обязательно, — твёрдо заверил Дымов, — перед оперативкой. — Но тут же добавил: — Если не поедем выбирать место для нового посёлка.

Карпухин приехал в Каменогорск двадцать лет назад, по первопутку, третьим поездом. То не был поезд № 3, то был третий по счёту поезд, с великим трудом доползший до места назначения.

В иных местах шпалы были положены прямо на примятый ковыль, они ходили под колёсами, как клавиши.

Поезд шёл со скоростью верблюда.

Карпухин увидел из вагона, как двое башкир, ехавшие рядом с плотном, без особого труда сбегали поезд на своих низкорослых лохматых лошадей.

Напоследок поезд остановился у невзрачной теплушки. В квадратных дверях теплушки была вырезана узенькая дверца, туда вела стремянка. Тут же у ступенки на деревянной перекладине висел колокол явно церковного происхождения. А на фронте теплушки значилось: «Станция Каменогорская».

Эту станцию, неведомую железнодорожным кассирам, стали вдруг всё чаще и чаще называть пассажиры. Словно сговорившись, они требовали билеты в какой-то Каменогорск, а ещё не существовало карты, на которой город был обозначен хотя бы самым скромным кружком.

Карпухин, как и большинство его спутников, в лаптях, с сундучком за плечами, вылез из поезда, потолкался у теплушки с надписью «Станция Каменогорская», а затем вместе со всеми отправился искать контору, где нанимали плотников.

Контора помещалась в бараке у подножья горы Мангай. Десятник отсчитал шестнадцать человек, выдал на артель большую палатку, отошёл в сторону от барака, показал на ковыльную степь и спросил:

— Кто умеет ставить палатку?

Палатку вызвался ставить чернобровый парень в военной форме со следами от кубиков на зелёных петлицах и в зелёной фуражке пограничника. Ему помогало ещё несколько человек, из гех, что побывали в армии или уже успели поработать на других стройках. Чернобровый, по фамилии Берестов, видно по всему — парень бывалый, расчертил площадку, велел окапывать её канавкой и срыть бугорок посередке.

Рослая трава подымалась на этой площадке выше колен, так что не было видно, кто — в онучах и лаптях, а кто — в кожаной обуви.

Брызнул дождь, но артель уже успела к тому времени поставить столб для упора, вбить колья и натянуть палатку. Дождь стучал о плотную парусину, а в палатке было сухо и уютно.

Карпухин остался жить в палатке и на зиму. Целый городок вырос у подножья горы Мангай. Старичок-истопник поддерживал вечный огонь в «буржуйке», раскалённой докрасна каления, так что даже в лютые морозы можно было спать раздевшись. Но во время буранов по палатке гулял морозный сквозняк. Был случай, когда ночью палатку сорвало с кольев. Печку, топчаны и спавших людей мгновенно занесло снегом. Все разбежались по соседним палаткам. Карпухин долго потом отогревался у чужой «буржуйки».

Весной Карпухин уже расхаживал в новых сапогах, в сундучке его лежало несколько отрезков сукна, ситец на рубашки, и он уже считался в Каменогорске старожилом.

По воскресеньям он отправлялся в станицу Каменскую на базар, там можно было купить всё: воблу, монпансье, шерстяные портянки, нательный серебряный крест, самогон, тёплый зипун, новенькую колоду карг, бритву, кожаный ремень, ботинки на шнурках, фанерный чемодан.

На станичном базаре устраивались гулянья, и там он познакомился с казачкой Василисой.

Теперь уже топчан Карпухина в палатке пустовал по нескольку дней подряд, потому что он прямо с работы уходил в станицу.

Василиса работала на конном дворе — возила землю из доменного котлована на отвал. В тот месяц стало известно, что станицу Каменскую затопят водой; ниже станицы строили плотину, которая должна была дать жизнь большому заводскому пруду. Станичники разбирали и перевозили свои дома на высокий правый берег. Но отец Василисы, по совету Карпухина, решил переселиться на левый берег, поближе к будущему заводу, где уже стихийно возник посёлок, названный Кандыбиной балкой.

Когда пришло время разбирать, перетаскивать и сколачивать заново дом, Карпухин взял отпуск и работал вместе с плотниками, которых прислали со стройки. Дом сколотили вдаль от реки, на склоне холма, но геодезисты предупредили, что будущий пруд подступит вплотную к Кандыбиной балке.

Вместе с Василисой они ходили смотреть на невиданную паровую машину, которая выгребала землю из котлована ковшом, — то был первый экскаватор. До нег все земляные работы вели землекопы и грабари, землю вывозили на подводах, и над стройкой, как на большом конном дворе или на станичном базаре, всегда держался стойкий запах конюшни.

Карпухин увидел клепальный молоток, когда клепали горно первой домны. Он пошёл в подручные. На второй домне он уже работал клепальщиком. Когда обе домны были пущены и на площадке умолкли молотки, Карпухин оставил Василису с грудным сыном и уехал клепать домны на другие новостройки.

С тех пор он кочевал с домны на домну. В Каменогорске он бывал только наездами, и тётка Василиса кричала на него:

— И когда ты, старый, угомонишься? Когда ты дома будешь жить? Вот Дарья за Берестова вышла. Живут как люди, детей растят. И почёта ему больше твоего — весь город его знает. А тебя носит из города в город. Вся жизнь по домнам пршляешься, как цыган!

Но Карпухин не мог усидеть на месте, он снова собирал свой сундук, и его клепальный молоток стучал где-нибудь в Мариуполе или в Керчи, в Днепродзержинске или в Енакиеве, в Кузнецке или в Надеждинске.

В Мариуполе получил он письмо Василисы, всё в лиловых потёках от слёз — Андрейка скончался от менингита.

В Туле Карпухин получил письмо, в котором Василиса сообщала, что у неё теперь живёт мальчик двенадцати лет, из беспризорников, тоже Андрейка.

В годы войны Карпухин, уже известный и заслуженный клепальщик, работал в Тагиле, Каменогорске, Чусовой, снова в Каменогорске. Он вместе с Василисой проводил эшелон, в котором уехал на фронт: приёмный сын. Это было в сорок втором году, в конце сентября. Андрей перед отъездом ещё помог выкопать картошку на огороде. А в Чусовой Карпухин получил траурное извещение и узнал точный адрес, где Андрей похоронен: Смоленская область, Ульяновский район, Дудина гора.

Одну Каменогорскую домну Карпухин клепал в дни Сталинградской битвы, другую во время боёв на Орловско-Курской дуге. Василиса работала по соседству на подножке огнеупорного кирпича. Чаще всего Карпухин ночевал тут же на домне. Когда компрессор тарахтел, а значит, клёпка в ночной смене шла нормально, — Карпухин спал. Он просыпался, когда компрессор затихал.

В цеховой столовой Карпухин увидел паренька. На вид тому было лет четырнадцать. Он шнырял от стола к столу, дохлёбывая чей-то суп. Время было суровое, не все ели досыта, и мало что перепало пареньку.

В то время управляющий трестом Дымов сам утверждал меню обеда, который получали верхолазы. Меню каждое утро лежало у Дымова на столе, рядом со сводкой доставки цемента, леса, кирпича. Верхолаз должен питаться хорошо, чтобы у него не закружилась голова, не потемнело вдруг в глазах.

Карпухин отдал чумазому пареньку краюшку хлеба, оставил полпорции каши и глядел, как тот жадно ест, держа ложку чёрной рукой.

— А где же твоя хлебная карточка?

— Украли, — глухо сказал паренёк.

Лицо его было в саже, только большой выпуклый лоб оставался чистым.

— Плохо дело... А может, сам продал? На конфеты нехватило или там на кино?

— На кино, — сознался паренёк и поднял серые глаза.

— Звать тебя как? — спросил Карпухин, когда ни одной крупинки каши не осталось на тарелке.

— Пудалов, Вадим Павлович.

На него чаще заполняли анкеты и протоколы, чем просто интересовались, как его зовут.

— Родители есть?

— Оккупированы...

— Откуда родом?

— Смоленский, — сказал Вадим всё так же глухо.

«Смоленский!» Карпухин сразу удивительно отчётливо представил себе приёмного сына Андрея в ту минуту, когда он уже сидел, свесив ноги, в воинской теплушке. И сразу же из какого-то закоулка памяти выплыло: «Смоленская область, Ульяновский район, Дудина гора».

— Что с вами, дяденька? — глаза Вадима смотрели участливо.

— Не обращай внимания, сынок...

Каменогорск не знал затемнения. По улицам, тускло освещённым фонарями, Карпухин вёл Вадима к себе домой, в Кандыбину балку.

У железнодорожного переезда они переждали, пока пройдёт состав — на платформах громоздились развороченные башни танков с чёрными фашистскими крестами, торчали стволы и лафеты разбитых пушек, орудийные щиты, превращённые в лохмотья, рваные гусеницы танков. Вся эта железная рвань, весь этот лем войны шёл из-под Сталинграда, Курска или Ржева в копровые цехи, чтобы его там разделали и пустили в переплавку.

В трамвай Карпухин и Вадим не сели — люди ехали на крышах, цеплялись за оконные рамы, висели на подножках, стояли на буферах между вагонами.

Они прошли мимо утеплённых палаток, совсем таких, в каких жил когда-то Карпухин, мимо овощехранилища, недостроенной бани, и всюду там светились огни, всюду жили эвакуированные. В иных общежитиях нары были в три этажа.

Эвакуированные квартировали и в домике Карпухина. Хозяева оста-

вили себе только маленькую комнатку, она же служила кухней. «Куда же мальчишку спать уложим? — подумал Карпухин. — И как нас Василиса встретит? Не нагорело бы!»

Чем ближе он подходил к дому, тем чаще говорил Вадиму:

— Теперь уже недалеко. Теперь совсем близко.

И чем больше он подбадривал Вадима, тем больше сам робел.

Ещё с порога он закричал с деланной бойкостью:

— А нас, между прочим, двое! — Карпухин подтолкнул Вадима вперёд. — Вот знакомься, Василиса, с Вадимом. Прошу любить и жаловать.

— Это за что же любить? И за что жаловать?

Тётка Василиса неприветливо осмотрела с ног до головы чумазого паренька. Тот переступил порог, снял ушанку и стоял, не двигаясь с места, но и не опуская глаз.

— Ну, кого испугался? Меня, что ли?

Тётка Василиса сама взяла из рук паренька ушанку и, заметив, что пальцы у него с мороза одеревенели, сама принялась расстёгивать его ватник.

— Ты нас, старуха, накормила бы поскорей, — попросил Карпухин, раздеваясь. — А то пришла весть, что хочется есть.

— Ишь, едок нашёлся! А ты разве не обедал?

— Обежать-то обедал, только живот о том не ведал. У них там суп известный. Называется мясной. Наверно, быки мимо той кухни прошли...

Карпухин не хотел, чтобы Вадим работал на клёпке. Ну куда его, пятнадцатилетнего? Пусть сперва окрепнет в кости, вытянется, обростёт мясом, а потом видно будет. Вадима поставили к лебёдке в бригаде монтажников-верхолазов, и бригадир на него не обижался.

После войны Карпухин уехал восстанавливать домы на Украину и в Донбасс. Многие из тех домен — холодных, изувеченных, покосившихся, осевших набок — помнили его руку.

Тётка Василиса приготовила в дорогу снеди на двоих, потому что в том же вагоне с монтажниками уезжал Вадим.

На всю жизнь запомнилась Карпухину ночь, когда они ехали через Новое Запорожье. Он помнил этот город многолюдным, оживлённым, долго не засыпающим от песен, смеха и весёлых голосов. Ныне полуторка петляла по тёмным улицам, и рваные силуэты разрушенных домов чернели по обе стороны улиц. Совы, поселившиеся в давно остывших печных трубах, жутко кричали во тьме.

Вадим вздремнул было, притулившись к борту машины, но вскоре проснулся в испуге.

— Совы кричат, — успокоил его Карпухин. — Будь они неладны.

Утром Карпухин прошёл к Днепру, увидел взорванную плотину Днепрогэса и обмелевший пруд выше неё. Виднелись остатки фундаментов. Село Павло Кичкас было некогда затоплено, дома перенесли на правый берег Днепра, остались только камни. Они заросли за эти десять лет тиной и водорослями, будто все цоколи домов и все печи в том селе были зелёные.

«Наверно и фундамент Василисиного дома на дне озера так выглядит», — неожиданно подумал Карпухин.

Завод «Запорожсталь» был под стать городу — ржавые дебри на месте цехов, изуродованных страшной силой взрывов. Лисы и зайцы бегали по зелёным пустырям, подмоенник зарос полынью и бурьяном. Трудно было поверить, что ржавая, покосившаяся набок башня — та самая домна, которую Карпухин кледал в июне 1941 года и которую они так торопились тогда ввести в строй.

После Запорожья Карпухинский молоток гремел на многих заводах. Но имя Карпухина гремело громче, чем его молоток. К нему приезжали учиться клепальщики с других строек.

Карпухин обрадовался, узнав, что в Каменогорске будет строиться новая домна. Значит, после долгих скитаний, он с Вадимом снова вернётся в Кандыбину балку, в старый домик, который Карпухин никогда не согласился бы сменить на квартиру со всеми удобствами в большом доме. Ему уже было за пятьдесят. Он вернулся в Каменогорск почётным, всеми уважаемым строителем. Он был награждён тремя орденами, имя его упоминалось в центральных газетах и радиопередачах.

И тут он узнал, что новую домну будут варить сварщики.

Карпухин понимал, что сварная домна — крупное достижение строительной промышленности. Но к электросварке он всегда относился недружелюбно. Сварка отовсюду вытесняла клёпку, и Карпухин понимал, что приходит конец его профессии. Двадцать лет клепал Карпухин домны, а тут приехал в свой же Каменогорск — и сварщики оттеснили его на второй план, с домны — на каупера.

Единственное, что утешало Карпухина, — он оставался первым среди клепальщиков.

А Баграт лишил его и этого утешения.

Незадолго до конца смены Карпухин, сидя в своей люльке, увидел на земле Нежданова. Он узнал его по шляпе и очкам. За Неждановым стоял Флягин.

Карпухин крикнул, свесясь вниз и сложив руки рупором:

— Эй, корреспондент! Сюда!

Нежданов в ответ помахал шляпой, но лезть к Карпухину не собирался.

— Эй! Ты ко мне?

— К Андриасову.

«Ишь, и они к Андриасову. Герой! Рекорд поставил! А бывало — все ко мне: Захар Захарыч, дайте статейку. Захар Захарыч, редакция просит...»

— Эй, Захар Захарыч! — донеслось снизу в промежутке между очередями. — Иду к тебе!

По монтажной лестнице взбирался Терновой. Под правой рукой на ремешке болталась палка.

— Куда полез! — сердито закричал Карпухин. — Сорваться хочешь?

Терновой поднимался медленно, бережно переставляя большую ногу со ступеньки на ступеньку. Взволнованный Карпухин уже видел его напряжённо улыбающееся лицо.

Терновой залез в люльку.

— Как же ты, Иван Иванович, рискуешь? — укорял его Карпухин. — Тут и здоровой ногой недолго оступиться...

— Моя нога крепче твоей, — рассмеялся Терновой. — Видел, как я на второй каупер к Баграту лазил? Как в старые времена, когда ещё прыгал без этой клюшки...

Карпухин сразу замолчал, схватился за пневматический молоток и ударил о броню, давая знать подручному внутри каупера, что он ждёт очередную заклёпку.

— Ну, как там мой? — спросил через некоторое время Карпухин и кивнул на каупер Баграта.

— Большой мастер. Нежданов уже придумал ему прозвище — гросмейстер клёпки! Поздравляю, Захар Захарыч!

— С чем? С плакатом старым?

— С учеником. Большое ты дело сделал. Хорошего мастера подготовил.

Карпухин хмуро взглянул на Тернового.

— Мастер этот учителя не признаёт. Тайком от меня ставит рекорды.

— Ну и характер у тебя, Захар Захарыч. Сколько лет я тебя знаю, ты всё хуже становишься. Как только тётка Василиса тебя терпит? Знаешь, как Баграт жалел, что тебя рядом не было? Хотел с рекордом до твоего приезда подождать.

— Та-ак... Значит, признаёт учителя? Не гнушается? — жёлчно спросил Карпухин, опуская молоток и поджидая, пока из отверстия в кожухе снова появится раскалённая головка заклёпки.

— Только я принялся ругать тебя...

— Меня? За что же?

— Мало ли за что! За спесь твою. За самодурство. За неуживчивость...

Карпухин отнял молоток, показалась новорожденная заклёпка вишневого цвета. После оглушительной скороговорки молотка вновь стало тихо.

— Ах, вихрь тебя возьми! Да когда это у меня всё сразу завелось?

— Давно, ох, давно, Захар Захарыч. И вовсе не сразу...

— Что же ты меня за эти художества на партком не вызвал? Думаешь, беспартийный, так за глаза надо обо мне говорить? Небось, моете мои кости? А я вот приду в партком да всё про тебя расскажу. Мне партийные доверяют. Я всё знаю, что у вас на активе говорили. Ты меня там хвалил? А сейчас ругаешь. Выходит, неискренний ты человек.

— Просто удивительно, как Василиса, при таком характере, от тебя не сбежала. Героическая женщина!.. Хвалил я тебя за дело. А ругать, действительно, опоздал. Сегодня принялся было, а Баграт не позволил.

Карпухин вновь подозрительно посмотрел на Тернового.

— И правильно не позволил! — сказал Карпухин, поставив очередную заклёпку, и весело кивнул на соседний каупер. — Он, знаешь, какой парень? Пока ты меня на активах своих хвалил, молодой-то нас с тобой и обошёл. Он и Катю от меня сманил. — Карпухин вновь опустил молоток в ожидании новой заклёпки. — Я так, умник, рассуждал: работает девка хорошо — и ладно. А что оказалось? Умный-то я умный, только ум у меня — дурак. Ни разу даже общежитие не проведаль, где наша невеста живёт... Правда, за прогулку к девчатам могло мне от Василисы нагореть. Но всё-таки...

Терновой рассмеялся, но смех его тут же заглушила новая строчка Карпухинского молотка.

— А я под твою хату подкоп веду, — сказал Терновой, собираясь вниз. — Не пора ли кончать с Кандыбиной балкой?

— Ты лучше Василисе об этом скажи. Она тебе чуб вырвет!

— А вот приду и скажу. В воскресенье. Шкалик найдётся?

— В такую жару и водка — безо вкуса.

— Ишь какой ты трезвенник стал. А там под вашим курятником погреб есть. Пусть Василиса туда графинчик и сообразит поставить. Вынем с тобой — он запотеет. Удовольствие!

— Какое удовольствие — с начальством пить. Лишнего хвагишь — того и гляди выговор дадут.

— Это по какой же линии выговор?

— Ты линию найдёшь. В крайнем случае, тебе, вон, Гладких под-

скажет. Видишь, торчит внизу, тебя ждёт? Он у тебя насчёт линий всё знает. А вот позор мой во-время с доски не убрал. Не в моём, говорит, хозяйстве заклёпки.

— Опять ты, Захар Захарыч, на людей сверху вниз смотришь! — сказал Терновой, вылезая из люльки. — Любишь, чтобы за тобой ухаживали, нянчились. Гонору в тебе много. А как молодой отличился — ты уже и приревновал. Перестанут, мол, за мной ухаживать. Сам ты себя этим позоришь.

Терновой коротко кивнул Карпухину и начал медленно спускаться по монтажной лестнице.

У подножья каупера его поджидал Гладких.

— А мне, Иван Иванович, сразу сообщили, что вы здесь. Как же вы так неосторожно?

— Я и забыл, что ты техник по безопасности. Ты бы лучше за Пасечником и за прорабом следил. Чтобы не прыгали без поясов. А то и по службе у тебя беспорядок, и партийная работа хромает.

— Вы вот меня всё ругаете, а авторитета не создаёте.

— А его вообще не создают. Авторитет можно только заработать. Ты вот скажи, зачем ты ставишь вопрос о борьбе за график на закрытое партийное собрание?

— Вы же сами сказали — обсудить с коммунистами этот вопрос.

— А разве я говорил, что надо устраивать закрытое собрание? Почему ты боишься пригласить беспартийных?

— Так вы же знаете... Опять Токмаков с Дерябиным начнёт ругаться...

— Авторитет подрывать?

— Всё-таки старший прораб участка.

— Было бы что подрывать. Подрывать-то нечего. Ты вот собери рабочих, услышишь их мнение на этот счёт. Дерябину не поддакивать нужно, а критиковать его. Ты вот суетишься, и наверх боишься лезть, и с Дерябиным поспорить боишься. Собрание должно быть открытым. Учти!..

16

Уже давно Терновой распрощался с Карпухиным, а тот всё ещё оставался в состоянии тревоги и то и дело всматривался в люльку Баграта, висящую на соседнем каупере, вслушивался в очереди Багра-товского молотка.

Всю последнюю неделю Карпухин был не в духе. О каких бы делах, связанных с клёпкой, ни заходила речь в присутствии Карпухина, он мрачно махал рукой — всё, мол, плохо, и домну в срок не пустить; хорошо, мол, ещё, что каупера сгоят и набок не валятся. При такой работе даже удивительно, как они держатся. И лишь сейчас, после разговора с Терновым в люльке, ему захотелось увидеть Баграта и сказать ему что-нибудь доброе, и он уже с нетерпением ждал обеденного перерыва.

«Что же он должен был — коробку конфет подарить? Как барышне? — ворчал Карпухин, направляясь в столовую. — Выставил восемьсот заклёпок с лишним — вот его благодарность. Мог бы, конечно, позвать окропить свой рекорд святой водой! Какой там — свой! Мой рекорд! Моя сноровка!.. Мне б его годы, его силу, да такого первейшего учителя!.. Вот подожди! Мы ещё вместе с Багра-том обмозгуем и девять сотен заклёпок сочиним за смену!»

Войдя в столовую, Карпухин сел за столик, поискал глазами Баграта и увидел его в дальнем углу.

— Можно, Захар Захарыч?

Рядом стояла Катя, держась за стул.

— Здесь плацкарты не требуется. Каким ветром тебя к моему столу прибило?

— Знаете, Захар Захарыч,— сказала Катя, с шумом усаживаясь,— я согласна вернуться к вам в бригаду.

— А кто тебя зовёт?

— То есть как?

— А вот так. Бегаешь туда-сюда, вертишь хвостом. Ты почему от Баграта бежишь?

— Поссорились мы.

— Что, металл пережгла?

— Он в мою личную жизнь вмешивается. Пусть ей жене своей мораль читает, а не мне!

— А тебя этой самой моралью и надо стегать.

— Я свою работу делаю, а до остального никому дела нет. Почему вы, Захар Захарыч, не делали мне замечаний? Кого касается, как я с парнями разговариваю, как одеваюсь, как вилку держу, как зеваю...

— Не ругал тебя — и зря. Должен был тебя воспитывать.

— Здравьте! Меня ещё бригадиры воспитывать будут!

— А с девицами, которые даже краснеть стесняются, — я нянчиться не могу.

Катя нетерпеливо передёрнула плечами.

— Так возвращаться к вам, Захар Захарыч?

— Я тебя в бригаду не возьму.

— Думаете, работать разучилась?

— Работу твою, Катя, хаять не собираюсь. Да с Багратом и не разучишься. А поведение твоё мне не нравится.

— Хуже стала себя вести?

— Да не хуже, чем прежде. Но девушкам с тебя пример брать не приходится.

— Плохо вы обо мне понимаете, Захар Захарович, — губы Кати подёргивались всё сильнее, на глазах показались слёзы. — Что я, какая-нибудь гулящая?

— Лишнего-то про себя не придумывай, — в хриплом голосе Карпухина послышались тёплые нотки. — Знаю, что девушка ты не плохая. Имени своего не роняешь. А ведёшь себя так, что и худое про тебя могут подумать. Вот Пасечник — ухарь-парень, а иной раз, вижу, стесняется твоих выходок. Как закуришь — отворачивается. Ты пойми, о чём речь веду. Теперь тебя у твоей жарсвни за бронёй все видят. Ты думаешь, одному Баграту слава? А кто ему восемьсот пять заклёпок нагрел? Екатерина Петрашень! Это же слава! На тебя люди оглядываться станут. И то, что раньше тебе — ноль внимания, теперь — работа! Ты во всём себя соблюдать должна. Вот как.

Катя плакала, не вытирая слёз.

— А от Баграта ты не уходи. Не советую. Он тебе добра желает. И обижаться на него ты не имеешь права. Пойдем-ка к Баграту, я вас помирю.

Карпухин отставил тарелку и направился к Баграту. Сзади покорно шла Катя, утирая глаза краем косынки.

Баграт привстал навстречу Карпухину, белки его глаз и зубы блеснули на закопчённом лице.

— Вот привёл твою краю обратно. — Карпухин пригворно закашлялся. — Ишь, что затеяла! Из бригады в бригаду бегать, обиды разводить.

— Садитесь, Захар Захарыч, — Баграт пододвинул стул. — Садитесь, Катя.

— Я на минутку.

Карпухин беспокойно оглянулся на свой столик, на одинокую тарелку, но всё-таки сел. Баграт перехватил взгляд Карпухина, принёс его тарелку с окрошкой и поставил перед Карпухиным.

— Кате сказал и тебе скажу. Правильно, Баграт, что к порядку её приучаешь... А девушка она хорошая. Захочет — вся эта ржа быстро с неё сойдёт..

А через минуту Баграт и Карпухин, забыв о Кате, заговорили о своих делах.

— Ты, говорят, второй вентилятор ставить собрался? — спросил Карпухин.

— Хочу сейчас, в перерыве, попробовать.

— Ничего не выйдет, — уверенно сказал Карпухин. — Мы два вентилятора ставили. Сквозняк, а толку мало.

— А мы всё-таки решили.

— Кто это — мы?

— С товарищем своим посоветовался. С прорабом Токмаковым. Один вентилятор — у горна, — объяснил Баграт. — А другой выше повесили. У самого люка. Постоянный воздушный поток получится. Так трюмы у нас в Батуми на кораблях проветривают. Чтобы сырость не заводилась.

— Что придумали! — оживился Карпухин. — Ну, что же. Полезем, посмотрим. Заодно хочу тебе показать, как удобнее ставить заклёпки нижнего ряда.

«Неужели чад сквозняком разогнали?» — удивлялся Карпухин, шагая к кауперу следом за Багратором и с уважением поглядывая на его могучие плечи.

Карпухин увидел Замахаева, дежурного на компрессорной, и властным жестом позвал его к себе.

— Ты что же это? — ещё издали закричал Карпухин. — Так и будешь нас без воздуха держать?

— Будет воздух. Как в аптеке!..

Замахаев, крайне озабоченный, стал шарить по карманам, нашёл папиросы, спички и закурил с таким деловым видом, будто именно это было самым важным и трудным во всей его работе.

— Как в аптеке! — передразнил Карпухин. — Тебя аптекарем сделать — ты бы давно всех больных уморил.

Замахаев, не спеша, со вкусом затынулся, внимательно осмотрел пепел на кончике папиросы, сдул его, посмотрел, куда он упал, и только после этого ответил:

— В жару всегда утечка больше...

— При чём здесь жара? Сам прохладно живёшь, вот что я тебе скажу. С таким работником только ежей доить!.. Двенадцать молотков прокормить не можешь! Так и работаем — ни спасибо, ни наплевать. Все темпы бракуешь. А может, Андриасов сегодня бы новый рекорд поставил?

Баграт покосился на Карпухина, и лукавый огонёк мелькнул в его глазах.

Катя проводила удивлённым взглядом Карпухина и Баграта, которые вместе вышли из столовой. Она посмотрелась в зеркальце — не заплаканы ли глаза — и пошла искать Пасечника.

Сегодня она его не видела вовсе, а вчера мелким; он сидел верхом на какой-то железной трубе, ожидающей подъёма, и завязывал трос. Не заметил он Катю на самом деле или притворился?

Они поссорились ещё в среду, когда ходили с Пасечником в театр на «Дворянское гнездо». В пьесе есть такая картина — Лаврецкий с Лизой сидят у пруда с удочками, до которых им, впрочем, мало дела. И вот во время их любовного объяснения в самый, можно сказать, волнующий момент, кто-то крикнул с балкона дурным голосом: «клюё-от!!!», а Катя громко, на весь театр, захохотала.

Пасечник даже отодвинулся от неё, насколько позволяло кресло. Катя ещё не видела его в таком гневе. Зелёные глаза его стали совсем чёрными. Больше он с ней до конца спектакля не разговаривал. А когда прощались, сказал: «Сам люблю пошутить. Но зачем же над артистами издеваться? Ничего смешного не было, когда тот хулиган закричал». Она хмыкнула и сказала, что если ему не было смешно, то пусть не смеётся, а ей было смешно, вот она и захохотала. Пасечник не стал провожать её домой после театра, а она не удержалась, наговорила грубостей. И вот со среды они — будто незнакомы между собой.

Ну, трудно было удержаться после этого «клюё-от!!!». Но зачем нужно было хохотать на весь театр? Она сделала это назло Пасечнику. Ему так понравилась красивая актриса, игравшая Лизу Калитину, что Катя даже стала ревновать. От этой глупой ревности всё и пошло. И откуда Пасечник узнал, что актриса Зоя Иноземцева — из самодеятельности и тоже работала когда-то нагревательницей?

Пасечника не было ни в столовой, ни у входа в столовую, ни у киоска в очереди за водой.

Катя ещё раз обвела взглядом очередь — ну и народу!

— Товарищ Петрашень, проходите вперёд. Уступаем очередь,— пригласила Катю незнакомая девушка, с пятнами бетона на комбинезоне.

«Откуда бетонщица знает мою фамилию? И почему без очереди?»
— Спасибо, я пить не хочу.

Отойдя от киоска с водой, Катя увидела плакат: «Привет лучшей нагревательнице стройки Екатерине Петрашень, давшей 300% плана!»

Плакат висел на самом видном месте, рядом со щитом-календарём, на котором сегодня значилось: «Осталось 56 дней до пуска домны».

Катя долго, будто малограмотная, читала и перечитывала этот плакат. Она никогда не видела своей фамилии, написанной так крупно.

Подошла Одарка и протянула ей сегодняшний номер «Каменогорского рабочего». «Попробуйте, догоните такую девушку!» — называлась заметка, в которой шла речь о работе нагревательницы Екатерины Петрашень.

Тут же в обеденный перерыв Гладких вручил Кате бумажку, на которой был записан номер телефона; нужно срочно позвонить. Её ищут весь обеденный перерыв, звонили уже три раза.

— Мне звонили?

— Ну да, лично тебе.

«Не Пасечник ли? — подумала Катя. — От него всего можно ждать».

— Кто же звонил?

— Из радиостудии.

Катя держала в руках бумажку, разочарованная и растерянная. Её ещё никогда в жизни не вызывали по телефону.

Ещё больше растерялась Катя, когда узнала, что на Доске почёта вывешен её портрет.

— Чего же ты стоишь? — подталкивала её Одарка. — Пойди же взгляни!

— Чего я там не видела? — сказала Катя с напускным равнодушием и медленно, небрежной походкой, направилась к Доске почёта.

Катя узнала себя ещё издали, портрет висел рядом с портретом Баграта.

Какая-то перепуганная. И левый глаз вроде косит. Или это кажется? А косынка-то, косынка! Съехала куда-то набок. И волосы растрепались. Просто страшилище какое-то! Вдруг Пасечник увидит?

Катя почувствовала внутренний холод от этой мысли.

Только сейчас она поняла, почему бетонщицы уступили ей очередь.

Катя зашагала к подножью каупера, и теперь ей казалось, что все все смотрят только на неё одну.

Ей очень захотелось курить, и она уже нащупала в кармане комбинезона папиросы и спички. Но не решилась закурить на виду у всех. «Подымусь к себе в каупер, закурю».

Катя всё ускоряла шаг, ей нетерпелось ещё до начала работы увидеть своих, поговорить с ними.

Она подошла к кауперу и увидела, что Карпукин стоит в люльке Баграта и, взявшись за молоток, показывает Баграту, как удобнее клепать самый нижний ряд заклёпок.

Катя сразу припустилась бежать, торопясь в каупер, к своей жаровне.

17

Чем дальше бредёт усталый человек по шоссе, тем, кажется, всё быстрее и быстрее мчатся попутные машины, обгоняющие его.

Шоссе тянулось вдоль пруда, однако близость воды не освежала. Нагретый воздух дрожал над водой. Солнце за облаками уже клонилось к горизонту, но оно было всё такое же неутомимое.

Токмаков устало брёл домой. Ещё больше, чем напряжённый рабочий день, его утомило сегодня собрание и вся эта перепалка с Дерябиным. Гладких хотел провести собрание в красном уголке, но народу пришло столько, что Токмаков предложил перенести собрание на свежий воздух, и вся аудитория и президиум устроились на штабелях досок, только что выгружённых возле домны.

Токмаков не ожидал, что тема собрания, казённо сформулированная Гладких, — «Очередные задачи и мероприятия по выполнению графика работ» — вызовет такой горячий интерес. Пришли все беспартийные монтажники из его бригад, все такелажники, лебёдчики, и только Хаенко не пожелал остаться, сославшись на свою беспартийность и занятия по боксу.

Напряжение началось с того момента, как Токмаков предложил изменить редакцию повестки дня: не «выполнение», а «сокращение графика работ». Дерябин, конечно, взъярился и обвинил Токмакова в штурмовщине, напомнив ему ядовитое замечание Медовца: «Сначала проспал, потом аврал». Но Токмаков неожиданно получил горячую поддержку от человека, от которого никак не ожидал такой прыти. Выскочил Матвеич и, запинаясь, раз десять повторив «мы — люди маленькие», вдруг так обрушился на Дерябина, что Пасечник во всеулышание сказал: «Смотрите-ка! Старик-то без монтажного пояса работает!» Матвеич даже на Пасечника цыкнул, а Дерябина, к ужасу Гладких, назвал чужеспинником.

«А «еллипсы» на пользу пошли старику», — ухмылялся Токмаков, шагая в далёкий Новоодиннадцатый посёлок.

Крику на собрании было много. А всё-таки настоящий деловой разговор затеял Вадим. Какой спокойной показалась Токмакову его скупая на слова речь после перепалки с Дерябиным. Вадим говорил о подъёме «свечи», как о деле решённом, будто Токмаков уже составил

проект, будто проект этот уже утверждён и завтра его можно осуществлять. «Пасечник или Вадим? — озабоченно прикидывал Токмаков. — Пасечника поставлю главным. Иначе он на стену полезет. А Вадим его подопрёт...»

Сердитый гудок заставил Токмакова прижаться к обочине шоссе. Его обогнала «Победа» и тут же, скрипнув тормозами, остановилась. Следом подошли ещё три легковые машины. Дымов, приоткрыв дверцу, уже махал Токмакову рукой:

— Садись, прораб. Подвезу.

Во второй машине, с открытым верхом, сидел Медовец, возвышаясь над кузовом чуть ли не по пояс. Тут же машина Медовца рванулась вперёд — вот так же без разгона Медовец всегда начинает смеяться.

Токмаков залез в «Победу» и оказался рядом с Терновым и каким-то незнакомым товарищем.

— А вы куда шагаете? — спросил Дымов, не поворачивая головы.

— На Новоодиннадцатый.

— Очень торопитесь?

— Совсем нет.

— Тогда поедем с нами. Поищем место для посёлка. Не возражаете?

Токмаков пожал плечами, за него ответил Терновой:

— Что, кадры на дороге подбираешь?

— А ты помалкивай. Кто знает? Вот кончит он домну монтировать, пошлю его на посёлок прорабом. Пусть себе квартиру строит. Пригодится холостяку.

— Не возражаю, — обрадовался Токмаков.

Он смотрел в боковое оконце: вот и его Новоодиннадцатый посёлок.

Терновой возмутился:

— Догадались тоже! Новоодиннадцатый! В крайнем случае назвали бы Двенадцатый. Забыли, что после одиннадцати следует цифра двенадцать? Вы же архитектор города, — обратился он к соседу. — Ну, давайте сейчас же придумаем название и переименуем. Может, Гвардейский посёлок? А то привьётся зараза канцелярская — Новоодиннадцатый!..

— Подумаешь, дело большое — название! Ты лучше вспомни, как строили его! Смотри, какие дома!

Дома были, как дома. Обычные двухэтажные каменные дома. Но именно здесь Дымов добился того, что стройка тридцати двух домов шла поточным способом, по строгому графику, с соблюдением обязательных технологических правил. Между закладкой фундамента и въездом жильцов в каждый из домов был установлен срок — срок пять дней. Дома входили в строй один за другим. Всё было механизировано. Дымов устраивал скандал, если ему доводилось увидеть на стройке носилки. Краны монтировали заготовленные впрок щитовые перегородки, лестничные клетки, уже связанные между собой стропила. Строительное управление, которое вело работы на посёлке, Дымов любил называть заводом по изготовлению домов. Дымов редко отказывал себе в удовольствии похвастаться этим посёлком, выступая гденибудь в обкоме, в министерстве.

— Дома построили быстро. А тротуары где? — спросил Терновой. — Где фонари? В том-то и беда! Каждый дом сам по себе. Строим дома, а не город. Это всё барачные пережитки! Посмотри хотя бы нумерацию. Как в лото играем: дом пять, за ним пять «бэ», восемь, потом двенадцать «а». Какое-то уравнение со многими неизвестными, а не улица.

— Горсовет наведёт порядок, — отмахнулся Дымов. Лицо его уже стало озабоченным. От недавнего благодушия не осталось и следа. Он думал о другом: «По такому же поточному методу будем строить домны, мартены, прокатные станы, даже целые заводы. Это наш завтрашний день!».

Токмаков с удовольствием проехал мимо своего дома, ему не хотелось вылезать сейчас из машины.

Поровнялись с кислородным заводом.

— Люблю этот завод! — Дымов кивнул на серое здание. — И знаете, за что люблю? Никогда перебоев из-за сырья нет. Вот оно, сырьё!

Дымов широким жестом показал куда-то в атмосферу, и Токмаков вспомнил, как на последней оперативке Дымов кричал по телефону: «Кислорода нет? Где хотите — достаньте. Самих заставлю кислород выдыхать!»

Наконец, машина остановилась. Тут же подоспели машины, шедшие сзади, и все вылезли размяться и осмотреть местность — ровный пустырь, заросший выжженной травой.

В машине было душно, но и выйдя из неё, Токмаков не почувствовал свежести. Парило. Был один из тех душных дней, когда совсем нечем дышать. Небо на юге заволочло тучами.

Из последней машины вылез Плонский. Сперва в раскрытой дверце показался грузный портфель, за портфелем — его хозяин. Плонский запыхался так, словно шёл сюда пешком.

Вытирая лицо платком, он озабоченно посмотрел на Тернового, который прогуливался с Дымовым по пустырю.

Дымов попросил Плонского ещё раз высказать свои соображения по поводу этой строительной площадки.

— Теперь возьмём воду, — продолжал доказывать Плонский. — Насосная рядом, на цементном заводе. Строить не придётся. Теперь возьмём планировку площадки. Пожалуйста! Тоже расходы минимальные. Электроэнергия? Тоже завод выручит. Понижительную станцию строить не придётся. Так что стоимость квадратного метра жилья будет ниже сметной.

Дымов прогуливался, и Плонский не отрывал от него глаз, вытягивая голову то влево, то вправо.

— А как с транспортом? — спросил Терновой, глядя в направлении дымящего цементного завода.

— С транспортом? Пожалуйста! Лучше не придумать. Шоссе — раз. Протянем ветку от поста «Цементный» — два. Часть материалов будем подвозить машинами по шоссе. В частности, кирпич выгоднее...

— Да не о кирпиче речь! — оборвал Дымов. — Речь идёт о будущих жителях посёлка.

— Я понимаю. Но трамвай сметой не предусмотрен... Придётся пока потерпеть. Тут до дамбы всего километра два, два с четвертинкой.

— Что-то четвертинка у вас большая, — усмехнулся Терновой.

— Бывают четвертинки, которые больше четверти, — прогремел Медовец. — Чуете?

— А вас не смущает цементный завод? — спросил Терновой.

— Цементный завод? — удивился Плонский. — Так он же далеко. Мы санитарные нормы учли.

— Вы-то учли. А вот учтёт ли ваши нормы цементная пыль? Вчера ветер был северный. Так у меня даже цемент на зубах хрустел!

— На стройке всегда пыль.

— При чём здесь стройка? — Терновой сузил свои чуть раскосые

глаза, будто прицелился. — Пыль была здесь. Я вчера весь этот пустырь своей клюшкой измерил. Вдоволь нагулялся.

Дымов шагал, заложив руки за спину, низко опустив плечи. Можно было подумать, что он не слышал всего, о чём ему докладывал Плонский, и единственно, чем он сейчас всерьёз заинтересован, это — дымами далёкого завода, за прудом. Как всегда в пасмурный день, дымы не казались столь тёмными и растворялись тоже быстрее, чем в голубом небе.

— Ласточки низко летают, — заметил сосед Токмакова по машине, архитектор города, — к дождю.

— И сверчок поёт на высокой ноте, — подтвердил Медовец. — Чуете?

— Не знаю, как там ласточки и сверчки, — сказал Терновой, — а нога у меня чует. Самый лучший барометр...

— Но ведь на этом пустыре география не кончается? — сказал, наконец, Дымов.

— Конечно, можно ещё поискать, — уныло согласился Плонский, перекладывая портфель из руки в руку. — Но лучше площадку вряд ли найдём.

— У меня есть предложение, товарищи, — сказал Терновой. — Поехали обратно на левый берег.

— На левый? — удивился архитектор города.

— Да, на левый. Обратно в Азию. Покажите-ка свой генеральный проект. Так и есть! Ведь проект разрешает строить и здесь, и здесь, и здесь? — Терновой трижды ткнул пальцем в план. — А если взять Кандыбину балку?

— Роза ветров позволяет, — согласился архитектор города.

— Может, товарищи, посмотрим в натуре? — воодушевился Дымов.

— Пожалуйста! — сказал Плонский обиженно.

Машины двинулись обратно. Дымов отправил Медовца вперёд, чтобы тот не глотал пыли, сидя в открытой машине, высунувшись поверх ветрового стекла.

По небу шли медлительные и низкие облака сине-серого, почти чёрного цвета, и на их фоне дорожная пыль выделялась особенно отчётливо — она белела, как мучная. Дождь всё собирался пойти и всё никак не мог собраться, но где-то по соседству он, очевидно, прошёл, потому что ветер дул влажный.

Машины стали у подножья горы Сатач вблизи пруда.

На южном склоне горы беспорядочно лепились дома, домики и домишки — с самолёта они, наверно, походили на пригоршню спичечных коробок, брошенных вразброс. Это и был посёлок самостийных застройщиков, называемый Кандыбина балка. Трудно объяснить происхождение этого названия. Говорили, что здесь некогда располагалась артель грабарей из Кривого Рога, а там есть такая Кандыбина балка. В годы первой пятилетки возникло несколько таких посёлков — Первый Шанхай, Самострой, Второй Шанхай, Нахаловка, Карачун, Грабарский, Порт-Артур. В них жили многосемейные, преимущественно чернорабочие, которым в бараках жить было неудобно, а на отдельную комнату они рассчитывать не могли; или такие, кто не хотел поселиться в бараке, чтобы не расстаться с огородом, с курами, с коровой. В этих посёлках жили и такие люди, которые вообще не могли претендовать на жилплощадь в домах и бараках «Уралстроя». Мало ли разного народу летело когда-то на яркие огни стройки! На стройку ехали «холодные» сапожники, парикмахеры, самодельные пекари и другие полукуста-

ри-полуторгаши, ехали лодыри, рвачи, оборотистые лентяи, любители лёгкой жизни, ехали беглые кулаки и уголовники, ехали самогонщики, шинкари, спекулянты, все те, кто не уживался в других местах, кто смотрел на стройку мирового гиганта как на кормушку. Тех «проходимцев строительства», как называл их Карпухин, уже давно и в помяне не было, но халупы, хибарки и лачуги остались рядом с домами, перевезёнными из затопленной станицы, или с домами прочих застройщиков.

Терновой предложил построить посёлок в Кандыбиной балке.

Плонский вздохнул:

— Конечно, место красивое. А вот метр жилья здесь в копейчку влетит. Насосная станция. Понижительная. Ветку придётся протянуть ещё километра на полтора. Затрещит весь мой баланец.

— Баланец, баланец! — рассердился Терновой. — Речь идёт об удобствах пяти тысяч человек. Это тоже баланец.

— Вы не умеете смотреть на вопрос с финансовой точки зрения, — возразил Плонский.

— А у нас вообще не существует финансовой точки зрения. Есть государственная, партийная точка зрения. То, что вы бережёте копейку — это хорошо. Но экономить надо разумно. Мы, строители, не можем жить только сегодняшним днём. Этак выгоднее бараки строить. Дешевле обойдётся.

— Вам-то легко говорить, — вздохнул Плонский. — А у меня — финансовая дисциплинка. У меня от дебета-кредита бессонница. Экономить надо.

— Но разве экономить — скарденничать?!

— А всё-таки я бы тебя, Иван Иванович, своим кассиром не поставил, — усмехнулся Дымов. — У скупого рыцаря в руках кошелек надёжнее...

Плонский присанился и похлопал по портфелю:

— А как же! Сверхплановая экономия обеспечена...

Жители Кандыбиной балки и не подозревали, что сейчас решается их судьба: иным придётся переселяться куда-нибудь повыше по склону горы, иные переедут в дома будущего посёлка.

Терновой остановился возле косой хибарки.

— Карпухина жильё. Ведь вот упрямая голова! Не хочет переезжать.

— Есть такая поговорка, — сказал Дымов: — Ничто не вечно под луной, кроме временных бараков. А вот добираемся и до них.

Из домика вышла Василиса.

— К нам, Иван Иванович?

— Здравствуй, молодуха. Старый твой дома?

— Разбудить недолго. И графинчик в погребе дожидается.

Терновой с сожалением оглянулся.

— Видишь, целой свадьбой разъезжаем. В другой раз. В город не надумали перебраться? Сколько раз уже Захар Захарычу предлагали...

— Сколько раз предлагали — столько раз отказались. — Василиса повысила голос. — Мы за ванной твоей не гонимся! У нас банька на задах. И свои венки на берёзе растут.

Василиса ушла, хлопнув скрипучей калиткой.

Брызнул, наконец, долгожданный дождь. Но он не принёс свежести. Редкие дождевые капли падали совершенно отвесно, и падали они уже тёплыми. Иные капли оставались лежать в серой мягкой пудре, в облатках из пыли. Едва хватило влаги, чтобы прибить пыль на дороге, смочить машины и крыши домов. Дождь даже не промыл траву, полную пыли. Лужу у колодца лишь слегка рябило. Словно все силы дождя

были растрacены на затянувшиеся сборы — итти или не итти. И сейчас непонятно было, идёт дождь или не идёт, уже перестает или только принимается. Стало ясно, что гроза прошла стороной. Глухо прогремели далёкие раскаты грома. На горизонте чернели косые полосы дождя.

Неожиданно для Токмакова из Кандыбиной балки машины повернули в лесопитомник. Дымов заехал туда, чтобы заодно решить все вопросы, связанные с озеленением будущего посёлка.

Маща очень смутилась, увидев Токмакова.

— Знаете, Константин Максимович, мне предложили уехать в Казахстан.

— Вам? Зачем?

— На стройку. Новый металлургический завод. Условия замечательные. Совершенно самостоятельная работа. Вся работа по зелёному строительству. Голые пески — и ни одного дерева вокруг.

— Что же вы решили?

Маща помолчала.

— Пока решила остаться. Какими судьбами вас сюда занесло?

— Ездил с Дымовым. Выбирал место, где буду ждать вашего возвращения из Казахстана.

— Нет, серьёзно. Откуда вы так поздно?

— На дороге меня подобрали. Везли домой, а привезли к вам.

Маща рассмеялась.

— С вами невозможно серьёзно разговаривать. Идёмте, я вас малиной угощу. Хотите?

— Вы куда же? — окликнул Дымов Токмакова.

— А я отсюда катером переправлюсь.

— Думаете, быстрее?

— Что же ты, — рассмеялся Терновой, — возил, возил свой кадр и вот куда завёз!

— Он в этом лесу не заблудится, — пробасил Медовец и захохотал. — У него тут лесники знакомые!..

Маща и Токмаков сидели на берегу пруда, у мостков, и ждали катера, который должен был прийти с правого берега.

Слева тянулись отмели, поросшие камышом. Неподальку в пруд втекает ручей. Этот ручей течёт через весь город, с рудообогатительной фабрики. Мельчайшие частицы руды перекрасили воды в морковный цвет.

— Что-то там, в Европе, застрял этот катер, — сказала Маща. — В «Пионерской правде» такая загадка была напечатана: «В каком городе дети ходят пешком в школу из Европы в Азию?» Это когда у нас на правом берегу ещё не было школы и мы ходили по дамбе через Урал на тринадцатый посёлок. Мы ведь с вами европейцы. А кто тут, на левом берегу живёт, — азиаты.

— Знаете, Маща? Кажется, и я скоро стану азиатом. Дымов сам обещал доложить министру. И надеется получить согласие. Кончу домну — никуда больше не поеду. Буду строить новые дома в Кандыбиной балке...

Маща слушала, наклонив голову. Она так была поглощена разглаживанием платка на коленях, что ей некогда было взглянуть на Токмакова.

Катер всё не шёл и не шёл, и каждый из них втайне был доволен тем, что катер запаздывает и можно сидеть на этом самом камне вдвоём, вот так, рука в руке, ничего не говоря вслух, не двигаясь, почти не шевелясь.

Дерябин взял в руки проект Токмакова со снисходительным видом: «Ну, ну, посмотрим, что там нафантазировал молодой человек. Вот сейчас найдём какой-нибудь просчёт. Будет очень полезно сбить спесь с помощника».

Но по мере того, как Дерябин знакомился с проектом, снисходительное выражение исчезало с его лица.

Прораб этот Токмаков — не плохой. На него можно положиться. Взять хотя бы то ветреное утро. И нельзя сказать, чтобы Токмаков тогда пытался свалить вину на него. За спиной ругать его не станет. Но в глаза не постесняется.

Дерябин вспомнил открытое партийное собрание, выступления Токмакова и Матвейча. Если бы ещё наедине, а то на собрании, при рабочих. Нет, всё-таки много в этом Токмакове мальчишества. И мало уважения к старшим. Так и с этим проектом. Новатором хочет прослыть. А разве Дерябин сам не хочет ходить в новаторах? Очень даже хочет! Но только успеха следует добиваться надёжными средствами. Не пускать пыль в глаза.

— Ну что же, вполне допустимо... Откровенно говоря, не так глупо, как могло показаться... Я бы сказал, что расчёты правильны... Допустим! — то и дело раздавалось в конторке.

Наконец, Дерябин просмотрел все чертежи, схемы, проверил расчёты.

— Проект следует признать интересным, — сказал Дерябин. — Проект можно было бы даже принять, но...

Токмаков задержал дыхание.

— ...он связан со слишком большим риском. А так рисковать, дорогой товарищ Токмаков, мы сейчас не можем. Мне кажется, что последняя царга наглядно показала, как опасно в местных условиях поднимать такие тяжеловесы.

Токмаков резко сказал:

— К местным условиям следует приравниваться. Не играть с ветром.

— Всё-таки короткая у вас память, дорогой товарищ Токмаков. А я как вспомню ту пыльную бурю... Не знаю, как вы, но я в то ветреное утро постарел сразу на несколько лет... — Дерябин поёжился и подёргал ртом, словно у него опять хрустел песок на зубах, и сплюнул.

— Я о ней не забыл, о той буре.

— Спор у нас совершенно беспредметный, между нами говоря. В вашем предложении, дорогой товарищ Токмаков, прежде всего нет практического смысла. Монтаж металлоконструкций идёт у нас по графику. И график ломать не надо ни в ту, ни в другую сторону.

— Однако коллектив придерживается иного мнения. Вы же слышали, что рабочие считают реальностью сокращение сроков монтажа...

— Мы же с вами не малые дети, товарищ Токмаков. При чём тут рабочие? Вы же затеяли всю эту демагогию с изменением формулировки. А нужно ли это строительству? Нужна ли такая лихорадка? Всё идёт организованно, продуманно. Важно других не задерживать, чтобы нам на пятки не наступали. А отрываться нам от других — это значит только вносить сумятицу и штурмовщину.

— Об этом сейчас спорить не будем, я с вами принципиально не согласен. Уйдём мы вперёд — за нами потянется вперёд и сварка. Но сейчас мы не только вперёд не уходим. Мы держим других. Из-за нас отстаёт монтаж механизмов.

— Об этом пусть «Механомонтаж» заботится. Запомните: мы работаем по утверждённому графику.

— Но мы не даём им фронта работ. Эти четверо суток их попросту спасли бы!

— А что вы тревожитесь о них больше, чем о себе?

— Если мы сейчас подыдем «свечи» вместе с «подсвечниками», мы сэкономим не только четверо суток.

— А сколько же, позвольте осведомиться?

— Наш опыт будет учтён в проекте организации работ на всех будущих дсмнах.

— В министерстве, конечно, обрадуются! Откровенно говоря, они там страсть как любят, когда на местах сами себе сроки сокращают! По себе знаю. Сам в министерстве сидел. Предположим, мы с вами сократим срок. И уложимся в него. Ну а потом? Откровенно говоря, потом спать спокойно не придётся. И захотите вернуться к старому, да поздно будет. Назвался, дорогой товарищ Токмаков, груздем...

— Но зачем же возвращаться к старому, если удалось сработать по-новому?

— Что же вы думаете, дорогой товарищ Токмаков, малые дети в Гипромезе проект составляли? А вы вот какой прыткий — пришёл, увидел и переделал!

— Но в Гипромезе не знали, что у нас будет в распоряжении такой башенный кран. И такая мощная подъёмная мачга!

— Я против штурмовщины и отсебятины в организации монтажа. Я, дорогой товарищ Токмаков, хочу выполнять план. А если можно — перевыполнять. Но рисковать планом я не могу. Ведь, собственно говоря, что значит принять ваш проект? Значит, отказаться завтра от подъёма! Значит, не выполнить плана ни завтра, ни послезавтра! Значит, провалить план за пятидневку!

— Да, завтра и послезавтра план не будет выполнен. И за пятидневку — тоже не будет.

— Наконец-то вы...

— Но зато, — перебил Токмаков, — как только подыдем «свечи» вместе с «подсвечниками» — мы покроем все долги. И ещё сэкономим чистых четверо суток.

— Но я не хочу работать хуже, чем могу. План делится на месяцы и дни. Между нами говоря, процент выполнения плана — показатель не только технический. Это показатель и политический. Наша партийная совесть этими цифрами измеряется.

— Политика — в том, когда мы сдадим домну. Важна конечная цель.

— А если из-за вашего проекта ухудшатся месячные показатели? Если у нас отберут переходящее красное знамя?

— Но как же знамя отберут? Мы же не выполним плана только одной пятидневки!

— Почему же это не отберут? Очень просто! Это вам, может быть, не жалко знамя отдавать. А мне очень жалко... Пора бы вам уже рассуждать технически зрело. Вы сколько времени работаете про-рабом?

— Третий год.

— Вот видите! Третий год как вас перевели из мастеров. А кругозор у вас всё ещё, как у мастера. А иногда, между нами говоря, ведёте себя, как бригадир. Если бы вы научились по-настоящему руководить, если бы у вас был кругозор прораба, вы бы, скорее всего, такого проекта вообще не предложили... Ведь вы же, дорогой товарищ Токма-

ков, не токарь, который хочет перейти на новые скорости резания. Чем рискует этот токарь-скоростник? Резцами. Ну, предположим, деталью, которую обтачивает. А если наш токарь обмишурится? Ничего страшного! Во всяком случае на работе других токарей это не отразится. Токарь выполняет свой личный план. И риск у него маленький. А наш план?

Токмаков промолчал.

— Вот видите! — Дерябин по-своему расценил молчание Токмакова. — Ведь не я установил этот план. Что же вы думаете? Они там, — Дерябин показал на потолок, будто начальство в этот момент сидело на покато́й крыше трубы, в которой помещалась конторка; этот жест остался от того времени, когда Дерябин работал в главке и его кабинет находился под кабинетом министра, — они там не знают, как следует вести монтаж и как не следует? Откровенно говоря, знают лучше нас с вами! Но не хотят рисковать. Почему же я должен рисковать вместо них?

— Вы так говорите, будто один собираетесь вести этот подъём. Но ведь все отдадут себе отчёт в трудности этой задачи. И все считают, что риск оправдан. И я рискую. И Матвейч. И бригадиры. Все монтажники! Я же с ними советовался, всё им рассказал. Больше того, этот проект основан и на их предложениях, высказанных на собрании.

— Им хорошо изобретать. С них спрос маленький. Между нами говоря, им особенно и рисковать-то нечем. А нам с вами нужно подумать.

— То есть как это — особенно рисковать нечем? — вскочил Токмаков. — А своим рабочим именем? Разве они не такие же хозяева дела, как и мы с вами? Разве Пасечнику, Матвейчу, Пудалову, Борису Берестову, любому рабочему важно только денежки в кассе получать, а на домну плевать?

— Всё это я знаю, дорогой товарищ Токмаков, — скучающим тоном произнёс Дерябин. — А вот в случае чего, вам же первому, а не Хаенко вашему, нахлобучку дадут. И, откровенно говоря, правильно сделают! Вот тогда и имя и репутация — всё сразу загремит... Простите, вы с какого года в партии?

— С августа сорок третьего...

— Сразу видно, что молодой коммунист. Нехватает ещё у вас политического чутья и опыта.

Токмаков пожал плечами

— Я вступил в партию в дни боёв с фашистами на Орловско-Курской дуге. И стаж мой никакого отношения к подъёму «свечи» не имеет. С таким же успехом этот проект мог предложить и беспартийный инженер.

Токмаков, сдерживая раздражение, встал и начал свёртывать в трубку чертежи и схемы

— Вы, надеюсь, не будете возражать, если я покажу свой проект Гинзбургу?.. Правда, он беспартийный. Или вы опять обвините меня в недостатке политического чутья?

Дерябину не хотелось, чтобы Токмаков шёл со своим проектом к Гинзбургу. Он понимал, что Гинзбург скорее всего поддержит Токмакова. Но сейчас он больше чем когда бы то ни было боялся риска. «Моя работа здесь — экзамен, — рассуждал Дерябин. — Выдержу экзамен — вернут в Москву. Провалюсь — переэкзаменовки не дадут. Кто же занимается экспериментами на экзамене? Погонись за пятёркой, а сорвёшься на двойку».

— Разве я возражаю? — сказал Дерябин. — Конечно, покажите! Григорий Наумович, возможно, и одобрит, но утвердить не сможет. Не в праве.

— Почему?

— Потому что такие проекты дано право утверждать только наверху, в главке. Разве я против вашего проекта? Но вы меня толкаете на преступление. Я сейчас всего-навсего старший прораб, а не главный инженер главка, который утверждал когда-то всю технологию монтажа. Вот сидел бы я сейчас в главке — я бы ваш проект мог и утвердить. Но если бы после этого кто-нибудь на площадке посмел бы отступить от утверждённого мною проекта, я бы с него голову снял. Государственная дисциплина. Понимаете?

— Понимаю. Вы хотите поспокойнее жить и спрячетесь за громкие слова. А к Гинзбургу я всё-таки пойду.

— Что же, ждите Григория Наумовича. Он на днях должен прилететь. Могу вас заверить, что, если Григорий Наумович возьмёт на себя такую ответственность, за мной дело не станет, я вас поддержу. Но ещё раз повторяю — мы с вами самостоятельно рисковать не имеем права.

Однако Токмаков твёрдо решил добиваться осуществления своего проекта и готовился выдержать за него бой. Он знал, что к главному инженеру нельзя идти с черновиками. Надо всё ещё раз выверить, пересчитать, чтобы к его возвращению из очередной командировки быть во всеоружии.

Он вспомнил, что Таня Андриасова чертёжница, и принёс к ней домой все свои схемы и чертежи.

— Вот тебе, Таня, дело, по которому ты соскучилась. Это тебе, как в былые дни: боевое задание от капитана Токмакова. Я думаю, Серёжка не помешает гвардии чертёжнице?

— Есть, товарищ гвардии капитан, — обрадовалась Таня. — Только беда, Серёжка всю готовальню разорил!

— Эту материальную часть я тебе добуду. Всё принесу. А дело, Таня, такое, что или голову я себе сломаю или сразу помолодею на четыре дня, не меньше.

19

Заснуть больше никак не удавалось, но Катя продолжала лежать, не открывая глаз. Так легче сосредоточиться и вспомнить всё по порядку.

Та газета висела до середины следующего дня. Потом её, выгоревшую на солнце, совсем жёлтую, заменили свежей. Но ведь это не значит, что газета с заметкой совсем исчезла? Её получают подписчики в других городах. Значит, не приснилось Кате, что девушки тогда назвали её по фамилии и уступили очередь. И заметка в газете. И эта фотография на Доске почёта. Ночью там горят лампочки. Люди из ночной смены тоже видели фотографию. Под ней красиво написано: «Екатерина Петровна Петрашень». А может, при электрическом свете не видно, что она растрёпанная? Хоть бы Пасечник не вздумал смотреть на Доску почёта.

Корреспондент этот обещал поговорить с фотографом. Но вдруг фотограф заупрямится и не захочет переснять Катю? Или пообещает, а потом и думать об этом забудет? Недаром его Захар Захарович Обещалкиным называет. Надо же было полениться — в зеркальце посмотреть! Такой стёпкой-растрёпкой снялась!.. А косою Катя сроду не была. Это уж фотограф её изуродовал...

Завтра Катя пойдёт в радиостудию. Выступать будет. Не хуже той Зойки Иноземцевой, на которую Пасечник в театре глаза пялил. Подумаешь, актриса! Тоже у жаровни коптилась, Карпухину заклёпки пекла!..

Катя представила себе, как Пасечник будет слушать её речь. Правда, на бумажке уже всё написано. Нужно только прочесть без запинок. Где запятые — передохнуть, где точки — помолчать подольше. А эта Зойка Иноземцева, она чужие пьесы читает!.. Может, она вовсе и не такая красавица. Их там мажут в театре, из старух молодых делают. Интересно, а в студии не мажут?.. Катя рассмеялась. «Дурочка я! Это же радио». Интересно, как эта самая студия выглядит — может там светло, как в фотоателье? Или там синий свет горит? Надо было у Захар Захарыч спросить, он все радиостудии обошёл.

А как Захар Захарыч её отругал, когда она поссорила с Багратом и пришла проситься обратно в бригаду! Видимость, говорит, увеличилась. Все на тебя оглядываться стали.

Катя достала с тумбочки зеркальце, посмотрелась в него, повела глазами и с удовольствием похлопала длинными чёрными ресницами. Ничего, девочка!.. А копать на веках — это даже хорошо, что она не смывается. Во всяком случае, лучше, чем грим у Зойки Иноземцевой.

После ссоры с Пасечником и памятного разговора с Карпухиным в столовой, Катя стала больше следить за собой, за своими словами и жестами, за своей внешностью и манерами. Она вспоминала, чем бывал раздражён Пасечник, вспоминала замечания, которые делал ей Баграт — всегда наедине и в очень деликатной форме. Катя как бы выслушивала эти замечания заново и только сейчас, спустя много дней, краснела.

Как грубо она тогда закричала на него: «Можешь делать замечания своей жене!» Жена-то у него интересная. Катя познакомилась с ней, когда Баграт ставил рекорд и Таня приносила ему завтрак. Баграт поделился завтраком и с Катей. Он налил ей крепкого чаю из термоса и сказал: «Привык на Кавказе. В жару жажду утоляет. Как молодое вино». А Катя даже спасибо не сказала...

Хорошо так ухаживать за любимым! Таня здорово любит Баграта. И он её как любит! Хорошо, когда так любят тебя...

Таня рассказала Кате всё: как она ухаживала за раненым Багратом на фронте, как стала санинструктором и комсоргом в сапёрном батальоне, как они, с разрешения капитана Токмакова, того самого прораба, у которого работает Пасечник, отправились с попутной машиной в прифронтовой город; как Таня и Баграт хотели расписаться в местном загсе, но какая-то дура с кудряшками отказалась зарегистрировать их брак, — они, мол, не местные жители; как жили с Багратом в шалаше, скроенном сапёрами из трофейных плащ-палаток. Счастливая Таня! Они с Багратом неразлучны с фронта!..

Катя доверялась теперь жене Баграта во всём. Как-то она призналась Тане, что после смены не пошла под душ, а легла усталая возле своей кровати прямо на чёрную училищную шинель, подложила под голову ватник и так проспала до утра. Как Таня ругала её за это! Разве можно культурной девушке валяться на полу!

Вчера Катя пришла очень усталая, к тому же у них в «новодевичьем монастыре» (так парни называли общежитие) не работал душ. Но она отправилась по соседству в дом молодожёнов и вымылась там на славу.

Катя брезгливо, даже с ненавистью, посмотрела на свою руку с татуировкой. Из-за этого её часто окликали по имени незнакомые парни. Пришла же когда-то в голову такая блажь!

Но благодаря татуировке на руке, Катя и познакомилась тогда с Пасечником. «Кто последний, я за Катей», — вспомнила Катя, и сердце заныло тревожно и сладко.

Катя перебрала в памяти все свои встречи с Пасечником. И она

опять вспомнила много такого, что заставило её встревожиться, от чего стало стыдно и сразу бросило в жар.

В первый раз Пасечник ничего не сказал и только поморщился, когда она стала прикуривать от его папиросы. А что, если бросить курить?.. И вообще надо больше присматривать за собой.

У входа в столовую находится водопроводный кран. К нему привинчивают шланг, и когда поливают, у крана этого всегда образуется большая лужа. Однажды Катя вышла из столовой, а обойти лужу ей было лень. Тут подвернулся кто-то из своих, кажется Бесфамильных. Она подбежала сзади, крикнула «неси меня!» и повисла у него на шее, болтая голыми ногами. Едва она ступила на сухую землю, как заметила насмешливый взгляд Пасечника. И, видимо, он не забыл её путешествия через лужу, потому что в следующий раз, когда она прихвастнула, рассказывая о том, как за ней кто-то ухаживал, Пасечник сказал: «Ну, конечно. Вы же привыкли, чтобы вас на руках носили!»

А зачем нужно было курить на стадионе? Главное — и денег-то не было, чтобы купить пачку, так — прямо на грех! — по рядам носили рассыпные папиросы. Катя покупала папиросы и проворонила момент, когда строители забили гол металлургам. На трибуне закричали, мальчишки стали бросать вверх кепки. Катя увидела только, как вратарь, пропустивший мяч, достал его из сетки, выбил на центр поля и затем стал, прислонившись к штанге, понурив голову, не глядя на трибуны. А гол, оказывается, забил Пасечник, и пришлось признаться, что она этого не видела.

Потом мяч, посланный чьим-то мощным ударом, метнулся на трибуну. Кате померещилось, что мяч ударит в неё, и она взвизгнула с преувеличенным испугом, так что зрители на трибуне, и в том числе Терновой, сидевший поблизости, повернули головы в её сторону. Инвалид на костылях, сидевший рядом, с криком «эх, раз в жизни!», не вставая со скамейки, стукнул по летящему в него мячу единственной ногой и отбил мяч обратно на поле.

И платье не нужно было надевать красно-зелёное. Во-первых — юбка коротковата, во-вторых — блузка узка и чересчур обтягивает грудь. Платье Пасечнику тоже не понравилось. Какой-то паренёк крикнул по её адресу: «Гляньте, светофор идёт!», а Пасечник рассмеялся...

Вспомнила Катя и тот день, когда Пасечник впервые пришёл в гости, сюда, в общежитие. Не скрывая насмешки, он оглядел стену около её кровати, тумбочку и всё убранство. А потом вдруг снял со стены гитару Одарки, ударил по струнам и запел: «Я на свадьбу тебя приглашу, а на большее ты не рассчитывай!..»

Потом она проводила Пасечника до трамвайной остановки. Он вскочил в трамвай, высунулся с задней площадки, помахал рукой и крикнул: «Не прыгайте на ходу! Соблюдайте правила уличного движения!».

Она сразу догадалась, почему Пасечник это крикнул.

Катя повернулась к стене, и совсем близко, перед лицом её, оказался плакат, давно знакомый ей во всех подробностях. На плакате изображён человек, неловко прыгнувший на площадку трамвая. Руками он ещё держится за поручень, а ноги его уже волочатся по мостовой, у самых рельсов. Поверх трамвая написано: «Не прыгайте на ходу», а внизу, на мостовой: «Соблюдайте правила уличного движения!» Плакат красивый, яркий, но зачем он, чёрт бы его взял, висит здесь?

Катя сбросила с себя простыню, вскочила в одной рубашке с постели, сорвала плакат со стены, скоскала и бросила на пол. Затем она стала зло срывать одну за другой открытки, висевшие над изголовьем.

Шикарный мужчина с наглым лицом посылал с открытки своё поздравление с рождеством христовым. Неестественно откормленный и гладкий цыплёнок выходил из только что разбитого им розового яйца. Скорлупа валялась тут же, под ней значилось: «Христос воскрес!» Открытки висели под сенью бумажных цветов. Цветы Катя тоже сорвала со стены.

По тумбочке разгуливал фаянсовый пастушок, здесь лежали раззолочённые русалки, обложенные ракушками, стояло множество пустых флаконов из-под одеколона и духов, пустых коробочек из-под крема и пудры. В вазе стояли, покрытые пылью, искусственные цветы — оранжевые матерчатые лепестки и голубые листья на проволочных стеблях. Стоя босиком, в рубашке, Катя начала очищать от хлама свой столик. Она делала это так поспешно, словно потом, когда придут соседки, сделать это будет уже поздно. Цветы тоже полетели в мусорное ведро, стоявшее за дверью, в коридоре.

Оставались фотографии подруг по ремесленному училищу, знакомых ребят и киноартистов Тенина, Самойлова, Орловой и Кадочникова, про которого Пасечник сказал, что на него похож их прораб. На карточках девчат были надписи: «Дарю сердечно, помни вечно», «Люби меня, как я тебя», «Храните, пока вам будет приятно, а надоеет — пошлите обратно»...

Митька Курчатов был снят на капитанском мостике. Руки покоились на штурвале, а ниже висел спасательный круг с надписью: «Жди — вернись!» Митька прислал карточку из Владивостока, они клепали там портовые краны. Под капитанским мостиком были стихи:

Может, свидеться нам не придётся,
Уж такая жестока судьба.
Пусть на память тебе остаётся
Неподвижная личность моя!

Снимки Катя не стала рвать, а сняла со стены и сложила в тумбочку.

На стене осталась висеть фотография родителей Кати. Отец в сапогах, чёрном костюме, косоворотке и в фуражке сидел на стуле у тумбочки, мать, гладко причёсанная, стояла, положив ему руку на плечо.

Катя ещё раз с удовольствием взглянула на чистую стену у кровати, на пустую тумбочку, застланную салфеткой, и осталась очень довольна собой.

Она позавтракала, занялась туалетом, причесалась, как её научила Таня — волосы гладко зачёсаны назад и собраны жгутом на затылке — сходила в магазин на углу и часа в два дня с сожалением убедилась, что все дела, не терпевшие отлагательства, она уже сделала.

После напряжённой работы у горна Катя с большим нетерпением ждала, когда наступит её выходной день. Однако с некоторых пор она стала относиться к своим выходным дням со смешанным чувством удовольствия и какой-то неловкости, даже тревоги.

Всю неделю она приучалась ценить каждую секунду. Всю неделю она так бережно относилась к времени. А в выходные дни тратила время впустую, сорила минутами и часами, как шелухой от семечек.

Соседка по комнате, Одарка, знала, чем заняться в выходной день. Под подушкой у Одарки уже лежала книга, на которую та давно была записана в библиотеке, только вчера получила, и которую ей так не терпелось прочесть. Одарка успевала и почитать, и написать письмо, и вы зубрить слова новой песни, а потом убегала во Дворец культуры на спевку.

А Катя долго, в утомительной праздности, сидела у застеленной кровати и думала, чем бы заняться до того, как подойдёт вечер и можно будет отправиться гулять шумной гурьбой с ребятами или пойти в кино.

Бывало и так, что она шла в кино с почти незнакомым парнем, купившим билет для неё, а потом весь вечер перебранивалась с ним, била его по рукам, но всё это беззлобно, не находя в том ничего некрасивого. А теперь Кате не хотелось ни с кем ходить в кино, только с Пасечником.

Вечерами она ходила с Одаркой на танцы.

Кате во время танцев некогда было присесть, отдышаться, Катя была всегда нарасхват, а Одарка с грустной покорностью сидела и смотрела, как танцует подруга. Изредка Катя вспоминала о ней, и тогда они танцевали вдвоём, причём, рослая Одарка всегда танцевала за кавалера. Она так привыкла к этой роли, что уже чувствовала себя менее уверенно, когда ей самой доводилось танцевать с кавалером.

Одарка была излишне высока, с широкими плечами и слишком большими руками. Румянца тоже было в избытке. Она всего стеснялась — стеснялась своей физической силы, своих больших рук, смеялась только про себя, любила шептаться с девчатами, изо всего делала тайну, была недотрогой и чуралась кавалерсв. Давно и безнадежно она была влюблена в Вадима, но тот на неё внимания не обращал и вряд ли догадывался о её чувствах.

- Пойдём вместе в библиотеку, — предложила Одарка утром.
- А чего я там не видела?
- Много хороших книжек не видела. А видела, так не читала.
- Скучные там книжки.
- Книжки про жизнь. А про жизнь — значит не скучные.
- А я люблю книжки увлекательные, чтобы читать — и ни о чём не думать. Например, приключения...

В сущности, Катя непрочь была бы пойти с Одаркой в библиотеку. Ведь многие книги, которые та приносила, Катя тоже успевала прочесть, иные с горячим интересом. Но пойти самой записаться как-то не хватало времени. На всё время было, даже в избытке, а на это времени не хватало. И на предыдущих стройках Катя заходила в библиотеку только один раз — накануне отъезда, когда на руках у неё был обходной лист. В библиотеке ставили штамп, что книги ею возвращены, а книг Катя вовсе и не брала.

Но Кате не хотелось сегодня уходить из общежития. Весь день она ждала, что Пасечник всё же придёт.

Она приподняла будильник, лежащий на столике вниз циферблатом (иначе он ходить не умел) — половина четвёртого.

Стало совершенно ясно, что Пасечник сегодня не придёт, а может быть, не придёт больше никогда.

Катя открыла тумбочку и достала альбом, который завела ещё в ремесленном училище. То было собрание бесхитростных наивных пожеланий и афоризмов, вперемешку с текстами песен и песенок, украшенных разноцветными виньетками — роза, сердце, пронзённое стрелой, ромашка, якорь, букет роз, два сердца, прикованные цепью одно к другому. «Шути любя, но не люби шутя», «Вспомни порою, если этого стою», «Кто писал, тебе известно, а другим неинтересно». Рядом были и другие записи: «Катюша, извини, что плохо написала. Готовлюсь к зачёту по холодной обработке металла и очень тороплюсь. Вспоминай наше ремесленное училище и меня вместе с девочками. Стихов писать я не умею, не оттого, что не хочу, а погому, что нету время, прости меня,

тебя прошу. Ещё раз извини за кляксу и не сердись. У нас очень плохие чернила. Желаю сдать государственные экзамены на отлично. Вспомнишь — спасибо, забудешь — не диво, в жизни бывает и так! От Ани К.».

Каждый раз, когда Кате нечем было заняться, она доставала и перелистывала альбом.

Когда у Кати было хорошее настроение, она напевала весёлые песенки и перечитывала бодрые пожелания. Если было тоскливо, Катя выискивала в альбоме самые грустные стихи — там фигурировали обманутая девушка, злодей, разбитое сердце, склянка яда, могильная плита.

Сегодня все эти жестокие романсы оставили Катю равнодушной. И только одна песня потрясла её сейчас.

Слёзы полились по смуглым щекам, Катя, глотая слёзы, еле слышно напевала:

Я одна иду домой,
 Вся печаль моя со мной.
 Неужели моё счастье
 Прнесётся стороной?

«Да, как видно, он не хочет говорить по существу», — вздохнула Катя.

В дверь тихо постучали три раза.

— Можно видеть Екатерину Петровну?

«Значит, видел Доску почёта», — ужаснулась Катя.

Пасечник появился на пороге комнаты. Он картинно провёл рукой по рыжеватым волосам.

— Здравствуйте, Коля. А я уже думала, что...

— Зачем же думать? Тем более — сегодня, в выходной.

— Садитесь, пожалуйста... Ну, как ваши дела, Коля? Как жизнь?

— Жизнь бьёт ключом. И всё — по голове!

— Какие-нибудь неприятности?

— Зачем? Это я так, для красного словца. Сегодня опять всю ночь на домне проторчали. По милости старшего прораба. Вообще этот Дебрябин не соответствует действительности. Бурей пахнет — подъём у него. А когда ветерок чуть-чуть дышит — боится, выжидает. В общем, на молекуле обжётся, теперь на газированную воду дует.

— Так вы, наверно, не выспались?

Катя не сумела скрыть радости — вот почему Пасечник пришёл так поздно!

— Точно! На свиданье к девушке надо являться свежим и бодрым!

Пасечник скользнул взглядом по чистой стене у Катинной кровати, увидел чистую тумбочку.

— А где же вся эта галантерея и прочая парфюмерия?

— Выбросила.

— А тот симпатичный молодой человек? Который на ходу в трамвай прыгал?

— Тоже в мусорном ведре.

— Порядок! Тем более, вы теперь не просто Катя, а можно сказать — Екатерина Великая, гордость Каменогорска. Между прочим, мне эта причёска очень нравится.

Пасечник продолжал глядеть на Катю озорными и добрыми глазами. И она тоже набралась смелости и посмотрела ему прямо в глаза.

У Кати были большие, очень красивые серые глаза, с чёрными рес-

ницами и с тёмными веками от въевшейся в поры копоты и частиц угля. Такие глаза, как подведённые, бывают у нагревальщиц, шахтёров, кузнецов, машинистов, кочегаров.

Пасечник подошёл к кровати Одарки, снял со стены гитару и начал её сосредоточенно настраивать.

Наконец, зазвучали аккорды, и он запел из старой цыганской песни: «А без денег жизнь плохая, не годится никуда!..»

— Сегодня эта песня не соответствует действительности, — Пасечник похлопал себя по карману пиджака. — Так что собирайтесь, Катенька, в цирк. А то после третьего звонка вход в зрительный зал боспрешён. А нам до цирка ещё в ресторан «Мангай» надо завернуть. Не знаю, как вы, Катенька, но я, например, заочное общественное питание не признаю! Я вчера, когда брал билеты, узнал — на голодный желудок в цирк не пускают. А то примутся зрители бутерброды жевать! Можно всё представление сорвать. Дрессированные медведи откажутся танцевать. Тоже потребуют себе ужин...

Катя очень любила, когда Пасечник балагурил.

— Между прочим, вы, Катенька, поторапливайтесь, потому что нас внизу такси ждёт.

— Такси? — у Кати расширились глаза.

Пасечник высунулся в окно.

— Слышите, как счётчик работает?

Катя тоже высунулась из окна, увидела такси у подъезда общежития и принялась в испуге поправлять причёску и носиться по комнате.

Когда они уже выходили из комнаты, Пасечник остановился у Катиной койки и бросил довольный взгляд на чистую стену.

20

Начался монтаж самой верхушки доменной печи. Токмаков и Матвейч всё сильнее запрокидывали головы, вглядываясь вверх, и было непонятно, как на их затылках держались кепки. Теперь уже Борис, хлопчущий на земле у своей лебёдки, не всегда сразу различал, кто из монтажников стоит там, на колошниковой площадке, и подаёт ему сигналы.

Все последние дни шли, неуместные в конце августа, слабосильные дожди, хотя по законам здешнего климата следовало ждать знойной погоды или сильных ливней-проливней. Ещё несколько дней назад все, изнемогая от духоты, с вожделием поглядывали на небо — не покажется ли где дождевая тучка? А теперь все нервничали, так как несколько раз на дню принимались итти эти кратковременные, несуразные дожди. Их правильной было бы назвать не дождями, а дождичками. Нет, уж лучше палящий зной, чем этот испорченный небесный душ!

Мокрые конструкции нельзя варить, по мокрым конструкциям нельзя ходить на высоте. И верхолазы вынуждены были, проклиная всё на свете, спускаться вниз и ждать, пока просохнут фермы, стропила, перекрытия, сразу ставшие опасными для резиновых и кожаных подошв.

Токмаков ждал приезда Гинзбурга со дня на день.

Таня чертила несколько дней, не разгибая спины. Вот они, перед Токмаковым, эти чертежи, схемы, расчёты, аккуратно вычерченные и переписанные Таниной рукой.

На отдельных стадиях подъёма груз раскрашен в разные цвета, причём эти стадии подъёма находят одна на другую, так что на чертежах изображено множество «свечей» — синяя, потом повыше красная, ещё

выше — зелёная, жёлтая, снова синяя, коричневая. И каждой детали, каждому моменту подъёма соответствуют свои расчёты: когда и какие вступают в работу лебёдки — совсем как инструменты в оркестре, — и когда для них наступает пауза, какую ношу возьмёт на свои стальные плечи кран в каждый момент подъёма и как будет перемещаться центр тяжести груза. Это была своеобразная партитура всего подъёма. В этих нескольких листах александрийской и обыкновенной писчей бумаги были заключены сейчас все тревобления и заботы Токмакова.

Теперь, когда дожди выбили монтажников из календаря, речь шла уже не о сокращении, но о выполнении графика.

Даже Дерябин растерянно поглядывал на Токмакова и по несколько раз на день, особенно когда небо обкладывало тучами, нерешительно спрашивал:

— Не слышали, Константин Максимович, не прилетел ещё Григорий Наумович?

— Погода нелётная, — мрачно отвечал Токмаков.

— Нелётная, — вздыхал Дерябин и жевал губами. — А как бы нам теперь эти ваши четыре дня пригодились. Конечно, если бы начальство утвердило, мы бы с вами, между нами говоря, рискнули...

— С вами рискнёшь! — пробурчал Токмаков. — А что, если не ждать главного инженера?

— Что вы, дорогой товарищ Токмаков! А если что-нибудь случится со «свечёй»? Вы бы лучше исподволь подготовили всё. Людей бы на это дело подобрали.

— Люди есть. Взять хотя бы бригаду Пасечника.

— Что вы — Пасечника! Это же такой сорви-голова, Здесь нужен осторожный человек...

— Так я же сам, по-вашему, сорви-голова, — напомнил Токмаков и отошёл от Дерябина.

Когда пошёл очередной дождь, Токмаков приказал всем прекратить работу.

Пасечник остался наверху. Когда пошёл дождь, он стоял на узкой, в восемьдесят миллиметров, балке и развязывал трос. Он выругался, оставил работу и перешёл по балке, сразу покрывшейся, как тёмной рябью, каплями-пятнышками.

Пасечник рассудил, что дождик, видимо, небольшой, просохнет скоро, а потому нет смысла сходить на землю, потом вновь забираться сюда, на верхотуру. Он спустился только до колошниковой площадки и уселся там под листом гофрированного железа. Рядом с ним очутился монтажник по прозвищу «Иван-да-Марья» и кто-то из бригады Пасечника.

Дождь барабанил по железу над головой, а Пасечник сидел и со вкусом, не торопясь, ругал старого бездельника Илью-пророка, из-за которого приходится монтировать три раза в день по чайной ложечке.

Дождь и в самом деле прошёл быстро, но балки и фермы ещё продолжали лосниться мокрыми гранями. Ветер сдул с них капли, но не успел высушить досуха.

Все сидели и покуривали, ожидая сигнала на работу. Пасечник нетерпеливо поглядывал вверх на трос, который он не успел развязать, и чертыхался. Было досадно: из-за ерундового дождя бездействовали и люди, и башенный кран!

— Пойду прогуляюсь, — решил Пасечник. Он встал, направился к балке. — Сейчас я этот кляузный узел развяжу.

— Пожалуй, рано итти, — сказал с опаской «Иван-да-Марья». — Посмотри, железо-то... Как салом смазанное. Скользко!

— Ничуть не скользко!

— Лучше бы подождать.

— Вот-вот! Подождать, пока новый дождик подоспеет.

И Пасечник пошёл по балке к тросу и принялся развязывать узел, одновременно держась за него.

И вот, когда уже узел был развязан и Пасечник, балансируя, шёл обратно, он поскользнулся.

Пасечник качнулся, как от удара, попытался, не останавливаясь, сделать новый шаг, восстановить равновесие и уже поставил ступню на балку, но вторично поскользнулся. Взмахнув руками, он сделал отчаянную попытку сбалансировать, но его подвела скользящая опора. Нога сорвалась.

Пасечник попытался обхватить балку рукой — пальцы соскользнули.

Пасечник помнил, что балка тянется по самому краю верхней площадки домны и что слева, под балкой, пропасть, а справа где-то внизу настил из досок. Он успел сильно оттолкнуться в сторону от промелькнувшей у его плеча мокрой балки. Только благодаря этому Пасечник избежал гибели и не сорвался на землю с высоты двенадцати этажей, а, пролетев метров шесть, упал на дощатый помост колошниковой площадки...

Токмаков, Вадим, Бесфамильных и другие монтажники побежали по лестницам вверх.

Токмаков склонился над Пасечником. Правая рука его была отброшена в сторону и крепко сжата в кулак, — падая, он пытался ухватиться за пустоту. Волосы слиплись на виске и на темени от крови.

Токмаков взялся за пульс — бьётся, ощупал голову — как будто целая. Он приподнял Пасечника — тот очнулся.

— Прости... Константин Максимыч, — прошептал Пасечник побелевшими губами. — Подвёл вас... И команду футбольную... Обещал сыграть... На днях «свечу» подымать, а я...

Токмаков забинтовал Пасечнику голову, кровь сразу пропитала бинт, забинтовал кисть руки и ногу, сломанную в голени.

Не так просто было спустить теперь Пасечника на землю. Как же быть?

Токмаков взглянул вниз. Краски на рудной эстакаде потемнели. Руда, кокс, известняк стали чёрного или темносерого цвета. Ветер рябил лужицы на эстакаде, выплёскивал из них воду, и лужи мелели. На путях, между рельсами, тоже блестели длинные лужи, перегороженные шпалами.

Несколькими этажами ниже висел знакомый плакат: «Ни минуты простоя на домне «Уралстроя», сорванный ветром в то памятное утро и давно водворённый на своё место. Вода стекала с плаката розовыми струйками, иные буквы поплыли, весь плакат был в розовых кляксах. Токмаков, увидев плакат, вспомнил, как Пасечник катался на бешеной царге, ещё недавно сильный, ловкий, а сейчас лежащий на окровавленных досках с закрытыми глазами, то и дело впадающий в беспамятство.

Токмаков взвалил Пасечника на спину, и тот обнял его за шею. На Пасечника надели монтажный пояс, прицепленный к монтажному поясу Токмакова. А к Токмакову, в свою очередь, привязались спереди — Вадим, а сзади — Бесфамильных, за ним ещё кто-то. Цепочкой, подобно альпинистам, спускающимся по обледеневшему склону, двинулись они вниз.

Пасечник не слышал, как его уложили в машину скорой помощи, как увезли.

Когда, разбрызгивая воду из выбсин, требуя себе дорогу тревожным,

режущим ухо гудком, машина скорой помощи умчалась, Токмаков сразу почувствовал крайнюю степень усталости. Ноги подгибались, словно он всё ещё нёс на спине свою тяжёлую ношу.

Он присел на какую-то мокрую ферму, лежащую на земле, и закрыл лицо руками.

— Что же, дорогой товарищ Токмаков, допрыгались по балочкам? Теперь целое разбирательство начнётся. Следствие! Это же до министра дойдёт. Чэпэ! Чрезвычайное происшествие. И кому отвечать? Старшему прорабу. Носитесь со своими глупыми проектами, а порядка наверху у вас нет. И Гладких этот ваш собрания собирает, а техникой безопасности не занимается.

Дерябин подёргивал ртом, сплёвывал, кипятился.

Токмаков встал, потемневшими глазами взглянул на Дерябина так что тот сразу качнулся с носков на пятки.

— Оставьте меня, товарищ Дерябин.

— Хорошо, хорошо. Но выводы на дальнейшее придётся сделать.

— Пасечнику эти выводы вряд ли помогут.

— Они помогут нам. Нам они помогут. Не будем фантазировать счерга голову. Вы, конечно, прямой ответственности не несёте. Но вот Гладких, откровенно говоря, я притяну к ответу. Судить его надо, Гладких!..

— Гладких тут ни при чём. Я во всём виноват.

Токмаков с болью вспомнил о приказе, который и сейчас лежал в нагрудном кармане истрёпанный и неподписанный.

Он круто отвернулся от Дерябина.

Ведь снизил бы разряд на месяц — и сохранил бы человеку жизнь. А он мудрил, терзался сомнениями, не решался наказывать героя, колебался в своём праве быть строгим к другим, потому что чувствовал себя виноватым и не был достаточно строг к себе. Вот в этом-то самая большая его вина.

Токмаков поднял голову. Перед ним стоял Борис.

— Разрешите обратиться с просьбой, товарищ прораб!

— Обращайтесь.

— Желая заступить на место товарища Пасечника. Верхолазом.

Всё дрогнуло в душе Токмаксова.

— Рановато тебе, молод.

— Константин Максимович!

— Хорошо, Берестов. Подумаю.

Токмаков опять отвернулся. Он посмотрел вверх, пытаюсь определить, скоро ли ветерок высушит конструкции, скоро ли можно будет возобновить работу...

Катя хлопотала в каупере у горна и ничего не знала о падении Пасечника. Она услышала об этом только сойдя вниз.

Катя побежала к домне, дорогу ей преградил Флягин. На груди у него, как всегда, висела «лейка».

— Минуточку, девушка! Имею приказание переснять. Мне из-за тебя нагорело. Ты редактору жаловалась?

— Не нужна мне ваша карточка! — Катя с силой оттолкнула Флягина и помчалась дальше, не сбегая луж, ничего не видя перед собой.

(Окончание следует)

АЛЕКСАНДР ЯШИН

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

★ ★

★

В седьмом строительном районе
Так все дороги растолкли,
Что тонут люди, небо тонет
В почти космической пыли.

На перекрёстках по колено
Косматые пуховики,
И, кажется, во всей вселенной
Ни моря нету, ни реки.

Как тут расти пшеница станет,
Когда всё отдано огню,
Чертополох железный вянет,
Полынь сгорает на корню.

Раскалены песок и камни —
Босой ногою не ступи.
Но то, о чём народ векам
Мечтал, —
Свершается в степи.

Во всеоружье на природу
Пошёл советский человек.
Он скоро даст ей лес и воду,
И пыль уляжется навек.

ДУБОК

Совсем ещё слабое деревцо,
И ростом не выше метра.
Пшеница ему прикрывает лицо
От жгучего солнца,
От ветра.

Любовно за ним следит человек,
Подкармливает,
Поливает,
Подводит воду из светлых рек,
А в стужу обогревает.

Дубок молодой!
Ещё ничего
Не видит он, кроме неба.
А сколько погодков вокруг него
Растёт под защитой хлеба!

И сколько разбито новых садов,
Плантаций и огородов,
И сколько в степи колхозных прудов
Отрыто за эти годы.

Преображается наша земля,
И люди её,
И природа.
И этот дубок, листвою шевеля,
Расти будет год от года.

Со всеми своими погодками в ряд
Раскинется,
Возмужает
И встанет на страже —
верный солдат
Коммунистических урожаев.

ДМИТРИЙ ОСИН
★
ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ

Рассказ

1

Выйдя замуж, Поленька Гущина ещё не чувствовала себя замужем в полной мере. С Голубенцевым они порешили так: пока будет строиться дом — поживут врозь: он — в общежитии, она — у матери. К уборке всё будет готово; тогда они устроятся по-настоящему. В этом была даже своя волнующая прелесть.

Любовь, как апрельское половодье, нахлынула, затопила сердце и понесла Поленьку по неоглядному своему разливу. Где-то на берегу остались сверстницы-девчонки, в родном колхозе работали братья. хлопотала на ферме мать, а Поленька Гущина, казалось, была уже далеко-далеко и плыла навстречу солнцу. Почти без причины ей становилось то жарко и весело, а то грустно, словно бы холодно, и всегда немного стыдно при мысли о том, что все вокруг знают о её счастье и завидуют ей.

Подружки по звену относились к этому каждая по-своему.

— Смотри, за нежностями да за поцелуями время не упускай, — наставляла Поленьку Катя Сушкина. — Пускай муж тебя на комбайнера учит! Вот погоди, — задорно обещала она, стискивая ей руки своею загорелой, сильной по-мужски рукой, — я тоже выучусь, за штурвал стану!

Толстуха Сима думала о другом. Мечтательно заводя карие, чуточку на выкате глаза, она восхищалась, не скрывая:

— Счастливица ты, Поля! Переведут Голубенцева в область — будешь по театрам ходить, наряды справлять...

Только Вера Костина ничего не говорила, озабоченная тем, как они останутся в звене без Гущиной.

— Ты знаешь, — призналась она, — меня звеньевой выдвигают. Вчера в правление вызывали.

Поленька обрадовалась.

— Ну?

— Только будут ли девчата подчиняться? Лучше бы Катю Сушкину, у неё рука твёрдая.

— Чудачка ты, — Поленька рассмеялась. — Не рука для звеньевой требуется — талант!

Фёдор Голубенцев был старше её на десять лет. Для мужчины — это целая жизнь, но Поленька даже не старалась допытываться, как он жил до неё.

— Погоди, — остерегала её Клавдия Петровна. — Чего тебе не терпится? Ни угла своего, ни хозяйства, — куда торопиться?

Но Поленька не слушала.

— Угол у нас скоро будет, мама...

Она словно радовалась, что всё идёт не так, как у других, не так, как надо, и совсем не беспокоилась о будущем.

Клавдия Петровна оглядывала дочку тревожно и удивлённо.

— Боишься его упустить... Фёдора своего?

— Боюсь.

— Ещё найдётся. Жизнь-то велика!

Поленька задумывалась.

— Может, и найдётся, да не такой.

— И что ты в нём особенного нашла? — шутиливо спрашивала Клавдия Петровна, собираясь на ферму и неторопливо повязывая свежую белую косынку. — Одно только, что не ветрогон, в летах, и войну прошёл...

Проводив мать, Поленька садилась за машинку, шила, а думы её летели далеко. Она ждала, прислушивалась, не едет ли Фёдор, и шептала:

— Сегодня не смог. Может, завтра вырвется. Пораньше...

Встретились они впервые прошлым летом, когда теребильщики убирали лён. В тот день после обеда вдруг понесло дымом и горячей золой с горевших болот, закружило, потемнело. Огромными валами вихрь погнал вытеребленный лён по полю. Вера Костина, Катя, Сима металась в пыльной и душной полумгле, стараясь удержать его, но об этом нечего было думать. Вихрь перекатил валы через бурый от пыли, курившийся грейдер-большак и будто для сушки развесил на пригнутых, поломанных кустах олешника.

Потом хлынул ливень с градом. Подружки, чуть не плача от досады, бросились распутывать, собирать унесённый вихрем лён. Их вымочило до нитки, щёки, уши нахлестало градинами, на ноги было страшно взглянуть. А тут ещё нагрянул директор машинно-тракторной станции Сахарчук и стал ругать теребильщиков за то, что те стоят, срывается график.

Поленька не выдержала. Мокрая, разгоревшаяся от обиды, она подскочила к низенькому, кругленькому, в дождевике директору и со слезами в голосе крикнула:

— А вихорь у вас тоже по графику? Я говорила — переждать надо, так нет. Теперь вот он — весь наш лён по кустам висит...

Она всхлипнула и, заметив, как возмущённо округлились припухшие, красные глаза Сахарчука, как надулся парусом жёсткий, забрызганный грязью дождевик, отвернулась, пошла прочь. Вряд ли она была права, говоря так, но сердце не могло сдержаться от боли и огорчения.

«Сколько старались, работали, — горько всхлипывая, думала Поленька. — И половины не соберём теперь!»

Ей казалось: не поторопись теребильщики — весь лён стоял бы, как стоял, на поле, а не висел по кустам.

— Гущина! Послушай, Гущина! — кричал кто-то сзади. Должно быть, Сахарчук хотел убедить её в чём-то, но Поленька не остановилась.

«Пускай едут! — думала она. — Им ещё половину района облетать надо...»

За полем, на развилке, где стояла узловатая дикая яблонька, кто-то догнал её, запыхавшись и шумно дыша. Поленька удивлённо оглянулась.

— Что ж это вы директора не послушали? — переводя дыхание, заговорил механик МТС Голубенцев. — Разве можно так расстраиваться и помощь пренебрегать?

Поленька ухватила рукой за ветку, словно удерживая сама себя, чтобы не оторваться, не побежать дальше, потом взглянула на босые, грязные ноги и застеснялась.

— Я не пренебрегаю, — попрежнему со слезами, готовыми вот-вот прорваться, оговаривалась она. — А только обидно — слов нет!

— Да, какой лён был, какой урожай. — Голубенцев мельком глянул на мокрую, прилипшую к плечам её кофточку, ставшую из розовой почти бурой, и утешающе проговорил: — Стихийное бедствие, ничего не поделаешь. Надо же выдержку иметь!

С грейдера призывно затрубила машина. Голубенцев оглянулся и снова шагнул к девушке:

— Идите переоденьтесь, так же простудиться недолго. — И, будто успокаивая её, сказал: — Директор считает — надо акт составить... гектара на два. По снижению урожайности от стихийного бедствия, чтобы показателя ваши не подпортило.

Поленька даже не подумала об этом.

— Да там и гектара не будет. Считать он не умеет, что ли?

Смуглые её щёки густо потемнели, в глазах сверкнул сердитый огонек.

Машина затрубила снова. Голубенцев усмехнулся:

— Не терпится, видно! Ну, всего хорошего, — и сильно пожал Поленьке руку, как бы утверждая этим то, что они отныне знакомы и то, что всё будет хорошо. — Идите и переоденьтесь, пока простуду не схватили!

Поленька пошла дальше, торопясь к бригадиру — взять подводы в помощь подружкам, перетаскивающим лён на поле. Не оглядываясь, она прислушивалась к тому, что происходило на грейдере, вспоминала минувший разговор. Исколотые ноги саднили и горели от сырости, кофточка зябко прилипла к плечам. Поленька старалась согреться, и, когда думала о Голубенцеве, ей становилось тепло и почему-то весело, а при мысли о Сахарчуке делалось холодно и неуютно.

2

Немного льна удалось тогда спасти, пустить в дело. Золотая звёздочка, о которой, не признаваясь сама себе, мечтала Поленька Гущина, так и осталась в самых заветных её мечтах.

Осенью в колхозе начались занятия по агротехнике. Голубенцев бывал у них очень часто, может, даже чаще, чем следовало; но Поленька не придавала этому никакого значения — мало ли работников из района бывает!

Сахарчук как-то даже сделал замечание механику:

— Что-то ты, Фёдор Григорьевич, всё в одном направлении действуешь? Кругликово да Высочаны, Высочаны да Кругликово.

— Так ведь там у нас основной противник, — попробовал отшутиться Голубенцев, не опираясь от того особого смысла, на который намекал директор, но и не раскрывая до поры, что понимает и признаёт его.

— Чую я, какой там у тебя противник! — Сахарчук понимающе поддел Голубенцева под бок. — Не та ли, кругликовская, что со мной на комиссии по урожайности воевала?

— Поля Гущина?

— Вот-вот, она самая. Недаром ты меня тогда на грейдере час битый прдержал... помнишь?

Голубенцев опять попробовал отшутиться:

— Так она же — в Кругликове, а я в Высочаны еду.

— Знаю я твои Высочаны. Всё равно в Кругликове к вечеру очутишься!

Сахарчук был прав: куда ни ехал Голубенцев, где бы ни бывал — в конце концов он оказывался в Кругликове.

Поленька знала о Голубенцеве только, что с начала войны он служил в армии и что в МТС прислан обкомом партии. Они встречались и ничем не выдавали себя. Всё было, как и прежде, но оба понимали уже, что их влечёт друг к другу какая-то сила. Откуда она взялась и когда — невозможно было сказать, но что она существует — безошибочно чувствовали оба.

Как-то, после занятий в лаборатории, Поленька сказала Голубенцеву:

— Вот вы всё ездите-ездите, а узкорядный сев будет у нас или нет?

Подружки засмеялись. Голубенцев растерялся.

— При чём тут я?

— Сеялок-то в МТС до сих пор нету...

— А я разве Сельхозснаб? — засмеялся Голубенцев, не зная, принять ли этот упрёк в шутку или обидеться и уехать.

Поленька уловила это.

— А если обыкновенные в два следа сцепом пустить? — примирительно спросила она, обдавая Голубенцева доверчиво-тёплым светом синих глаз. Достав чертёжик, не очень умело скопированный из технического паспорта широкорядной сеялки, она показала его механику. — Вот, видите... Первую — так пустить, а вторую — вот так?

Светлые, лучистые её волосы шекотали ему щёку. Подружки разошлись, а Поленька Гушина и Голубенцев всё сидели за столом в лаборатории, пока, наконец, не догадались, что дело тут вовсе не в чертеже и даже не в узкорядном севе, а совсем-совсем в другом, что было как-то даже неловко назвать.

Вооружившись циркулем и линейкой, Голубенцев старательно вычерчивал сошник за сошником в сцепе и всё больше понимал, что без Поленьки ему не жить. Руки у него были крупные, ловкие, руки мастерового человека. Поленьке сни внушали какое-то безоговорочное доверие. Ей очень хотелось спросить Голубенцева ещё об одном, о самом-самом главном, но она не решилась и отложила это до другого, более удобного случая.

Когда они закончили чертёж, оказалось уже девять часов. Голубенцев пошёл проводить Поленьку домой.

В клубе было светло, слышалась музыка. Должно быть, сеанс окончился, а после него, как всегда, молодёжь устроила танцы.

— Может, зайдём? — предложил Голубенцев, остановившись на перекрёстке и глядя на освещённые окна клуба.

— Нет, надо переодеться прежде, — возразила Поленька с тою милой доверительностью, что так подкупила его. — Там у нас должны быть гости сегодня, а я в таком виде...

— Ну ладно, идите переодевайтесь, — согласился Голубенцев, взяв её твёрдые, похолодевшие руки в свои — большие и тёплые. — Я подожду.

Сведя брови, Поленька подумала о чём-то.

— Пойдёмте к нам, — не снимая рук, предложила она. — Поужинаем, а потом — в клуб, — и потащила Голубенцева за собой.

— Да нет, не хочется, — упёрся тот. — Идите, а я лучше тут подожду, помечтаю.

Ему и в самом деле хотелось побыть одному, подумать, походить по широкой сельской улице, псскрипывая на морозе новыми, нарядными

бурками, которые придавали механику ещё более солидный и самостоятельный вид.

— Идёмте, если приглашают! — решительно сказала Поленька. — Не ломайтесь...

— Ну, раз так... — усмехнувшись, поддался Голубенцев, и, разняв руки, они пошли ужинать.

3

Дом, в котором жили Гузины, был на две половины, с шатровым, в три ступеньки, крыльцом и просторными сенцами посередине.

— Познакомься, мама, это товарищ Голубенцев, механик нашей машинно-тракторной станции, — сказала Поленька матери. — Раздевайтесь, Фёдор Григорьевич!

— Да мы уж знакомы, что это ты нас представляешь? — радушно заговорила Клавдия Петровна, здороваясь с Голубенцевым. — Раздевайтесь и проходите, у нас тепло.

Голубенцев попытался вспомнить, где он встречался с матерью Поленьки, но так и не вспомнил.

— Конечно, знакомы, — как многие в таком положении, подтвердил он, снимая полушубок. — А вот где встречались — ей-богу, не припомню.

— А курсы механизаторов помните? Ещё я вам на лекции каверзный вопрос задала...

— Насчёт сосок? Вот теперь вспомнил, — Голубенцев засмеялся и, раздевшись, прошёл в горницу.

— А что, разве не стоит подумать? — хлопотала у стола Клавдия Петровна. — Сколько бы телятниц на ферме высвободили эти самые соски. И для телят — здоровее, чище...

Поленька скрылась в боковушке, служившей спальней, щёлкнула выключателем. Голубенцев сел у окна возле этажерки с книгами. На противоположной стене над швейной машиной висела новенькая централка, а чуть пониже — кожаный патронташ.

— Кто это у вас охотник? — Голубенцев не удержался, снял ружьё и посмотрел стволы на свет.

— Средний мой, Алёша, — Клавдия Петровна внесла, поставила на стол самовар. — Всё грозитя нынче мне лису на воротник заполевать.

— А мне муфту! — отозвалась из-за перегородки Поленька и шумно зашелестела платьем.

— Скоро ты там, модница? — окликнула её Клавдия Петровна, словно приглашая Голубенцева осудить и тоже поторопить дочку. — Ох, и любит же наряжаться... к швейной машинке не подступишься!

Умывшись, причесавшись и высоко взбив волосы, Поленька, наконец, появилась в тёмно-голубом с белой шёлковой отделкой платье.

— Садитесь к столу, Фёдор Григорьевич, — пригласила Клавдия Петровна, любящая дочкой и невольно желая, чтобы и он отдал ей должное. — Беда мне с ней...

Ополоснув руки под умывальником, Голубенцев сел к столу. Клавдия Петровна угощала его по-домашнему, как самого обычного гостя, случайно оказавшегося у них в селе.

Голубенцеву нравилось всё — и порядок в доме, и отношения дружеского равенства и уважения у Клавдии Петровны с Поленькой, невольно заставлявшие забывать, что это мать и дочь, и простое, неподдельное радушие, с каким его принимали и угощали, нисколько не забываясь о том, что могут сказать по этому поводу люди. Давно уже

не отдыхал он так непринуждённо, всею душой, отогревая сердце у се-
мейнго огонька.

Когда, псужинав, они с Поленькой собрались в клуб, вернулся из
города Алёша. Он был чем-то похож на сестру и на мать одновремен-
но: такой же статный, русоволосый, только нос с горбинкой да глаза
карие.

Поздоровавшись, Алёша спросил:

— Вы, часом, не охотник?

— Часом не часом, а в свободную минуту, когда удаётся, хожу!

— Так оставайтесь до завтра. Пороша хоршшая будет — на лис, на
зайцев. Ружьишко найдём какое-нибудь, у нас тут хватает!

— Не знаю, — Голубенцеву не хотелось отказать ему, хотя он и по-
нимал, что задерживаться нельзя по многим обстоятельствам. — Разве,
если просплю...

— Ну, у нас, в доме приезжих, много не наспитесь, — вмешалась
Клавдия Петровна. — Там такую радиофикацию оборудовали — хоть
святых вон выноси!

— А лисы ходят, — мечтательно вздохнув, проговорил Алёша. —
Ехали сейчас, так возле самой дороги. И фар не боятся.

Прощаясь, Голубенцев напомнил:

— Стволы тряпчками лучше заткнуть. Пыли меньше на кольцах
будет.

— Это я не чистил вчера, — объяснил Алёша. — Увидите, как оно
накрывает — шапкой!

С неба падал мелкий, считанный снежок, приятно холодивший
щёки после натопленной горницы. Выйдя на улицу, Поленька подхва-
тила Голубенцева под руку, потом, похоже, застеснявшись, заставила
его самого сделать это и вдруг сказала:

— А матери вы понравились.

— Она мне тоже понравилась, — с удовольствием признался Голу-
бенцев. Он хотел что-то добавить, но Поленька перебила:

— Раз уж она за жёниха вас не приняла, значит понравились!

— А, может, я-то как раз и... — наклонившись, Голубенцев близко-
близко заглянул ей в глаза.

— Не-ет. На моих женихов у неё прямо чутьё какое-то, — откровен-
но сожалая, вздохнула Поленька. — Как почует какого — сейчас же
назад выпроваживает.

Танцы в клубе были в самом разгаре. Поленька и Голубенцев, раз-
девшись, подроспели как раз к «Метелице». Подав руку, Голубенцев
ввёл Поленьку в круг, старательно отработывая задорные и жизне-
радостные фигуры танца, будто продолжая разговор, начавшийся
на улице.

«А я разве не жених? — говорила его крупная, уже не по-юношески
лёгкая, но и не отяжелевшая ещё фигура. — Ну-ка, скажи? Не жених?»

«Нет-нет, — дробно притопывала каблукками Поленька. — Всех
моих женихов мать обязательно за двери выпроваживает!»

Лицо её разгорелось от удовольствия, глаза радостно играли.

А радиола вела и вела танцующих по кругу, мимо скамеек у стен,
мимо сцены, задёрнутой малиновым бархатным занавесом, мимо рас-
пахнутых дверей в коридор, где толпились подростки, курильщики, все,
кто не принимал участия в танцах.

Сима давно уже была здесь и танцевала, не отдыхая. Бордовое
закрытое платье с пышными рукавами и широким поясом делало её
ещё полнее и старше. Вера Костина сидела у сцены и оживлённо разго-
варивала с секретарём сельского совета из Высочан. Увидев Поленьку,

она радостно кивнула ей и поднялась, выжидая, когда можно будет войти в круг.

Поленька Гущина любила танцы, как все девушки, и умела ганцевать. Она совсем не устала за три больших круга, только кровь прилила к щекам, да грудь дышала глубоко, возбуждённо. Голубенцев танцевал гораздо хуже её. К тому же в бурках было тяжело, неловко. Он смущался, сбиваясь, и не сразу входил в лад снова.

— Ничего, ничего, не теряйтесь только, — вполголоса подсказывала ему Поленька, крепче сжимая руку и радостно блестя глазами. — Вот так! Считайте всё время про себя: раз, два, три, четыре... раз, два, три, четыре... — И когда Голубенцев снова поймал такт, ободряюще пожала его окаменевшие от напряжения пальцы. — Главное: слушайте музыку...

Сама она, казалось, совсем не прислушивалась к радиоле, музыка точно пела в её сердце, и Поленька вдохновенно выделявала каблучками своих новеньких лаковых туфель всё, что требовалось.

— Ну видите: танцор из меня неважнецкий, — оправдываясь, проговорил Голубенцев, когда пластинка, наконец, окончилась и они, не садясь, пошли по кругу вслед за другими. — Раньше я не любил это дело, не учился, а потом война...

— Да у вас неплохо получается, — уверяла Поленька, великодушно прощая все его промахи и ошибки, чуть не испортившие ей туфли. — Я тоже не бог весть как танцую!

Кинемеханик Луконя объявил:

— Вальс! Пускаю три раза...

Радиола заиграла вальс, и пары одна за другой, оживившись, пошли, закружились по залу под раздумчиво-грустный мотив. Голубенцев взглянул на Поленьку, словно не решаясь и спрашивая:

«Надо ли?»

«Надо! Надо!» — так же глазами ответила она и доверчивым движением почти невесомо полсжила руку ему на плечо.

Музыка шла широким, медленным кругом, в который — только пада — уже не выберешься. А когда грустный, медлительный напев сменился подмывающим, жизнерадостным вихрем, Голубенцев и Поленька не помнили уже ничего.

Впервые он держал её, обняв, впервые ощущал тепло её дыхания. Стены клуба будто раздвинулись, музыка лилась откуда-то издалека, и сердце обрывалось и падало. Запрокинувшееся лицо Поленьки, с полузакрытыми глазами и вздрагивающими ресницами виделось Голубенцеву, как во сне. Он вёл её по кругу, стараясь не сбиться, не потерять того, что пело в сердце, помимо музыки, и совершенно забыл о своём неумении танцевать.

— Вот уже гораздо лучше получается, — шепнула ему Поленька, опомнившись, когда они столкнулись с Симой, сбились с такта и со смехом очутились внутри круга, где можно было отдохнуть и перевести дыхание.

Вместо ответа Голубенцев вытер ладонью лоб.

— Обождите! Годам к пятидесяти совсем хорошо научусь...

Всю зиму, не загадывая ничего наперёд, девушки проводили задержание снега на своём участке, вывозили удобрения. Из агротехнических новинок Поленька собиралась применить узкорядный сев.

— Узкорядный да перекрёстный большой эффект дадут, вот увидишь, — уверяла её Вера Костина. — И насчёт гранулированных — не

сомневайся. Если по ржи двадцать пять процентов прибавки дают, почему нам по льну не взять?

Засохшая грязь облепила сортировку, сита заржавели. Поленька, Вера и Сима возились, выскабливая, очищая, приводя её в порядок, ругали механизаторов.

Сердилась Поленька и на Голубенцева, за то, что давно не был, забыл её, как сама она забыла эту самую сортировку. Тогда, после танцев, он пошёл провожать её и, остановившись у крыльца, в тени, куда не заглядывал высокий, лучистый месяц, задумался. Поленьке показалось: Голубенцев собирается сказать что-то очень интересное, важное, о чём ей обязательно надо услышать от него сегодня же, но он не сказал, точно не решился, а вместо этого неожиданно обнял её и поцеловал.

Поленьке стало жарко, платок распахнулся.

— Завяжи, а то простынешь, — Голубенцев не очень ловко, но заботливо завязал концы платка и упрятал их за отвороты её пальто.

— Мне не холодно, — упрямо тряхнула головой Поленька. Платок распахнулся, словно желая, чтобы Голубенцев опять завязал его.

— Ну, ну, не выдумывай, — так же неумело и заботливо он завязал платок снова и обнял её.

В сенях послышались тяжёлые шаги матери.

— Иди, поздно уже...

Голубенцев отпустил Поленьку и, подождав, пока она взбежала на крыльцо, громко стуча каблуками по намёрзшим ступенькам, пошёл к дому приезжих.

Поленька обернулась, поглядела ему вслед. Ей стало жалко Голубенцева, одиноко шагавшего по тихой, пустынной улице, захотелось догнать, воротить его, но это было невозможно.

— Замёрзла, небось, полуношница, — сердито проговорила из-за двери Клавдия Петровна. — Иди, иди, а то не пущу.

— Мы только подошли, — попыталась оправдаться Поленька. — Да и не холодно сегодня.

— Знаю я, когда вы подошли, — Клавдия Петровна усмехнулась, вздохнув. — Битый час поди на морозе танцуете. Нехватило ещё в клубе?

Поленька не преувеличивала, когда, смеясь, рассказывала о том, как мать гоняет её женихов. Но на Голубенцева та должно быть смотрела совсем иначе, и Поленька сразу почувствовала это. Чем-то он понравился, обезоружил Клавдию Петровну, но чем — Поленька не могла разобрать. Она могла сказать, чем нравился Голубенцев ей самой — скромностью, серьёзностью, какой-то душевной цельностью. И внешне он был привлекателен не меньше — высокий, сильный, немного медлительный — ему можно было довериться, с ним не страшно ничего.

— Час почти уже, — Клавдия Петровна, зевая, вернулась в боковушку, стала укладываться снова. — А Лысеньке, видать, и сегодня не время...

— Ошиблась ты.

Поленька забралась под одеяло, почти не чувствуя заледеневших ног. Она ворочалась с боку на бок, подбирала ноги под себя, а сон всё не приходил. Смеющиеся, разгорячённые лица танцующих подруг мелькали перед нею, Голубенцев близко-близко заглядывал в глаза спрашивающим взглядом, от которого кровь прилиwała к щёкам и горели губы.

За тонкой переборкой шумно и размеренно дышал во сне Алёша, изредка вздыхала мать. Поленька думала, что она уснула, но Клавдия

Петровна вдруг проговорила, точно видела всё, что, не отступая, стояло у изголовья дочери:

— Беда мне с тобой. Вот-вот, гляжу, вспыхнешь ты... влюбишься!

— Поздно. Влюбились уже, — призналась Поленька. — Давай спать лучше, а то Алёшу разбудим.

Охнув от неожиданности, Клавдия Петровна села на кровати.

— Ну дочка-а! — проговорила она во тьму. — И весны не дождалась...

Поленька не отозвалась, сделав вид, что спит, и скоро, согрвшись, заснула на самом деле, предоставив матери вздохнуть, не спать и ворочаться до рассвета...

На усадьбе заржал жеребёнок. Сима бросилась к дверям.

— Начальство едет, кажется...

Свернув с дороги, карачовый иноходец красиво и ходко выносил тонкие в белых чулках ноги; возок чуть кренился, обламывая полозом наст.

Поленька взгляделась: рядом с Голубенцевым сидел кузнец Саввушка, которого все в колхозе величали уважительно Саввой Игнатьичем, а за глаза звали попросту Саввушкой.

Завидев Поленьку, кузнец молодцевато соскочил в снег, прошёлся петушком:

— Здравствуй, Полина Семёновна! Механика тебе привёз, соргировку переоборудовать.

— Давно пора, — здороваясь, ответила Поленька и хмуро поглядела на Голубенцева. — А то мы до лета семена не очистим!

Тот, с полуслова поняв её, стал оправдываться.

— Поверьте, минуты свободной не было. Ремонт тракторов заканчиваем...

Поленька сердилась и не сердилась на него. Колочные искорки ещё так и посверкивали в её глазах, а сердце уже отошло и, радуясь встрече, стучало часто-часто.

Саввушка прошёл в сарай, распахнув пошире двери, чтобы стало виднее, и, вытащив сортировку поближе к свету, оглядел её со всех сторон:

— Сдаётся, Григорьич, не надо её и в МТС таскать. В кузнице переоборудуем!

— А привод? — спросил Голубенцев.

— И привод, и сортирующий аппарат, — подтвердил Саввушка. — Ты мне только звёздочку выточи.

— Звёздочку я привёз, — Голубенцев достал из сумки шестерёнку, подал кузнецу. — Погляди: годится ли, Савва Игнатьич?

Саввушка, прищурясь, подкинул её с ладони на ладонь, нагнулся к приводу.

— Ничего, сгодится, — наконец, проговорил он, кряхтя.

Но Голубенцев и Поленька уже не слышали его.

5

В конце апреля они начали строиться, хотя Клавдия Петровна и считала, что свадьбу и стройку следовало отложить до осени. Голубенцев пслучил ссуду, районные организации помогли лесом. Место для дома исполком отвёл им на чьём-то заброшенном участке у реки, где даже виднелись редкие яблоньки.

Любителям свадеб пришлось подождать. Только Саввушка, узнав о том, что ничего не будет, надел новый, древнего касторового сукна пиджак и пошёл объясняться с Клавдией Петровной.

— Ну, нет, кума, — шумел он, словно работая мехами в кузнице, — холодную шину на готовый ход не наденешь. Разогреть надо!

— И я тоже говорю им: не по-людски это, — вздыхая, признавалась Клавдия Петровна, хотя втайне и начинала соглашаться с молодыми: «Строиться надо, а не гулянки закатывать!»

Она перебралась из боковушки в горницу, предоставив молодым устроиться там временно. Но Голубенцев и Поленька даже виделись не чаще, чем до женитьбы.

Весна была на дворе, снег согнало, и скороговорка моторов на усадьбе машинно-тракторной станции, где днём и ночью спешили с ремонтом, заглушала пенё первых жаворонков.

Голубенцев чувствовал себя почти счастливым. Просыпаясь на койке в общежитии, он с минуту лежал, не открывая глаз, потом сбрасывал одеяло и, с особенным удовольствием разминаясь, спешил к умывальнику во дворе, где плескались и шумели вставшие трактористы.

— Доброе утро...

— Когда пробный выезд, товарищ механик?

— Баббиту не достали? Подшипники заливать нечем?

— Ну, как там на стройке? Идёт дело...

Нужно было заботиться о запасных частях, электрике, о том, чтобы во-время исправить недоделки и упущения, без которых не обходится ремонт, и чтобы в неделю, остающуюся после пробного выезда, до весенней пахоты и сева, все, как одна, машины оказались готовы и по первому знаку пошли в наступление.

Обедал Голубенцев обычно в рабочей столовке, на ходу, часто отрываясь для подписывания нарядов, требований и всяких иных бумаг. Выезжая куда-нибудь, он заглядывал на стройку, где хлопотали плотники, укладывавшие первые венцы на столбах, и, мимоходом осмотрев всё, спешил дальше.

Вечерами, когда стихали жаворонки, тракторы и топоры плотников, Голубенцев бродил впотьмах по участку, с неизъяснимым удовольствием вдыхая волнующий запах свежей щепы, и проверял, что сделано.

Смутно белели в темноте стены, горкой лежала пакля. Заметно обозначились будущие окна, двери, а Голубенцев видел уже весь дом и себя с Поленькой в новых, гостеприимных его стенах, где солнце гоняет по полу жарких, лучистых зайчиков и всё дышит молодостью, любовью и женским уютом. Возвращаясь в общежитие, он мысленно представлял себе, что делает жена, и сконфуженно улыбался.

Как-то в воскресенье, когда были закончены недоделки, обнаруженные во время пробного выезда, трактористы гурьбой пришли на усадьбу и, даже не спрашивая позволения, взялись помогать плотникам. Одни — подносили брёвна, другие — пилили на доски лес.

— На новоселье зови, Фёдор Григорьевич! — кричал, выхватывая кверху пилу, бригадир Пчёликов. — Так не отделаешься...

— Новый дом, жена молодая — жизнь золотая, — вторили ему другие.

Голубенцев и Поленька были взволнованы этой неожиданной помощью и участием, смущались и не знали, чем отплатить за неё. Оказывается, их новый дом, их счастье были частью общего человеческого счастья. И всё время, пока трактористы работали на стройке, было неловко и как-то особенно радостно, точно молодожёны получили что-то такое, чего не заслужили.

Поздно вечером, когда все разошлись, они сидели на высокой, пышной горке щепы и свежих стружек, наваленных внутри сруба, и отдыхали после долгого и хлопотливого дня. Поленька держала большие натру-

женные руки мужа, пахнувшие смолой, лесом, и чувствовала себя усталой и маленькой перед тем большим счастьем, что наполняло её. Чем больше оно становилось, тем незаслуженнее казалось.

— Счастливые мы с тобой, Федя, — она положила голову на руки Голубенцеву, заглянула ему в лицо, — даже боязно чего-то...

— Боязно? — переспросил Голубенцев, не удивившись, а только повторив это слово, как будто он за минуту перед этим думал о том же самом — Боязно только одного, что разлюбишь ты меня, а тогда...

— Молчи лучше! Как у тебя язык поворачивается!

Голубенцев обнял Поленьку и, не то стесняясь, не то боясь удивить, торопливо, украдкой поцеловал обе её руки, сначала — сверху, потом — ладошки.

— Не жалеешь? — спросил он, помолчав.

— Что... Федя?

— Что так получилось у нас?

Поленька встрепенулась, вздохнув, проговорила:

— Жалко только из звена уходить; что я одна — без него, без девчат!

Затевая строиться, Голубенцев понимал, что они связали свою жизнь, свою дальнейшую судьбу с машинно-тракторной станцией и не желал ничего другого ни для себя, ни для Поленьки. Ехал он сюда по путёвке обкома, думал — не надолго. А теперь очевидно, что надо устраиваться не на год, не на два, а может быть даже навсегда.

Чистые апрельские звёзды заглядывали в широкий колодец сруба, стараясь подсмотреть, что там делается, а Голубенцев и Поленька сидели, обнявшись, и мечтали о будущей своей жизни.

— Управиться бы только с посевной, — озабоченно говорит Голубенцев, — дальше легче будет.

— Легче только осенью будет, Федя. После уборки, — вздыхает Поленька. — Перееду я сюда насовсем, заведу хозяйство.

Ей чудится, что он почему-то осунулся, похудел.

— Легче? — Голубенцев улыбается. — Да разве мы с тобой лёгкой жизни ищем? А?

Где-то лениво и нехотя тявкает собачонка. Звонкий лягушачий колокольчик доносится с сажалки на кирпичном заводе, оттеняя синюю, непроглядную глубину весенней ночи.

Хорошо в такую пору бродить по просохшим полевым дорожкам, глядеть на звёзды в бездонном омуте ночного неба. Но хорошо и так — сидеть, прижавшись друг к другу, как Поленька и Голубенцев, держаться за руки и озабоченно думать о том, что скоро тракторы пойдут в поле, скоро сев, — и все иные заботы и тревоги отступают перед этими самыми главными и одинаково дорогими для обоих тревогами и заботами.

В противоположном углу, где тень особенно густа, начинает робко потрюкивать сверчок.

Голубенцев удивлённо прислушивается.

— Смотри-ка, сверчок, — вполголоса говорит он, словно боясь спугнуть его. — Ишь, соловей... квартиру занял!

Потом, подняв щепку, хочет запустить его в тот угол, откуда слышится трюканье, но Поленька останавливает его.

— Пускай обживается...

— Тоже новосёл, — уступая ей, смеётся Голубенцев. — Завтра кирпич с завода привезут, буду с печниками рядиться.

Они сидят и слушают, а сверчок попрежнему едва слышно выводит свой напев, и новые, голые и необжитые стены сруба кажутся от этого словно бы уютнее, теплей и домашней.

— Пора, Поленька,— наконец, говорит Голубенцев. — Пойдём, я отвезу тебя. Слышишь, директор вернулся...

Поднявшись, они обходят ещё раз стройку, подбирают впотьмах чурбачки, обрезки досок и складывают внутри сруба.

На усадьбе машинно-тракторной станции их встречает Сахарчук, только что вернувшийся из объезда по району. Договоры с колхозами оформлены, планы согласованы, увязаны. Он устал, но доволен тем, что сделано, и подшучивает над механиком:

— Ну как, новосёлы? Вьёте гнездо? Скоро на свадьбе приданое пропивать будем?

— Он у меня не пьяница, — защищает мужа Поленька.

— Не пьёт, так и не пьяница,— Сахарчук довольно смеётся, поблёскивая в темноте огоньком папироски. — Сейчас в Кругликове у Кондырева был. «Что это, — ругается, — твои работники, Сахарчук, лучшие мои кадры из колхоза сманивают?» Жаловаться в райком хочет...

— Всё ещё переживает? — смеётся Голубенцев и крепче сжимает Поленьку за локоть.

— А я ему: «Хуже, говорю, было бы, если б твои кадры моих работников переманивали. Я бы тебя, Кондырев, не в райком — в суд потащил. За антигосударственную практику!» — и Сахарчук хохочет на всю усадьбу.

Поленьке жаль Кондырева и в то же время радостно.

— Не сманили. Сама я, своею волей, — улыбается она.

Сахарчук тушит папироску.

— Земля сохнет, — озабоченно говорит он Голубенцеву. — Отправляй-ка пятую бригаду в Песнево. Там место высокое, раньше других пахать можно будет.

— И в Высочаны, я думаю, тоже пора, — соглашается Голубенцев. — Завтра туда шестую бригаду отправим...

— Пора! — Сахарчук желает им спокойной ночи и, попрощавшись, уходит.

Голубенцев заводит директорский газик и везёт Поленьку домой, в Кругликово. Двенадцать километров ровным, укатанным большаком, вокруг которого простираются сонные, молчаливые поля и темнеют не одетые перелески, мелькают быстро.

А когда он возвращается обратно — короткая весенняя ночь на исходе. Газик, поскрипывая, ныряет из стороны в сторону, как пьяный, будто норовя завалиться куда-нибудь в кювет и выспаться как следует, а далеко на востоке занимается заря, за которой идёт новый большой и страдный день.

6

Солнце и ветер глубоко прогревают и быстро сушат землю, через несколько часов после обработки нужно обязательно сеять. Культивацию ведут в четыре трактора на всём массиве, что предназначается под лён не только для Поленьки Гущиной, но и всем остальным звеньям в колхозе.

Её участок — шесть с половиной гектаров — обработан ещё утром и уже выглядит суше других. Даже грачи перекочевали с него на соседние загонки — свежие, лоснящиеся под солнцем, где ходят друг за другом тракторы, постреливая синим дымком из выхлопных труб и натужно урча, когда культиваторы поднимают неподатливые, слежавшиеся пласты прошлогоднего клеверница.

Посоветовавшись с Катей и Симой, Поленька решила требовать переброски двух машин на закрытие влаги, не ожидая, пока будет обрабо-

тан весь массив. Выслушав её, бригадир Пчёликов показал на оставшийся клин, отмахнулся:

— Завтра к обеду кончим, тогда за бороновку возьмёмся.

Лицо его озабоченно и не выражает ничего, кроме желания не отстать с обработкой, уложиться в назначенный срок.

— Ты что-нибудь про закрытие влаги слышал? — спрашивает, сердито наступая на него, Поленька.

— Где это?

— Зимой, на занятиях по агротехнике.

Пчёликов угрюмо молчит.

— А ты за экономию горючего болеешь? — вопросом на вопрос отвечает, наконец, он, не найдя ничего другого. — Это тебе не влага, а горючее!

Поленька бросилась в правление, вызвала по телефону агронома машинно-тракторной станции, участкового агронома, подняла на ноги всех.

— Настырная ты девка. Тебе бы не лён — крапиву водить. Подстать характеру! — бурчал на неё вечером бригадир.

А когда начался сев, Поленька Гущина совсем сбилась с ног. Она возвращалась с поля поздно вечером и, поужинав, едва добиралась до постели. Во сне продолжалось то же, что и днём, наяву.

Сеялки в сцепе шли за трактором по взбитому полю. Сошники, пыля, бороздили землю, в приёмных ящиках будто шумел дождь. Семена, смешанные с гранулами суперфосфата, ровными струйками текли по пашне; не успевали Поленька, Вера и Катя оглянуться, как приходилось останавливаться и снова засыпать их.

Стоя на подножках, сеяльщицы ездили по участку из конца в конец и высчитывали, сколько лишних рядков получится на гектаре. Гранулированных у них было хоть отбавляй, а вот семенного материала могло, кажется, нехватить.

— Сима! Сима! — Поленька подозвала подругу, приказала: — Становись на моё место да следи получше.

— А ты куда?

Сима, запыхавшись, догнала сеялку, попыталась вскочить на подножку и оступилась.

— Я в бригаду. За семенами...

Соскочив, Поленька уступила ей место, прошла за сеялкой, разглядывая, не слишком ли глубоко ложатся семена.

«Дождичку бы теперь, — привычно подумала она и, разогнувшись, широко обвела взглядом небо. — Темнит с запада, но слабовато — будет, нет ли?»

К вагончику трактористов подъехал верхом председатель колхоза Кондырев. Привязав серого, в яблоках, конька, он пошёл прямо на участок, то нагибаясь, припадая к бороздкам, оставленным сеялками, то следя из-под руки за ходом трактора.

Поленька заспешила навстречу.

— Захар Лукич, семян мне нехватит!

Кондырев нахмурился.

— Плохо, значит, рассчитала.

— Не знаю, — смутившись, призналась Поленька. — Рассчитывали как будто точно.

— Как же так не знаешь? Сколько на гектар высевае?

— Сколько положено. Сто двадцать килограммов...

У Кондырева — давняя, непоколебимая привычка проверять всё арифметически, с карандашом в руках.

— А вот мы сейчас проверим.

Подсчёты показывают, что семян действительно нехватит, но — немного, килограммов двадцать, двадцать пять. Кондырев прячет записную книжку, не скрывая удовлетворения, шурится:

— Как же вы планировали? Сто двадцать, сто двадцать, а выходит все сто сорок!

— Да ведь это лаборатория такие расчёты дала. Они делали, — оправдывается Поленька.

Небритое лицо Кондырева с сине-багровыми жилками на скулах становится добрее. Под жёсткими, прокуренными усами пробегает усмешка.

— Не кидала ты вручную, как мы когда-то, а то бы всю эту премудрость на зубок затвердила. Какой у тебя стеблестой в прошлом году был?

— На квадратном метре у меня было вот тут в лоштинке две тысячи сто шестьдесят растений, а повыше, вон там, на горочке — тысяча девятьсот десять.

— А нынче сколько должно получиться?

— Две тысячи пятьсот тридцать, примерно.

— Вот и высчитывай, — торжествующе говорит Кондырев. — Весь твой высев и весь урожай до семечка сосчитать можно!

Он проходит, снова приглядываясь, не мелко ли лежат семена, и, собравшись ехать дальше, обещает:

— Скажу, чтоб подбросили тебе семян, не волнуйся. Смотри только за качеством получше, а то Савва Игнатич с комиссией нагрянет — намылит голову и нам и вам.

Поленька провожает Кондырева, глядит, как он тяжело заносит раненую ногу в стремя, как, закусив губу, поднимается в седло, подбieraет поводья.

Конёк высоко вскидывает голову, отбиваясь хвостом от наседающих мух.

— Как там ваша стройка? Давно не была?

— С прошлого воскресенья. Под крышу сруб выводят.

Кондырев придерживает коня.

— Прямо верить не хочу, что уходишь ты, — признаётся он с болью. — Беда с вашими женскими кадрами, ей-богу! Растишь, растишь, воспитываешь, выдвигаешь... глядь, какой-нибудь Чёрт Иваныч подвернулся, засватал!

Поленька смеётся.

— Ненадёжные, значит, кадры...

— Прошлой осенью, в мясоед, семеро девчат таким манером ушло. Четверо, правда, в обмен воротилось, наши ребята тоже поженились. А всё же неполный круговорот получается. — Усмехнувшись, точно его в самом деле занимал этот круговорот, Кондырев вдруг осторожно предлагает: — Может, ты сама бы мужа в колхоз перетянула, а?

— Райком не согласится. — Поленька, потупясь, приминает носком какую-то упругую травинку. — Думали мы об этом, Захар Лукич..

— Райком семейную жизнь разбивать не станет, — убеждает Кондырев. — Ну, да что уж! Сахарчику тоже кадры нужны. Не торопись только, доведи мне звено до уборки. Очень я на ваш лён надеюсь.

— Я на комбайнера выучусь, Захар Лукич, — обещает Поленька. — Всё равно в колхозе работать буду...

— А ты что ж, думала — замуж выскочишь, так колхозу и пользы от тебя не станет? — подмигивает ей Кондырев и снова коротко подби-

рает повода. — Смотри же, учись, не зазнавайся там, у Сахарчука. И кумом зови, когда пора придёт!

Сам того не желая, Кондырев невольно растревожил Поленьку. Она не была на стройке с прошлого воскресенья, не видела мужа четвёртый день. В среду, проезжая мимо в шестую бригаду, Голубенцев заглянул на поле, побыл минут двадцать. Поленька не без тревоги вглядывалась в обветренное, загоревшее его лицо с запавшими глазами, жалела и не находила слов. Даже наедине побыть им не удалось за эту короткую встречу.

Вечером, закончив сев, она решила пойти к мужу. Но на поле, как и предупреждал Кондырев, нагрнулся с комиссией по качеству Саввушка. Был он по этому случаю в выходном своём пиджачке, подмышкой нёс книгу не книгу — большую папку с протоколами комиссии. С ним пришли бригадир Петруничев и депутат сельского совета Огнивцева.

— Ну, показывайте работу, — строго приказал Саввушка, когда из вагончика вышел Пчёликов, вытирая на ходу куском хлеба измазанные яичницей губы.

— Семян хватило? — спросил у Поленьки Петруничев.

— Килограммов шесть ещё осталось, — ответила за неё Вера Костина.

Саввушка пошёл по полю, глядя, как вытянулись в нитку борозды, как сходятся заезды сеялки, нет ли огрехов и чисто ли заделаны развороты и углы. Огнивцева отправилась на другой край участка.

Поленька молча следила за ними. Поездку в МТС придётся, видно, отложить; не успеет она сходить домой, переодеться, собрать поесть Фёдору: заправщик, который должен привезти горючее тракторам, приедет и уедет без неё.

«Начнут сейчас придираться ещё, — тоскливо думала она. — Будто никто, кроме них, и не беспокоится о качестве!»

Но против ожидания, Саввушка не стал придираться ни к чему. Вернувшись, сел на меже, стал писать акт.

— Качество сева хорошее, — вполголоса повторял он. — Огрехов, плешин, а также загущённости не обнаружено...

— Можно было бы сказать: качество отличное, — просительно вставил Пчёликов. — Правда язык не надсадит.

Саввушка посмотрел на него исподбровья.

— Хорошая оценка тоже чего-нибудь стоит, — назидательно произнёс он. — Не путались бы у тебя рядки в низинке, дали бы оценку отличную.

— Так ведь не по ватерпасу сеялки водим, — попытался оправдаться Пчёликов. — Иногда и покривишься где...

— Свой глаз — ватерпас, — Саввушка закончил акт, поставил точку и предложил подписаться остальным членам комиссии.

— Рядки у вас чисто заделаны, — похвалила Огнивцева трактористов. — Хорошо бы этот опыт по всему сельсовету распространить... в порядке социалистического соревнования.

Затем она пожала руки Гушиной, Пчёликову, Вере Костиной и остальным.

— Поздравляю вас от имени сельского совета с досрочным завершением сева!

Комиссия ушла на другие участки, а Поленька, распростившись с подружками, заспешила домой. Умывшись и переодевшись, она наскоро собрала еду для Фёдора и кинулась обратно; но, когда подошла к вагончику, оказалось, что заправщик уже уехал, — только рубчатый след тяжёлых колёс, примявших траву, виделся на полевой дороге.

Огромное, багровое солнце, предвещавшее хорошую погоду и на завтра, садилось за далёкими лесами. Широко вокруг, насколько хватал взор, чернели вспаханные поля, а над ними, затихая к ночи, негромко звенели жаворонки.

Поленька спешила и радовалась, что комиссия не придралась ни к чему и не задержала её. А то пришлось бы остаться, и неизвестно, удалось бы завтра повидать Фёдора или нет. Три дня разлуки с мужем ревниво беспокоили и тревожили её, а ведь было же время, и даже совсем недавно ещё, когда они не виделись по неделе, по две — и ничего. Когда-то она могла жить и совсем не думать о нём, даже не подозревать, что существует где-то такой человек на свете. А теперь не проходило часа, чтобы Поленька не вспомнила о Фёдоре, не беспокоилась о том, поел ли он, надел ли чистую рубашку, успел ли выспаться или опять уехал куда-нибудь и бог весть когда и где сумеет поесть и отдохнуть.

Глиняные судочки, в которых она несла еду, стали остывать. Сняв с себя вязанку, Поленька закутала их и, прижимая к груди, заспешила дальше.

«Должно быть, летает из бригады в бригаду, и поест некогда, — думала она о Голубенцеве. — Была бы возможность — хоть на полчаса заехал бы...»

Дорога поднялась на изволок. Солнце село. В полях стало неуютнее, глуше, как будто сумерки заливали всё на своём пути.

Замечтавшись, Поленька даже не разглядела Голубенцева, подъехавшего на велосипеде и окликнувшего её:

— Поля, ты куда это?

— Ой, Федя!

— Еду, гляжу: вроде бы моя жинка? Не оклики, так бы и разминулись...

Голубенцев обнял её, радостно ощущая вместе с запахом волос живое тепло её молодого, разогретого от ходьбы тела.

— Замечталась, — призналась Поленька, приныкая к нему и вздрагивая. — Торопилась, обо всём думала. Чей это у тебя велосипед?

— Газик наш сдал сегодня. Гук сорвало, так я, не дожидаясь пока сменят, схватил в седьмой бригаде вездеход этот и к тебе.

— Соскучился? — Поленька заглянула в лицо мужу, всё ещё не отнимая рук. — А почему вчера не приехал?

— Вздохнуть некогда, ей-богу! — Голубенцев устало покрутил головой, потемнел. — В пятой бригаде «Универсал» стал, во второй — два агрегата вышли из строя. Чуть не сутки возились, пока наладили, а тут ещё стройка...

Они свернули с грейдера, поднялись на пригорок, где уже зеленела первая, необмятая травка и шумел, одетый клейкой и частой смушкой, березнячок-подлесок. Положив велосипед под куст, Голубенцев разостлал плащ и устало лёг, положив Поленьке на колени тяжёлую, пьяную от усталости голову.

— Замотался я с этим «Универсалом». Отдохнём немного и поедим, — проговорил он.

Поленька торопливо развязала судочки.

— Поешь, пока не простыло...

Разложив на скатёрке хлеб, соль и лук, она заставила его сесть, приняться за еду.

— А ты?

— И я тоже...

Укрытые от всех, они неторопливо и дружно ужинали в березнячке-подлеске у грейдера, а вокруг всё ещё было светло и торжественно, как

бывает весной на закате, когда даже ветер боится потревожить что-нибудь.

Судочки опустели. Голубенцев помогает Поленьке увязывать их:

— Обед и ужин, всё вместе, — и, поцеловав жену, благодарит: — Спасибо, хозяйка!

Затем он умиротворённо откидывается навзничь, вытягивает ноги и снова кладёт голову Поленьке на колени.

— Ещё пять минуток, и поедем...

Поленька перебирает спутавшиеся его волосы и вздыхает. Ей очень хочется, чтобы новый дом был скорее готов, чтобы можно было поселиться и жить в нём по-настоящему. Она ждёт, что Фёдор приласкает её, как всякий раз, но Голубенцев уже спит, сладко шевеля губами. Лицо его становится по-детски круглым и добрым, а ресницы выгорели от солнца и под глазами — тёмные, обсеянные пылью морщинки.

Не выпуская отяжелевшей его ладони, Поленька сидит безмолвно и крепится изо всех сил.

Где-то буксует машина, затихает и снова воев натужно и сильно. Поленька оглядывается, но на грейдере попрежнему пусто. Оказывается, это на просёлке. Вишнёвая, под цвет заката, «Победа» со снятым верхом, валко ныряя в сырой низинке, пробирается на большак.

«Из Кругликова, наверно, — думает Поленька, узнавая её. — Куда ж это она теперь? В Челищево, что ли?»

Услышав шум мотора, Голубенцев просыпается, поднимает голову.

— Кто это? — ломко, со сна, спрашивает он. — Не из райкома кто-нибудь?

— Лежи-лежи, — успокаивает его Поленька. — Поспи ещё немножко...

Ей уже до слёз дороги и эта минута, и сон мужа, и детское выражение его лица, и последние часы медового их месяца.

«Победа» выбралась на грейдер и, стремительно неся хвост пыли, через минуту пропадает вдаль. Поленька провожает её глазами. Ей хочется узнать у Фёдора, был ли он сегодня на стройке, накрыли ли плотники крышу и подрядился ли он с печниками, но жаль тревожить его сон. И она сидит попрежнему, бережно и неслышно перебирая пальцами спутанные его волосы.

А первая кукушка, только-только прилетев на одетый лес, робко и непривычно, словно пробуя голос после долгой отвычки, окликает притихший березнячок и поле, окликает раз-другой, и прислушивается к тому, как это у неё получается.

«Кукушка!» — радостно вспыхивает Поленька и вспоминает, как в детстве когда-то загадывала с девчонками: «Кукушка, кукушка, посчитай — сколько нам жить?»

Кукушка словно догадывается, чего от неё хотят и, осмелев, начинает раз за разом окликать поле, лес, и звонкое эхо, послушно отзывается на её волнующее и непостижимое колдовство.

— Один, два, три, четыре, — считает, закрыв глаза, Поленька. — Восемь... двенадцать... шестнадцать...

Первый, медовый их месяц кончается; лучше него, говорят, и не бывает ничего, а на сердце — совсем иные, чем представлялось в девичестве, заботы и тревоги. И счастье, о котором так мечталось, кажется Поленьке не похожим на мечту и нелёгким, но всё-таки — это счастье.

НИКОЛАИ ПЕРЕВАЛОВ

★

ПО ВЕЛИКОМУ ПЛАНУ

★ ★
★

Человек запылённый устал
по дороге печатать следы.
Вся земля, как горячий металл,
нет ни тени, ни капли воды.
Порыжевшей шетьюной стоит
то, что было недавно травой.
— Пить! — какая-то птица кричит,
камнем падая вниз головой.
А дороге не видно конца...
Но уверенно смотрит вперёд
человек, и улыбки с лица
никакой суховей не сотрёт.
Открывает походный планшет
и по карте сверяет пути.
Он — творец, вдохновенный поэт,
этот юноша лет двадцати,
потому что за ним на поля,
не выдавшие тени живой,
шумным строем шагнут тополя
и склонятся весёлой листвою
над тоскующей чёрной землёй.
Скажут:
— Здравствуй, родная! Привет!
И земля облегчённо вздохнёт —
здесь впервые за тысячу лет
буйным садом она расцветёт.
Карандаш по трехвёрстке бежит.
А в далёком московском Кремле
вот такая же карта лежит
в кабинете вождя на столе.
Проведённые твёрдой рукой
стрелки красные рвутся вперёд —
и по ним
в одуряющий зной
человек запылённый идёт.

В ТАЙГЕ

В планшете карта, книжка записная,
в кармане компас — чуткий проводник.
А комары звенят, не умолкая,

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Переводы Л. Эйдлина

Классики китайской поэзии Бо Цзюй-и (772—846) и Мэн Хао-жань (689—740) жили в танскую эпоху (618—907). Они принадлежат к числу выдающихся поэтов, продолжавших традиции народного творчества.

В стихах великого китайского поэта Бо Цзюй-и видное место занимает прямой и гневный протест против жестокого угнетения народа феодальной верхушкой.

БО ЦЗЮЙ-И

★

Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло*

Наконец-то сегодня
Сун и Ло у меня пред глазами.

Я назад обернулся
И вздыхаю о тяготах мира —

Где цветенье и слава
Преходящи, как быстрые воды,

Где печали и беды
Поднимаются выше, чем горы.

Только горе изведав,
Знаешь радости полную цену,

После суетной жизни
Станет милым блаженство покоя.

Никогда не слыхал я,
Чтобы птица, сидевшая в клетке,

Улетев на свободу,
Захотела вернуться обратно.

В жестокую стужу в деревне

В год восьмой,
В двенадцатый, зимний месяц,

В пятый день
Сыплет и сыплет снег.

Кипарис и бамбук
Замерзают в садах и рощах.

Как же вытерпят стужу
Те, кто раздет и бос?

Обернулся, гляжу —
В этой маленькой деревеньке

На каждый десяток
Восемь-девять дворов в нужде.

А северный ветер,
Как меч боевой, отточен,

И ни холст, ни вата
Не прикроют озябших тел.

Только греются тем,
Что жгут в лачугах репейник

И печально сидят
Всю ночь, дожидаясь дня.

Кто же не знает,
Что в год, когда стужа злее,

У бедного пахаря
Больше всего невзгод.

* Стихотворение написано поэтом, когда он уже в старости наконец ушёл с угнетавшей его придворной службы.

А взгляну на себя —
Я в это самое время
В домике тихом
Затворяю наглухо дверь.
Толстым халатом
Накрываю шёлк одеяла.
Сяду ли, лягу —
Вволю теплом согрет.

К счастью, меня
Миновали мороз и голод,
Мне также неведом
На пашне тяжёлый труд.
Но вспомню о тех,
И мне становится стыдно:
Могу ль я ответить,
За что я счастливей их?

Скорблю о смерти поэта Тан Цюя

Я помню, как время
Годов Юань Хэ¹ начиналось,
И я, недостойный,
Советником был при дворе.
Тогда лишь недавно
Закончились тяжкие войны.
Наш бедный народ
Изнемог от лишений и зла.
Я только и думал
О муках, о горе народа,
Ещё не изведав
За это гонений и бед.
И вот написал
Десять песен из «Циньских
напевов»,
Где в каждом напеве
Звучит о народе печаль.
Вся вышшая знать
Скрежетала зубами от злобы,
И разных людишек
Терпел я насмешки и брань.
До неба высоко —
Мой голос туда не донёсся;
Бурьян и репейник
Росли на заглохших полях.
Один лишь Тан Цюй
Строки «Циньских напевов» увидел
И понял из них
Устремленье всей жизни моей.

И снова пропел их —
И слёзы скатились из глаз.
И вторя «Напевам»,
Стихи сочинил он за мною.
Своею рукой
Написал и отправил мне в дар.
Поставил меня
В ряд один с Чэнь Цзы-аном и
Ду Фу¹ —

Хвала и вниманье,
Какие не часты теперь!
Поэта Тан Цюя
Мы в жизни уж больше
не встретим,

И строки поэта
Особенно дороги мне.
А утром сегодня
Шкатулку открыл я, и вижу —
В ней книжные черви
Изъели страницы письма.
Я даже не знаю,
Где тело поэта зарыто.
Спросить собираюсь —
И слышу свой плач вместо слов.
Найду это место
И буду рыдать над могилой.
Верну там поэту
Горсть некогда пролитых слёз.

Он раз прочитал их —
И вздохом тяжёлым ответил.

¹ Чэнь Цзы-ан (656—698) — знаменитый китайский поэт начала танской эпохи. Ду Фу (712—770) — великий китайский поэт, много писавший о тяжёлой жизни народа.

¹ Годы Юань Хэ — 806—820 гг.

Собираю траву дихуан

Все погибли хлеба: Не смочил их весенний дождь.	Надвигается ночь — А корзина всё не полна.
Все колосья легли: Рано иней осенний пал.	Я её отнесу К красной двери в богатый двор
Вот и кончился год. Нет ни крошки во рту у нас.	И продам траву Господину с белым лицом.
Я хожу по полям, Собираю траву дихуан.	Господин возьмёт — И велит покормить скакуна,
Собираю траву — Для чего мне она нужна?	Чтоб лоснились бока И от блеска светилась земля.
Может быть, за неё Мне дадут немного еды.	Я хочу в обмен От коня остатки зерна.
Чуть забрезжит свет — И с мотыгой своей иду.	Пусть они спасут Мой голодный тощий живот.

**Я остановился на ночь в деревне на северном склоне
горы Цзыгэ**

С утра я бродил По склонам горы Цзыгэ,	Хозяину дома Осталось в сторонку встать
А вечером спать К подножью в деревню сошёл.	И руки сложить, Как будто он робкий гость.
В деревне старик Встретил радушно меня.	В саду у него Было дерево редкой красы,
Он для меня Открыл непочатый кувшин.	Что он посадил Тридцать вёсен тому назад.
Мы подняли чарки И только к губам поднесли —	Хозяину дома Жалко стало до слёз,
Толпой солдатня Внезапно к нам в дом ворвалась.	Когда топором Под корень рубили ствол...
В лиловой одежде. Топор или нож в руке.	Они говорят, Что на службу их взял государь,
Их сразу набилось Больше десяти человек.	Они берегут Священный его покой.
Схватили солдаты С цыновки моё вино,	Хозяину дома Разумней всего молчать:
И взяли солдаты С блюда мою еду.	Начальник охраны В большой при дворе чести.

МЭН ХАО-ЖАНЬ

★

Весеннее утро

Меня весной
Не солнце разбудило:

Я всюду — всюду
Слышу звонких птиц.

Всю эту ночь
Был шум дождя и ветра.

Цветы опали.
Знаешь, сколько их?

Ночью на реке Цзяньдэ

Направлена лодка
На остров, укрытый туманом.

Уже вечерет —
И путник печалью охвачен.

Просторы бескрайни —
И снизилось небо к деревьям.

А волны прозрачны —
И месяц приблизился к людям.

В деревне у друга

Мой старый друг
На курицу с пшеном

Меня позвал
В свой деревенский домик.

Зелёный лес
Деревню обступил,

Цепь синих гор
За ней уходит косо.

Открыли пир...
Глядим на огород.

Мы пьём вино,
Об урожае судим.

Когда придёт
«Двойной девятки»¹ день,

Сюда вернусь —
Уже на хризантемы.

Ранние холода

Листья опали,
И гуси на юг пролетели.

Северный ветер
Студён на широкой реке.

В крае родимом
Извилисто Сяна течение —

Где-то далёко
Над Чу полоса облаков.

Слёзы по дому
В чужой стороне иссякают.

Парус случайный
Ловлю у небесной черты.

Где переправа,
Кого бы спросить мне об этом?

Гладкое море
Безбрежно вечерней порой.

¹ «Двойная девятка» — девятый день девятого месяца по старому китайскому календарю. Глубокая осень.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

В. ШАЛАГИНОВ

★

СУДЬЯ*

В суровые годы

Третье июля 1941 года...

И сейчас, спустя десять лет, передо мною стоит незабываемая картина того дня... Широкий двор Красноярского паровозо-вагоноремонтного завода, море голов. Слева, в тупике, сияющие стеклом и краской новые пассажирские вагоны. Где-то позади меня щёлкает на ветру флаг. Я вижу, как над крышей в горячей июльской голубизне, будто после выстрела, повисает небольшое белое облачко — гудит гудок. Я стою среди людей, и когда из репродуктора, высоко поднятого над землёй, звучат первые слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры!», — чувствую, как бьётся моё сердце.

В своей речи товарищ Сталин сказал:

«Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...»

И дальше:

«Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникёрством и трусостью мешает делу обороны, не взирая на лица».

Эти сталинские слова приобрели для меня особый смысл, когда на исходе второго месяца войны я получил мобилизационную повестку. За назначением мне пришлось выехать в Новосибирск, и там, в военном трибунале СибВО, я неожиданно встретил Елизарьева, тоже призванного в армию.

Мой друг, одетый в чересчур широкие шаровары и в непомерно большую гимнастёрку, отнюдь не выглядел образцовым военным. К тому же по своей штатской привычке он почти всё время держал руки в карманах.

Заговорили о тревожных событиях на фронте — накануне наши войска оставили Днепропетровск.

— Сказать откровенно, я ждал, что фашистов остановят на границе, — тихо сказал Елизарьев и тотчас добавил: — Экая мерзость это слово «ждал». Не ждать бы нам с вами, а винтовку в руки — и туда. Не здесь, а там, на фронте наше место. Судебные дела тут рассмотрят и без нас. Кто? Да женщины. Посмотрите им в глаза — тем, что прибывают в эшелонах с Киевщины, из Белоруссии... И боль, и гнев, и вера... Это настоящие судьи...

Разговор обратился к международным делам. Я вспомнил недавнее сообщение нашей печати о том, что английская газета «Сэнди экспресс»

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 10 с. г.

напечатала коротенькое интервью американского посла в Москве. Посла спросили: «Что вы скажете о членах пятой колонны в России?» Он ответил: «У них нет таких. Они их расстреляли».

Я спросил Елизарьева:

— Читали интервью американского посла?

— Насчёт пятой колонны? Читал. А что скажешь другое? Гитлеровцы, разумеется, хотели бы иметь у нас пятую колонну, но её нет.

Мы сидим в зале судебных заседаний. Справа от нас за большим столом — группа таких же, как мы, «новобранцев». Покуривая, они заполняют анкеты. Время от времени открывается дверь, и старший секретарь приглашает кого-нибудь к председателю.

— Борьбу с врагами народа Вышинский называл всеочищающей грозой, — заговорил Елизарьев, возвращаясь к затронутой теме. — И посмотрите: всякий раз, когда гремела эта гроза, — я имею в виду судебные процессы, — всякий раз мы видели, что внутренняя контрреволюция была связана с международной. И не только на последних громких процессах. Я припоминаю одно старое дело о сибирской контрреволюции... Возможно, вы о нём слышали? Дело Незнамова и других...

Я знал это дело по литературе. Слушалось оно в мае 1923 года в Новоиколаевском губернском суде. После ликвидации петропавловско-ишимского мятежа помощнику «главкома» контрреволюционных мятежников в Петропавловске удалось скрыться. Бежав в Новоиколаевскую губернию, он создал здесь новую контрреволюционную организацию с целью свержения советской власти и реставрации монархии. Битый «помглавком» нарёк себя атаманом Незнамовым. В организацию была вовлечена группа железнодорожных служащих, из «бывших». Они создавали препятствия шедшим в Поволжье сибирским хлебным маршрутам. И вот на скамье подсудимых оказалась целая банда. Рядом с атаманом Незнамовым, олицетворявшим сошедшую со сцены царскую военщину, сидели местные кулаки и нэлманы.

— Судили их долго, недели три, — рассказывал Елизарьев. — Я был помощником секретаря и выполнял мелкие поручения. Писал повестки, регистрировал свидетелей, иногда доставлял дело в суд, которое, кстати, состояло из ста томов, — словом, хлопот было много, хотя и неприметных. Перед началом суда я заполнял статкарты на подсудимых. Расспросил, записал что надо. Казалось, что хорошо знаю дело. И вдруг — открытие. На суде выяснилось, что Незнамов — немецкий шпион, что он окончил разведшколу в Германии. У меня всё перевернулось в голове, мне сделалось страшно за свой город. Только представить себе: мирный сибирский город — и вот чужая, враждебная рука тянется к нему из-за границы...

В дверях показался старший секретарь.

— Товарищ Елизарьев, к председателю!

Елизарьев пожал мне руку и, оправляя на ходу гимнастёрку, направился через зал к выходу.

Спустя несколько дней мне стало известно, что Елизарьев назначен членом коллегии Военного трибунала СибВО. Я же был направлен в небольшой сибирский городок на должность председателя Военного трибунала сформировавшейся там стрелковой дивизии.

В первых числах февраля к нам из округа поступила сердитая бумага. Внизу стояла подпись председателя Военного трибунала СибВО бригадвоенюриста К. Содержавшаяся в этой бумаге критика нашей работы была совершенно справедливой, но кое-что в этом письме показалось мне придирами, и я приготовился защищать свою точку зрения.

Вскоре меня вызвали в Новосибирск. Выслушав мои объяснения и оправдания, бригавоенюрист приказал мне пойти к Елизарьеву.

— Елизарьев в курсе всего этого дела, — сказал бригавоенюрист. — Он вам объяснит, почему вы неправы в своих возражениях. Всё-таки работали вы не так, как надо...

...Когда я вошёл в кабинет, Елизарьев стоял спиной к письменному столу, сосредоточенно рассматривая висевшую на стене карту-«миллионку».

Он обрадовался мне, хотя сразу же догадался о цели моего прихода.

— Вы в связи с нашим письмом?

— Конечно, — ответил я. — И, признаюсь, хочу ксе о чём спорить.

— Ну что же, поспорим, — добродушно сказал Елизарьев и, приглашая садиться, добавил:

— А я тут всё стратегией занимаюсь. — Он указал на карту. — Любуюсь, как Гитлеру под Москвой досталось. Вот это удар!

Он внимательно посмотрел на меня и засмеялся.

— Да вы, я вижу собираетесь ругаться. Ну что ж, давайте...

— Давайте, — согласился я. — А для начала скажите, кто автор этого письма?

— Бумагу готовил я.

— Вы?

— Да, я. Правда, мысли, изложенные в письме, — не мои мысли: я исходил из пометок бригавоенюриста на копии вашего доклада. Но я согласен с ними — это хорошие и верные мысли. Припомните, о чём шла речь. Ваша дивизия формируется. Люди, которые прибывают в подразделения, — хорошие советские люди, настоящие сибиряки. Дел у вас нет и судить вам некого. И вот вы заняты тем, что разъясняете воинам уголовно-правовое законодательство. Правильно делаете. Мне нравятся и темы ваших бесед: «Бдительность — наше оружие», «Каким должен быть воин Советской Армии», «Военное имущество — свяшенно и неприкосновенно»... Неплохи, как видно из ваших конспектов, и сами беседы... Но что вы делаете? Вы бьёте главным образом на «охваг», собираете для разговора батальон, два батальона, даже полк. А почему не взвод, не роту? Ведь то, что вы делаете, уже не может быть названо беседой. Это лекция. И в этом случае вам не удастся создать обстановку простой задушевной беседы. Новички стесняются в такой большой аудитории задавать вам вопросы и уходят с ними в свои казармы...

— Значит, беседовать во взводах и ротах?

— Да.

— В таком случае мы не сможем провести наших бесед до конца войны.

— Опять неверно. Не помню, сказано ли об этом в нашем письме, но, мне думается, выход из положения очень прост. Договоритесь с командованием, соберите командно-политический состав и сделайте для них инструктивный доклад на любую из ваших тем. Тьму беседчиков получите. Согласны?

С этим нельзя было не согласиться. Потом мы заговорили об одном происшествии с лётчиком, в котором мне недавно пришлось разбираться.

— Значит, перед тем, как слушать дело о воздушном происшествии, вы поднялись в воздух? — спросил Елизарьев.

— Да. Хотелось поглядеть сверху: можно ли было предупредить происшествие сигналами с земли...

— А в составе суда у вас сидели авиаторы?

— Нет. Бравые пехотинцы.

— Бравые-то — brave... Кстати, кто у вас вызывает заседателей?

Я посмотрел на него с удивлением: кому же не известно, что заседателей во всех судах вызывают секретари?

— Вот они вам и удружили, — сказал Елизарьев. — Почему бы, скажите, на дело о воздушном происшествии не пригласить авиаторов? А?.. Помнится, в Бердске народный суд рассматривал как-то дело о железнодорожной аварии... С одного полустаика отправился балластный состав. На закруглении машинист поглядел на хвост и испугался — там что-то прыгало и металось, как чёрт на привязи. Остановились и выяснили: к последней платформе была прицеплена старенькая дрезина. Качнуло её, бросило — и куча железок... Виновным оказался дорожный мастер. Не желая перегонять дрезину вручную, он отправил её на правах «зайца» — подкатил, прицепил — и всё. Дорожного мастера за эту аварию осудили. Но суд наделал при этом столько «открытий» в железнодорожном деле, что в окружном суде схватились за голову и отменили приговор. Дело передали мне и тут же позвонили. Я получил три совета. Первый: прогуляться на железнодорожную станцию, походить, поглядеть, поспрашивать, поучиться; второй: почитать кое-какие книжки; и третий: пригласить заседателями знающих транспортников. Так вот, о третьем совете. Беру список, вижу: паровозный машинист-наставник. Вызываю. Приходит рабочий — усатый, степенный, больше-рукий... Этот человек мне большую помощь оказал... Опыт у него богатейший, знания.. Короче говоря, дело это мы правильно разрешили. А не будь заседателя-машиниста, да не поучись я железнодорожным наукам, не побей сапог по тупикам и стрелкам — может отменили бы и наш приговор... В самом деле, подумайте только Дела у нас разные. И не плохо бы сегодня быть врачом, завтра — инженером, послезавтра — авиатором... Но для судьи это невозможно. Зато это возможно для суда в целом, для коллегии. Надо лишь вызывать заседателей с учётом характера дел...

Несколько месяцев спустя после этого разговора Елизарьев уехал на фронт в качестве военного судьи. Мы не виделись с ним до конца войны, и я только понаслышке знал, что он служил в частях Северо-Западного, 2-го Белорусского, а потом 3-го Прибалтийского фронтов.

Окончилась война. Я встретил его в солнечный день на Красном проспекте. Он шёл мне навстречу уже в гражданском костюме, похудевший, белоzubый и, казалось, помолодевший.

Мы горячо обнялись и потом долго бродили по городу, жадно спрашивая друг друга обо всём пережитом за эти годы. Но наговориться так и не успели, условившись на другой день вместе поехать на рыбалку, до которой мы оба были большими охотниками.

Тяжба о ребёнке

Вечереет. Я лежу у костра лицом к реке. Тепло. Где-то внизу, под обрывом, шумно плюхается в воду сорвавшийся с берега ком глины, в ведре у костра плещется рыба, гулко звучат наши голоса.

Нас четверо: кроме меня и Елизарьева, двое наших общих друзей. Сырая черёмуха шипит на огне и, щёлкая, осыпает нас пеплом, дым стелется к реке. Дразняще пахнет закипающая уха.

Я отлучаюсь за дровами в прибрежную рожицу, и, когда возвращаюсь, Елизарьев что-то рассказывает. Обернувшись ко мне, он поясняет:

— Вспоминаю одно трудное дело. Так вот, в девятнадцатом году в Барнауле белые расстреляли большевика-подпольщика Петрова. Дня через два его жена получила предостерегающую записку от товари-

шей: «За вами придут». Ей угрожала судьба мужа. Из записки явствовало, что каратели явятся через час-полтора.

Надо сказать, что за окном мела злая декабрьская метель, и поэтому бегство с двумя детьми для слабой женщины, оставшейся к тому же без средств, означало ту же смерть.

Тогда, торопливо одевшись и закутав восьмилетнего сына в башлык и ватник, женщина взяла на руки крошку-девочку и постучалась к соседу по квартире. Это был официант железнодорожного ресторана, человек хороший, сочувственно относившийся к революции. «Я вас прошу, приютите мою Таню, — попросила она. — Ненадолго, очень ненадолго... Каких-нибудь два-три дня, и я вернусь...» Официант посмотрел на укутанного в башлык хлопца. «А этот?» — «Этот со мной». Сосед молча взял у неё девочку.

Иван Петрович Ластиков — так звали официанта — вскоре же перебрался в Новосибирск. Мать Тани, скитавшаяся по таёжному Алтаю, вернулась в Барнаул спустя год. След девочки потерялся. Начались длительные настойчивые поиски: справки, запросы, тревожные, умоляющие письма, объявления в газетах. Лишь через десять лет, живя к этому времени в Москве, Петрова получила официальное уведомление о том, что Ластиков живёт в Новосибирске.

Она сейчас же собралась, приехала в Новосибирск и объяснилась с Ластиковым. Подробностей этого объяснения я не знаю, но уже на другой день она обратилась в суд с иском об отобрании ребёнка. В этом суде я был народным судьёй.

Вы уже решили, видимо, вернуть Таню матери? Признаюсь, так думал и я, пока не открыл судебного заседания.

Впрочем, не буду забегать вперёд...

Как и положено по закону, первой говорила истица. Это была черноволосая красивая женщина, бледная и как-то по-особенному сосредоточенная. Вся её речь была словно раздумьем над своим несчастьем.

Она говорила: «Я приехала не затем, чтобы взять Таню. Я боялась того, что сейчас случилось, — боялась, что сама Таня не признает меня матерью. Я слишком, слишком поздно приехала, в этом и моя вина. Долгие годы она звала отцом другого человека, десять лет ей был отцом не её отец. И поэтому естественно спросить: надо ли возвращать Таню сейчас к тому далёкому времени, когда я оставила её Ивану Петровичу? Правильно ли лишать её отца? Пусть будет так, как есть — таким было моё первое решение. Но я постоянно томилась одной мыслью: легко ли живётся ей, как её воспитывают, какую судьбу ей готовят? И вот я в доме, где живёт Ластиков, в громадном общем дворе, что соединяет две улицы. Разыскиваю дочь, хожу по закоулкам двора, а сама страшусь этой встречи. И вдруг увидела её... С бледного детского лица на меня хмуро и равнодушно смотрели глаза моего покойного мужа. Передо мной стояла робкая голенастая девочка, с недостаточно осмысленным лицом, совсем не такая, какой я её себе представляла. Можно и не говорить, что я тогда перечувствовала, но стоит сказать, почему я переменяла принятое решение. Я узнала, что в квартире Ластикова неспокойно, бывают выпивки, что там в присутствии Тани разыгрываются всякие сцены, что с девочкой при этом не считаются, её не берегут... И я пришла в суд. Я — мать, но прошу вас не этим именем. Мать всегда пристрастна в своей любви к детям. Решите сами. Может быть, я не права в своей просьбе. Я боюсь ошибки, боюсь повредить Тане».

Я взглянул на Ластикова. Длинный, угловатый, в шикарной праздничной тройке, с шёлковой чёрной бабочкой под подбородком, несклад-

ный и растерянный, он, казалось, сразу лишился свойственной людям его профессии развязности, умения по-разному общаться с разными людьми. А его нарочитая внешняя франтоватость не только не скрывала, а скорее подчёркивала его растерянность, душевное смятение.

На вопрос, согласен ли он отдать дочь, Ластиков ответил немногословным отказом. На последующие вопросы он отвечал кратко и выразительно, с той естественной лаконичностью, которую так любят судьи. Он объяснил, что, беря девочку, сознавал опасность этого шага: больше не простили бы спасения дочери расстрелянного коммуниста. Несколько месяцев он жил под страхом расправы и, лишь переехав в Новосибирск, успокоился. Говорил, что пытался искать Петрову, писал в десятки мест, писал — и уже боялся потерять Таню, он сроднился с ней, «прирос сердцем», «она теперь — моя жизнь, и без неё — петля».

На вопрос, пьёт ли он, Ластиков после минутного колебания заговорил взволнованно и горько: «Пью... Да и кто из нашего брата не пьёт... Но разве из-за этого можно лишать меня последней радости? Разве не отец я Танюше? Кто её в школу отдал, к наукам приобщил? Ластиков, Иван Петрович. Книг, нарядов накупил? Ластиков. Пылочки не даст сесть на неё? Он же!»

Ластикова успокоили, допросили свидетелей, и, таким образом, по форме разбирательство приблизилось к концу. Но это было только по форме.

Пока говорила мать, я был на её стороне. После же речи Ластикова я почувствовал колебания. Не избавили меня от них и свидетели. Посовещавшись, мы решили пригласить Таню и, как это принято, спросить у неё, с кем бы она желала остаться.

Таня вошла несмело, сначала остановилась далеко у порога, затем подошла ближе и уставилась мне в лицо. Я поразился её сходством с Ластиковым. Те же глаза — большие, полные мольбы, та же угловатость. Но уже через минуту я понял, что всё это — только плоды определённого воспитания, определённой среды.

Осторожно, в мягких выражениях, чтобы не вспугнуть детскую её недоверчивость, я рассказал Тане, что мы тут делаем и с какой целью пригласили её. Потом я спросил, с кем она хочет жить. Ничего не ответив, Таня, вскрикнув, кинулась на шею к Ластикову да так и застыла.

Теперь уже плакали многие. Плакали и обе заседательницы. На мокро-добродушном лице Ластикова сияла улыбка. Матери я не видел, вернее избегал смотреть на неё в ту минуту.

Суд, посовещавшись, объявил перерыв до понедельника.

После этого начались мучительные размышления.

Что говорило в пользу Ластикова? Добропорядочность и благородство, даже мужество — в самом решении укрыть дочь большевика-подпольщика. Затем воспитание её на протяжении десяти лет, фактическое отцовство, проявленное им и сознаваемое Таней. Она видела в этом человеке отца, любила его, как отца, хотела, чтобы он всегда был её отцом. И он, найдя в тоненькой хрупкой девочке цель своей жизни, хотел того же. Я легко представлял, как в предзакатный час он шагает домой из ресторана, ощупывая в кармане сыр, апельсины или другие лакомства, предназначенные Тане, как светлеет его лицо от предвкушения радости, которую вызовут у девочки эти гостицы.

А вот как я думал о матери. Прежде всего, это — мать, выстрадавшая рождение дочери и ничем не нарушившая своего материнского долга. Их разлучила не прихоть, не злая воля матери, а необходимость. Оставляя дочь у соседа, она не освобождалась от неё, а спаса-

ла. И, спасая её, спасая себя, она делала это, служа общему делу. Я спрашивал себя: разве она повинна в том, что нашла дочь лишь спустя много лет? Нет, к делу была приложена пачка ответов на многочисленные её запросы и письма в разные города.

Я склонялся решить тяжбу в пользу матери, но путь к такому решению преграждала сама Таня, её желание остаться у Ластикова. Меня останавливали на этом пути и последние слова матери: «Решайте сами — я боюсь повредить Тане».

Однако мы решили в её пользу и, как ни странно, к такому решению нас привели эти самые её слова. В итоге долгой и горячей дискуссии в совещательной комнате мы пришли к мысли, что нездоровая атмосфера, окружавшая Таню у Ластикова, а также новое теперь для неё сознание, что у неё есть мать, плохо повлияют на развитие девочки, а могут и вовсе испортить её. Тяжбу о ребёнке мы решили против настоящей Тани — за Таню будущую. И, мне думается, не ошиблись.

Недели через две мать и дочь были у меня. Таня робко улыбалась и пряталась за спину матери. Мать и дочь рассказали, что Ластиков сначала запил, бранил суд, но потом смирился, махнул рукой и отдал Таню матери. «И впрямь, какой из меня родитель... — прощаясь, сказал он. — Рости, Танюшенька, большая и хорошая! Может, когда и в гости приедешь. Я тогда для тебя и пить брошу».

Всё это было давно. Изменились люди, изменились отношения. Но упростилась ли подобная тяжба в наши дни? Недавно мне рассказали, как двухлетний мальчуган, сирота войны, был взят на воспитание старым профессором. Теперь мальчонке семь лет, и вот его отыскал действительный отец, партизан-ковпаковец. Идёт спор. Тут надо подсчитывать все «за» и «против»...

Особое мнение

Елизарьев сидел за столом и чинил карандаш над листом писчей бумаги. Когда я вошёл, он молча кивнул мне и показал глазами на лежавшее перед ним судебное дело.

— Вот поступило с кассационной жалобой. Много неясного и даже загадочного. Крепкий орешек. Решено ознакомиться всем составом коллегии¹. Я уже читал. Читал, кажется, и председатель, так что дело за вами...

Между страницами объёмистого сшива торчала зелёная спичка. Елизарьев раскрыл дело на этом месте и стал читать вслух:

— Лист дела 26... «Он совершил благородный поступок. В пургу, когда горные дороги были занесены снегом и в районе Алтайских гор проезда не было, машины с зерном застряли, не сумев пробиться, и люди остались без горючего и продуктов. Это угрожало зимовкой в невероятных условиях. Только один Чанов решился доставить на перевал горючее и продукты...» И дальше... «Объездным путём поспешил он на выручку оставшимся в горах машинам, сделав пробег до 700 километров...»

Елизарьев замолк и жирной красной линией подчеркнул цифру «700»; затем подумал, прицеливаясь карандашом, и подчеркнул ещё два слова: «только один».

— А теперь догадайтесь, что это и о ком. Газетное сообщение о героическом рейсе? Или представление к награде? Слушайте последние слова: «Доставив горючее и продукты, он на обратном пути вёл колон-

¹ Дело слушалось до приказа министерства юстиции, установившего в 1949 году порядок обязательного изучения дел не только докладчиком, но и всем составом кассационного суда.

ну машин, пробивая им дорогу. Зерно было своевременно и без потерь сдано на сыпной пункт». Ниже подпись: начальник аэтоколонны Сипенко...

Я медлил с догадками, удивляясь в душе необычной сердечности и теплоте этого официального документа.

— Это — служебный отзыв, — пояснил Елизарьев. — И знаете на кого? На преступника! Вот я и спрашиваю: может ли такое случиться? Может ли случиться, чтобы сначала человек, не щадя жизни, спасал народный хлеб, а позже подло и тайно похитил бы из него мешок-два и пропил? Я не верю в это. И знаете, почему ещё у меня сомнения? Потому что судьи не были единомышленны в своём решении о его виновности.

— Есть особое мнение?

— Да. Вот оно. Особое мнение народного заседателя Медведева.

Два разных мнения. Они скрестились в главнейшем пункте судебного решения — виновен или невиновен? Двое сказали: да, третий же ответил: нет. И третий написал особое мнение, горячий содержательный протест, протест ума и совести.

На первый взгляд кажется странным, чтобы один из трёх судей видел не то, что видели другие, и не так, как видели другие. Ведь и он, и они читали одно и то же дело, и он, и они слушали одних и тех же свидетелей, изучали и оценивали одни и те же улики.

Истина идёт через критику, через критическое отношение к чужим и собственным представлениям. Известно, что и добросовестный свидетель может заблуждаться в том, что он видел. И наблюдения очевидцев порой далеки от достоверности. Учёные написали об этом множество книг. Помню, в университете был однажды произведён такой «опыт». Убелённый сединами профессор читает в просторной университетской аудитории лекцию. В дверях показывается пьяненький студент, франтовато одетый, с тростью. В воздухе виснет брань. Профессор делает робкую попытку унять дебошира, но тот бросается на него и тростью гонит старика с кафедры.

Возмущённая аудитория спешит к профессору на помощь, но тот неожиданно, улыбаясь, говорит, что всё это «спектакль» и что студентам предстоит дать о том, что они видели, достоверные показания. Пишут. Двести человек пишут о том, что они видели. А на другой день, во время разбора этих свидетельских показаний, своды университетской аудитории оглашает гомерический хохот — так фантастичны заблуждения некоторых очевидцев. Находятся такие, у которых профессор чуть ли не пал под ударами трости, другие утверждают, что он лишь мило улыбался и был бледен, третьи не заметили, что студент был пьян и даже не видели в его руках трости... Пол, профессиональные навыки, особенности психологического склада: впечатляемость, сила воображения, память, физические недостатки — всё это (как и многое другое) отражаются на достоверности свидетельских показаний. В ворохе пёстрых и частью противоречивых свидетельств и объяснений судьи призваны найти то, во что можно и надо верить. И они не могут при этом не критически, по наитию, отводить несостоятельные показания и версии. Они обязаны прежде объяснить себе, почему именно такие показания и версии могли возникнуть.

А обвиняемый? На судебных допросах он нередко норовит припомнить не то, что он совершил, сделал, а то, что он уже говорил следователю. Это инерция колеи — повторение однажды сказанного. И даже намереваясь открыться, обвиняемый иногда заблуждается в представлениях о себе и о своём преступлении.

А разве и другие улики и доказательства не нуждаются в критике? Уменьше оценить доказательства, уменьше учесть и взвесить все плюсы и минусы — вот едва ли не главное в деятельности судьи.

«Может ли случиться такое?» — повторял и я вслед за Елизарьевым, принимаясь за чтение «загадочного» дела. Разногласия судей в основном пункте решения — в вопросе о виновности — чрезвычайно редки. Обычно разногласия если и возникают, то касаются размера или вида наказания. Потому легко объяснить мой повышенный интерес к этому делу. Он подогревался также и тем, что разногласие судей не было полным: помимо Чанова по делу обвинялся ещё один человек — Мишин, и вот в отношении виновности Мишина судьи были единодушны...

— Я не уверен в честности Чанова, — заметил я на другой день, возвращая дело Елизарьеву.

— Интересно, почему?

— Мне кажется, что он хитрит... Возьмите его кассационную жалобу. Как он объясняет в ней недостачу пшеницы? Дескать, перед отправкой в рейс машина была грязной, взвешивали её в совхозе вместе с грязью, а позже, на пункте «Заготзерно», когда грязь высохла и обилась, она, естественно, стала легче... Так он говорит в жалобе. А на суде? А на суде он не сказал об этом ни одного слова. Это обычный манёвр — приберечь козырь для кассационной инстанции. Поди теперь проверь, прав он или не прав...

— Приём это, действительно, обычный... Но вы уверены, что он не говорил об этом на суде?

— Во всяком случае, в протоколе заседания этого нет.

— Да, да. В протоколе этого нет. Но где-то я это встречал. Ах вот, замечания адвоката о неполноте записи в протоколе. Видите? А вот резолюция председательствующего: «с замечаниями согласен»... Значит, говорил!..

Кассационное заседание. Председательствует Васильев, Елизарьев и я — члены суда. Заключение прокурора заслушано, и мы — в совещательной комнате.

Традиционный кабинетный стол, точнее два, они поставлены буквой «Т». За тем, что побольше, — Елизарьев, он докладчик по делу. Перед ним синяя папка, разложенные веером бланки определений. Председатель ходит по комнате, я сижу и слушаю, стараясь не потерять нити разговора.

Председатель спрашивает:

— Значит, решаем, что Мишин виновен?

— Виновен, — отзывается Елизарьев, перебирая листки с конспективными записями.

— Давайте воспроизведём доказательства.

— Их несколько... Напомним, что Мишин — бывший плотник зерносовхоза «Алтай», уволенный месяц назад. — Елизарьев шелестит страницами дела. — Вот протокол... Читаю. Утром 10 сентября в третьем подъезде каменного барака, где живёт Мишин, в старой кадке, покрытой мешком, испачканным известью, обнаружено 127 килограммов пшеницы. Пшеница оказалась принадлежащей совхозу. Это раз. Мишин признался в покупке краденого зерна. Два.

— Хорошо. А вы учитываете противоречия?..

— О противоречиях я скажу дальше...

— Так... Теперь приведите доказательства против Чанова.

— Чанов — шофёр. Он возил хлеб с усадьбы совхоза в село Усть-

Ануй. Уличает его Мишин. Говорит: «Чанов украл, я купил». Слова Мишина решительно подтверждает его супруга. Лист дела 104. Есть и ещё одна, кстати очень сильная, улика: жёлтенькая накладная... Сию минуту. Вот она. У Чанова нехватило 89 килограммов пшеницы.

Председатель останавливается.

— И — вывод?

— Чанов невиновен, — твёрдо говорит Елизарьев.

Я приподнимаюсь с кресла. Председатель косится в мою сторону.

— Чанов в кольце улик — и всё-таки невиновен? — говорит он. — Не преждевременно ли такое заключение? Читая дело, я видел лишь основания к сомнению в его виновности...

Руки Елизарьева спокойно лежат на синей папке.

— Первое и чуть ли не главное, — говорит он, — это шаткость показаний Мишина, — Елизарьев протягивает председателю листок бумаги: — Вот даты его допросов...

Председатель читает.

— Первый допрос десятого сентября?

— Да. Мишин утверждает, что пшеница свалилась на него, как манна небесная. Жена выглянула в окно — куры клюют хлеб, рассыпанный на дороге. Взяла веник — и вот полная кадка. 127 килограммов.

— Дальше.

— Тринадцатого сентября он перечёркивает свои первые показания. Появляются новые... Пшеница — подарок. Дарители — два пьяных шофёра.

— Восемнадцатого сентября?

— Уличает Чанова.

— Двадцать восьмого?

— Снимает это обвинение и говорит, что украл сам.

— На следующем допросе?

— Снова оговаривает Чанова. Затем оправдывает его, говорит, что зерно купил у неизвестного. Затем новое заявление: «Чанов украл, я купил».

— Что же вы считаете правдой?

— Показания от двадцать восьмого сентября.

— Украл сам?

— Да, украл сам.

Председатель улыбается.

— Допустим, что Мишин украл сам. Один. Ему грозит первая статья Указа с максимальным наказанием в десять лет заключения. Но он думывает соучастника, и это вредит ему. Теперь их двое. Возникает понятие группы, суд должен применить статью вторую Указа, а это — заключение до двадцати пяти лет. Где же хотя бы крупца логики? Разве Мишин не знает, что 25 лет больше 10-ти? Может быть избличения им Чанова — честные избличения? Ведь правда всегда прямолинейна.

— А жёлтая накладная? — добавляю я. — Как мы объясним недостачу?

— Как объяснить недостачу пшеницы? Пока никак. Это белое пятно. Объяснения Чанова почти не проверены. А они резонны. Приёмы взвешивания хлеба в совхозе «Алтай» и в Усть-Анусе, на пункте «Заготзерно» были различны.

— А показания жены Мишина? Ведь она считает Чанова вором?

— Куда иголка, туда и нитка, — отвечает Елизарьев. — Мишина пять раз меняла свои показания, усердно подлаживаясь под болтовню своего мужа...

Опять вопросы, и опять ответы. В голосе Елизарьева — твёрдая уверенность.

Он знал, о чём его могут спросить, знал, что является главным, и это главное, определяющее, он представлял в подробностях, зримо. Один из великих скульпторов сказал, что искусство ваятеля — это умение убрать всё лишнее, чтобы из глыбы мрамора получилась, например, Венера Милосская. В поисках истины судья подобен ваятелю, он убирает лишнее. И пока идёт это совещание я чувствую, как исчезает лишнее, наносное, загадочное, как проясняется истина.

Мишин пытался отвести удар закона. Будучи сам вором, он называл воров Чанова. Он хитрил, намереваясь вместо себя спровадить в тюрьму другого. Для себя он оставлял лишь роль неудачливого покупателя. Он хотел, чтобы удар закона пришёлся по невиновному, а он ответил бы лишь за неосмотрительную покупку. И не случайно на последнем допросе Мишин вдруг «вспомнил», что «гражданин Чанов держался так скрытно, что не сказал, где взял продаваемую пшеницу»... Новая ложь!

Пока я размышляю таким образом, Елизарьев раскрывает дело и, не спеша, вслух читает характеристику Чанова. Заключительные фразы этого документа звучат торжественно:

«...он совершил благородный поступок. В пургу, когда горные дороги были занесены снегом... только один Чанов решился доставить на перевал горячее и продукты...»

В синей папке это всего лишь страничка, помеченная цифрой 26. Но как она значительна!

— К сожалению, и эта характеристика — белое пятно. Не так ли? — замечает председатель, обращаясь к Елизарьеву.

— Да. Следствие не проверило этой характеристики. Видимо, считалось, что она не имеет прямого отношения к преступлению.

Хмурясь, председатель усаживается в кресло.

— К преступлению — да, но к преступнику, к возможному преступнику? Тут одно из двух: или Чанов крал пшеницу и прав Мишин, или Чанов спасал пшеницу, спасал людей и прав Сипенко, который дал ему такую характеристику... Значит, вы предлагаете доследовать?

— Доследовать и, если подтвердятся сомнения, дело в отношении Чанова прекратить.

— А вы? — председатель поворачивается ко мне.

Я напоминаю, что в материалах дела есть данные об алиби. В тот самый час, когда вор торговал пшеницей, Чанов был в другой деревне. Он утверждает, что вместе со своим приятелем Анохиным ходил в это время в сельский клуб на кинокартину «Весна».

— Проверим и алиби, — заключает председатель. — Значит, решили? Елизарьев принимается писать определение.

— Не знаю, как вам, — говорит председатель, — но мне понравилось особое мнение Медведева. И он, и мы бьём в одну точку. Могивировать я советую примерно так же, как он. Согласны?

— Вполне.

— Под нашим определением как бы будет стоять четвёртая подпись.

— Первая, товарищ председатель, — замечает Елизарьев. — Ведь он первым высказал то, что мы сейчас решили

На судебном процессе, состоявшемся вскоре по этому делу, выяснилась невиновность шофёра. Судьи оправдали Чанова и наказали Мишина. Вору не удалось посадить в тюрьму вместо себя невиновного.

Трудное решение

У дверей кабинета народного судьи Старовойтова, к которому я направлялся по делу, стояла молодая, красивая, хорошо одетая женщина. Достаточно было взглянуть на неё даже мельком, чтобы заметить — она сильно взволнована.

Я вошёл в кабинет.

Дело к Старовойтову у меня было небольшое. Я получил от него пачку бумаг и направился было читать их в соседнюю комнату.

— Вы не заметили в коридоре молодой четы? — спросил меня Старовойтов.

— Нет. Кроме какой-то женщины у вашего кабинета, никого не видел.

— Наверное, она. Я жду Андреевых, — пояснил он. — Вам ничего не говорит эта фамилия? Я думал, Елизарьев вам рассказал. Это он подал мне мысль о встрече с ними.

Ивана Поликарповича Старовойтова отличал хороший творческий огонёк. Это был человек редкой пытливости, пристального внимания к новому в общественной жизни, в судебной практике — человек постоянного творческого беспокойства... Старовойтов родился на Байкале, в посёлке Лиственничном, был рыбаком, позже — путейским рабочим на станции Маритуй, ещё позже — шахтёром-забойщиком в Черемхово. В советский вуз он пришёл после нескольких лет упорного самообразования. Юридический институт окончил уже немолодым человеком — тридцати шести лет. Сначала работал следователем, потом народным судьёй. Работал неровно, ошибался. Но спустя несколько лет стал образцом для многих из нас.

Помню, одно время в его участок поступало особенно много жалоб на неуплату алиментов. Старовойтов подобрал необходимые факты и цифры и направился в райком партии. Он пришёл с предложениями. И на другой день была начата широкая проверка деятельности отделов бухгалтерии, охватившая 16 предприятий и учреждений. Виновные в волоките при выдаче матерям алиментных сумм были наказаны, задолженность по алиментам погашена, а число жалоб в суде уменьшилось... на девяносто восемь процентов...

Старовойтов глядел вперёд, но любил оглянуться и на прошлое: разыскательно, не щадя себя ни за какие свои промахи и упущения, не раз изучал уже рассмотренные дела, обобщал результаты своей судебной практики, изучал обстоятельства, которые в какой-то мере способствовали совершению отдельных преступлений, сигнализировал о них руководителям предприятий, в советские и партийные органы. Он умел прислушиваться к товарищеской критике и не гнушался ничьим советом.

Когда Старовойтов упомянул фамилию Андреевых, я вспомнил, что накануне слышал, как Елизарьев говорил с ним по телефону.

— Значит, они поссорились 16 июля? — спрашивал Елизарьев, перелистывая странички настольного календаря. — А когда она пришла к вам с иском о расторжении брака?.. Уже на следующий день? Ещё один вопрос: назначено ли дело к слушанию? Так скоро? Вот что, Иван Поликарпович. Мне кажется, ты поспешил. Сначала она сама лишила себя возможности осмыслить серьёзное событие, которое произошло в её жизни, и, не остыв сердцем, сгоряча бухнула в суд заявление. А теперь ты лишаешь её этой возможности... Для чего тебе нужно это «скорей»... Что? Волокита? Нет, недельная «волокита» по этому делу — не волокита, а умная сердечность и теплота... Хорошо, что согласен... Каков мой совет? Я думаю, что в порядке досудебной подготовки тебе следует по-

говорить и с истицей, и с ответчиком. Потребуй от неё доказательств иска, разберись, истинные ли это мотивы, и если истинные, то их надо примирить... Сложная, говоришь, штука?.. Когда сталкиваются две жизни — это всегда сложно...

Положив трубку, Елизарьев неожиданно спросил меня:

— Помните, что писал Ленин о браке в своих письмах к Иннесе Арманд?.. Можно ли, скажите, сломать свою жизнь вот так, как ненужную щепку? — Он сделал движение, будто сломал что-то. — И потому лишь, что любимый человек оступился, — сломать сразу же, после первой семейной ссоры?.. Молодые люди иногда забывают, что брак — дело общественное¹.

...Я сел читать бумаги, за которыми пришёл к Старовойтову. Через полуоткрытую дверь видна была только часть его кабинета — высокий стеклянный шкаф с книгами, два кресла, пёстрая дорожка.

Андреева вошла в кабинет Старовойтова и села так, что оказалась вполоборота ко мне. Весь её облик — лицо, причёска, скромная и гладкая, с тяжёлым узлом белокурых волос на затылке, поза, в которой она сидела сейчас, — всё выражало грустную сосредоточенность, строгость.

Старовойтова мне не было видно — стол его стоял в глубине кабинета.

— Варвара Николаевна? Так, кажется... — не совсем спокойно прозвучал его голос.

— Да, Варвара Николаевна...

— Так вот, Варвара Николаевна... — Старовойтов зашуршал бумагой. — Несколько дней назад вы принесли нам исковое заявление... Вы просили в нём...

— И просила, и прошу... — несколько громче, чем прежде, сказала Андреева и тут же опустила голову.

— Вы просили, — продолжал судья, — о расторжении вашего брака с Андреевым. Я внимательно прочитал это ваше заявление и должен сказать, что оно мне кажется ошибкой...

— Нет... Это не ошибка. Это единственный... это последний... — Она помолчала. — Последний для меня выход.

Лицо её вспыхнуло, стало совсем юным, девичьим, исчезла строгая, твёрдая складка губ, и вся она вдруг стала другой, неожиданно беспомощной.

— Мне так неудобно... в этой официальной комнате...

В глубине кабинета послышались грузные шаги Старовойтова, было слышно, как он вышел из-за стола, и тогда же я увидел его: он подошёл к Андреевой и неловко и медленно опустился рядом с ней в кресло.

— Давайте разберёмся, Варвара Николаевна... Посидим, подумаем... Я закурю, с вашего разрешения... — Он чиркнул спичкой, но почему-то не закурил, спичка сгорела в его пальцах. — Скажите, Варвара Николаевна, — это очень важно, то, что вы сейчас скажете, — скажите: истинную ли причину вы назвали в своём заявлении... Или это всего лишь повод? Второстепенный, незначительный, но по каким-то соображениям объявляемый вами причиной? Правда ли то, что сказано в вашем заявлении?.. Это ли побуждает вас просить о расторжении брака?

¹ Ленинские идеи, положенные в основу советского брачно-семейного права, нашли своё выражение и в законах стран народной демократии. В Чехословацкой конституции, например сказано: «Государство заботится о том, чтобы семья стала здоровой основой развития народа», в Румынской — «Брак и семья пользуются защитой государства», в Болгарской — «Брак и семья находятся под покровительством государства» и т. д. Законы этих стран устанавливают и охраняют свободу и добровольность брака, единобрачие, равноправие женщины в семье, всесторонне заботятся о правах и интересах детей.

— Да, правда. Причина только одна. Эта...

Старовойтов поднялся и пошёл на своё место.

— А если я попрошу вас подробнее рассказать мне всю эту историю? Как можно подробнее... — спросил он из-за стола.

— Это так трудно...

— Но так нужно для вас. — Иван Поликарпович помедлил. — Для вас обоих — он подчеркнул последнее слово.

Вот история этой семейной пары.

Варенька Славянинова познакомилась с Андреевым задолго до замужества. Они оба учились в железнодорожном техникуме, Андреев был на курс старше её. В первые годы их ничто не сближало, и дружбу они вели с разными людьми. Дмитрий Андреев жил в общежитии, Варенька — в родительском доме. Она была младшей, кстати, любимой и избалованной дочерью известного в городе хирурга.

Увлечением Дмитрия был спорт: коньки, бокс, велосипед, позже — туристские походы. Варенька порхала от одного увлечения к другому: то бредила музыкой, то посещала кружок начинающих писателей, то принималась ходить на вслейбольную площадку или в театральную студию. Её усиленно опекали родственницы — женщины праздные и обеспеченные, восторгавшиеся прелестной девушкой и пророчившие ей «уйму поклонников».

К счастью, были у Вареньки и хорошие, настоящие друзья, друзья по комсомолу. Через них она и сблизилась с Андреевым. После года их дружбы она сменила свою девичью фамилию на фамилию Дмитрия Андреева.

Андреевы поселились отдельно от Варенькиных родителей. Окончив техникум, оба они переехали в другой город. Дмитрий работал в железнодорожном депо, мастером, Варенька — дежурным по станции. Когда родился сын, Варенька с головой ушла в домашние заботы и незаметно для себя отдалась от общественных дел, от комсомола.

Мелкие размолвки между супругами случались и раньше. В Вареньке начали проявляться некоторые дурные качества — результаты плохого воспитания, но внешне семейная жизнь Андреевых протекала вполне счастливо. Разрыв произошёл совершенно неожиданно.

Однажды, проходя по улице, Андреевы стали свидетелями отвратительной сцены: хорошо одетый мужчина, выкрикивая ругательства, бил женщину. Не колеблясь ни минуты, Андреев бросился было на помощь к женщине, но в тот же миг Варенька уцепилась за него, стараясь удержать.

— Варя, пусти, — крикнул Андреев. — Ведь он её бьёт...

Он рванулся, но жена только сильнее вцепилась в его рубашку.

— Не надо, Митя... Зачем это тебе? Вон милиционер уже бежит... — прерывающимся голосом уговаривала она.

И тогда он, возмущённый поведением жены, с силой оттолкнул её от себя и бросил ей в лицо грубое, обидное слово...

Варенька вернулась домой одна. На другой день она подала заявление о разводе.

— И это всё, что вы кладёте в основание вашего нека? — услышал я голос Старовойтова, когда Андреева закончила свой рассказ. — Достаточно ли эти мотивы, чтобы совершить такой серьёзный поворот в жизни?.. — Подумав, он добавил: — И в вашей жизни, и в жизни вашего мужа...

— Разве этого мало? — В голосе Андреевой зазвучало недоумение и обида. — Я объяснила вам всё... по порядку... Я пришла в суд потому, что он тяжело обидел меня... Он оскорбил меня... Когда он закричал,

все повернулись к нам. И уже никто не смотрел на скандал — все смотрели только на нас. Это было очень оскорбительно... Он никогда и никого не ругал. Он ко всем добр, он только одну меня посмел... он только меня одну ненавидит... Нас соединяет теперь только бумага...

Я слушал и думал: сколько ума, такта, сердечности, опыта, долготерпения требует от судьи любое бракоразводное дело.

Ведь тот, кто просит о разводе, не всегда говорит об истинной причине, а судья должен увидеть её, отбросив второстепенные, иногда мнимые, ложные мотивы, доказательства.

Я слушал Вареньку, и мне казалось сначала, что она просто не хочет сказать всего, что-то утаивает, но потом это впечатление стало исчезать.

С нетерпением ждал я прихода мужа Вареньки. Наконец Андреев пришёл. Он сел где-то у дверей, и поэтому я его так и не увидел до конца разговора.

— Вы знаете, что ваша жена обратилась в суд с иском о расторжении брака? — спросил его Старовойтов.

— Да.

— И знаете, по каким основаниям?

— Догадываюсь.

— Дело назначено слушанием на шестнадцатое июля. Имеете ли ходатайства?

— Решительно никаких.

В голосе Андреева звучала гордая непокорность, неуступчивость, нетерпение. Казалось, он хотел сказать: «Не теряйте времени, товарищ судья, дело решённое!»

— Почему вы не заявляете ходатайств?

— Потому что расторжение брака, если оно состоится, я буду считать правильным. Это подтвердит то, что уже произошло.

— Вы комсомолец?

— Да.

— Член партии?

— Кандидат.

— Советовались с кем-нибудь по этому вопросу?

— Не вижу необходимости.

— Вот как! А раньше, перед вступлением в брачный союз?

— Что, это уже суд? — резко бросил в ответ Андреев. — Я прошу отпустить меня. Никаких просьб у меня нет, кроме одной. Если хотите, я могу повторить её.

Старовойтов промолчал. Он почувствовал, видимо, неверность взятого им тона — официального если не сухого — и постарался исправить положение.

— У вас нет вопросов к жене? — спросил он через минуку и, не дождавшись ответа, заговорил тихо, словно бы в раздумье. — Слишком легко вы, Дмитрий Иванович, ломаете то хорошее, что с радостным, счастливым сердцем создавали и строили... Я плохо помню... как это сказано... «...Всё будет: слякоть и пороша, ведь вместе надо жизнь прожить».

— Я не знал, что судьи цитируют стихи.

— Теперь будете знать... Цитируют...

Пока шёл этот разговор, Варвара Николаевна сидела безмолвно. Но когда судья сказал Андрееву: «Подумайте и вернитесь, ведь это самое правильное», она порывисто поднялась с кресла:

— Не надо. Не уговаривайте его... Я прошу вас. — Голос её звучал просяще и вместе с тем твёрдо и решительно.

Иногда говорят, что самые трудные судебные дела — те, в решении которых закон предоставляет суду широкие пределы. «От года до десяти лет заключения в исправительно-трудовых лагерях». На чём, спрашивается, остановиться?

Но правильно ли, что самые трудные дела — именно такие?

Решая бракоразводное дело, народный суд ограничен узкой задачей. Его вывод может быть только одним из двух: или он подтверждает состоявшееся в суде примирение супругов или, напротив, констатирует, что примирение не состоялось. Третьего решения нет. И основная обязанность народных судей, как указано в одном из постановлений Пленума Верховного Суда СССР, «заключается в установлении мотивов развода и в принятии мер к примирению супругов». Окончательное решение о разводе может вынести лишь вышестоящий суд.

Но всё это отнюдь не облегчает задачи народного суда, а наоборот, делает её сложнее, ответственней.

Возвращаясь домой от Старовойтова, я всё время думал о судебном деле Андреевых, трудном и сложном, которое вряд ли можно было разрешить по старым шаблонам.

И муж и жена просят об одном: о расторжении их супружеского союза. Собственно, супружеского союза уже нет. Между ними возникли и установились новые отношения, отношения фактического разрыва, они не живут вместе, брак расторгнут де-факто. И вот оба они просят, чтобы эти их новые отношения — де-факто, стали бы узаконенными, стали бы отношениями де-юре. Представляется как будто бы естественным, что если обе стороны по гражданскому делу просят суд об одном и том же, то надо решить дело так, как они этого просят.

Но здесь такое решение, казалось мне, было бы ошибкой.

«Чтобы правильно решить такое дело, — думал я, — надо видеть дальше супругов, надо видеть их в будущем, причём одного и другого в отдельности, и видеть их, какими они будут и в случае расторжения брака и в случае отказа в его расторжении. Но всегда ли это возможно?».

Ни один судья не в состоянии воспринять супружеский конфликт с такой остротой, как сами супруги. Но нет ли в этом хорршей стороны? Есть! И она заключается в том, что судья избавлен от преувеличенной оценки теневых сторон события, он не в плену субъективного, он свободен, трезв, на него не влияет психическая травма супругов, и поэтому воссоздаваемая судом картина объективно верна.

Я огорчился за Андреевых, но верил в хороший исход всей этой истории.

На следующий день я застал Старовойтова у Елизарьева. Он сидел на подоконнике, в расстёгнутой украинской рубашке, хмурый, обескураженный.

— Вот смотрите, — кивнул Елизарьев в сторону Старовойтова. — Не хочет он признавать ошибок. — И пояснил: — Я вижу в деле о разводе Андреевых две ошибки. Первая — моя. Я посоветовал Ивану Поликарповичу пригласить сразу обоих супругов. Это, конечно, ляпсус. Вторая ошибка — его. Он не так, как надо, беседовал с Андреевым...

— Э, да что там... — Старовойтов встал с подоконника и возбуждённо прошёлся по кабинету. — Разговор, действительно, сложился не так, но что касается одновременного вызова...

— Не спорь, не спорь, Иван Поликарпович... Мы не учли одной важной особенности этого дела. Ведь здесь и с одной, и с другой стороны — оскорблённые чувства. Андреевы, сохраняя друг к другу привязанность,

переживали и переживают обиду, горечь, разочарование, и, конечно же, оба чувствуют себя оскорблёнными. И каждый считает себя правым. Ясно, что Андреев явился к тебе весь в колючках, словно ошетилившийся ёж... И его и её раны ещё свежи, их примирению мешают преувеличенная гордость, а также и те, другие чувства, о которых я уже сказал. Согласись, Иван Поликарпович, что все слова и все жесты Андреева, которыми он выражал во время беседы своё отношение к браку, были обращены не только к тебе, а прежде всего к ней, к жене. Хотя отзвучал он на твои вопросы, но делал это не для тебя, а для неё. Он продолжал свой спор с её эгоизмом... — Елизарьев замолк и, поднявшись со стула, заговорил тише, сдержаннее. — Я согласен, Иван Поликарпович, что дело ещё поправимо. Надо настроить Андреева на раздумье. А это можно сделать лишь с глазу на глаз. И мне кажется, что говорить с ним должен теперь не ты и вообще не судебный работник, а кто-то другой, человек очень близкий ему. С этого, пожалуй, и следовало бы начинать... — Елизарьев повернулся в мою сторону: — Ну, а как вы думаете?.. Садитесь. Будем советоваться.

«Совет» длился около часа.

Говорили о многом. Старовойтов рассказал об одной любопытной подробности, которой я не мог заметить со своего места.

— Уходя, — рассказал он, — Андреева нечаянно обронила пакетик с фотографиями. Карточки рассыпались по полу, и она, смущённая, стала подбирать их. Муж в это время уже уходил, был у самых дверей. Но когда он увидел, что жена что-то собирает, он вдруг остановился — и как он глядел на эти карточки!.. На карточке мальчик — их сын. Андреев стоял, не двигаясь, пока она не собрала все фото. И я подумал, что эта его привязанность, может быть, и есть то главное, что вернёт его к семье... Именно её и надо использовать для примирения. Как главное, я хочу сказать...

Елизарьев не согласился с точкой зрения Старовойтова.

— Нет, Иван Поликарпович, ты не прав. Если вернуться в семью его заставит только любовь к сыну, то совместная жизнь Андреевых возобновится ненадолго. Главное — в нём, в Дмитрии. Надо убедить его, что Варенька-то, в сущности, хороший человек, что её недостатки исправимы, причём исправимы с его помощью, и не грубостью, а вниманием, уважением... А привязанность к сыну — это лишь наш союзник...

В конце концов, мы пришли к общему решению: о предстоящем процессе и о подробностях самого дела проинформировать партком железнодорожного депо, где работал Андреев. Посоветоваться там и им кое-что посоветовать.

— Пусть пошлют к Андрееву хорошего товарища, — заключил Елизарьев, — партийного или беспартийного, всё равно. Но такого, которого Андреев уважает. И попросите этого человека, пусть он пойдёт к Андрееву и поговорит с ним по-настоящему, по-отцовски, и пусть скажет ему то, что найдёт нужным. Важно, чтобы этот человек обладал непрекаемым моральным авторитетом в глазах Андреева и чтобы он хотел, сердечно хотел помочь Андрееву...

Сразу после этого Старовойтов поехал в партком железнодорожного депо.

— Может, на суде побываете? — предложил мне Елизарьев.

На суде Варенька подтвердила, что она, как и прежде, просит о расторжении брака.

— А что скажете вы? — обратился Старовойтов к её мужу.

— Пока я не могу сказать вам ничего определённого. Я не могу ни

примириться, ни отказать в примирении... Я должен узнать сначала, как смотрит... — Он запнулся, не зная, как назвать Вареньку. — Как смотрит моя жена на свою роль в нашей ссоре. Я осуждаю себя за грубость, но я не уверен, осуждает ли она себя за мещанство, за эгоизм...

— Скажите, а вы не видите этого эгоизма и в своих поступках? — спросил Старовойтов. — И, в частности, в том, что вы немедленно порываете с человеком, который нуждается в вашей поддержке? Ведь тот, кто бросает тонущего в реке, — я здесь сильно утрирую, — тот не очень-то может укорять в эгоизме других.

— Я прошу вас раньше поставить мой вопрос перед... — Андреев снова запнулся, — перед истицей. О себе я скажу позже.

Варенька поднялась.

— Я... я... — её душило волнение, и она замолкла, не отрывая от судей тревожного взгляда.

— Ну хорошо, успокойтесь... — сказал Старовойтов. — Я уверен, истица и сама поймёт, что желание удержать мужа от хорошего поступка и тем оставить без защиты избиваемую женщину, только бы не повредить себе, своему благополучию, — это плохо, это чуждо нашим людям... Что ещё скажете, Андреев?

— Я... У меня... — нерешительно заговорил Андреев. — Я прошу отложить дело. Я хочу сам поговорить со своей женой.

— Вы не возражаете? — спросил судья молодую женщину и, не получив ответа, — Андреева всё ещё не могла прийти в себя, — стал совещаться с заседателями.

— Дело слушанием откладывается, — объявил он.

Прошла неделя. Я сидел вечером в кабинете Старовойтова, когда на столе у него зазвонил телефон.

Утомлённый процессом по очень сложному делу, длившимся шесть дней, Старовойтов вяло, с неохотой поднял телефонную трубку.

-- Слушаю. Кто говорит? — спросил он угрюмо. — Какая Андреева? Вы, матушка, наверно, не туда... Суд это... Да, да, Старовойтов... Как? — Старовойтов неожиданно оживился. — Ну, ну, рассказывайте, слушаю... Так, так... Поздравляю, голубушка Варвара Николаевна, от души поздравляю!..

Разговор был довольно долгим. Наконец, положив трубку, Старовойтов поднял на меня весёлые глаза.

— Хорошо!

— Что хорошо, Иван Поликарпович?

— Да живут они снова вместе — вот что! Андреевы — ну, помните?

«Проигранное» дело

Как-то, возвращаясь в Новосибирск из Белокурихи — известного сибирского курорта, — я случайно разговорился с одним юрисконсультom, своим спутником по автобусу.

— Как это ни странно, — говорил он, — но в нашей среде — в среде юристов, адвокатов, а иногда и в среде хозяйственников можно ещё услышать дикое выражение: «выиграл дело», «выиграл иск», или наоборот: «проиграл дело», «проиграл иск»... Признаюсь: меня это крылатое выражение обижает. «Выиграл!»... Что это — на ипподроме или за карточным столом? Хотите, я расскажу вам, как я однажды «выиграл», — он подчеркнул это слово иронической интонацией, — одно очень принципиальное дело?

Приведу его рассказ. Дело было действительно принципиальное. И председательствовал по нему, как потом выяснилось, Елизарьев.

— Это было совсем недавно, — рассказывал мой спутник. — Утром, примерно в десятом часу, звонят нам из народного суда, просят позвать к телефону юрисконсульта. Ну, я подхожу. «Пётр Петрович, вы не забыли, что завтра слушается одно ваше дело?» — «Помилуйте, отвечаю, помню превосходно». А секретарь продолжает: «Мне поручено передать вам одну очень важную просьбу. Когда пойдёте к нам, захватите для народного судьи две металлические детали, первая — «один ка эс эн», вторая — «один шесть ка восемь». Слышите?» — «Слышу», — отвечаю, но сам — в полном недсумении: зачем эти металлические детали вдруг понадобились народному судье?

Дело, по которому мне предстояло выступить, было чрезвычайно простым... Ларионов, директор нашего предприятия, имея указания из Москвы о сокращении управленческого аппарата на одну штатную единицу, уволил инженера Бурова, работавшего в плансвом отделе. И вот Буров судился с нами, утверждая, что его увольнение необоснованно. При чём же, спрашивается, металлические детали «один ка эс эн» и «один шесть ка восемь», тем паче, что Буров не имел к ним никакого отношения?

Я отправился к Ларионову. Доложил, что завтра предстоит рассмотрение дела по иску инженера Бурова, и тут же добавил, что народный судья почему-то интересуется в связи с этим двумя металлическими деталями, которые и просит доставить в суд.

— Какие ж это детали? — хмуро спрашивает директор.

Достаю из кармана записную книжку и называю номера.

Я не видел лица Ларионова, когда называл ему детали, — я глядел в записную книжку, — но, подняв глаза, заметил, что он смущён и даже растерян.

Несмотря на это, он заявил мне очень твёрдо:

— Вы должны непременно выиграть это дело. Можете проиграть все остальные, которые у вас есть сейчас, но это должны выиграть во что бы то ни стало. А детали что же? Выпишите их со склада и захватите...

В народном суде меня ожидали новые сюрпризы. Секретарь суда, девушка, которой я передал требуемые детали, предварительно упаковав их в газету, шепнула мне, что дело по иску Бурова будет слушать не народный суд, а областной; по её словам, он принял это дело к своему производству в удовлетворение просьбы нашего народного судьи. Вотных, на стороне истца будет выступать прокурор, считающий истца правым.

Вы ведь хорошо знаете, что возможность такого участия вытекает из статьи 2 Гражданского Процессуального Кодекса, в которой сказано, что прокурор вправе вступить в дело в любой стадии процесса, если... — вот то, что пойдёт дальше, надо подчеркнуть красным карандашом — если этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс.

Я не случайно цитирую вам эти слова.

Прокурор решил выступить на стороне Бурова, а не на стороне машиностроительного завода. И таким образом, одним этим фактом он как бы сказал, на чьей стороне государство, его интересы, а где нарушение этих интересов, поправление их. Разумеется, это ещё не означало, что прокурор в ходе процесса не может изменить свою позицию или что суд обязательно согласится с ним. Но, зная прокурора Прохорова, я понимал, что этот чутко и тонко мыслящий человек, к тому же очень загруженный текущими делами, не станет хлопотать попусту и не вступит в дело по зыбким, шатким основаниям.

И я сделал для себя вывод: следовательно, я ещё не знаю всего, что по этому делу знать надо бы.

Началось заседание. И началось тоже с сюрприза. Исковое заявление Бурова, подшитое в папку судебного дела, было очень кратким: он считал, что уволен неправильно, далее следовали два-три малоубедительных мотива — и в завершение просьба: «Прошу восстановить на работе». Идя на суд, я получил копию предписания из Москвы: сократить одну штатную единицу, копию ларионовского приказа и ещё две каких-то бумажки. Вот и всё, что служило для меня материалом, рисовавшим картину увольнения Бурова. Надо ли говорить, что картина эта не очень-то поражала богатством красок.

Игнатий Буров, работник заводоуправления, по иску которого суд рассматривал дело, был хороший парень. Мне нравились в нём острота и творческое беспокойство ума, рассудительность, энергия, трудолюбие и, наконец, главное: его искренность — искренность в большом и малом. Словом, интуитивно я был на его стороне.

То, что я услышал на суде из уст Бурова, встревожило и удивило меня.

Оказалось, что накануне из аппарата нашего заводоуправления был уволен Быховский, сотрудник планового отдела, только неделю назад назначенный вместо Бурова, на его должность. Что же получается? Сначала увольняют Бурова — якобы по сокращению штатов, а потом с этой же должности увольняют Быховского, и увольняют его, как это видно из приказа, за проступки, которые он совершил ещё до того, как был назначен в плановый отдел. Значит, увольняя Бурова, директор уже знал, что Быховский — кандидатура временная, что он тоже будет уволен и, следовательно, директор задерживал его увольнение лишь для того, чтобы вышвырнуть Бурова.

— И я спрашиваю, — говорил Буров на суде, — почему же, получив указание Москвы сократить одного работника, Ларионов уволил именно меня? Я спрашиваю: почему это так? Потому, что уволен я не из-за того, что вдруг стал плохим работником, а за критику.

— В чей адрес? — спросил председательствующий на суде Елизарьев.

— В адрес директора завода.

— Может, расскажете тогда вкратце, за какую именно критику?

Буров ответил не сразу.

— Я хотел бы это сказать в лицо Ларионову...

Прокурор поддержал эту просьбу, и, по его ходатайству, суд решил вызвать на заседание Ларионова. Был объявлен перерыв.

На улице шёл сильный дождь.

«Не придёт Ларионов, — решил я, — его и в хорошую погоду из кабинета не вытащишь».

Но я очень хотел, конечно, чтобы он пришёл.

Я уже не видел ни малейших оснований к отказу Бурову в его иске о восстановлении на работе. Больше того: я был возмущён поведением Ларионова, и совсем побуждала меня признать этот иск. Но мог ли я это сделать? К сожалению, нет. Я был связан прямой, категорической директивой Ларионова: «Проиграйте все дела, но это надо выиграть!»

Оставалось ждать Ларионова: пусть сам отстаивает свою линию! Однако время шло, а ни Ларионов, ни другие представители предприятия не появлялись, и я решил отвести себя как представителя ответной стороны по этому делу, позвонив об этом в заводоуправление. На мой звонок отозвался коммерческий директор. Он почему-то довольно спокойно принял мою «отставку» и обещал тотчас же «передать портфель» другому.

И вот примерно через полчаса в судебный зал явился Матушкин, ответисполнитель одного из отделов заводууправления, великий службист и великий умелец находить тайную тропу к самому чёрствому начальническому сердцу. Он должен был выступить вместо меня.

Процесс возобновился. Я остался в зале. Нетрудно понять, что я был захвачен перипетиями этого процесса: это была моя первая самопроизвольная «отставка» за долгие годы работы юрисконсультom.

Моё предположение, что Ларионова не вытасят из кабинета, оказалось ошибочным. Правда, пришлось воздействовать на него через райком партии, но в конце концов в суд он явился. Я опускаю всякие мелкие подробности и перехожу прямо к речи Бурова — той, которую он хотел произнести в лицо Ларионову, и произнёс. Начал он с того, что директор, по его мнению, не видит в себе недостатков, не прислушивается к людям и что успехи и недостатки завода он измеряет не государственными, а личными масштабами: «узко и криво». Когда Буров закончил, председатель попросил его сообщить суду конкретные факты, на которые он опирается, добавив, что общие выводы суд сделает сам.

Буров перешёл к фактам.

Факт первый... В многотиражке завода была напечатана басня под названием «Крот-перестраховщик». Басню написал он, Буров, но своей фамилии под ней не поставил. Художник нарисовал к этой басне хорошую карикатуру, и, видимо, поэтому у витрины сразу же собрался народ, и сразу же в толпе стали называть имя Ларионова. В тот же день Ларионов при встрече с Буровым ясно дал ему понять, что он знает, кто автор басни, и не потерпит подобной критики.

Второй факт... Примерно через месяц он, Буров, выступил с критикой руководства на производственном совещании. В своём выступлении он заявил, что радоваться выполнению плана заводом наивно, ибо план явно преуменьшен. При этом он привёл такие данные. В октябре прошлого года на общезаводском стахановском слёте было сделано много очень ценных, деловых предложений. Использование этих предложений открыло бы перед заводом большие производственные возможности. Ларионов жал стахановцам руки, обещал поддержать их начин, но слёт закрылся, и о всех предложениях забыли. В своём выступлении на производственном совещании Буров поднял также вопрос об антигосударственной практике. Он рассказал о нескольких случаях, когда по распоряжению Ларионова завод забивал свои складские помещения такими деталями, в которых никакой нужды не испытывали. Ларионов, присутствовавший на совещании, не ответил на эту критику. Но на другой или третий день, зайдя в плановый отдел, директор, нарочно громко, чтобы Буров услышал, заявил: «Существует критика, и существует крик. Критика помогает делу, а крик только портит людям кровь, а дело губит». После этого начальник планового отдела сказал Бурову: «Плохи ваши дела — директор готов съесть вас с костями!».

Ларионов несколько раз прерывал речь Бурова, выкрикивая с места: — Демагогия! Ложь!

В конце концов, Елизарьев вынужден был сделать ему строгое предупреждение.

После второго короткого перерыва директору завода задавал вопросы прокурор.

— Остаются ли сейчас — после того, как суд допросил всех свидетелей и подробно разобрал дело, — остаются ли сейчас в силе указания, которые были даны сначала юрисконсульту: не признавать заявленного Буровым иска?

— Да, остаются, — подтвердил Ларионов.

— Считает ли Ларионов критику Бурова правильной?

— Частично да.

— Хорошо. Попробуем теперь разговаривать с помощью наглядных пособий. — И прокурор, раскрыв портфель, извлёк из него две металлические детали. Они выглядели, как слон и моська. Одна из них была велика и довольно примитивна по устройству, другая — мала и сложна.

— Для бесперебойной работы вашего предприятия вам крайне нужна вот эта малютка. — прокурор подбросил на ладони маленькую деталь. — А завод металлоконструкций предлагает вам вот эту. — Он постучал по большой детали. — И хотя вы не испытываете в ней нужды, вы её берёте. Зачем? Впрок! Так ведь?

Ларионов молчал.

— Что ж, подведём итоги. Вы завалили складские помещения вот этой тяжёлой деталью, и в тоннах имеется сейчас металла больше, чем вам нужно для программы. Но вот февральского плана вы не выполнили. Тут, конечно, много причин, однако в их числе — и отсутствие нужной вам дозарезу вот этой детали-малютки... Заводу металлоконструкций выгоднее, разумеется, делать большую и примитивную деталь, чем маленькую и сложную. Своей нетребовательностью вы поощряете этот завод к выполнению плана только по тоннажу, а не по ассортименту... И смотрите, что получилось: вы не справились с заданием потому, что ваши склады завалены вот этой громоздкой деталью, а где-то и кто-то не выполнил своего плана из-за её отсутствия. Я думаю, это понятно. Не так ли, Ларионов?..

...Я не буду говорить о судебном решении относительно увольнения Бурова. Оно было именно таким, каким должно было быть. Я лишь скажу о частном определении... Частное определение обычно выносится не по главному, а по второстепенному вопросу. Главным вопросом в данном деле был вопрос об увольнении инженера Бурова с работы. Но ходом вещей центр тяжести переместился на другие вопросы. И вот частное определение суда прозвучало в данном случае куда более значительно, чем основное судебное решение. Суд определил: за очевидный зажим критики и за антигосударственное отношение к делам предприятия привлечь директора завода Ларионова к уголовной ответственности.

— Так я «проиграл» это дело, — закончил свой рассказ мой спутник по автобусу. — В соответственной графе моего статистического отчёта о работе в качестве юрисконсульта мне бы надо было поставить теперь единичку «проигрыша». Но вы понимаете, какая это нелепость?! Впрочем, нелепостью является и это выражение: «проиграл дело», «выиграл дело»...

О шелухе и плесени

На одном партийном собрании во время перерыва мы заговорили о психологии судьи.

Я рассказал такой случай. Мне довелось как-то председательствовать по делу ёсмового возчика, обвинявшегося в хулиганстве... Этаким богатырь: могучие плечи, голова чуть ли не с самовар, кулаки — пудовые гири. Под изрядным хмельком этот дядя вломился в чужую квартиру, предварительно сняв с петель дубовые парадные двери. Легонько, одним прикосновением плеча, он опрокинул стоявший в коридоре громадный ушат с водой и, приشلёпывая по луже, побрёл внутрь квартиры. Квартирохозяину — часовщику из какой-то артели, и его супруге, с недоумением выглядывавшим из дверей, он дал несколько крепких тумачков, как бы в назидание и за их праздное любопытство, и, вступив в жилые комнаты, стал поворачиваться там, как слон в посудном магазине. Через пять

минут всё валялось на полу переломанное: шкафы, трюмо, тумбочки, а в открытое окно летел на улицу гусиный пух из семейной перины. При задержании хулиган обезоружил милиционера, выскочил на улицу, стал срыгивать с женщин шляпки и береты... А на суде вдруг расплакался. В просторной парусиновой рубаше, без пояса, в широких прищипованных шароварах, тихий и скромный, он стоял перед судьями с видом провинившегося ребёнка и тёр глаза кулаками.

В совещательной комнате столкнулись два мнения: один заседатель — старый пензионер — предлагал лишить хулигана свободы на пять лет, другой, заседатель, тронутый раскаянием преступника, настаивал на исправительно-трудовых работах. Я тоже был взволнован. Раскаяние хулигана казалось мне сердечным, искренним. Словом, после недолгого, хотя и горячего совещания, мы решили наказать подсудимого лишением свободы на два года.

А финал был таков: когда я огласил приговор, лицо осуждённого вдруг просветлело, и, обращаясь ко мне, он грубо спросил, — даже не спросил, а крикнул: «Сколько, говоришь? Пару лет?.. Правильно, граждане судьи! — и с нескрываемым ликованием хмыкнул, хлопнув себя ладонями по ляжкам. — Мне эти два года, как к теще на блины съездить! А ты... — он повернулся к стоявшему у окна часовщику, — ты, часовой механизм, теперь жди; я тебе ещё не одну перину вытряхну!..»

Эта перемена в нём произошла так внезапно, что судьи растерялись.

— Вот вам и психология, — заключил я. — Приговор оказался мягким, а суд едва ли не стал посмешищем..

— А вы, дорогой, побольше контролируйте свои чувства и потрезвей оценивайте факты, — строго сказал кто-то и тут же спросил у стоявшего поодаль Елизарьева: — Так ведь, Николай Александрович?

Елизарьев улыбнулся:

— А есть ли нужда в моих подтверждениях... Признаться, и у меня была подобная оплошность. Впечатление о подсудимом, полученное в суде, однажды одержало верх над впечатлением о том, что он сделал. Ну, и последовала, конечно, ошибка... Я думаю, что в нашем деле надо помнить хороший совет Дзержинского: имейте горячее сердце и холодный разум. А вот когда и то, и другое горячее — это уже худо. Раскаяние подсудимого смягчает вину, но ведь в нём надо убедиться! И кто же нам позволит переносить в приговор свои мимолётные антипатии и симпатии? Решающим должно оставаться то, что подсудимый сделал там, на месте преступления, чем и как он повредил общему делу; лишь во-вторых мы можем рассматривать, как он огнёсся к своему преступлению впоследствии...

Перерыв истёк. На партийном собрании начались прения. Я сидел за низким столиком против Елизарьева. Он писал быстро и сосредоточенно — готовился к выступлению. Неожиданно я заметил перед собой четвертушку бумаги. На ней была написана только одна фраза: «А вы добились отмены своего мягкого приговора?» Я не сразу объяснил себе, откуда взялась эта странная записка, но, глянув на Елизарьева, улыбавшегося одними глазами, понял, что наш прерванный разговор продолжается. Я ответил: «нет» и вернул записку Елизарьеву. Он прочёл и спросил меня шёпотом:

— Зелены ещё были?

Я кивнул головой.

Да, я был тогда ещё очень зелен. Иначе — что могло бы помешать мне исправить приговор?

Ведь мы, советские судьи, не стеснены и не связаны чужой волей и чужими желаниями. Нам не надо потрафлять чужому мнению. Мы сво-

рим вслед за Добролюбовым: «Всякий кто поступает против внутреннего своего убеждения, есть жалкая дрянь и тряпка...». «Я никогда не вступал в сделку со своей совестью», — говорил мне один судья-сибиряк, посвятивший советскому правосудию долгие годы своей жизни. Мы свободны, независимы и делаем всё, чтобы хорошо рассмотреть дело. Но если судья ошибся, и если он понял потом, что произошла ошибка, — что делать?

«Просить вышестоящий суд об отмене приговора», — говорит Елизарьев. И он, конечно, прав. Это и есть сознание своего долга, это и есть деятельная самокритика — добиваться отмены приговора, вынесенного твоим разумом, сердцем, волей, скреплённого твоей подписью, как только ты убедился, что совершил ошибку.

Если же судья старается скрыть эту ошибку, упорствует в своей неправоте, с единственной целью — защитить свою непогрешимость, что это как не взгляды, отмеченные печатью старого, пережитки, предрассудки прошлого, — та самая нравственная шелуха, плесень, с которой обязан бороться советский суд, где бы она ни проявилась.

Мне вспоминается один наш разговор с Елизарьевым. Перед XI съездом ВЛКСМ комсомольцы Алтая отправили в подарок колхозам Московской области железнодорожный поезд с тракторами и радиоприёмниками. Алтай делал и дарил Москве то, что ещё так недавно получал сам.

— Ай да сибиряки-земляки! Здорово! — ликовал Елизарьев. — Вот они, коммунистические ростки в сознании людей.

· Немного погода он сказал:

— Сознайтесь, что, помогая новому, мы могли бы делать больше, чем делаем.

— Что вы хотите сказать?

— А вот что... В американском Лос-Анжелосе каждые пять минут и семь секунд совершается одно убийство. У нас к примеру в нашем городе, как и вообще во всей стране, убийство — очень редкое явление... А кражи? Жизнь становится лучше, люди становятся лучше — краж становится меньше. Преступность у нас сократилась до ничтожных цифр. Но ведь надо, чтобы её не было вовсе! А это значит — надо вести беспощадную войну с пережитками и предрассудками. Широкую, всеобщую войну, если хотите... Наши суды ведут эту войну. Но порой мы ограничиваем свою задачу воздействием только на подсудимого. А свидетели? А потерпевшие? Разве они всегда свободны от шелухи прошлого?..

— Я приведу пример — случай, который может показаться анекдотом. К бакалейному киоску подходит человек артистической внешности — в руках скрипка, — конечно, в футляре. Покупает папиросы. Закуривает. И вдруг спохватывается — забыл дома деньги. Продавец возмущён. Но покупатель рассыпается в извинениях и просит принять скрипку — в качестве залога. «Принесу деньги — вернёте». Уходя, предупреждает: скрипка редчайшая, Страдивариус, стоит тысячу рублей... Через какое-то время появляется новый покупатель: «Ах, скрипочка! Что стоит?» Продавец отвечает: «Не продажная». Но покупатель настаивает: он-де крупный скрипач — называет имя — и хотел бы... Словом, просит показать инструмент. Продавец уступает. Открыв футляр, покупатель округляет глаза от восхищения и тут же предлагает киоскёру деньги, — скажем, пять тысяч. «Продайте, прошу вас». Киоскёр — продувная бестия. Он моментально прикидывает: куплю у того за тысячу, продам этому за пять — и, сказав «да», просит настойчивого покупателя зайти за скрипкой к вечеру. Когда же является

хозяин скрипки, чтобы заплатить за папиросы, киоскёр покупает у него скрипку и ждёт вечера. Дальнейшее понятно.

— Мошенничество?

— Да. Покупатель, разумеется, не приходит... Скрипчénка оказывается бросовой, она не стоит и двадцати рублей... «Артисты» же — и первый, и второй, как устанавливает потом следствие, — мошенники, приятели, а вся эта история — ловкий трюк, игра на психологии. Вот и решайте теперь, кто же киоскёр? Потерпевший? Да, он выступает в процессуальной роли потерпевшего. Но потерпевшим-то ведь он стал только потому, что ему не удалось стать преступником! А он хотел им стать: хотел спекулировать, нажиться, комбинировал. Значит, судьи не могут просто защищать подобного потерпевшего. Наказывая мошенников, они обязаны воздействовать и на этого субъекта! Поскоблить его и почистить...

— И что же вы сделали? Речь ведь идёт о действительном деле?

— Киоскёр был привлечён к дисциплинарной ответственности... Несмотря на то, что он был «потерпевшим», он потерпел ещё раз...

Конечно, главное — подсудимый. Его роли посвящается весь процесс. Как и всегда, мы решаем судьбу этого человека, исходя из задачи: наказывать и воспитывать. Но можно ли пройти мимо пережитков старого, если они замечены за другими людьми? Ведь суд иногда сталкивается с такими фактами, когда не только подсудимый, но и свидетели, и потерпевшие, а по гражданским делам и истцы и ответчики поступают порой плохо, когда они уличаются во лжи, в стяжательстве, в желании урвать у государства, когда эти люди пренебрегают товариществом, зажимают критику, млеют от восторга перед чужой буржуазной культурой, пьянствуют, пресмыкаются перед начальством и так далее, и тому подобное... Что делать с ними? Надо их скоблить, мыть, драить! Или, допустим, другое. Вы устанавливаете обстоятельства, которые способствовали преступлению: доверчивость, отсутствие контроля, беспомощность — разве можно оставить без внимания эти факты?

— Есть у нашего суда одна драгоценная особенность, — заключает Елизарьев, — мы судим прошлое, старое, расчищаем дорогу в будущее, дорогу к коммунизму, к счастью человечества. Если там, за рубежом, в капиталистическом мире, судьи от денежного мешка тщетно пытаются рубить полные сил побеги будущего, то мы выкорчёвываем худую траву, злой татарник, острец, старые гнилые пни, ещё распространяющие порой миазмы в нашем обществе. В этом источник силы и правоты нашего народного суда.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

АНАТОЛИЙ ЗЛОБИН

★

ШАГАЮЩИЙ ГИГАНТ

В марте этого года большой коллектив советских машиностроителей — конструкторы Уралмашзавода Б. И. Сатовский, В. Р. Кубачек, Т. Е. Исаев, Д. А. Ясенов, Х. А. Винокурский, С. К. Борисов, технологи С. А. Горвалышев и А. А. Любимов, профессор Н. Г. Домбровский и ряд инженеров других заводов страны за создание конструкции шагающего экскаватора ЭШ-14/65 были удостоены Сталинской премии первой степени.

1. Начало великих работ.

Сатовский оторвался от бумаг, лежавших перед ним на столе, и, слегка прищурив глаза, спросил:

— Как по-вашему, когда начались великие стройки?

И не дожидаясь ответа, живо и горячо заговорил:

— Для меня и для наших конструкторов великие стройки начались ещё в марте 1948 года. Ещё тогда мы услышали в министерстве о предстоящей постройке сверхмощных экскаваторов, о создании целого комплекса различных новых машин. И уже тогда, ещё не зная ничего о великих стройках, мы почувствовали всю важность нашей задачи.

В самом деле, началом великих строек нередко считают даты, которыми помечены постановления Совета Министров Союза ССР о Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Это не совсем точно. Такие грандиозные строительства немислимы без большой и тщательной подготовки.

Подготовительные работы велись по всей стране задолго до этого. Советские учёные решали сотни технических задач, связанных с будущими стройками. Десятки разведывательных экспедиций работали на просторах родной страны, изучая и нанося на карты места будущих работ, разыскивая строительные материалы.

Для новых строителей требовались новые машины — множество машин, которые освободят людей от изнурительного ручного труда, в сотни раз умножат силы человека. Только вооружившись новыми мощными машинами, сумеет советский человек в небывало короткие сроки преобразить облик своей родины.

Мероприятия, о которых говорил конструктор Сатовский, были одним из этапов этой грандиозной подготовительной работы. Промышленность должна была дать народному хозяйству нашей страны новые мощные машины и механизмы: десяти- и двадцатипятитонные грузовики-самосвалы, пятидесятитонные думпкары, пятнадцатикубовые скреперы, мощные тягачи, передвижные краны, четырнадцатикубовые экскаваторы и т. д.

За этим перечнем самых разнообразных машин уже виделись контуры будущего строительства.

Там, где пока ещё гуляет вольный горячий ветер, обжигая сухую землю, где текут многоводные реки, бесцельно унося в море огромные массы энергии, — сотни опромных машин, одна больше другой, будут копать грунт и отвозить его в сторону, разравнивать берега каналов и прокладывать новые дороги, возводить поперёк могучих рек несокрушимые плотины — вот что стояло за этим перечнем.

Грандиозным стройкам нужны грандиозные машины. Именно они, великие стройки, вызвали к жизни гигантские экскаваторы, мощные землесосы и много другой техники.

Подготовка к великим стройкам велась самым широким фронтом.

В дни войны, в ходе военных операций — по мудрой смелости решений, по несокрушимой силе ударов, по предельной слаженности всего опромного фронтового механизма — мы неизменно ощущали неповторимый полководческий гений того, чьим именем назвал народ советскую военную стратегию. Так и теперь, в годы мира, — в гениальности предвидения, раскрывающего перед нами величественное будущее, в широте размаха работ, охватывающих всю страну, в продуманной до мелочей, планомерной подготовке к этим грандиозным работам — мы снова видим гений великого вождя и учителя народов, строящих коммунизм.

Это — сталинская стратегия мирного наступления на природу.

Весной 1948 года вместе с директором Уралмаша и парторгом ЦК конструктор Сатовский ехал в Москву. Четвёртым в купе был профессор Московского инженерно-строительного института Домбровский, возвращавшийся с Урала домой. Почти всю дорогу они говорили о новых экскаваторах: дадут или не дадут заводу заказ на эти машины.

— Конечно, дадут, — убеждал Сатовского парторг ЦК на Уралмаше Овсянников, — не могут не дать. Мы пойдём в министерство, пойдём в Центральный Комитет и добьёмся своего.

— Хорошо бы... — мечтательно говорил Сатовский. — Вы только подумайте, какой переворот произведут эти гигантские экскаваторы в технологии земляных работ. Возьмите хотя бы канал имени Москвы. На строительстве канала в своё время работало больше сотни экскаваторов, десятки поездов, тысячи автомашин. А девять гигантских экскаваторов без всякого другого оборудования, кроме нескольких бульдозеров, выкопали бы этот канал за то же время. Вот если бы они тогда были...

— Не тревожьтесь, Борис Иванович, — успокаивал профессор Домбровский, — были бы они сделаны, а работы для них хватит. Будем ведь и ещё каналы строить.

Уральцы приехали в Москву, будучи уверенными, что им не откажут в их просьбе. Ведь они представляли прославленный передовой коллектив советских машиностроителей.

Уралмаш занимает особое место в истории нашей промышленности. А. М. Горький в дни пуска завода в 1933 году писал в приветственном письме, что Уралмаш «явится отцом многих заводов и фабрик». Эти слова оказались пророческими.

Всего неполных два десятка лет существует Уралмаш, но по истории этого завода можно проследить историю индустриализации нашей страны. Уралмаш стал «отцом» сотен заводов и фабрик.

Уралмаш — завод, определяющий в немалой степени работу многих отраслей промышленности всего нашего государства. Например, нефтебуровые машины, выпускаемые заводом за год, могут пробурить нефтяные скважины годовой производительностью в несколько миллионов тонн нефти. Агломерационные машины с маркой Уралмаша дают стране ежегодно миллионы тонн железной и медной руды. Сто экскаваторов СЭ-3, выпускаемых заводом, добудут за год сто миллионов тонн угля, руды и других полезных ископаемых.

Уралмаш — завод, на котором рождается новая техника: больше 450 типов и видов машин выпустил завод до войны. Каждая машина проектировалась и строилась на заводе заново.

Используя опыт военных лет, Уралмаш в годы послевоенной пятилетки перешёл

к серийному производству экскаваторов, нефтебуровых установок и других машин. Серийный выпуск механизмов открыл новую страницу заводской летописи.

С каждым годом, с каждым кварталом всё лучшие машины выпускает Уралмаш, и нет предела этому совершенствованию.

Работа же над новыми гигантскими экскаваторами предвещала много интересного и заманчивого: тут было где развернуться мастерству уральских машиностроителей.

Но оказалось, что строить новые машины хотели не только одни уралмашевцы. В Москве Сатовский и его товарищи встретили представителей Ново-Краматорского завода имени Сталина, которые приехали к министру с той же просьбой.

«Конфликт» разрешился просто: уральцам поручили строить экскаватор одного типа, а новокраматорцам — другого.

В апреле министр подписал приказ, и уралмашевцы вернулись в Свердловск.

Главным инженером проекта нового экскаватора был назначен Борис Иванович Сатовский, начальник конструкторского бюро горного оборудования.

2. Несколько слов об экскаваторах.

Экскаватор — землеройная машина, механический землекоп. Название машины происходит от латинского слова — *excavare*, что означает выдалбливать.

Но «выдалбливать» землю можно по-разному. Можно копать её лопатой, можно мотыгой или тяпкой. Так же и экскаваторы, смотря по их назначению, копают землю различными способами.

Существует свыше десяти различных конструкций экскаваторов. Самые распространённые из них — экскаватор с волокушным ковшом и так называемая гусеничная лопата.

Названия этих машин сами говорят о принципе их действия. «Лопата», как и обычный инструмент того же названия, работает «от себя», а экскаватор с волокушным ковшом «на себя», подобно мотыге. Первый, вгрызаясь ковшом в породу, переносит её в сторону и затем выгружает, как правило, в транспорт. Во втором — ковш наполняется землёю, подтягиваясь канатами к машине, а затем длинная стрела экскаватора, как богатырская рука, выносит породу на несколько десятков метров в сторону и сыпает её там.

По-разному и передвигаются экскаваторы. «Лопата» движется с помощью гусеничного хода, который придаёт ей больше устойчивости, необходимой при работе.

Экскаватор с волокушным ковшом передвигается особым «механизмом шагания». С его помощью экскаватор опирается на грунт лыжами. Центр тяжести машины переносится на лыжи, основание её отрывается от земли, она перемещается на один-два метра и затем снова опускается.

Машина словно шагает по земле, подобно человеку. Отсюда и название этих машин — шагающий экскаватор.

Механизм шагания имеет ряд преимуществ перед гусеничным ходом. Большая площадь опорной пяты, на которой покоится вся машина, уменьшает давление на грунт, и даже тысячетонный шагающий экскаватор давит на квадратный сантиметр грунта примерно с такой же силой, как и стопа человека. А это позволяет экскаватору работать на самых слабых грунтах.

Кроме того, шагающий экскаватор может, стоя на месте, повернуть свои лыжи и начать двигаться в любую сторону. А пятнадцатикубовой «лопате» потребовалась бы для разворота искусственная площадка длиной в 150 метров.

Но всё это лишь чисто технические преимущества шагающего экскаватора. А есть и другие — экономические.

Трёхкубовый экскаватор-лопата, имеющий небольшую стрелу, копает канал шириной до ста метров за 26 проходов. Каждую машину при этом обслуживает 25—30 пятитонных грузовиков-самосвалов. А шагающему экскаватору грузовики не нужны. Длинная стрела заменяет собой сотни железнодорожных составов, тысячи грузовиков, и шагающие экскаваторы работают, как говорят, «в отвал», не нуждаясь в транспорте,

отвозящем грунт. И четырнадцатикубовый шагающий экскаватор, имеющий стрелу длиной в 65 метров, копает такой же канал за два прохода и перебрасывает землю на 130 метров в сторону. Экскаватор обслуживается только одним бульдозером, который разравнивает место для его опорной рамы.

Разница поразительна. Каждый кубический метр земли, вынутый трёхкубовой лопатой, обходится в два с половиной раза дороже, чем тот же кубометр, вынутый и перенесённый шагающим экскаватором.

Это, конечно, не значит, что нам не нужны трёхкубовые экскаваторы: в стране найдётся достаточно строительства, где их применение окажется как раз наиболее выгодным. И даже на великих стройках могут возникнуть такие условия, когда целесообразней будет на отдельных участках использовать небольшие машины.

Но только сверхмощные шагающие экскаваторы открывают новые возможности в методах крупных строительства.

Советские учёные и практики разработали совершенно новую технологию земляных и горных работ.

Все земляные работы, вплоть до копания небольших ям для столбов, должны выполнять машины. В нашей стране полностью исчезнет тяжёлая профессия землекопа.

Кроме того, эта технология ставит перед собой другую большую цель — освободить крупные строительства от транспорта, перевозящего грунт, и свести тем самым к нулю самую дорогую и непроизводительную статью расходов — транспортировку пустой породы. А уж если и применять транспорт, то только самые мощные машины — двадцатипяти- и сорокатонные самосвалы, пятидесятитонные думкары, пятидесятитонные электровозы.

Выполняя постановление Совета Министров, советские машиностроители взялись за создание таких машин, которые позволят поднять производительность труда каждого рабочего, занятого на механизированных земляных работах, в пять-шесть раз по сравнению с существующей технологией земляных работ.

Небывалый размах мирного строительства, в которое входят как часть и великие стройки, невозможно осуществить без полной механизации всех работ. И эта механизация должна быть проведена на самом высоком техническом уровне.

Гигантские машины должны высвободить тысячи квалифицированных рабочих; машинистов экскаваторов, шофёров, механиков. Страна получит многие миллионы рублей экономии, тысячи машин будут использованы для других целей.

Поэтому было очень важно создать новые машины как можно быстрее, к началу великих работ. Поэтому были так жесткие сроки, отпущенные на создание экскаватора. И если спросить Сатовского, что оказалось наибольшей трудностью в работе конструкторов, он ответил бы, что такой трудностью были сжатые сроки проектирования шагающего экскаватора.

3. Скоростное проектирование.

Да, сроки были предельно сжатыми. По привычке, сложившейся со времён войны, когда на решение сложнейших задач давались буквально недели, а то и дни, конструкторы завода называли их также «военными». И эти «военные» сроки были отпущены на создание самой мирной машины.

Как протекала бы работа конструкторов в обычном порядке?

Прежде всего должен быть составлен так называемый эскизный проект экскаватора. В нём определяются внешние контуры узлов, их взаимное расположение и назначение. Точных габаритов и окончательных расчётов здесь ещё нет. Всё это тщательно решается уже во время технического проектирования.

Следующий за эскизным технический проект конструкторы должны разрабатывать постепенно или, точнее, последовательно.

Сначала они составляют проект главного узла экскаватора — поворотной платформы. На эту работу уйдёт примерно с полгода.

Затем вокруг основного узла наращиваются в определённой последовательности десятки других — опорная рама, разные моторы и механизмы, устанавливаемые на платформе, механизм шагания, кузов, ковш, стрела и т. д.

На проект каждого из этих узлов требуется от одного до шести месяцев.

После технического — начинается рабочее проектирование.

Если технический проект определяет общие принципы конструкций узлов, то теперь составляются рабочие чертежи одного узла за другим. Каждая деталь, каждая шайбочка или заклёпка тщательно рассчитывается и вычерчивается, указываются способы её обработки, материал, из которого она будет изготавливаться.

Наконец, рабочие чертежи поступают в цехи...

На такое последовательное проектирование гигантского экскаватора ушло бы два, а то и три года. А на разработку проекта шагающего экскаватора было дано всего восемь месяцев. За это время конструкторам предстояло проделать сотни сложнейших расчётов, изготовить более двух тысяч чертежей.

Прежние формы работы не годились. И вот главный конструктор завода предложил смелое решение:

— Проектировать шагающий экскаватор не в одном конструкторском бюро, а в сем конструкторском коллективе Уралмаша. Вести проект не последовательно — один узел за другим, а параллельно — сразу по всем основным узлам.

Сатовский, главный инженер проекта, подхватил эту идею и в свою очередь предложил:

— Пропустить эскизный проект, сэкономить на этом несколько месяцев. Начать работу сразу с технического проекта.

Такая необычная форма скоростного проектирования органически возникла из грандиозности самой задачи и минимальных сроков, отпущенных на её выполнение.

Работа началась одновременно в пяти конструкторских бюро. Свыше ста конструкторов участвовали в создании нового экскаватора.

Экскаватор — сложнейшая машина.

Энергия электричества приводит в действие тысячетонную промаду металла. Поступая из высоковольтной линии, ток проходит через трансформаторы и другие приборы и попадает в электромоторы. Моторы начинают вращаться. Электрическая энергия превращается в механическую.

Но это лишь начало. За ним следует сложная цепь новых превращений энергии, переходов одного вида движения в другой.

Работают все механизмы машины, все её узлы. Многие узлы и металлоконструкции неподвижны, но и они участвуют в работе — преодолевают напряжения, возникающие при движении рабочих узлов, держат на себе работающие части.

Десятки узлов и механизмов самого разного назначения и свойства составляют единое целое — экскаватор. Все узлы находятся в тесном взаимодействии, все они так или иначе связаны друг с другом.

И все эти узлы и механизмы конструкторы начали проектировать одновременно, объединив вместе различные по времени этапы проекта. В таких условиях особенно большое мастерство и величайшее напряжение требовалось от руководителя проекта Сатовского и его помощников Кубачека, Исаева и Ясенева.

Каждая неточность, каждая ошибка, пропущенная в одном узле, повторилась бы в других, умножилась бы в десятки раз — и тотчас нарушила бы техническую гармонию всей конструкции. Руководителям проекта нужно было держать в поле своего зрения сотни узлов, умело и во-время сочетать их в местах соединений и стыков, не допускать ошибок и задержек в работе. Эта, как она называется на конструкторском языке, «увязка» и составляла главную трудность параллельного проектирования.

Только хорошо слаженный, сработавшийся за долгие годы коллектив мог справиться с трудностями параллельного проектирования.

Уралмашевцы являлись именно таким коллективом.

4. Проектировщики за работой.

Уралмашем называют не только сам завод, но и город, расположенный вокруг него, — один из районов Свердловска.

Пять лучей-улиц разбегаются от площади имени Первой пятилетки. Название это говорит о времени рождения города и завода.

Вдоль широких улиц тянутся высокие светлые дома, поднимаясь каменными островами в море зелени. Город неудержимо движется на пустыри, подступает вплотную к синей полоске леса — это растёт завод.

На правой стороне площади имени Первой пятилетки высится шестизэтажное серое гранитное здание. Здесь помещается заводоуправление — мозг Уралмаша.

Дальше громоздятся огромные строения цехов. Чёрные плотные тучи дыма, освещаемые снизу бапровыми отблесками мартенов, висят над заводом, глухой шум стóит в воздухе. Там, в цехах, рождаются новые советские машины.

Но шагающий экскаватор ещё не скоро попадёт в цехи. Для него ещё только добыли первую тонну руды горняки Урала. Экскаватор создаётся пока что в тишине просторных светлых зал, где за длинными рядами чертёжных столов сидят конструкторы.

Первые месяцы работы над проектом — время долгих кропотливых расчётов.

Начиная свою работу, конструкторы имели о своей машине самое общее представление. Они знали, что предполагаемый вес экскаватора 1100 тонн, длина стрелы 65 метров, объём ковша 14 кубометров и ещё пять-шесть таких же скупых данных. Это были так называемые технические условия. Исходя из них, предстояло найти сотни и сотни новых цифр, определяющих весь характер машины — мощность моторов, габариты десятков узлов, напряжения и вес тысяч деталей, условия передачи движения от одного узла к другому.

Задача, которую предстояло решить конструкторам проекта, была сходна с задачей археолога, восстанавливающего по нескольким расчленённым костям скелет и весь облик гигантского динозавра. Однако в это сравнение надо внести поправку: ведь археолог восстанавливает образец уже существовавшего некогда животного, а конструктор всё создаёт заново, или, говоря иначе, работа археолога обращена в прошлое, а работа конструктора — в будущее. Но и тот и другой строят свою работу на минимуме исходных данных.

Эта задача подобна уравнению со многими неизвестными, где на обозначение всех неизвестных нехватит бы и алфавита. Поэтому приходилось искать решения способом подстановки, делать предположения, находить через них новые данные, а потом, идя обратно, уточнять старые.

Конструкторские расчёты вообще весьма трудоёмкая вещь, но расчёты шагающего экскаватора оказались сложными необычайно. Например, только расчёт мощности моторов занял месяц. Расчёт платформы, на которой эти моторы монтируются, потребовал нескольких недель. На расчёт стрелы ушло около двух месяцев. Легко представить себе, как растянулось бы время расчётов, если бы они велись не параллельно, а последовательно.

Это было время удивительных открытий, время, когда конструкторы ещё только узнавали свою будущую машину. Только после расчётов они по-настоящему почувствовали размеры экскаватора. Даже вес самых заурядных деталей — блоки, валы, цапфы — исчислялся на тонны.

Лучшие конструкторские силы завода были привлечены к работе. Инженеры-металлисты Винокурский, Машевский, Скориков, электрики Борисов, Ярцев. Все они проработали здесь по десять-пятнадцать лет. Они — живые участники истории завода.

Каждый из них вёл проект какого-либо одного узла — платформу, надстройку, моторы, а Сатовский, главный инженер проекта, отвечал за весь экскаватор, за работу всех конструкторов.

У его письменного стола, заваленного стопками книг и журналов, рулонами чертежей, всегда был народ. Здесь решались все судьбы экскаватора.

Приходил электрик Борисов и сообщал последние данные расчётов. Вынув свою записную книжечку в сиреновом переплётё, Сатовский делал в ней пометки.

— Сейчас ещё точно не скажешь,— говорил Борисов,— сколько моторов пойдёт на машину. Приблизительно, тридцать, а то и сорок. Хватит ли для них места?

— Конечно, хватит,— отвечал Сатовский,— должно хватить.

— Да, но ведь на платформе встанут десятки других механизмов — лебёдки, редукторы, насосы и всякая всячина. Боюсь, как бы они не затёрли мои моторы.

— Ну ещё бы — электрик болеет только за моторы,— улыбаясь, говорил Сатовский.— А лебёдки хоть к потолку подвесь — вам всё равно. В том-то и задача, Сергей Кузьмич, чтобы добиться компактности всех узлов. Ведь на нашей платформе всего двести квадратных метров. Боритесь за экономию. Пусть деталям будет тесно, а мощностям просторно.

Озабоченный, Борисов уходил в своё бюро «бороться за экономию», а у стола Сатовского появлялся металлист Винокурский.

— Борис Иванович,— встревоженно восклицал он,— вы знаете, какие канаты нам нужны? Нет? А я подсчитал. Усилие на разрыв двести тонн. Вы знаете, какой это диаметр? Пятьдесят миллиметров. А ведь нам потребуется несколько километров таких канатов.

— Вот и хорошо. Пятьдесят миллиметров, говорите? А то меня как раз спрашивали, какой ширины делать барабаны для канатов. Теперь можно рассчитать. А насчёт канатов не беспокойтесь. Понадобится — сделают канаты и на тысячу тонн.— Сатовский отвечал так уверенно, что Винокурский почти успокаивался.

— Но всё же, Борис Иванович, как сделать такие канаты?

— Этого я ещё не знаю,— отвечал Сатовский.— Мы для того и работаем, чтобы узнать — и как канаты делать, и как моторы, и как всё остальное. Готовых решений не бывает, их находят.

— Ну хорошо. А что делать с электрочастью? Борисов дал мне последние расчёты. Как мы разместим такую уйму моторов?

— Об этом спросите у Борисова,— отвечал Сатовский,— у него, насколько я знаю, есть кое-какие мысли на этот счёт. Но всё-таки вы не ошиблись, канаты должны быть на двести тонн?

— Всё правильно, двести тонн, можете записать это в свою записную книжечку.

Так, возникая одна за другой, появлялись новые и новые ступени расчётов; конструкторская мысль поднималась по ним всё выше, и постепенно рождались контуры будущей машины. Эти контуры уже получали реальные очертания — появились первые чертежи. Но ещё долгий путь предстоял им, прежде чем линии, нанесённые тушью, станут гигантской тысячегонной машиной.

Каждый день конструкторы узнавали о своём экскаваторе всё больше нового, и эти новости уже переставали быть удивительными: конструкторы привыкали к гигантским размерам своей машины.

Однажды у стола Сатовского, как обычно, собралась группа конструкторов и начался горячий разговор об электромоторах. Неожиданно Ясенев произнёс задумчиво:

— Интересно, какой величины будет заводская марка на такой промадине?

Сатовский быстро прикинул на счётной линейке.

— Если брать размер по пропорциям машины, то высота марки получается полтора метра, а длина — четыре. Можно, конечно, и поменьше, но тогда её не легко будет заметить.

— Сколько же она будет весить?

— Около двухсот килограммов.

Кубачек выразил даже сомнение: стоит ли расхоловать на марку такую массу металла. Сатовский возразил:

— На этом нечего экономить. Мы её поставим на кузове, да повыше. Пусть все видят издали, что это Уралмаш, а не что-нибудь другое.

Сатовский руководил проектированием так, словно делал давно знакомое дело.

А между тем даже для него, крупнейшего экскаваторщика в стране, многое в этой работе оказывалось новым и неизвестным.

Сатовский впервые увидел экскаваторы в 1928 году, во время летней практики в совхозе на Кубани. Ему было тогда двадцать лет. Он с первого взгляда и на всю жизнь полюбил стальных землекопов. Дотошные механические кроты с непонятными иностранными именами: Менк, Бюсайрус, Марион представлялись ему тогда верхом совершенства.

В 1936 году молодой инженер-конструктор оказался в командировке на Уралмаше, где строили первый советский экскаватор «М-IV-Э», сконструированный в Ленинграде.

Получилось так, что двухмесячная командировка растянулась на полтора десятка лет. Сатовский нашёл на Уралмаше свой дом и семью. И главное, нашёл работу, которая стала смыслом его жизни.

Во время войны он работал технологом. Был награждён орденом, вступил в партию. Уже в те годы он мечтал о большой мощной машине. Какой она будет, он ещё не знал, но образ её уже начинал тревожить его мысли.

На одном из совещаний, которое происходило за несколько месяцев до Победы, Сатовский говорил о будущей, послевоенной работе завода:

— Мы не имеем права отказываться от накопленного за войну опыта серийного производства, от создания сварных конструкций, облегчающих вес машины.

В нём говорил инженер, стремившийся до конца использовать всю общность технологии производства мирных механизмов и продукции военного времени, несмотря на всё различие их назначения. С тем большей энергией принялся он после войны за новую машину. Через полтора года из цехов завода вышел первый экскаватор.

За эту работу Сатовскому и его товарищам — Вернику, Борисову, профессору Дюбровскому и технологу Егошиной была присуждена Сталинская премия. Фамилия Сатовского вошла в марку нового экскаватора СЭ-3 — значит Сатовский, электрический, трёхкубовый.

Радостная весть о высокой награде совпала с началом технического проектирования нового сверхмощного экскаватора. Для Сатовского это означало, что новая машина должна быть ещё лучше.

К 1948 году советские экскаваторщики уже накопили большой опыт, создав целую серию первоклассных машин, намного превосходящих своей производительностью, надёжностью и лёгкостью управления зарубежные образцы. Экскаватор — Э-505 Ковровского завода, ЭМ-251 Дмитровского завода, уралмашевский СЭ-3 и машины других марок можно видеть почти на любой стройке.

Но, пожалуй, самое большое достижение советских экскаваторостроителей заключается в том, что они впервые в мире освоили серийный выпуск этих машин. В 1948 году один лишь Уралмаш, перейдя на серийное производство экскаваторов СЭ-3, построил больше машин, чем капиталистические фирмы всего мира, вместе взятые.

Уже в 1948 году экскаваторы, вышедшие из цехов советских заводов, заменили огромную армию рабочих — 400 тысяч человек.

Новые гигантские экскаваторы должны были значительно превзойти и эти достижения — каждый из них мог заменить труд 7—10 тысяч человек. Советскому машиностроению предстояло сделать ещё один скачок вперёд, ибо речь шла не о простом копировании прежних образцов, не о простом увеличении их размеров, а о создании машин совершенно нового качества, о новых принципах конструкций, о новой технологии земляных работ.

Сатовский понимал, что весь опыт прошлого становится незначительным при сравнении с новой задачей хотя бы потому, что будущий экскаватор должен быть в семь раз крупнее СЭ-3 — самой мощной советской землеройной машины. На новом экскаваторе в несколько раз возрастут скорости рабочих движений, намного увеличится влияние динамических нагрузок на узлы.

Но ведь после создания СЭ-3 прошло свыше года. За это время многое изменилось. Поднялась культура производства, освоены новые методы работы и новые технологические приёмы. Вырос ещё больше завод.

Окрепла и научная база экскаваторостроения. Советские учёные раскрыли многие законы резания и копания грунтов, исследовали динамические процессы, происходящие во время работы в узлах машины, создали теорию расчётов экскаватора. Научные труды докторов технических наук Домбровского и Далина, кандидатов наук Ветрова и Панкратова и других помогали теперь конструкторам.

По вечерам Сатовский сидел в технической библиотеке, обложившись книгами и журналами. Взять хотя бы канаты, о которых говорил Винокурский. Разумеется, в шагающем экскаваторе были неизмеримо более сложные технические проблемы. Но и стальные канаты не мелочь. Они держат на себе статонную стрелу, подтягивают и поднимают ковш. И если канаты будут то и дело рваться — экскаватор не много наработает.

Необычайно сложным оказалось также проектирование электрочасти экскаватора. Конструкторы решили применить индивидуальные приводы, то есть такой способ управления, когда каждое движение экскаватора — подъём и спуск ковша, поворот, шагание — производится особым мотором.

При этом конструкторы поставили цель — создать такую машину, чтобы она служила не менее 25 лет. Поэтому экскаватор не должен иметь, например, ни рабочих муфт, ни рабочих тормозов, которые являются слабым местом каждой машины и вечным источником задержек, требуя постоянных осмотров и регулировок.

Решено было, что передача движения будет осуществляться жёсткими соединениями прямо от так называемых реверсивных моторов, которые могут изменять направление своего вращения.

Оказалось, что в таком случае потребуется сорок восемь моторов. Это во много раз усложняло проектирование. Зато машина будет работать надёжнее, экономичнее и, главное, быстрее. А одна выигранная секунда на движении ковша — это десятки тысяч кубометров породы за год. Ради этого стоило потрудиться.

Дальнейшие расчёты показали, что для шагающего экскаватора потребуются очень сильные моторы специальных типов общей мощностью около 7 000 киловатт. В заводских каталогах подходящих моторов не значилось. Электрикам придётся создавать их заново. А моторы, в конечном счёте, определяли мощность и размеры всего экскаватора. Чтобы на месте договориться о моторах, Сатовский и Борисов собирались в Харьков, на электромеханический завод.

Так проходили дни, и всё больше нерешённых вопросов накапливалось в ореневой книжечке Сатовского.

Успокаивая себя, он рассуждал, что это даже хорошо: теперь известны все трудности, которые возникнут в работе. Остается только узнать, как их преодолеть.

5. Какой должна быть стрела.

Ещё в самом начале работы над проектом, прочитав несколько лекций тем из конструкторов, которые впервые принимали участие в создании экскаватора, Сатовский посоветовал им познакомиться и с «наглядным пособием», съездить для этого на Карпинские рудники. Там работали американские шагающие экскаваторы — драглайны.

Когда конструкторы вернулись, Сатовский с интересом выслушал их рассказ.

— Посмотрели, — разочарованно говорил Кубачёк. — Ковш у них трёхкубовый, стрела решётчатая, на 37 метров, ход никудышный, механический. Одним словом — бесполезная поездка.

Винокурский не согласился с последним. Он так и говорил:

— Не согласен, что бесполезно съездили. Есть в математике такой метод — от противного: его можно применить и здесь. Теперь мы знаем, как не надо делать наш экскаватор. Разве ради этого не стоило съездить?

Винокурский — блестящий конструктор. Он написал талантливую книгу о мостах и получил за неё звание кандидата наук. На Уралмаш он приехал ещё в 1931 году, молодым двадцатипятилетним инженером. Был прорабом, строил металлические острова цехов, а потом перешёл в конструкторский отдел.

За новую работу Винокурский взялся охотно и горячо, хотя и не был экскаваторщиком. Он просидел много ночей, тщательно штудировав труд профессора Домбровского по теории экскаваторов, прочёл десятки других книг и теперь рассуждал со знанием дела и смело брался за проблему любой технической сложности.

— Взять хотя бы стрелу, — говорил Винокурский, — вы понимаете, как это важно? Будет у нас хорошая стрела — будет и хороший экскаватор. У стрелы всего-навсего одна точка опоры — на платформу, всё остальное висит на канатах. Длина стрелы шестьдесят пять метров. Это будет примерно тонн сто. Вес ковша — двадцать тонн, вес четырнадцати кубов породы — тонн сорок. Значит, на расстоянии семидесяти пяти метров от центра тяжести экскаватора будут висеть шестьдесят тонн, вес которых как бы умножится в несколько раз по законам рычага. Вы понимаете, как важно разработать совершенно новую конструкцию стрелы — лёгкую и одновременно прочную?

— Правильно, — подтвердил Сатовский, — у нового экскаватора всё должно быть лучшее, советское — конструкция, материал, внешний вид.

Отказавшись от американского образца, конструкторы стали искать новую конструкцию. Это была трудная задача, и ещё не скоро появилась у экскаватора хорошая стрела.

Винокурский улетел в Москву проконсультироваться по вопросу о дурале. Сатовскому казалось сомнительным, чтобы можно было сделать стрелу из дурала, и он с нетерпением ожидал заключения специалистов.

Напряжение работы нарастало с каждым днём. Завязалась переписка с поставщиками. В разные концы страны — в Ленинград, Москву, Харьков, Горький, Челябинск — поехали представители Уралмаша. Заказывать на стороне надо было многое: электромоторы, насосы, пневматические тормоза, канаты, цепи, трубы и т. д.

Рабочий день Сатовского был заполнен до отказа. Он начинался самым ранним утром и продолжался до поздней ночи. Но что бы Сатовский ни делал, его не оставляла мысль о стреле, и он не мог дожидаться приезда Винокурского.

А Винокурский привёз плохие вести. Специалисты боятся рекомендовать дураль для стрелы. Даже в самолётах нет таких напряжений, какие будут в стреле шагающего экскаватора. Взять хотя бы заклёпки; они должны быть не меньше дюйма, а это неслыханная вещь для дурала. К тому же дураль в несколько раз дороже. Придётся, видно, делать стальную стрелу, более тяжёлую.

Сатовский и Борисов уехали в Харьков договариваться об условии изготовления электромоторов. Когда они через несколько недель вернулись в Свердловск, в конструкторском бюро их встретил радостно возбуждённый Кубачек.

— Поздравляю вас, у нас уже есть целых пять вариантов стрелы. Не было ни гроша да вдруг — алтын.

— Не понимаю вашей радости, — ответил Сатовский. — Это же очень плохо. К чему нам пять стрел? Нам нужна одна. А вы выгасили из учебников все варианты, какие только нашлись там. Зачем?

— Вы, Борис Иванович, вечно всем недовольны, вам никогда не угодить.

— Нет, но я не люблю, когда работают на полку, в архив. Лучше рассказывайте, как гидравлика, как канаты, лебёдки, металлоконструкции?

Оказалось, что за эти недели многое сделано. Начаты платформа, опорная база и другие узлы. Сдвинулось с места проектирование механизма шагания. Исаев набросал даже чертежи модели гидравлического хода — это очень важно.

Выслушав Кубачека, Сатовский рассказал о своей поездке.

— Когда я уезжал, снабженцы говорили, что мы натерпимся горя с заказными изделиями — мол, поставщики не захотят связываться с такими сложными несерий-

ными заданиями. А оказывается, заводы буквально расхватывают наши заказы. Стоит в двух словах рассказать, какую машину мы строим — тысяча тонн, четырнадцать кубов, ну ещё пару цифр — и люди тотчас загораются. Можете, говорят, считать, что ваш заказ выполнен. Одним словом, наш сверхмощный экскаватор всем по душе.

После возвращения из Харькова Сатовский решительно принялся за стрелу. В последнее время она особенно мучила его. Часто, закрыв глаза, Сатовский вызывал перед собой образ будущего экскаватора. Воображаемая машина уже обросла узлами, на ней с каждым днём всё яснее вырисовывались всё новые и новые детали — опорная база, платформа, гигантские лыжи, кузов и даже, почти прозрачная от обилия стекла, кабинка машиниста. Не было только стрелы. И Сатовскому парило настроение то, что он до сих пор не знал, какую стрелу приставить к своему экскаватору.

По мнению Винокурского, дураль отпал окончательно.

— Вы знаете, — спрашивал Винокурский, — с какой скоростью будет двигаться конец стрелы при повороте? Сорок пять километров в час. Ясно вам, какие напряжения возникнут на стреле при торможении, какой будет продольный азгаб? Нет, дураль не годится.

После долгих споров отпали и другие варианты. Осталась одна стрела — так называемая плоскостная вантовая, напоминающая по форме косую пирамиду, прикреплённую одним основанием к платформе экскаватора. Граними этой пирамиды служат сложные ажурные переплетения канатов и решётчатых металлоконструкций. Стрела эта тяжёлая, в производстве сложная, монтировать её трудно, но лучшей пока не было.

А между тем у Винокурского уже зрела новая идея. Впервые она возникла, когда Винокурский возвращался из Москвы. Поезд вкатился на мост и словно повис над Волгой — только мелькали в окне железные балки. И Винокурский вдруг вспомнил, что на некоторых мостах теперь применяют последнее достижение техники — делают пролёты из труб.

Трубы для стрелы! Эта мысль была настолько необычной и дерзкой, что Винокурский никому не говорил о ней, а втайне вот уже третью неделю просиживал над расчётами. Расчёты подтверждали — можно сделать стрелу из обычных стальных труб среднего диаметра.

Вечером Сатовский сидел в бюро, проверяя готовые чертежи.

Работа над проектом уже потеряла свою новизну, стала будничной, постепенно и незаметно вошла в спокойные берега, и за ними словно покрылись дымкой её грандиозные масштабы, которые сейчас ощущались только в том, что машину проектировало пять конструкторских бюро. И лишь при выездах на другие заводы, когда Сатовский рассказывал об экскаваторе и видел удивление слушателей, вспоминались первые переживания — удивление, восторг и даже некоторая робость перед размерами машины.

Принесли вечернюю почту — десяток конвертов и копий с правительственных телеграмм. Из Москвы кандидат технических наук Житков прислал схему новых канатов — надо заняться ими на досуге. Главный инженер ХЭМЗ'а Борисенко пишет, что проектирование электромоторов идёт успешно. Телеграмма: Домбровский вылетает на днях для консультации.

Пришёл Кубачек и начал шумно выкладывать бумаги из портфеля на стол. За чертёжной доской напротив выросла грузная фигура Исасва; нагнувшись над столом и подняв очки на лоб, он чинил карандаш. За другими столами стояли и сидели конструкторы — начиналась «вечерняя» смена.

Сатовского оторвал от чтения писем громкий и радостный голос Винокурского:

— Борис Иванович, у меня идея. Я предлагаю сделать стрелу из трубы. Надо только укрепить эту трубу, обтянуть её со всех сторон канатами, как мачту на парусном судне. У меня и примерные расчёты готовы.

Сатовский сразу схватил суть. В самом деле, ведь делают же мосты из труб. А на мостах нагрузки и напряжения не меньше, чем на экскаваторе.

— А как же быть с плоскостной вантовой? — спросил Кубачек. — Раз, два — я в мусорный ящик? С насоку такие дела не делаются.

Винокурский предложил:

— Можно разработать проект обеих стрел. Одна стрела про запас.

Несколько дней Сатовский и Винокурский просидели над расчётами, проверяя и уточняя их. Расчёт трубчатой стрелы оказался очень сложным, кое-что в нём было основано на гипотезах. И всё-таки идея была заманчиво смелой, увлекала своей новизной. Это пока что возмещало незначительные пробелы в расчётах.

Параллельно с этим целая группа конструкторов — больше десяти человек — продолжала разрабатывать проект плоскостной вантовой стрелы. Значит, надо было делать два варианта надстройки и других узлов, примыкающих к стреле. Это замедляло темпы, расплывало силы проектировщиков, Сатовский находился в затруднении — необходимо было окончательно избрать какой-либо один путь.

Наконец настал день, когда собрался технический совет конструкторов завода: все ответственные и сложные вопросы уралмашевцы решают по традиции коллективно.

На совете высказывались самые разные взгляды. Последнее слово оставалось за главным инженером проекта Сатовским. Сам он уже выступал, перечислял все «за» и «против». Теперь ждали его решения. Винокурский не сводил с Сатовского беспоконного умоляющего взгляда.

Главный конструктор завода прервал установившееся было молчание:

— Ну, что же, Борис Иванович, каково будет ваше предложение?

Сатовский почувствовал вдруг всю ответственность, лежащую на нём. Он почти физически ощутил её, словно стальная стрела будущего экскаватора навалилась на него, прозя раздавить своей стотонной массой. На секунду мелькнула соблазнительная мысль: «А не лучше ли взять проверенную конструкцию, так будет надёжнее — никакого риска». И едва он подумал это, как понял, что у экскаватора может быть только новая стрела.

— Я за то, чтобы проектировать новую стрелу, из трубы, — произнёс Сатовский, вставая.

Голосование лишь формально утвердило его решение, в котором было неизмеримо больше ответственности, чем власти.

На прощанье Сатовский сказал Винокурскому:

— Работайте и выводите свою идею в люди.

6. Как зашегал экскаватор.

Разработка шагающего механизма оказалась, пожалуй, одной из самых сложных проблем. В самом деле, стоит представить себе экскаватор и вспомнить, что все его три измерения исчисляются десятками метров, а вес составляет тысячу сто тонн, чтобы понять, как трудно сдвинуть с места эту огромную массу металла.

Известны случаи, когда передвигали на новые места многоэтажные дома (а экскаватор по величине не уступает дому), но и это не идёт ни в какое сравнение с задачей, которую предстояло решить конструкторам. Экскаватор должен шагать в любую минуту и на довольно большие расстояния.

Конечно, конструкторы и раньше знали о существовании механизмов шагания. Но идеи и конструкции этих механизмов не могли удовлетворить их.

Взять хотя бы механический эксцентриковый ход. Два массивных литых эксцентрика, как огромные оплущенные с боков колёса, висят на обеих сторонах экскаватора. Эксцентрик поворачивается, его вытянутая дуга начинает скользить по металлическому полюзу. Возникает огромная сила трения, металл нагревается, масло, подаваемое для охлаждения, кипит. Подъём экскаватора сопровождается грохотом и скрежетом.

К тому же для такого механического хода требуется огромный вал, соединяющий оба эксцентрика. Вал диаметром в метр и длиной пятнадцать метров весит более ста тонн. Он сильно загромождает кузов.

Конструкторы Уралмаша не пожелали, чтобы их экскаватор шагал таким несовершенным способом. Исаев и Сатовский предложили идею нового, гидравлического хода.

У этой идеи оказалось много противников. Даже некоторые видные специалисты высказывались против.

Да и сама идея была вначале несовершенной. Конструкторы хотели заставить шагать экскаватор с помощью одной пары цилиндров и сами в конце концов убедились в невозможности такого движения.

Тогда Исаев предложил добавить ещё одну пару цилиндров.

Идея совершенствовалась. В заключениях специалистов слово «невозможно» уже не фигурировало.

И вот экскаватор зашагал — пока на бумаге. Это было несколько примитивных рисунков, на которых изображался квадрат кузова с длинными прямоугольниками цилиндров. Цилиндры и кузов, как в кадрах кинофильма, последовательно перемещались — экскаватор двигался.

Движение тысячетонной машины происходило таким образом.

Вспомогательные цилиндры выталкивают свои поршни, соединённые с ними лыжи подаются вперёд и упираются в землю. Главные цилиндры при этом принимают вертикальное положение. Давление в них постепенно повышается.

Наконец, наступает такой момент, когда сила давления масла в главных цилиндрах становится больше веса машины. Экскаватор плавно и неслышно отрывается от земли.

В действие снова вступают вспомогательные цилиндры. Они подтягивают приподнятую машину на себя.

Давление постепенно падает. Экскаватор плавно опускается на новое место. Шаг сделан.

Но от такого воображаемого движения до настоящего шага, который сделает экскаватор на стройке, ещё далеко — почти два года упорных напряжённых поисков.

Гидравлический механизм шагания создавался впервые, и легко было представить, что произойдёт в случае неудачи. Любой другой узел машины можно было заменить, а гидравлику нельзя. Если гидравлика неоправна, тысячетонный экскаватор не сдвинется с места.

Расчёты, которые производил Исаев, показали всю трудность задачи, решения которой ещё не было найдено.

Исаев докладывал Сатовскому, что длина цилиндров будет около восьми метров, диаметр почти метр, а давление в них будет достигать 170 атмосфер.

— Вы представляете, как трудно будет цилиндрам выдерживать такое давление? Ведь щель уплотнения — длина окружности между поршнем и цилиндром — будет небывалой, почти три метра длиной.

— Да, — соглашался Сатовский, — самое страшное, что нас ожидает, — это утечки, бич гидравлики. И не только в цилиндрах, но и в трубах, в золотниках — во всей гидросистеме. Идеальные прокладки и клапаны, мощные крышки — вот единственное средство борьбы с утечками. Для этого будем переводить детали на самый высокий класс точности.

Вооружившись счётными линейками, Сатовский и Исаев продолжали расчёты. Их беседы переходили на язык чисел и формул — язык конструктора.

— Вот вам ещё одна загвоздка, посерьёзней той, — говорил Сатовский. — Как добиться равномерного подъёма цилиндров? Вы только представьте, что произойдёт, если один цилиндр начнёт подниматься скорее? Экскаватор захромает и перекосится. А это уже авария.

— Да. На давление нечего надеяться, это ненадёжная связь.

— В том-то и дело, — сказал Сатовский. — Между цилиндрами десятки метров

труб, золотники. Разница в давлении может дойти до нескольких атмосфер. А связать цилиндры надо во что бы то ни стало. И связать накрепко, в один узел.

— Не ставить же поперёк всей машины вал?

— Что вы? Сто тонн? Если мы не придумаем ничего, кроме вала, — нам позор. Нет, я чувствую, что где-то есть иное решение, надо только найти его.

Вместе с Исаевым Сатовский упорно искал это правильное решение. И работа эта не прекращалась даже когда он уходил из бюро. Как два месяца назад мысль о стреле не оставляла Сатовского ни на минуту, так и теперь он всё время думал о гидравлике. Что бы он ни делал — читал ли газету, сидел ли с линейкой за расчётами или разговаривал по телефону — какой-то обособленный участок мозга неустанно продолжал работу, и мысль о гидравлике тянулась непрерывной ниточкой через все другие мысли, дела и поступки.

И, как это нередко бывает, совсем пустячный случай дал толчок для решения сложной задачи. Однажды вечером, возвращаясь домой, Сатовский заметил идущего впереди мужчину с чемоданами в руках. Конструктор машинально следил глазами за прохожим.

Человек, вероятно только что приехавший, нёс два чемодана — большой и маленький. Большой чемодан явно был тяжелее, и приезжий шёл, сильно изогнувшись. Видимо, утомившись, он поставил чемоданы на землю и присел на один из них.

Заинтересованный мелькнувшей у него мыслью Сатовский остановился в отдалении, наблюдая за прохожим. Отдохнув, мужчина взял чемоданы в руки и пошёл прямо, уже не изгибаясь в сторону.

Сатовский думал: «Большой чемодан оттягивает руку сильнее, чем маленький, и человек невольно изгибается. Но где-то в мозгу у него имеется какой-то центр, который может контролировать усилия рук. Этот центр посылает сигнал. Тогда одна рука напрягается сильнее, и человек выпрямляется. Ведь можно и в машине сделать такой центр, который будет регулировать давление в цилиндрах. Как только давление в одном цилиндре повысится, специальный прибор даст сигнал в центр. Тотчас же с одной стороны закроется клапан, и давление уравнивается. Экскаватор не будет «хромать».

Идея была найдена. Сатовский поспешил в заводоуправление. Спустя пять минут, он сидел в бюро, за своим рабочим столом. Он принялся за расчёты, а затем одним карандашом, без линейки быстро начал набрасывать на бумаге чертёж нового прибора.

Потом он достал из шкафа уже готовые чертежи гидросистемы, чтобы найти место для своего прибора и увязать его со всей гидравликой. Он подолгу сидел над каждым чертежом. Линии выростали; приобретая форму, они наливались металлом, поднимались над бумагой и словно становились осязаемыми.

В каждой профессии существует шестое чувство. У лётчика — это чувство высоты, у музыканта — чувство ритма. У конструктора шестым чувством является чувство объёма. Он должен видеть трёхмерным изображение детали на плоском чертеже, видеть её со всех сторон, словно сама деталь лежит перед ним на листе бумаги. Только тогда он найдёт лучшие формы для своей детали и узяжет её наилучшим образом с другими.

Без чувства объёма нет конструктора. У Сатовского это чувство развито очень высоко. Он смотрит на бумагу, и уже не линии на чертежах, а сами трубы выходят из насосов, проходят через золотники, распределители, разветвляются, сливаются, входят в цилиндры, чтобы поднять силой гонимого по ним масла тысячетонное тело экскаватора и, сделав своё дело, вернуть масло снова к насосам, замыкая круг обращения.

Всё становится настолько явственным, что кажется, если тронешь руками бестелесные линии чертежа, то ощутишь холодную и гладкую поверхность металла.

Наконец Сатовский встал, подошёл к окну и распахнул его.

Давно рассвело, и где-то справа, за домом, стояло солнце. Он посмотрел в

окно — из него видна только крыша механического цеха. Поперёк неё выстроились длинные стеклянные шалашики окон, горя на солнце яркокрасной медью.

Он решил сходить к Винокурскому. Наверное, тот тоже сидит за своей стрелой. Выйдя из бюро, он поднялся на шестой этаж и снова остановился у окна. Завод глянул на него всеми своими строениями, корпусами цехов, эстакадами. В стороне пыхтел паровозик, под облачками дыма просвечивала красная полоска вагонов. Ещё дальше поднимались железные скелеты строящихся цехов. Из десятков труб вставали мощные столбы дыма и, расширяясь конусами, сливались с безбрежной синевой неба.

Сатовский направился к Винокурскому, в его бюро.

— Как у вас со стрелой?

— Вот, смотрите.

Сатовский молча смотрел несколько минут на чертёж. Потом воскликнул:

— Позвольте, да вы поставили распорки под углом. Значит, теперь труба будет растянута вантами не в двух плоскостях, а в трёх. Это здорово. Когда же вы успели?

— Сегодня ночью.

— А я просидел над гидравликой.

— И это ещё не всё, Борис Иванович. Посмотрите туда — и Винокурский указал рукой в глубь бюро. Там сидит Машевский. Нет, нет, не мешайте ему. Я ходил к нему полчаса назад. — И Винокурский торжественно объявил: — Он закончил надстройку и платформу, и мы с ним всё увязали со стрелой. Всё сошлось, до миллиметра. Через несколько часов будут готовы три главных узла, и мы принесём их вам на подаись.

Утром Сатовский показал Исаеву свою работу. Тот внимательно просмотрел чертежи и сказал:

— До чего же всё это просто. А мы голову ломали.

Ещё одну неделю просидели Сатовский и Исаев над конструкцией нового прибора, добиваясь, чтобы он был безотказным и простым, или, как говорят конструкторы, технологичным.

Новый прибор получил название «автопилота». Создание его сразу разрешило многие трудности.

А ещё через несколько дней в помещении бюро по узенькому коридору между столов двигалась модель экскаватора. Её провожали десятки любопытных глаз, а Сатовский и Исаев, согнувшись, шагали вслед за моделью. Из обоих передних цилиндров медленно выползали поршни, похожие на башмаки, упирались в пол — и невысокий серый кузов отрывался от пола. Задняя пара цилиндров подтягивала всю модель на себя, и маленькая машина, медленно пятясь назад, переползала на новое место и опускалась.

Целый день в бюро толпился народ — технологи, конструкторы, работники других отделов. Приходили директор завода, парторг ЦК Овсянников.

Экскаватор неуклюже дёргался во все стороны, оседал иногда на одну ногу, внутри цилиндров что-то хлопало и шипело, но модель всё-таки шагала и шагала взад и вперёд по коридору.

Гидравлика заработала.

7. Проект окончен — работа продолжается.

Невозможно изобразить на одном чертеже — плоском листе бумаги — весь гигантский экскаватор. Сотни деталей наслаиваются одна на другую под самыми различными углами, в самых различных плоскостях. Поэтому из отдельных частей (узлов) экскаватора конструкторы могли составить целое, только мысленно примеряя, правильно ли сочетаются все части друг с другом, не попадают ли между ними посторонние детали. Такая увязка, которая происходит главным образом в мозгу конструктора, должна быть предельно точной, и она будет продолжаться ещё много месяцев, до самого конца рабочего проектирования.

«Увязывая» узлы, конструкторы определяли их взаимосвязь. Бывали при этом и неприятные случаи. Когда, например, электрики стали прокладывать вдоль платформы линии электрокабеля, выяснилось, что всё свободное место занято уже трубами гидравлики и пневматики. Детали напользали одна на другую, нарушая все законы положения твёрдых тел в пространстве.

Разумеется, электрики хотели, чтобы были убраны трубы, а конструкторы, проложившие трубы, требовали, чтобы электрики убрали свой кабель. Требовалась беспристрастная точка зрения. Сатовский, главный инженер проекта, предложил упрячь электросеть внутри платформы, где она будет надёжно прикрыта стальным настилом.

Так приходили в соответствие отдельные части, и из них постепенно складывалось целое.

Ещё не был закончен технический проект, а конструкторы начали уже рабочее проектирование. Узлы расчленились на отдельные, самые мелкие детали, и конструкторы вместе с технологами составляли рабочие чертежи, которые пойдут в цехи.

Руководители проекта стремились сократить и без того сжатые сроки.

Сатовский и Кубачек просиживали вечера, трудясь над огромной рукописью, название которой было тщательно выведено на обложках толстых коричневых папок: «Шагающий экскаватор, том №...». До сих пор шагающий экскаватор существовал только на бумаге, и описание его подбиралось уже к десятому тому.

Технический проект заканчивался. Были готовы проекты всех узлов и механизмов. Подозвав к своему столу Кубачека, Исаева и Ясенева, Сатовский давал последние задания.

— Нам нужно подобрать всю мелочь, оформить всю документацию и чертежи, а то потом мы запутаемся в мелочах. В кузове необходим кран — тонн на пятнадцать — для монтажных и ремонтных работ. Надо списаться с каким-нибудь заводом и купить у них кран, желательно серийный — так дешевле. Проверим ещё раз всю увязку платформы. Затем нужно сделать наверху надстройки два монтажных крана по три тонны, удобную и лёгкую лестницу вдоль стрелы, просторную площадку вокруг блоков на конце стрелы. Насчёт прожекторов: их понадобится не меньше дюжины. Надо побольше света, будем работать ночью. Для машиниста нужно мягкое кресло. Надо написать на завод имени Сталина и попросить у них кресло от ЗИС-154. На этой неделе всё должно быть закончено. Пора кончать проект. — Сатовский перечислял и перечислял «мелочи».

Да, и пятнадцатитонный кран, и семидесятиметровая лестница, и большие прожекторы были мелочами для гигантского экскаватора, хотя сами по себе, в других условиях, они могли бы стать серьёзными техническими проблемами.

Но и на эти «мелочи» конструкторы обращали большое внимание. Они старались предусмотреть всё, создать максимум удобств для тех, кто будет обслуживать машину и ремонтировать её.

Уже тогда, за год до того как экскаватор был изготовлен, конструкторы запроектовали в нём фацию и связали отдельные части гигантской машины телефонами.

В большой работе нет «мелочей».

И вот технический проект шагающего экскаватора закончен. Вместе со всеми чертежами, рисунками, описаниями и расчётами проект весил сто килограммов. И каждую линию, цифру, каждую букву проекта нужно было защитить — только тогда проект пойдёт в цехи.

В сентябре 1948 года проект разбирался на техническом совете завода. В октябре, на два месяца раньше срока, конструкторы защищали свой проект в Москве, сначала в министерстве, а потом на техническом совете.

Побывали уральцы и в Кремле. Это были волнующие часы в жизни Сатовского и его товарищей. Заместитель председателя Совета Министров назвал шагающий экскаватор-гигант знаменем советского машиностроения. Он сказал, что эта машина уже сейчас нужна для Волго-Донского канала, строительство которого возобнов-

лено; сказал, что партия намерена в ближайшие годы начать ряд гигантских строек — электростаций, каналов — и что для этих строек погребуются десятки таких машин.

Конструкция гигантского экскаватора получила высокую оценку.

А уральцы спешили уже в Свердловск, на завод, чтобы скорее начать постройку новой машины.

8. Рождение шагающего.

С каждым новым этапом изготовления шагающего экскаватора в работу вовлекалось всё больше и больше людей. В рабочее проектирование включились десятки технологов и плановиков. Они составили технологию, «расцеховку» (маршрут деталей по цехам), изготовили инструменты, нужные для работы, распланировали и подсчитали объём работ, нормы металла, стоимость обработки деталей и так далее.

Результаты этих подсчётов оказались удивительными даже для выдавших виды инженеров Уралмаша. Только металлообрабатывающие цехи (не считая сварщиков, литейщиков, инструментальщиков) должны были изготовить 14 000 различных наименований деталей. А некоторые детали одного наименования, в свою очередь, требовались сотнями и тысячами штук. На изготовление отдельных деталей, например цилиндров, нужно было затратить многие тысячи «нормо-часов».

И вот шагающий вышел в просторы цехов. Перед ним лежал ещё долгий путь. Но мысль конструкторов уже начала воплощаться в металл.

Первыми начали работу модельщики. Их искусные руки вырезали из дерева разные части экскаватора — блоки, цилиндры, лебёдки. Спрямые деревянные детали подплыли на кранах к формовочным машинам, их с силой вмяли в землю, и они оставили в ней свой отпечаток. Получились формы для литья. А сталевары, медно-чугунно-литейщики тем временем уже сварили металл. Его разлили по формам.

Стальная отливка остывает в среднем со скоростью двух тонн в сутки. Некоторые детали шагающего экскаватора остывали неделями.

И всё же для литейщиков эти огромные многотонные отливки не были чем-то удивительным. Всего несколько месяцев назад литейщики отливали узлы рельсо-прокатного стана, которые во много раз больше деталей «шагающего». Литейщики делали рядовую работу и делали её как обычно, то есть быстро и хорошо, завоеывая переходящие знамёна, экономя десятки тонн металла.

Следом за литейщиками за работу взялись кузницы. Огромные, под стать железнодорожным платформам, направляемые столы выползали из гудящих печей, вынося раскалённые, пышущие жаром слитки. Мощные прессы мяли эти слитки, сжимали их, уплотняя структуру металла.

Вот десяти тысячный пресс. Он возвышается в цехе, словно фронтон театра. Восемнадцатиметровые колонны тускло поблёскивают металлом и маслом. И сорокатонный слиток будущего цилиндра, рядом с этими колоннами, кажется не больше гранёного стакана. Легко и беззвучно мнёт пресс металл, словно тесто, только окатышка осыпается наземь, разбрызгивая искры. И бесформенная глыба постепенно обретает формы, становясь увеличенным отражением чертежа.

От кузнецов и литейщиков эстафету приняли механические цехи. Токари, расточники, фрезеровщики, строгальщики, карусельщики, шлифовальщики начали обрабатывать, сверлить, строгать, нарезать, растачивать, шлифовать детали шагающего, передавая их друг другу, от одного станка к другому, и жаркая спиральная стружка, сползая с заготовок, обнажала замыслы конструктора, скрытые до этого в неформленном металле.

Тут рождались новые рекорды, множилось уральское мастерство и люди завоевывали новую трудовую славу.

Все последние достижения техники использовали на Уралмаше при изготовлении шагающего экскаватора. Применяли центробежное литьё, калили металлические детали с помощью электричества, пользовались автоматическими аппаратами для сварки, проверяли качество стальных швов в рентгеновской лаборатории.

После механической обработки готовые детали поступают на цеховую сборку. Соединяясь друг с другом, они образуют слаженные механизмы и узлы, которые после испытаний идут уже на общую сборку.

Узлы и механизмы собираются во многих цехах — в цехе средних узлов, цехе крупных узлов, цехе металлических конструкций, но только на общей сборке они сходятся вместе и обретают жизнь. Мёртвые детали оживают, начинают двигаться, приводить в движение другие детали — и машина работает.

Сборка — заключительный и самый ответственный этап работы. Как бы придиричиво ни проверялась конструкция узлов экскаватора и взаимосвязь многих тысяч деталей, но вся эта работа проходила до сих пор умозрительно, в мозгу конструктора или на бумаге.

Теперь же не линии на чертежах, а сами детали соединялись друг с другом, становясь на место. А что будет, если даже одна деталь из тысяч не встанет на своё место? Нарушится сочетание частей машины, взаимосвязь всей конструкции, и вот уже десятки конструкторов переделывают чертежи, и забракованные детали идут в переплавку.

Всё большее количество цехов вовлекалось в работу, и вместе с тем ширился трудовой подъём уралмашевцев. И этот подъём приобрёл масштабы народного подвига, когда уралмашевцы узнали о том, что образована правительственная комиссия по проведению семидесятилетнего юбилея товарища Сталина.

Первым делом они подумали о том, как же отметить им этот юбилей, какой подарок сделают они своему вождю. Об этом шли разговоры в цехах, в отделах и мастерских, на заводе и дома, и все сошлись на том, что лучшего подарка, чем гигантский экскаватор, не придумать. Уралмашевцы решили закончить машину на год раньше государственного срока, к 21 декабря 1949 года. Они понимали, что выполнить это будет очень трудно, но разве согласились бы они взять на себя лёгкое обязательство, готовясь отметить такой день своим трудовым подарком. И каждый из них работал, не покладая рук, чтобы сдержать своё слово.

...В начале ноября первые детали гигантского экскаватора начали поступать на общую сборку, которая велась в новом, только что построенном цехе.

9. Обстановка осложняется.

Дмитрия Андреевича Ясенева, руководителя группы бюро горного оборудования, назначили ведущим инженером по шагающему экскаватору. Институт ведущих инженеров существует на Уралмаше давно, ещё со времён войны. Как только закончен проект и чертежи пошли в цехи, ведущий инженер приступает к работе. Он следит за изготовлением машины — от первого литья до окончания сборки, налаживает взаимодействие между цехами, контролирует графики работ.

Ведущий инженер должен быть конструктором, так как ему нередко приходится вносить изменения в конструкцию или в технологию. На бумаге и конструкция и технология выглядят всегда безупречно, но стоит окунуться в цеховую жизнь, и приходится вводить немало поправок, улучшать на ходу конструкцию машины и технологию её изготовления. Тут-то и важна роль ведущего инженера.

Дмитрий Андреевич Ясенев записывал свои впечатления о работе. Вот отрывки из его дневника:

«17 ноября. Обстановка становится хуже с каждым днём. И виной всему цех крупных узлов, вернее не цех, а его начальник Лобов. Вместо того, чтобы обрабатывать и собирать один узел за другим, — сначала редуктора, потом пневматику, гидравлику и т. д. — он делает все узлы сразу, и в результате нет ни одного. А потом на общей сборке образуется теснота. К тому же он срывает сроки деталей, которые уже делаются. Сначала это было незаметно, а теперь недолго и до прорыва. Я несколько раз говорил Лобову об этом, но он и в ус не дует, нечего, мол, меня учить. Во время войны он на Уралмаше не работал, поэтому и отстаёт от наших темпов. Больше всего он любит «шумовые эффекты» — спустится из своей конторы в цех, на-

кричит, а толку нет ни на грош. Да и откуда быть? — он даже не поинтересовался, сколько времени требуется на обработку наших деталей, поэтому не может отдать правильного распоряжения.

Я пошёл к Сатовскому и выложил ему всё, как есть. Отправились с ним к Лобову. Напрасно. Мы для него не начальники. Сатовский решил поговорить с главным инженером.

18 ноября. Директор опередил нас. Приходим утром в цех, а он уже делает проверку. Вместе с ним — Овсянников, парторг ЦК. Директор, конечно, сразу всё увидел. Пошли в контору. Овсянников вызвал парторга цеха. Начался серьёзный разговор. Лобов отпирается. Но директор любого крючкотвора к стенке прижмёт. Тогда Лобов начал ссылаться на объективные причины — план и так высок, а шагающий идёт сверх плана.

Сатовский на это сказал:

— Но мы ведь и обязались выпустить его сверх плана.

А Лобов говорит:

— Я не обещал.

Тогда Овсянников сказал:

— Товарищи, речь идёт о том, выполним или не выполним мы своё обещание, данное товарищу Сталину. Мы ведь сами обещали ему, и раз уж так — надо держать своё слово по-большевистски, по-советски. Обещание давал народ, и он делает машину. Ваше дело, товарищ Лобов, руководить. А когда руководитель не верит в успех дела, то это плохо в первую очередь для руководителя.

Вскоре они ушли. Лобов сказал им вслед:

— Вы толкаете меня к штурмовщине.

Директор дал ему три дня срока.

19 ноября. Пришли в движение вышние инстанции. Министр прислал телеграмму директору, парторгу ЦК и председателю завкома. Просит сообщить, какие меры мы намерены предпринять, чтобы обеспечить в срок выпуск уникальной машины, необходимой для народного хозяйства.

Итак, наше обещание стало государственным сроком. Значит — сделаем.

20 ноября. Сегодня воскресенье. Сажу дома. Только сегодня заметил, что на дворе уже давно зима. И какая чудесная.

Давно я собирался записать кое-какие общие мысли о шагающем. Может быть, они и не так интересны, но для нас они важны. Самое первое, что мы почувствовали, — удивление перед грандиозностью машины. Это было полтора года назад. Во время техпроекта мы уже перестали удивляться, а потом, когда пошли первые детали и мы увидели их уже не на чертежах, а в металле, — снова начали удивляться. Я сначала думал, что это только у меня, но как-то меня позвал Сатовский. Я подошёл. Перед ним лежали два поворотных редуктора — от старого СЭ-3 и нового шагающего. Первая коробка так себе, формой и размером с детскую ванночку, только с рёбрышками, а вторая с нас ростом. Разница очень ощутимая.

«А посмотрите, — говорит Сатовский, — сюда. Одна рама для лебёдки размером с платформу от СЭ-3».

Одним словом, долго не могли мы привыкнуть к размеру деталей — всё удивлялись. То же самое и с названием. Сначала говорили очень длинно и торжественно «сверхмощный экскаватор с волокушным ковшом» или «уникальный экскаватор с гидравлическим механизмом шагания». Потом стали попроще: «большой шагающий экскаватор», «шагающий экскаватор». А теперь говорят просто — «шагающий». Привыкли.

21 ноября. С понедельника началось то же самое. Весь день бегал по цехам, выколачивал детали. У Лобова дела обстоят хуже всего. Сатовский с ним ругается с пеной у рта, но и это мало помогает. На Сатовском лежит громадная ответственность, и он не жалеет своих сил. Иногда и мне от него достаётся. Стоит проверить какую-нибудь деталь, задержать её хотя бы на полсмены, и я получаю нагсяняй. Но зато и он не вылезает из цехов.

11 часов ночи. Только что узнал о новом приказе директора. Назначен специальный начальник сборки, заместитель директора по капитальному строительству Лубенский. Назначен парторг шагающего — Васильев. Лобов с должности начальника цеха снят. О всех этих мероприятиях сообщается в ответе министру. Теперь дела пойдут веселее.

23 ноября. Новое начальство — Лубенский и Васильев — заработало вовсю, дело сразу сдвинулось с места, появились первые узлы, в цехах повесили лозунги, плакаты. Двух мастеров, которые не очень поторапливались, пртащили в «молнии», и детали в следующей смене были готовы.

Лубенский — отличный организатор и, главное, не боится советоваться — с рабочими, с мастерами, с нами. Правильно — так дело пойдёт вдвое быстрее.

24 ноября. День ото дня не легче. Нам нужно перевернуть платформу и сделать это за два дня. А по всем расчётам получается, что на кантовку требуется не меньше десяти дней. Шутка ли, перевернуть машину в 150 тонн весом. Сегодня было большое совещание по этому вопросу. Главный инженер сказал, что безвыходных положений не бывает, и приказал нам всем думать. Кубачек сидит за соседним столом, а Сатовский пошёл думать в цех. Да, что-то придумать необходимо. Кончаю писать и тоже включусь в это дело».

О поворотной платформе, вернувшись немного назад, следует повести особый разговор, так как на её примере легче всего наглядно показать те трудности, с которыми пришлось столкнуться конструкторам, технологам и рабочим.

Платформа представляет собой густую сетку пересекающихся стальных балок, покрытых сверху и снизу сплошными настилами. Длина платформы двадцать метров, ширина свыше одиннадцати, и весит она сто пятьдесят тонн. Чтобы сварить платформу в жёсткую конструкцию с достаточным запасом прочности, пришлось положить четыре километра сварного шва. Одних электродов при этом ушло около пяти тонн.

В середине этого огромного сооружения должно быть просверлено высокой точности отверстие — ось вращения экскаватора, так как платформа должна вращаться на специальном роликовом круге, вделанном в опорную раму.

На верхней поверхности платформы предстояло смонтировать десятки моторов, поворотные механизмы, лебёдки, редуктора, насосы и другое хозяйство экскаватора.

Даже для Уралмаша, где привыкли мыслить крупными масштабами, где ещё пятнадцать лет назад освоили производство блумингов, — даже здесь изготовление платформы оказалось сложным и необычным делом, и немало пришлось поломать голову, чтобы найти способ обработки поворотной платформы (сварить её было только половиной дела).

Для устанавливаемых механизмов на платформе требовалось расточить несколько больших отверстий высокого класса точности. Как это сделать? Сварить платформу, а потом поставить её к станкам и расточить? Так и хотели сделать вначале. Но оказалось, что даже имеющимся на заводе уникальным расточным станком не по плечу такие размеры. К тому же этот вариант требовал десятидневной обработки. Значит, на десять дней цех будет буквально запружён громадной металлической стеной — ни пройти, ни проехать, ни воспользоваться краном.

И вот группа технологов под руководством Аркадия Александровича Любимова предложила смелое решение — обработать платформу до сборки, в разобранном виде. Это простое на первый взгляд предложение конструкторы встретили (и вполне основательно) в штыки. В самом деле, как при таком способе достигнуть необходимой высокой точности? Технологи не смогли ответить на этот вопрос.

В дело вмешался главный инженер завода Самойлов. Он предложил сделать специальный сборочный стенд, на котором будут свариваться уже обработанные части платформы.

Идея сборочного стенда остроумна и проста. В фундамент цеха были влиты по-

латораметровые бетонные быки, сквозь них пропущены металлические стержни. Уложенная на этих быках платформа напоминала огромный приземистый стол.

Расстояние между стержнями выдержано с точностью до сотых долей миллиметра, и стержни эти явились как бы тригонометрическими знаками, от которых проверялась точность растачиваемых отверстий. Теперь уже не надо было ставить платформу к уникальным станкам — отверстия растачивались обычными станками, поставленными на платформу.

Так родилась идея «переносных станков». Этот способ изготовления крупных узлов впоследствии стали применять и при других работах, наметив тем самым новые пути для высвобождения оборудования.

Итак, способ обработки платформы был найден. Но такова уж была особенность изготовления новой машины, что как только разрешались одни проблемы, на их место вставали новые, нерешённые и не менее трудные. Такой трудностью являлась теперь кантовка.

Стоятидесятиугольная платформа в собранном виде лежала нижней частью вверх: так требовала технология. После монтажа нижней поверхности предстояло перевернуть платформу в нормальное положение. Как видно из дневника Ясенева, первоначальный вариант кантовки — разборка платформы на три части, отдельная кантовка каждой части и новая сборка — требовал не менее десяти дней.

Трудность кантовки заключалась в том, что подъёмная сила имеющихся в полёте двух кранов составляла сто тонн, тогда как платформа весила сто пятьдесят тонн. Предлагали фазное — разнять одну секцию и кантовать две секции вместе, а одну отдельно, ввести в цех новый кран и прочее. Главный инженер Самойлов отвергал эти проекты.

Наконец, технолог Горелышев внёс предложение — поднимать платформу поочерёдно с каждого конца и подкладывать под неё шпалы. Подсчитали, что понадобится пять вагонов шпал. И всё-таки это было выгодно, выигрывали четыре дня. Главный инженер принял предложение.

В это время появился новый проект. Автором его был сборщик металлоконструкций Никулин.

Медлительный, степенный, Никулин работает быстро и ловко. Тяжёлые балки и стальные листы послушны в его руках, они словно сами ложатся на свои места. Никулин — член сахановского совета Уралмаша, и даже опытные инженеры прислушиваются к его мнению.

О проекте Горелышева Никулин узнал вечером, после смены. Он продумал всю ночь, стараясь найти более простой вариант кантовки, и с самого утра, боясь опоздать, отправился искать Сатовского. Обойдя почти все цехи, он, наконец, узнал, что Сатовский на отпуске шпал. Никулин побежал в транспортный отдел. Увидев Сатовского, он спросил:

— Борис Иванович, шпалы ещё не грузите?

Не понимая, почему это интересует Никулина, Сатовский ответил:

— Всё в порядке, сейчас начнём грузить.

Никулин успокоился. К нему вернулась обычная неторопливость.

— Можно, конечно, и так, — заговорил он, — а можно и по-другому прокантовать, ещё быстрее и без шпал.

— Правда?

— А вот послушайте. Шпал не нужно. Вместо них поставить четыре козлины, а в них упоры. На эти упоры будем сажать платформу...

Это было смело и просто. Через несколько часов главный инженер утвердил проект стоек, срочно разработанный Горелышевым. Никулин сам собрал эти стойки (их-то он и называл козлинами).

Назавтра началась кантовка. Два спаренных крана медленно поднимали платформу с одной стороны, в стойки вставлялись прочные упоры, и платформа садилась на них. Краны переезжали на другой конец, и там повторялась такая же операция.

Платформа словно шагала вверх. Таким путём её подняли на восьмиметровую высоту...

Тут было много тревожных моментов. Потекли, стали расползаться тросы, не держали стойки (пришлось их наварить) и так далее. Поворот продолжался шесть часов. Платформа поворачивалась со скоростью часовой стрелки. Затем начался постепенный спуск...

Эта операция при выпуске следующих экскаваторов не привилась. Теперь кантовку производят раздельно по трём секциям и время на эту операцию планируется заранее.

Тогда же вместо десяти дней на кантовку ушло немногим более суток. Это был громаднейший выигрыш времени. Не будь его, экскаватор не был бы готов в срок.

10. Уральский сплав.

Ещё не отцепили тросов от перевернутой платформы, а на неё по крутой лесенке уже взобрались сборщики.

Общая сборка шагающего экскаватора началась. В цех въезжали железнодорожные платформы, мостовые краны подхватывали детали, и высоко в воздухе проплывали барабаны лебёдок, цилиндры, коробки редукторов, металлоконструкции. Колокол крановщицы расчищал путь деталям, и они опускались на платформу, где сборщики начинали их приваривать, приклёпывать, присоединять болтами. Узлы соединялись между собой трубами, проводами, балками, а сверху опускались всё новые и новые детали.

Весь завод работал в эти дни на сборку шагающего. Да и не только один завод. Десятки других заводов — московские, ленинградские, харьковские, челябинские, горьковские — выполняли заказы уралмашевцев, присылали свою продукцию. Рабочие осторожно распаковывали большие и маленькие деревянные ящики — и краны легко несли к месту сборки громадные моторы, насосы, различные приборы, трансформаторы.

Только одно электрооборудование для шагающего экскаватора делали восемнадцать заводов страны! Конструкторы-электрики буквально совершили подвиг, спроектировав и изготовив меньше чем за год мощные моторы совершенно новой конструкции.

Создание шагающего экскаватора — большое событие само по себе, но оно двинуло также вперёд и развитие смежных производств. Многие виды электрооборудования, стальные канаты, передаточные муфты, специальная гидроаппаратура создавались для этой машины впервые в Союзе. Труд многих тысяч советских людей, конструкторов, технологов, рабочих соединялся здесь, на сборке.

Уралмашевцы знали, что шагающий экскаватор предназначен для Волго-Донского канала, строительство которого уже началось, и это делало их труд ещё более целеустремлённым.

День и ночь в пролётах, словно звёзды, сверкали голубые огни электросварок. Не успевала потухнуть одна звезда, как в новом месте с лёгким треском вспыхивала другая, третья — и вот по всему цеху загорались десятки голубых звёзд. Сварщики не давали угаснуть своим звёздам, сменяясь, передавали их из рук в руки, как эстафету.

Громадный портрет Сталина висел на стене цеха, закрывая её сверху донизу. Освещённый яркими огнями портрет, казалось, сам светился мягким голубоватым светом, и всем работающим здесь из всех уголков цеха было видно лицо самого мудрого человека на земле, которому уралмашевцы посвящали свой труд.

Задолго до начала смены Сатовский отправлялся в цех. Завод встречал его многоголосым шумом. В морозном воздухе звуки множилось и усиливались.

До рассвета оставалось не менее двух часов. Свет фонарей падал на снег, скупое озаряя строения, столбы, холмистый скверик. На краю сквера из заснеженной земли

поднималась чёрная глыба металла, похожая на скалу. На верхней части её, срезанной под крутым углом, расположился танк, задрав в небо длинный ствол орудия. Этот танк — последний, выпущенный заводом в мае 1945 года. Уже не нужный для фронта, он въехал на эту глыбу и застыл на долгие годы — как символ боевой мощи Уралмаша и славы уралмашевцев.

От памятника начинался главный проезд завода — длинная широкая улица, освещённая двумя рядами огней. Вдоль расчищенных тротуаров выстроились длинные шеренги запылённых снегом тополей.

Сатовский шагал вдоль высоких строений цехов, и звуки менялись: дробно стучали формовочные машины, глухо ухали молоты, из механического цеха доносился ровный, неторопливый, как морской прибор, гул. Шум этот был привычен, он упорно висел в воздухе, не затихая ни на минуту, и поэтому почти не ощущался.

У кузнечного цеха Сатовский увидел трёх парней. Один из них, в длинной шпнели, забрался на лестницу и прибывал к воротам цеха большой кусок фанеры, а двое других держали её снизу. Сатовский силился вспомнить, откуда знакомо ему задорное лицо паренька в шпнели, его вздёрнутая по-мальчишески верхняя губа. Подойдя ближе, он вспомнил: это Владимир Остаточников, известный расточник. Его портреты всё время печатаются в газетах, а на одном торжественном вечере он сидел рядом с Сатовским в президиуме.

— Что это вы здесь делаете? — спросил Сатовский.

Остаточников обернулся и, узнав Сатовского, сказал:

— Вот, Борис Иванович, готовим кузнецам сюрприз к утренней смене. Можете прочесть. — Он спрыгнул наземь, и на фанере стала видна надпись:

«Товарищи прессовщики, вы срываете выполнение заказа для шагающего экскаватора. Дело вашей чести сегодня, 10 декабря, выдать поковки в механический цех.
Комсомольский штаб».

— Значит, вы уже сегодня начнёте обрабатывать траверсы? — спросил Сатовский.

— Если они выдадут, — усомнился один из товарищей Остаточникова.

— Как же не выдадут? — удивился Остаточников. — На что же мы тогда им молнию повесили?

— Конечно, выдадут, — подтвердил Сатовский.

Комсомольцы понесли фанерные «молнии» к другим цехам. Комсомольский штаб шагающего экскаватора действовал неутомимо. В каждом цехе он контролировал график прохождения деталей, следил, чтобы ни одна деталь не лежала без дела и часу.

На общей сборке Сатовского ослепили огни электросварки. Привыкая к яркому свету, он остановился на несколько секунд, потом заторопился к платформе.

Как всегда, он обошёл весь участок, проверяя, что сделано за ночь. Тут он знал всех, и ему не приходилось вспоминать имена. Вот слесарь Гнетов устанавливает с помощью крана огромный барабан, сборщики Машошин и Никулин прилаживают трубы. На другой стороне платформы Сатовский заметил Васильева, парторга участка сборки, и направился к нему, перелезая через трубы, моторы.

— Что так рано? — спросил Васильев.

— Беспокоит надстройка, — ответил Сатовский. — Ведь ей бы уж пора стоять на месте.

— Да, мы выпали из графика: не было транспорта. Лубенский только сейчас его раздобыл и сам пошёл в механический.

В это время Сатовский увидел Лубенского, начальника сборки. Он шёл впереди железнодорожной платформы, которая въезжала в широкие ворота цеха. На платформе лежали части надстройки — их привезли с механообработки.

Подойдя, Лубенский сказал:

— Ну вот и я. Сейчас поднажмём и снова влезем в график.

Но Сатовский, несмотря на это, понимал, что положение серьёзно. Стоит в одном месте сорвать такой напряжённый график, упустить из рук только одну деталь, и она увлечёт за собой другие. График всей сборки может быть разрушен.

А надстройка — весьма ответственный узел. На надстройке устанавливаются цилиндры, к ней будет подвешиваться стрела. Не установив её, нельзя производить дальнейший монтаж. Поэтому Сатовский, отойдя в сторонку, стал напряжённо думать, как быстрее установить надстройку.

Лубенский пошёл разгружать платформу. Его организаторским способностям есть где проявиться здесь, на сборке. Лубенский горяч и безгранично верит в успех каждого дела, которым занят. Во время войны его называли — «командир прорыва». Сейчас это уже анахронизм — прорывов не бывает. Нет и штурмовщины. Какая может быть штурмовщина, если месячные планы, как правило, заканчиваются к двадцать пятому числу! Но Лубенский иногда по старой привычке проявляет излишний азарт. Вот и теперь, размазывая руками, он носится от одного крана к другому.

Васильев же, наоборот, спокойно разговаривает с мастером Захаровым. Он — полная противоположность Лубенскому. Не только свою работу Васильев делает тихо, безо всякой шумихи, но и удерживает чрезмерно горячего Лубенского.

Сатовский подошёл к Васильеву.

— Что, если собирать надстройку не на платформе, а на полу?

— Вот и мы об этом говорим, — ответил Васильев. — да не получается. Кран не сможет подойти. Давайте посоветуемся с Никулиным. Может, он что-нибудь придумает.

Никулин неспеша подошёл, вытер руки тряпочкой. Обойдя по кругу, поздоровался со всеми за руку и встал в ожидании.

— Надо установить надстройку. За сколько времени сделаем? — спросил мастер Захаров.

— А сколько дано? — спросил Никулин.

— Что было дано, кончилось, — ответил Захаров.

— Я про технологию. Сколько в ней записано?

— Пятьдесят часов.

— Ну что же, за это время можно сделать.

Захаров хорошо знал Никулина и перешёл в наступление.

— Да ты не хитри, Александр Прокосьевич. За два дня я и сам сделаю. Ты отскачай прямо, к вечеру сделаешь?

Никулин не спешил с ответом. Он подошёл к краю платформы, посмотрел вниз, потом наверх, прикидывая расстояние для балок, и вернулся назад. В голове его уже наметился план, и он решил, что можно успеть даже и к обеду, а не к вечеру. Но об этом он не сказал ничего: ещё подумают, что хвастает. И, помолчав, он, наконец, ответил:

— Ну что же, можно и к вечеру.

Александр Прокосьевич Никулин работает на Уралмаше с 1936 года. За эти годы он собрал десятки тысяч тонн металлоконструкций. За время послевоенной пятилетки он выполнил 27 годовых норм и работает теперь в счёт 1972 года.

Работа слесаря-сборщика не совсем обычна. У сборщика металлоконструкций нет ни станка, ни машины. Кран, молоток, электросварочный и газорезущий приборы — вот и все его орудия производства. Поэтому он не может, как, скажем, токарь, перейти на скоростное фрезание или как зуборез обслуживать сразу несколько станков.

Как же всё-таки ускорил свою работу Никулин, перешагнув в 1972 год?

Он неистощим на новшества, на выдумку и всякую работу начинает с того, что проверяет, достаточно ли проста технология операции, нельзя ли в ней ещё что-либо упростить, переделать, чтобы ускорить процесс сборки.

В цехе лежит груда балок различных сечений и размеров, толстыми кипами сложены стальные листы. Сборщик получает чертежи и с их помощью создаёт из груды металла конструкцию, имеющую порой весьма сложную форму. Ясно, что он должен уметь читать чертежи не хуже конструктора, знать технологию не хуже технолога — только тогда он сделает конструкцию быстро и хорошо. Можно, конечно, выполнять работу по указаниям мастера и технолога, но нередко технологи и мастера сами ходят за советом к Никулину.

У Никулина свой стиль работы. Уже давно прогудел гудок, прошёл целый час с начала смены, а Никулин ещё не приступал к сборке. Он только ходил к мастеру, взял у него наряд, а потом уселся на балочку, словно нет ему никакого дела ни до своей работы, ни до окружающего. Неопытный мастер, разумеется, не выдержал бы такого безделья в разгар рабочего дня, он подошёл бы и спросил:

— Почему вы не работаете?

Никулин ответил бы:

— А куда спешить? — и незаметно пересел бы на другую балочку, подальше от чересчур дотошного мастера, который ничего не понимает в рабочем человеке.

Но мастера не тревожат Никулина. Они знают, что его рабочий день давно начался, но ещё не время приступать к физической работе: Никулин занят пока умственным трудом. Наконец, он кончил думать, подзывает своих помощников и говорит:

— Будем делать так... — и начинает объяснять.

А затем крановщица еле поспевает подавать детали — так быстро идёт сборка.

Вот грубая схема рабочего дня Никулина, того дня, когда он собирал надстройку. Два часа он думал, три часа ушло на сборку. В итоге — за пять часов выполнена работа шести смен.

По технологии надстройка должна собираться на платформе. Но на платформе устанавливали сейчас механизмы, и для сборщиков там просто не было места. Размеры рабочей площадки были по сути ничтожны — 20 на 11 метров, — и на этой площадке монтировалось огромное количество механизмов. Поэтому график сборки должен был быть железным. Стоило его чуть нарушить, как это произошло с надстройкой, и все свободные места на платформе оказывались занятыми под другие монтажные работы.

Никулин не стал дожидаться, пока освободится место на платформе. Он начал собирать надстройку в стороне, на полу. Чтобы ускорить свою работу, он каждый раз поворачивал надстройку нужной стороной книзу, и ему не приходилось лазить по конструкции, или ставить леса для приварки той или иной части. Всю эту работу можно было делать на земле.

Когда Сатовский к обеду снова пришёл в цех, он с удивлением увидел, что надстройка, походившая по форме на большие двойные ворота, уже собрана, но стоит она в стороне.

Казалось, что теперь-то и начнётся самое трудное. Как же перенести её на место? Ведь надстройку надо ставить на краю платформы, а кран туда не достаёт. Но у Никулина план был продуман до конца.

Сатовский увидел, как десятитонная надстройка легко оторвалась от земли и повисла над серединой цеха. Крановщица подвела её к самому краю платформы, но всё равно двух метров ещё не хватало. Никулин, уверенно помахивая рукой, давал сигналы крановщице. Он подошёл к краю пролёта и подтащил к себе трос от другого крана, работавшего в соседнем пролёте. Сатовский восхищённо подумал: «До чего же просто. Ну и голова!».

А Никулин, зацепив надстройку вторым краном, стал подтягивать её в сторону соседнего пролёта. Надстройка опустилась на платформу точно в требуемом месте, ещё две-три минуты она покачивалась, как бы ища точку опоры, но вот сварщики прихватили её огнём, и она застыла на месте.

Шагающий экскаватор снова вошёл в график.

Несколько дней прошли спокойно. Трудовой подъём уралмашевцев нарастал с каждым днём. Известный зуборез Виктор Пономзрёв, слав на сборку важную шестерню, закончил выполнение двадцать третьей годовой нормы. Токарь Турунцев, обтачивая барабаны лебёдок, выполнил третью пятимелку. Целые участки становились на стахановские вахты, десятки бригад боролись за переходящее Красное знамя, установленное на шагающем экскаваторе. График сборки был опережён более чем на полсутки.

В эти дни Уралмаш посылал своего делегата в Москву, на празднование юбилея товарища Сталина.

В цехе умолкли станки и машины, и огромная масса людей заполнила все проходы. Платформа обратилась в гигантскую трибуну. Парторг ЦК Овсянник: в предоставил слово молодому расточнику Владимиру Остаточникову.

— Вся страна, — сказал Остаточников, — посылает делегатов в гости к товарищу Сталину. Я предлагаю послать в Москву старейшего рабочего нашего завода, сына и внука прославленных уральских литейщиков, старого большевика, технолога чугунолитейного цеха Петра Георгиевича Антонова...

На платформу поднялся Антонов. Он разгладил нетропыло густые тёмные усы и, поблагодарив уралмашевцев за доверие, сказал:

— Только, признаюсь, боюсь я ехать. До дня рождения товарища Сталина осталось полторы недели, а дел на шагающем экскаваторе ещё много. А если мы его не сделаем, какими глазами я на товарища Сталина смотреть буду? Вдруг товарищ Сталин спросит: «Ну, а как дела на Уралмаше, сделан уже экскаватор или не сделан?». Лучше мне не ехать тогда в Москву.

Толпа превозно загудела. Слышались отдельные возгласы:

— Будь спокоен.

— Можешь ехать, наше слово твёрдо.

На трибуну легко вбежал невысокий, но живой и энергичный рабочий, токарь Турунцев. Он быстро и громко заговорил:

— Мы, конечно, понимаем, какую ответственность несём все. Так что мы не подведём, Пётр Георгиевич, уверенно езжай в Москву и передавай наш уральский поклон товарищу Сталину.

Один за другим на платформу поднимались рабочие, бригадиры, мастера. Они брали на себя обязательства досрочно сдать свои детали и узлы для шагающего экскаватора. Парторг Васильев, облокотившись на высокий редуктор, записывал эти обязательства в блокнот. Получалось, что экскаватор будет готов двадцатого декабря. Но для этого надо было работать уже не вдвое, а втрое лучше.

Митинг закончился. С платформы сняли красное полотнище, и она снова стала рабочим местом.

С новой силой закипела работа. Новые тысячи деталей приходили на сборку, и для каждой находилось место. День ото дня на платформе становилось всё теснее от механизмов и моторов. Часто, глядя на неё, Сатовский вспоминал время составления технического проекта и то, как он тогда представлял себе эту платформу.

Его тогдашнее представление в чём-то совпадало с действительностью, но в чём-то существенно отличалось от неё. Да, сама платформа была именно такой, какой она угадывалась ещё на чертежах. Именно так она должна была выглядеть, именно так было задумано взаимодействие деталей.

Но прежде, в воображении Сатовского, платформа существовала сама по себе, несколько абстрактно — просто металлическая коробка таких-то габаритов, такого-то назначения.

Теперь же всё кругом было заполнено жизнью, и эта жизнь проявлялась во всём: в сосредоточенном труде десятков людей на платформе, в барабанном бое пневматических инструментов, в глухом шуме мощных станков, в яростном шипении газовых горелок, пламя которых резало металл, в извивающихся змеях чёрных кабелей, по которым шёл ток, в движениях кранов, в призывах многочисленных плакатов и лозунгов и в ослепительном свете электросварки, ярко освещавшем эту картину.

И всё это были звенья единого процесса, который начался полтора года назад движением рейсфедера и продолжался теперь в огромном скоплении творчески организованного металла.

За платформой висел большой плакат — молодой рабочий, одетый в просторную синюю блузу, указывая рукой в цех, спрашивал: «Уралмашевец, что ты сделал сегодня для успешного выпуска шагающего экскаватора?».

Рядом с плакатом находилась конторка, отделённая от цеха высокими стеклянными окнами. В ней помещался штаб шагающего. Здесь было всегда тесно и шумно, но это не мешало сборщикам понимать друг друга с полуслова. Сюда приходили мастера и докладывали об успешном окончании какой-либо работы или, наоборот, о задержках. Тогда решения нужно было принимать мгновенно.

Вот мастер Карташёв сообщил со своего участка, что на сборке нет ступенчатого вала. Деталь небольшая, но она задерживает сборку: не установив её, нельзя ставить другие детали — шестерни, муфты, — которые уже прибыли на сборку. Лубенский позвонил начальнику цеха. Тот ответил, что деталь на станке, через полчаса снимут, а в следующей смене оформят документы и привезут. Задержка прозила обернуться четырёхчасовым простоем. Лубенский дал команду Ясеневу:

— Дмитрий Андреевич, идите в цех и заберите у них вал прямо со станка.

Яснев сел в машину и отправился в цех. Он нашёл деталь на станке Остаточникова. Стахановец уже заканчивал обработку детали. Яснев сказал:

— Давай контролёра ОТК, он проверит, и я её забираю.

Остаточников тряхнул чубом:

— Я сам себе ОТК. Пожалуйста, — он достал из карманчика гимнастёрки личное клеймо и впечатал его в металл.

Яснев помахал крановщице. Вал подцепили на кран, и Яснев, поддерживая его поднятой рукой, пошёл к машине. Нормировщик побежал за Ясневым и, забегаая то с одной, то с другой стороны, твёрдил:

— А где накладная, давайте накладную. Я так не могу. Это самоуправство.

— Вот вам расписка. Остальные бумаги потом. Что ж, я из-за накладной сборку держать буду?

Через десять минут мастер Карташёв устанавливал деталь на платформе.

В эти дни возник лозунг: «Детали шагающего — вне очереди». Диспетчеры устраивали для деталей шагающего «зелёную улицу», мастера сразу ставили их на станки. На крупных деталях было написано мелом — «шагающий» — и такие детали обрабатывались на станках быстрее, чем обычно. Закончив обработку, рабочие писали: «Привет сборщикам», и шестерни, валы, цапфы уплывали на кранах к машинам и железнодорожным платформам.

Начальники цехов и отдельных мастерских звонили в партком, к главному инженеру и говорили:

— Я закончил годовой план, не нужна ли помощь для шагающего экскаватора? Им отвечали:

— Нет, спасибо, не нужно, справимся сами.

Или в зависимости от обстановки:

— Можете прислать двух-трёх слесарей, только самых лучших, чтобы они не уронили марку вашего цеха.

И всё-таки произошёл срыв, который поставил под угрозу выпуск в срок шагающего экскаватора. Опасность пришла оттуда, где её меньше всего ожидали. Винной всему была стрела, и два дня весь завод был в тревоге.

Винокурский часто говорил:

— Наша стрела весит всего-навсего шестьдесят тонн.

Конструктор имел полное право говорить так, хотя шестьдесят тонн составляют добрых две трети веса современного паровоза. По всем подсчётам стрела длиной в 75 метров должна весить сто тонн. А стрела-труба Винокурского остроумно стянута в трёх плоскостях вантами, благодаря чему достигается необходимая жёсткость конструкции и весит намного меньше. Это дало возможность увеличить объём ковша на четыре-пять кубометров.

Винокурский был спокоен за свою стрелу. Ещё летом он провёл все требуемые испытания её модели.

Стрела длиной в 16 метров была похожа на поваленную на семь мачту корабля. Вместе со сборщиком Никулиным Винокурский натягивал ванты.

— Осторожней, осторожней, — говорил он, когда Никулин проявлял чрезмерное усердие.

— Ничего ей не сделается, это же сталь, а не дерево, — отвечал Никулин и обрушивал на стрелу молоток, забивая шплинты.

— Что вы делаете? — с ужасом вскрикивал Винокурский. — Вот уже в двух местах краска поцарапана. Разве можно так обращаться? Вы хотите погубить мою модель.

Но когда модель стрелы поставили на экскаватор СЭ-3 и начали испытания, Винокурского словно подменили. Тщательно и осторожно прицепив на место ковша пятитонную чугунную грушу, так называемую «бабу», он решительно скомандовал:

— Давай!

Теперь он стал безжалостен к своей стреле. Швырял её вправо и влево, неожиданно сбрасывал бабу, раскачивал её во все стороны, словно хотел, чтобы стрела непременно сломалась. Тут уж не выдержал и Никулин. Он попросил Винокурского:

— Осторожней, Ефим Ароневич, так вы её совсем доконаете.

— В этом и состоит цель испытаний, — спокойно отвечал Винокурский.

В течение нескольких дней он добросовестно старался привести стрелу в негодность. Специальный фотоприбор фиксировал все колебания, которые происходили на конце стрелы при резком торможении, при подъёме бабы и спуске.

Стрела выдержала все сверхнагрузки, и только тогда Винокурский успокоился.

Теперь, в декабре, Винокурский готовился собирать настоящую стрелу. Но уже давно и, казалось, неотвратимо назревала угроза срыва своевременного выпуска стрелы, а значит, и всего экскаватора.

Наступили самые тревожные дни за всё время постройки машины. Вот что писал ведущий инженер Ясенев в своём дневнике в эти дни:

«15 декабря. До 21-го осталось меньше недели. Как ни прикидываю — не сделаем за это время шагающего. То есть сделать можно, но без стрелы. Стрелу закончим только 23 числа. Раньше никак. Вот как это вышло. Вчера из кузнечного сообщили, что к вечеру можно будет забирать стрелу с термообработки. Вот тут и началась полная неувязка. Раскрыли чертежи технологии и оказалось, что на механическую стрелу (расточка торца — три секции, шесть торцов) требуется восемь суток.

Винокурский рвёт и мечет:

— Где вы раньше были? Почему кузнецов не торопили? Не знали, что ли, про восемь суток?

Разве объяснишь ему, что не в кузницах дело, что поставщики на две недели задержали 60 тонн металла. Какое это объяснение? Ведь не напишешь в рапорте: «Экскаватор оделан, кроме стрелы, металл для которой был задержан поставщиками».

Шагающий экскаватор идёт сверх плана, и поставщики не выдержали нашего темпа, хотя весь остальной металл (свыше 700 тонн) они также дали сверх плана. Наша же вина в том, что мы не сумели вовремя предвидеть и предотвратить эту задержку и спохватились только тогда, когда прорыв стал явным.

И Винокурский в сущности прав, когда кричит:

— А где были снабженцы? Чего они смотрели?

Ему отвечают:

— Снабженцы специально ездили к поставщику. Привезли металл прямо с прокатного стана.

— Лучше бы уж и не привозили!

Сатовский усмал его в цех с каким-то поручением. А сам сидит чернее ночи. Лубенский тоже ругает почём зря онабженцев, как будто это может теперь помочь.

До самого вечера мы сидели в диспетчерской, прикидывали так и сяк — ничего не получается. Всё дело в том, что длина каждой секции стрелы — двадцать пять метров, а на заводе имеется только один токарный станок, на котором можно обрабатывать такие промадные детали. Как всегда в таких случаях, пошли к главному инженеру за советом. Он снова приказал всем нам думать и дал два часа сроку, включая и переживания.

— Если, — говорит, — через два часа не придумаете, я подскажу, но это уж плохо будет.

Вернулись обратно в диспетчерскую. Сидим, гадаем. В это время входит Овсянников, за ним Васильев. Овсянников спросил, будто ничего не знает:

— Ну, что у вас за неприятности?

Мы рассказали. Он снова задаёт вопрос:

— А в цехе вы были, с рабочими советовались?

— Нет, не были. Мы здесь собрали лучшие конструкторские, технологические и оперативные силы завода.

— Вижу, — отвечает, — а где лучшие рабочие силы? Запомните, без них вы только сплошная теория. Идите в цех. На этом станке работает Турунцев, он вам, наверное, покажет что-нибудь. А вы сидите тут, как в клетке, перебрасываетесь, как жонглёры, номерами заказов, названиями деталей и забываете, что за всем этим стоят люди, наши советские рабочие люди.

Сатовский, сменный диспетчер и я пошли в цех к Турунцеву. Он встретил нас с улыбкой:

— Что-то сегодня начальству на месте не сидится. Главный инженер был, партторги оба были. Теперь вы...

Вот, оказывается, в чём дело. Овсянников дал нам хороший урок по конкретной работе с людьми.

Короче говоря, Турунцев взялся обточить стрелу за два дня вместо восьми. Сатовский спросил:

— А как вы будете её обтачивать?

— Завтра на месте виднее будет. Мысль есть, но пока мне и самому не всё ещё ясно.

16 декабря. Ну и задал нам жару Турунцев. Утром (оно начинается теперь часов в пять) идём на сборку с Сатовским, зашли к нему в цех. Он уже успел переналадить станок и устанавливает секцию стрелы. Она висит на двух кранах, опрорная — 25 метров. Турунцев смеётся:

— Не задерживайте со второй секцией. Моему сменщику она как раз понадобится.

Мы, конечно, поняли это, как шутку. Для того, чтобы развернуть стрелу другим концом (чтобы обточить второй торец), её надо выводить из пролёта в самый конец цеха, там разворачивать, а потом снова ставить на станок. А на это одно уйдёт минимум смена.

Пошли на сборку. Сюда приходят люди со всего завода. Машина начала вырисовываться в полном объёме, и всем интересно посмотреть. Но нам и так тесно, без зрителей. Сегодня заканчивается монтаж цилиндров, и Исаев орудует вовсю. Никулин собирает ковш. Нет только стрелы.

После обеда прибежал Сатовский.

— Что же вы ходите? Турунцев уже заканчивает первую секцию.

Я остолбенел — как же так?

— А вот так. Станок-то у него двухшпиндельный. Он стрелу не стал поворачивать, а поменял местами суппорт и шпиндель. По-своему исправил нашу технологию.

Вместе с диспетчером мы пошли в депо, взяли паровоз и поехали в кузнечный цех за второй секцией. Пока её грузили на платформу, паровоз стоял под парами. В будке машиниста мы проехали по «зелёной улице» в механический. Обернулись за полтора часа. А по всем правилам на такую перевозку полагалось бы не меньше восьми часов. Чтобы поспеть за рабочими, и нам приходится «перевыполнять норму».

Турунцев нас уже ждёт, сидит, покуривает.

— То-то же. А я было собирался сходить домой пообедать.

Тут же рядом стоит технолог и довольно улыбается. А ведь в его технологии оказалась ошибка. Но он не может не восхищаться тем, как пронцательно Турунцев её заметил, а затем быстро и ловко исправил.

17 декабря. Закончена сборка ковша. Это второй ковш, на восемнадцать кубов.

И снова — невозможно не удивиться, какой он громадный. В ковш свободно может въехать полторка. Зубья у него по полметра, они могут грызть любые скалы.

После обеда Винокурский уже начал собирать стрелу. Никулин говорит, что к двадцатому стрелу соберут. А Винокурский опять нервничает: «Не спешите! Поосторожней, прошу вас! Так вы всё на свете переломаете...»

11. „Царь-машина“.

Свыше двадцати тысяч деталей сходились на сборку. У каждой детали был сложный и долгий путь по многим цехам. Каждую деталь отливали, отковывали или штамповали, обрабатывали в механических цехах на многих станках. Каждая деталь проходила через десятки, а то и сотни рабочих рук.

Трудности изготовления шагающего были под стать трудностям проектирования. Всё на этой машине делалось впервые — и не только на Уралмаше, но и в Союзе. Предстоящие испытания должны были подвести итог полуторагодовым совместным усилиям конструкторов, технологов, рабочих.

Как заработает машина? Нет ли в ней каких-либо изъянов? Правильно ли собраны десятки её узлов? Эти вопросы волновали всех на Уралмаше.

В стороне, чтобы не тесниться на платформе, слесари заканчивали монтаж пульта управления. Конструкторы поставили перед собой трудную задачу — управление гигантским экскаватором должно быть максимально централизовано и сосредоточено в руках одного человека. И они добились этого, широко применяя электроавтоматику.

Работа сборщиков была незаметной на первый взгляд: так хорошо всё спрятано внутри платформы. Электрики протянули свыше десяти километров проводов и кабеля, слесари уложили около четырёх километров различных труб. А на пульте управления — всего несколько кнопок и рычагов, которые управляют огромным телом машины.

На испытание собралось всё начальство, и этого Сатовский опасался больше всего. Триумфа не получилось. Электросеть дала подряд несколько коротких замыканий, на одном моторе перегорели щётки. Не сразу удалось усмирить эти неприятности, сопровождавшиеся треском и короткими взрывами.

Наконец, моторы заработали. Включили лебёдки, редукторы, проверили другие узлы. Очередь была за гидравликой. Сатовский подошёл к пульту и смело нажал нужные кнопки. Но повернуться к цилиндрам он боялся. Кто-то крикнул:

— Выключай.

Цилиндры не стронулись с места ни на миллиметр. Из многих труб сочилось масло, в одном месте оно било толстой коричневой струёй, описывая большую радужную дугу.

Исаев сокрушённо сказал:

— Много утечек.

Сатовский и Исаев надели телогрейки и целые сутки лазили и ползали по трубам, меняя прокладки, фланцы, проверяя золотники.

Назавтра гидравлику опробовали снова. Цилиндры начали медленно опускаться. В цехе раздался какой-то необычный шум. Сатовский обернулся — это аплодировали сборщики. Но цилиндры вскоре осгановились.

Снова все ходили мрачные и копались в гидросистеме. Цилиндры не поднимались. Тогда Исаев предложил поднять их двадцатитонную массу краном. Всё-таки это был выход. В это время из парткома сообщили, что в цех направляется делегация — просьба встретить и показать машину.

Испытания остановили, продолжая только мелкую работу. Сатовский недовольно ворчал.

На платформу поднялся по лесенке парторг Овсянников, нагнулся, помогая подняться своему спутнику. По лицу парторга Сатовский догадался, что пришёл необычный гость. И вот над платформой появилось знакомое Сатовскому лицо. Белая пушистая борода, раздвигаясь, падала на еногэвый воротник шубы. Среди бесчисленных

морщинок поблёскивали чуть выцветшие глаза: они живо и пронизательно оглядывали окружающее. Гость снял шапку и открыл большой крутой лоб.

Сатовский поспешил навстречу. А старик уже бодро преодолел последнюю ступеньку, и его тяжёлая палка стукнула по платформе.

— Прошу познакомиться, — произнёс Овсянников. — Главный инженер проекта, творец этой уникальной машины, Борис Иванович Сатовский.

Старик протянул руку и сказал глухим, но громким голосом:

— Бажов.

Следом поднимались другие гости — представители обкома и городских организаций. Водя их по платформе и рассказывая про экскаватор, Сатовский не сводил глаз с Павла Петровича Бажова.

Руки знаменитого уральского сказочника нежно и по-отечески любовно гладили детали. Он снял перчатки, чтобы лучше чувствовать металл. Его узловатые рабочие руки хорошо понимали цену настоящего русского умельства и мастерства. Живые и умные глаза старика, одновременно удивлённые и восхищённые, подолгу задерживались на каждом механизме и с ещё большим восхищением перебегали на новый предмет.

Сатовский не скупился на краски:

— Мощность моторов нашего экскаватора семь тысяч киловатт, это около десяти тысяч лошадиных сил. Экскаватор заменит труд семи тысяч землекопов...

Седые лохматые брови сказочника поднимались, и палка сильнее стучала по железу, точно он пробовал крепость платформы. Дошли до края платформы и повернули к другой её стороне. Бажов неожиданно обернулся и остановился, всматриваясь в широкую перспективу платформы. Кожуха моторов, зубцы шестерён, десятки механизмов, расположенных симметрично вдоль платформы... Во всём чувствовалась огромная мощь экскаватора, готовая преобразиться в километры каналов, в горы добытого угля.

— Царь-машина! — громко произнёс Бажов.

Слова эти через пять минут разнеслись по всему цеху, стали известны в других цехах, и тысячи людей повторяли их на все лады. Они звучали, как награда.

Сатовский, оставшись один, вспомнил, как называли его машину различные люди: знамя советского машиностроения; гордость послевоенной пятилетки; уникальный сверхмощный экскаватор. И вот прибавилось ещё одно название.

— Царь-машина, — задумчиво произнёс кто-то позади. Сатовский обернулся и увидел Никулина. Тот стоял, задумчиво наклонив голову набок. Его светлоголубые глаза внимательно осматривали предметы, словно он видел экскаватор впервые, и во взгляде светилось удивление. Сатовский отошёл в сторону, чтобы не помешать чужим мыслям. А Никулин задумчиво пошёл вдоль платформы, считая негромко:

— Раз, два, три...

Сатовский понял, что Никулин хочет сосчитать число моторов, и ему захотелось крикнуть: «сорок восемь», но он сдержал себя, вспомнив к тому же, что Никулин не хуже его знает, сколько моторов установлено на экскаваторе.

Никулин обошёл всю платформу, постоял ещё немного и сказал сам себе:

— Какую машину выдумали!

Никулин ничего не сказал про то, что и он тоже один из выдумщиков этой машины, но по его лицу было видно, что он об этом подумал.

Кто-то позвал его из глубины цеха, и Никулин деловым шагом направился к лестнице. Увидев Сатовского, он приостановился.

— Ну и машину, Борис Иванович, мы сделали. Завод целый. А старик-то какой... Бажов-то!

До самого утра двадцать первого декабря налаживали сборщики гидравлику. И вот экскаватор зашагал. Цилиндры почти неслышно начали опускаться и подниматься.

Собравшись в штабе, конструкторы, технологи, рабочие писали рапорт директору:

«Докладываем вам, что коллектив сборщиков мощного шагающего экскаватора закончил сборку и испытание всех механизмов машины, а также монтаж гидросистемы. Обязательства уралмашевцев в честь 70-летия со дня рождения нашего любимого вождя и учителя товарища Сталина выполнены».

А ещё через час была отправлена телеграмма на имя министра с рапортом об испытании шагающего экскаватора. Министр тяжёлого машиностроения Казаков сообщил в этот же день в правительство, что новый экскаватор готов и отгружается к месту назначения, на строительство Волго-Донского канала. Уралмашевцам министр прислал поздравления и благодарность.

В этот же день из Свердловска в Москву доставили на самолёте модель шагающего экскаватора. Тонкая, почти ювелирная, работа уральских машиностроителей поистине удивительна. Уменьшённая в двадцать пять раз модель точно повторяет конструкцию машины. Она ходит, поднимает ковш, поворачивается и может даже выкопать средней величины канаву: длина её стрелы три метра.

Модель эта была выставлена в зале подарков товарищу Сталину.

Через несколько дней, в канун нового года, уралцы провожали шагающий экскаватор. Разобранный на отдельные части, упакованный в ящики, он занял сто вагонов и платформ. Из ворот завода медленно выходил первый эшелон, и тысячи людей собрались вдоль путей посмотреть ещё раз на дело своих рук.

Мимо проезжали открытые платформы. На одной лежали огромные цилиндры, на другой стоял ковш; для разобранной на части поворотной платформы понадобилось шесть железнодорожных платформ. Канаты, лебёдки, цепи, ящики, огромные трубы стрелы... Один за другим проходили вагоны, и казалось, что нет им конца.

На многих деталях были надписи, сделанные руками сборщиков:

«В подарок любимому Сталину».

«Привет строителям Волго-Дона!»

«Привет с Урала!»

Сатовский стоял, окружённый большой группой товарищей. Все возбуждённо перебывали друг друга.

— Смотрите, а вон опорная база.

— А вот зубчатый венец.

Каждый узнавал свои детали, которые он делал. Кто-то говорил:

— А это мой вал. Я его растачивал.

Другой сказал протяжным басом:

— Вот он какой, уникальный шагающий экскаватор.

Сатовский услышал голос Никулина:

— Какой же он уникальный? Был уникальный, а стал нормальный.

Тот же бас подтвердил:

— Правильно. Шагающий составляет каких-нибудь два-три процента плана. Да мы их столько наделаем!..

— Смотрите, смотрите,— перебил Сатовский,— а это мы с Васильевым и Никулиным писали «Привет волгодонцам!». Поехал наш привет на Волгу и на Дон.

12. На сталинской стройке.

...И вот Сатовский, раскрыв «Правду», читает заголовок: «О строительстве Волго-Донского судоходного канала...» Сразу обращая на себя внимание, добрую половину газеты занимает карта. Жирные, извилистые линии, проведённые во всех направлениях, пересекают её. Это каналы. Сколько их тут? Сатовский выхватывает из текста цифры. Ого, восемьсот пятьдесят девять километров! Это почти от Москвы до Сталинграда.

Глаза останавливаются на густой ряби горизонталей водохранилища, на частой штриховке орошаемых площадей. Почти три миллиона гектаров! Даже он, побывавший на месте стройки, не предполагал такого огромного размаха работ.

А вот и Волго-Дон. Извилистым чёрным жгутом он упирается своими концами в две великих реки. Сатовский находит точку, где работает его экскаватор. Перед глазами его рождается знакомая картина.

Широкий канал разрубил степь надвое. Твёрдая земля неохотно поддается усилиям людей. Но люди, вооружённые могучими машинами, сильны и упорны, и земля покоряется им.

Сотни машин работают в степи, но все они кажутся крохотными при сравнении с землеройным гигантом. Как будто на берегу канала выросло здание большого цеха. Широкие пролёты окон, многочисленные пристройки и лесенки, сосредоточенное гудение внутри усиливают это впечатление.

Но вот здание начинает медленно и почти неслышно поворачиваться. Из-за кузова машины показывается длинная и тонкая стрела. Огромный ковш, подвешенный к ней канатами, поднимается из котлована.

Экскаватор движется всё быстрее, высоко в воздухе ковш описывает широкую дугу и вдруг опрокидывается, не замедляя своего стремительного полёта. С глухим шумом падают вниз глыбы земли, широкий столб пыли встаёт над степью.

Экскаватор описывает полный круг и замирает на несколько секунд. Ковш опускается вниз, и через минуту новые тонны грунта доставлены из котлована наверх. Горы этой земли тянутся зубчатой грядой вдоль берега будущего канала, и экскаватор наваливает их всё больше и больше.

А за ним до самого горизонта протянулось просторное ложе канала. Скоро оно примет на свою грудь волжские флотилии. И корабли поплывут по раздольной степи, весело переключаясь гудками.

Эта картина сменяется новой, незнакомой, но ещё более прекрасной. Слово он, Сатовский, поднялся на огромную высоту. И видит: безбрежная нива раскинулась внизу, лениво перекатывая на солнце золотые волны. Ртутными ниточками поблёскивают каналы, плывут, утоая в золоте, комбайны, бегут к элеваторам караваны машин, наполненных до краёв золотым зерном.

А в другой стороне на земле легли пёстрозелёные бесконечные луга. Тысячеловые стада, зыбко покачиваясь, двигаются, как живые острова в зелени трав.

А в третьей стороне плещутся о берег нежносиние, как само небо, воды нового, ещё не обозначенного на картах моря. Они с шумом падают вниз с широкой дуги плотины, вскипают белой пеной и светлой радугой, отдавая людям свою могучую силу.

Покорная земля послушна воле людей. Она обильно и щедро оделяет их всеми своими благами. Счастье быть человеком на такой земле, ходить по ней, вдыхать широкой грудью её запахи...

Сатовский читает «Правду». Вот говорится о том, что благодаря высокой оснащённости Волгодонстроя мощными экскаваторами и другими механизмами решено сократить на два года установленный ранее срок строительства.

«Ведь это о нашем гиганте,— думает конструктор.— Конечно, и о других механизмах, но ведь наш экскаватор — самая мощная машина на всём Волго-Доне».

И Сатовский вспоминает свои поездки на строительство.

Чтобы доставить экскаватор на место работ, понадобилось проложить новую железную дорогу. Эшелоны с шагающим прибыли в голую степь неподалёку от города Красноармейска.. Вскоре в степи вырос посёлок.

Приступил к работе цех внешнего монтажа. Цех этот работает иногда за тысячи километров от завода, в самых различных районах страны — там, где монтируются машины с маркой УЗТМ — Уральского завода тяжёлого машиностроения.

Начальником монтажа шагающего был Сатовский.

Шагающий экскаватор рос в степи, как растёт многоэтажный дом. Он рос медленно, и чем выше поднимался его тридцатиметровый остов, тем сильнее ощущалась грандиозность этой машины. И уже в третий раз удивлялись уралмашевцы величию своего детища.

Наконец наступил день, когда Сатовский послал на завод телеграмму:

«Завтра начинаем шагать».

Он не спал в эту ночь. Ему надоело ворочаться с боку на бок, и, набросив на плечи кожанку, он вышел на улицу. Была тёплая июльская ночь, ветер слабо шевелил волосы на непокрытой голове. Степь светилась десятками огней. Они мерцали со всех сторон, и каждую ночь их зажигалось всё больше. Степь оживала...

Сатовский присел на крыльцо. Перед ним, занимая почти четверть неба, возвышалась тёмная стальная громада шагающего. Техническое выражение «вылет стрелы» ярко передаёт самое характерное в облике гигантского экскаватора. Длинная и тонкая стрела, кажущаяся совсем невесомой, улетела вперёд и вверх, прочерчивая звёздное небо узкой чёрной полосой. Толстые, в полторы руки, канаты, обтягивающие стрелу, казались с земли тоненькими ниточками. Красная лампочка горела на конце стрелы.

Шагающий был точно таким, каким представлял его себе Сатовский два года назад. Но теперь его образ воплотился в металл. За строгими пропорциональными линиями машины почти не ощущаются её богатырские размеры, и, если нет масштаба для сравнения, огромности экскаватора не почувствуешь. Эти линии стремительны и просты, в них нет и намёка на затейливость или вычурность, переходы плавны и мягки — говоря языком техники, — обтекаемы, отдельные узлы словно сливаются один с другим. Это «почерк» конструктора Сатовского.

«Завтра начинаем шагать». И это завтра уже наступило час назад. Сатовский подумал о том, что через несколько часов будет решаться его судьба. Но сколько уже было и сколько ещё будет таких «завтра», когда решается судьба.

...Еще не вставало солнце, а к машине уже собиравались конструкторы и сборщики. Исаев, Лубенский, Борисов, Винокурский, Любимов, Никулин, Максимов — всех тянуло сюда. Заканчивались последние приготовления. Пора было шагать.

Многое вспоминает Сатовский, сидя над этой газетой:

...как целую неделю экскаватор, словно младенец, учился ходить. Как бились над первыми его шагами, радуясь каждому оставленному позади метру;

...как зашагали впервые на трассу канала. Впереди лежал длинный, почти в километр путь. Высоковольтная линия стояла на этом пути, и было разрешено выключить ток только на четверть часа. Как нарочно, они застряли под линией: вышли из строя насосы. Пришлось мчаться в полutorке на станцию, и казалось, стёкла кабины лопнут под напором ветра. Через три часа шагающий вышел на двух насосах (вместо шести) из-под линии и подошёл к месту будущего канала. Это была такая же степь, какая лежала на многие километры вокруг. Только колышки торчали из земли. Огромный ковш мягко лёг на траву и вдруг, разламывая землю и погружаясь в неё, как форштвень корабля в воду, пополз, оставляя позади себя длинный след — застывшие волны перепаханной земли;

...как шагал экскаватор, набираясь с каждым днём всё новых и новых сил, и за ним лежала всё удлиняющаяся трасса канала, а по бокам протянулись высокие зубчатые горы — выкинутая порода;

...как встретился гигант со своими младшими братьями — четырёхкубовыми шагающими экскаваторами. Исчезла, словно растаяла, последняя перемычка на канале, и вот уже трасса легла на многие километры, от горизонта до горизонта;

...как придирчиво проверяла экскаватор приёмная комиссия и как профессор Домбровский подписывал акт.

Шагающий сдан в эксплуатацию.

Дальнейшие события можно проследить по записной книжке Сатовского, куда он привык заносить свои мысли.

«Слушали по радио доклад товарища Булганина о 33-й годовщине Октября. Он сказал в докладе, что выпуск экскаваторов в 1950 году увеличился в 13 раз по сравнению с довоенным.

Большая цифра, ни в одной отрасли промышленности нет такого коэффициента роста! За экскаваторами огромное будущее. Когда придёт время перепахивать всю планету (Сибирь, Центральную Азию и т. п.), наши экскаваторы будут царями ма-

шип. Трудно переоценить их роль. И это будут огромные машины, на 25, 50 и даже 100 кубометров».

Ещё одна запись:

«Экскаватор наш работает плохо. Всё ещё много утечек масла и других неполадок. Всё это необходимо учесть в конструкциях последующих машин. Мы должны довести экскаватор до совершенства».

К этой записи необходимы комментарии. Недовольство своей работой — у Сатовского в крови. Взять хотя бы экскаватор СЭ-3 — его зовут также «Уралец». Это высокопроизводительная и самая безотказная в работе машина. Выпущены уже сотни таких экскаваторов, но Сатовский не устаёт снова и снова улучшать конструкцию. Поэтому он вправе говорить о новом сверхмощном шагающем экскаваторе, что он работает плохо, несмотря на то, что экскаватор уже получил заслуженное признание.

Добрая половина записной книжки испещрена формулами и расчётами — это Сатовский записывал свои мысли, устраняя неполадки пока что на бумаге. Затем опять идут сведения о работе экскаватора.

«Профессор Домбровский наставил повсюду свои осциллографы, и они фиксируют все динамические нагрузки. Результаты удивительны. Например, колебание конца стрелы при торможении доходит до 60 сантиметров, а при сбросе породы конец стрелы как бы подпрыгивает на 34 сантиметра. Но канаты Винокурского прочно обтягивают стрелу, в то же время придавая ей большую гибкость».

На следующей странице две других записи:

«У экскаватора много мощностей в резерве. Он может работать с ковшем в 18 кубов. Этот вопрос будет решаться госкомиссией. Тогда марка машины будет не ЭШ-14/65, а ЭШ-18/65».

Профессор Домбровский и Сатовский подошли к берегу канала. У их ног начался крутой глубокий обрыв.

— Вот и закончена работа, — весело сказал Домбровский. — Акт подписан, можно ехать домой.

Сатовский возразил:

— Работа, Николай Григорьевич, только теперь и начнётся. В акте столько замечаний, что хватит на полгода работы.

— Но ведь это для других машин. Что такое по сути дела первый шагающий экскаватор? Это торжество конструкторских идей и рабочего мастерства. А практическое значение одной машины сравнительно невелико. Один экскаватор погоды не делает. Вот когда на стройках будут работать десятки таких машин, это будет революция в технологии земляных работ. Представьте себе степь — голую степь. — Домбровский широким жестом указал в сторону от канала. — И в этой степи ничего нет, кроме пятнадцати шагающих экскаваторов. Они вытянулись в линию на расстоянии 8—10 километров друг от друга. Влево и вправо от каждой машины, как гигантские мачты какой-то линии, виднеются только стрелы соседних экскаваторов. Все пятнадцать экскаваторов, копая канал, шагают на восток к Уралу, расстояние между машинами не уменьшается, а за ними тянется всё дальше готовая трасса. Кроме них, в степи нет других машин; если не считать десятка грузовиков, которые курсируют от одного экскаватора к другому, привозят письма, газеты, продукты, воду, запчасти, машинное масло. Два раза в неделю, держа курс по стрелам, как по маякам, весь канал объезжает кинопередвижка и бригады артистов. И это, пожалуй, всё. Пятнадцать экскаваторов и не более тысячи человек за пять лет построят опромный канал. Вот это я понимаю — механизированное строительство.

— Да. И так будет!

В небольшом стандартном домике было тесно и весело. Волгодонцы провожали уральцев. Шагающий закончил в этот день выемку первого миллиона кубометров. Экипаж машины менее чем за полгода стал миллионером. Экскаватор вынимал земли

в полтора раза больше, чем было предусмотрено проектом. И уже не семь, а десять тысяч человек заменял он.

За столом поднимали стаканы.

— Давайте нам побольше таких машин, — просили волгодонцы. — Отличные машины. На открытии канала вы будете не гостями, а строителями, как и мы.

— Дадим, дадим, — отвечали уральцы. — Сколько нужно, столько и дадим. Новокраматорцы недавно собрали новую пятнадцатикубовую лопату, а у нас в цехах уже, наверное, закончили сборку пятого шагающего. И, наконец, мы уже получили предварительное задание сделать на базе нашего экскаватора новую, ещё более мощную машину. И не сомневайтесь — скоро она будет. Понимаете, что это значит?

Давно ли казалось Сатовскому, что он достиг предела возможного и желаемого, и вот перед ним уже новая цель. И его уже тянуло домой, к своему рабочему столу, тянуло скорее начать работу над новым заданием.

Сатовский предложил выйти попрощаться с шагающим. Начальник экскаватора, молодой инженер Анатолий Усков включил свет, и шагающий озарился сотнями огней; его прожекторы осветили трассу канала. Поднялись по крутой лесенке на мостики и прошли в кабину. В мягком свете ламп поблёскивали кнопки, педали и рычаги — пульт управления.

Небольшая дверь вела в кузов, который было бы правильнее назвать машинным залом. Впереди шёл Усков, за ним остальные. Они поднялись ещё выше, на второй этаж, где находилась площадка с электроаппаратурой. Просторный зал лежал перед ними. Терялись вверху переплёты балок, чернели огромные окна, стальные канаты пересекали по диагонали кузов и уходили вверх через крышу. Внизу протянулись неширокие коридоры вдоль механизмов. Моторы, барабаны лебёдок поднимались выше человеческого роста. Они были неподвижны и безмолвны, но и сейчас чувствовалась их могучая сила.

Через несколько часов, загудев, они придут в движение, слегка содрогнётся пол, и огромный, как многоэтажный дом, кузов начнёт плавно и почти неслышно вращаться, вынося на своей стреле всё новые и новые горы земли из ложа канала. За лень шагающий пройдёт ещё с десятков метров вперёд, к своей цели...

Уральцы и волгодонцы спустились вниз, вышли на мостик с другой стороны кузова и начали подниматься на стрелу. Бесконечная, как эскалатор метро, освещённая вереницей огней лестница вела наверх. Горячий июньский ветер хлестал по лицу. Подъём был медленным и нелёгким.

На конце стрелы — большая прямоугольная площадка. Держась за поручни, все стояли и смотрели вперёд.

В сорока метрах внизу чернела земля. Свистел в вантах сухой ветер. Широкая полоса огней прорезала степь, прочерчивая трассу канала, а вправо и влево от неё яркими пятнами светились огни новых посёлков.

Молчание нарушил Сатовский. Он задумчиво сказал:

— Наверное, днём, в ясную погоду отсюда далеко видно.

«До самого коммунизма», — захотелось ему ответить себе, но он промолчал: эти слова показались слишком выпрепными. Но торжественное молчание его товарищей как бы подтверждало, что все стоящие здесь думали о том же, вспоминали великого человека, который видит дальше и яснее всех, который ведёт советский народ по дороге к светлому будущему.

...Подали машину. Прозвучал прощальный гудок.

На много километров уже отъехали уральцы, и всё нет-нет, а кто-нибудь оборачивался назад, проверяя, видны ли огни шагающего гиганта. Сначала свет прожекторов ярко выделялся на фоне неба, а потом он смешался с десятками других огней, и вот уже не различить, где свет шагающего, а где другие огни.

Но у всех этих огней было одно общее — это огни мира.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Д. КРАМИНОВ

★

„ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА“ УОЛЛ-СТРИТА

1. „Психологический“ диверсант.

Последний раз мне довелось встретить майора Батчера, одного из «стратегов» американской «психологической войны», в самом конце 1947 года. Произошло это в Лондоне, в Ланкастер-хаузе.

В сумерки ветреного и дождливого декабрьского дня в просторном и мрачном холле этого дворца, где заседал тогда Совет министров иностранных дел четырёх великих держав, собралась большая группа корреспондентов, чиновников и военных. Они посматривали на закрытые двери конференц-зала, с нетерпением и беспокойством ожидая конца заседания. Все знали, что за этими дверями решается судьба сессии, а с ней, видимо, и судьба Совета. Было известно, что Совет зашёл в тупик, и это заседание должно было показать, удастся ли министрам преодолеть его или нет. Разделившись на небольшие группки, собравшиеся гадали об исходе заседания, предсказывали возможный ход событий.

Вместе с корреспондентом австралийского телеграфного агентства Эриком Баумом, которого я хорошо знал ещё по военным годам, мы переходили от одной группки к другой, пожимали руки знакомым и задавали одни и тот же вопрос: что думают они об исходе заседания? Кончится оно разрывом переговоров сегодня или будет перенесено на завтра? А если кончится разрывом, к чему это приведёт? Ответы на первый вопрос были противоречивы: одни говорили, что Маршалл хочет прервать сессию Совета сегодня, другие говорили, что Бевин и Бидо не решатся на разрыв, поскольку общественное мнение Европы не готово к краху совместных попыток союзников решить германский вопрос. Последствия же разрыва переговоров оценивались почти единодушно: это означало бы неминуемый раскол Германии и резкое обострение отношений между западными союзниками и СССР.

У высокого окна, за которым виднелись чёрные, мокрые деревья, стояла группа американцев. Их не трудно было узнать даже издали. Они двигали челюстями с таким усердием, словно от того, сумеют ли они досконально разжевать резину или нет, зависело их существование.

В центре группы стоял высокий, худощавый мужчина с лысой, яйцевидной головой и одуловатым лицом, на котором выделялся крупный, немножко загнутый нос. Это был майор Батчер, один из руководящих офицеров отдела «психологической войны»¹ Верховного штаба союзных экспедиционных сил в Европе (Шэйф'а).

Батчер несколько раз встречался с военными корреспондентами на западноевропейском фронте. Делал он это прежде всего для того, чтобы рекламировать деятельность своего отдела. Он уверял, что его отдел «стоит целого корпуса пехоты». Кадровые офицеры, считавшие этот отдел прибежищем трусов и бездельников, высмеивали хвастливые утверждения Батчера. На обещание Батчера поставить немцев на колени

¹ Отдел, занимавшийся пропагандой в стане противника.

с помощью пропаганды офицеры отвечали смехом и издевательски советовали ему устроить перед линией Зигфрида «гёрлз-шоу» — представление с полураздетыми девушками. Батчер не только не обижался, но сам уверял всех, что «гёрлз-шоу» может быть полезным и на войне. Подобно большинству «психовояк» — так звали в армии офицеров отдела пропаганды — Батчер до войны был специалистом в области рекламы («паблисити-мэн»). Он приобрёл почти всеамериканскую известность тем, что придумал устроить представление полураздетых, вернее, раздетых на девять десятых девушек в большом магазине аптекарских товаров. Публика валом повалила в этот магазин, и его хозяин, стоявший на грани краха, стал загребать огромные барыши. Видимо, поэтому в отделе «психологической войны» майора Батчера считали «парнем с мозгами» и внимательно прислушивались к его советам.

Майор Батчер не повёз своих «гёрлз» к линии Зигфрида. Зато он, кажется, одним из первых в штабе западных союзников додумался пугать немецких буржуа призраком советской оккупации. Американские пропагандисты начали усердно докazyвать немецким промышленникам, банкирам, помещикам, торговцам, офицерам и чиновникам, что им выгоднее и безопаснее оказаться под американской оккупацией. Эта пропаганда несомненно сказалась на усилении сопротивления гитлеровцев на Восточном фронте и ослаблении на Западном. Геббельс без труда мог обнаружить, что американская пропаганда в Германии по своей антисоветской направленности часто почти ничем не отличалась от его собственной пропаганды. За эту пропаганду майор Батчер, его соратники по «психологической войне» и их главнокомандующий генерал Макклрю получили впоследствии высокие военные награды.

Что привело майора Батчера сейчас в Ланкастер-хауз, было мне не ясно. Однако спрашивать его я не стал. С этим «гением» американской рекламы и «психологической войны» я не был знаком, а виделся лишь на пресс-конференциях. Поэтому, когда Баум, видимо близко знавший Батчера, представил меня ему безличным «мой друг», я решил не называть себя и не напоминать майору о наших встречах в дни войны. Отвечая на мой поклон, Батчер равнодушно и небрежно кивнул лысой головой.

На вопрос Баума, что он думает о заседании, Батчер безапелляционно изрёк: — Сорвётся.

— А может быть, перенесут на завтра?

— Нет, не перенесут, — отрезал американец.

— А почему бы не перенести? — допытывался Баум. — Прервать сессию никогда не поздно.

— Генерал сказал, что сегодня он прикончит эту болтовню. Русские используют этот Совет, чтобы раздеть нас и вывернуть перед глазами всех наизнанку, и генералу это надоело.

— Вы имеете в виду генерала Маршалла? — спросил Баум.

— Его, — подтвердил Батчер.

Баум обменялся со мной взглядом и весело ухмыльнулся. Его, кажется, забавляли откровенные разглагольствования Батчера в присутствии советского корреспондента; о том, кто я такой, американец, по всей видимости, не догадывался. Многозначительно подмигнув мне, Баум взял Батчера под локоть и заметил, не то спрашивая, не то утверждая:

— Ведь если сессия сорвётся, то Германия будет разделена...

— Конечно, — согласился майор. — И не нам оплакивать её раздел. Лучше иметь половину Германии, где мы будем хозяевами, чем видеть всю Германию под господством русских.

— Но ведь русские тогда тоже уйдут.

— А если сами немцы будут хозяйничать в Германии, мы тоже ничего не выиграем, — назидательно заключил Батчер. — Такая Германия, даже в лучшем случае, будет только буфером между Западом и Востоком. Нам же нужен в центре Европы не буфер, а таран, мощный таран против русских.

Баум поглядывал на меня, явно наслаждаясь тем, как ему удаётся, выражаясь словами самого Батчера, «вывёртывать наизнанку» американца. Заметив выражение гнева на моём лице, он предупреждающе приложил палец к губам.

— А скажите, майор,— начал он, снова обращаясь к Батчеру,— что вы будете делать, если...

Договорить ему не удалось. Двери конференц-зала распахнулись, и оттуда повалили советники, секретари, переводчики, за которыми показались сами министры.

— Ну вот и кончилось,— удовлетворённо произнёс Батчер и тут же добавил: — Будем надеяться, что навсегда кончилось.

Тяжело переваливаясь на своих толстых, казавшихся негнушимися, ногах, через холл проковылял к выходной двери Бевин. За ним, насупив густые седые брови и глядя прямо перед собой, продефилировал военным шагом Маршалл. Даже в просторном штатском костюме Маршалл выглядел, как сказали бы американцы, генералом на все сто процентов. Рядом с Маршаллом семенил маленький и шуплый, с личиком херувима Бидо. Он говорил что-то Маршаллу, молитвенно сложив свои маленькие узкие ручки, и со стороны казалось, что французский министр иностранных дел умоляет о чём-то сердитого генерала.

— Ну вот и кончилось,— повторил Батчер, когда за министрами закрылась дверь и послышалось урчание моторов и шелест шин по мокрой мостовой.

— А что американцы намерены делать в Германии теперь? — возобновил вежливый, но настойчивый допрос Баум.

— То, что делали до сих пор,— ответил майор.

— То есть? — не отставал Баум.

Батчер неопределённо пожал плечами и не ответил. Тогда Баум начал наступление с другой стороны.

— Русские, несомненно, скажут немцам, что американцы помешали Германии объединиться,— заметил Баум.— Что вы ответите на это немцам?

— Мы ответим немцам,— с явным раздражением заговорил американец,— мы ответим немцам, что во всех их бедах и обидах виноваты русские. Мы рисуем русских такими красками, что немцы будут скрипеть зубами при одном слове «русский», они будут бросаться и кусать русских, когда увидят их.

— О, я вижу, майор, вам придётся вернуться к своей профессии военных лет и снова стать «психологическим воином!» — воскликнул Баум с явной иронией.

— Мне не надо возвращаться к прежней профессии,— самодовольно объявил Батчер, не замечая иронии.— Я не расставался со своей профессией.

— Вы вели «психологическую войну»?

— Вёл и веду.

— Против кого же? — задал новый вопрос Баум, глядя на меня такими глазами, будто хотел сказать: «Ты сейчас услышишь очень интересное признание»... Американец чётко ответил:

— Против русских и всех этих поляков, чехов и других.

— А каким же оружием ведётся война?

— Тем же самым. Радио, печать, листовки, слухи.

— И выступления эмигрантов с призывами свергать правительства?

— И это есть.

— А как насчёт штаба?

— Есть и штабы.

— Где?

— Есть штаб в Вашингтоне. Есть штаб в Берлине. Но мой — во Франкфурте-на-Майне.

— Во Франкфурте-на-Майне,— повторил Баум и, видимо, подзадоривая Батчера, воскликнул: — Это очень, очень интересно! Как же вы действуете?

Но тут Батчер подозрительно покосился в мою сторону, не спеша достал резинку, сунул её в рот и, бросив бумажку в урну, неопределённо ответил:

— Так вот и действуем...

Все дальнейшие попытки Баума продолжить откровенный разговор ни к чему не привели. Батчер либо отшучивался, либо отмалчивался. Тогда, поняв тщетность своих стараний, Баум коротко простился с ним, и мы отправились на Флит-стрит готовить

телеграммы о том, что министры иностранных дел, обсуждавшие в Лондоне германский вопрос, к явному удовлетворению американцев, прекратили свою работу, так ни о чём и не договорившись.

2. Пропагандисты-провокатеры.

О том, как действует майор Батчер и его соратники по антисоветской «психологической войне», я узнал несколько позже в Берлине, где мне пришлось задержаться по пути домой. Оказалось, что американские власти в Германии уже развернули здесь широкую антисоветскую пропаганду, не ожидая исхода сессии Совета министров в Лондоне. 12 ноября 1947 года, по приказу начальника американской военной администрации в Германии — генерала Клея, в Берлине был создан специальный комитет, которому поручалась организация антисоветской пропаганды. Этот комитет возглавлял начальник контроля над информацией полковник Текстор. В состав комитета вошли начальник разведывательного отдела полковник Родз, начальник гражданской администрации Личфилд, начальник отдела рабочей силы Верте и начальник политического отдела Риддельсбергер. Этот комитет составил директиву, предписывающую немецким газетам американской зоны оккупации развернуть антисоветскую пропаганду. Директиву написал лично полковник Текстор, по прямому распоряжению генерала Клея. Чтобы избежать разоблачения этой антисоветской провокации, директива не была разослана редакторам газет — их просто вызвали к полковнику Текстору. Тот зачитал им директиву и предложил неукоснительно руководствоваться ею.

Несколько дней спустя генерал Клей вызвал к себе редакторов газет «Тагесшпигель», «Телеграф», «Социал-демократ», «Шпандауер Фольксблатт». Он объявил им о необходимости и целесообразности усилить в этих газетах антисоветскую пропаганду, сделать её повседневной. Тем самым генерал Клей грубо нарушил закон Союзного контрольного совета, запрещающий немцам вести пропаганду против оккупирующихся держав. По прямому указанию американской военной администрации, немецкие издательства срочно выпустили несколько злобных антисоветских книжек, написанных изменниками и предателями. Усилиями литературных фельдфебелей генерала Клея была соспрана поганая антисоветская книжонка «За железным занавесом». Эту книжонку выпустили сразу несколько издательств и разослали по всей Западной Германии. Чтобы забросить несколько тысяч экземпляров этой книжонки в советскую зону оккупации, американцы использовали социал-демократических агентов и шпионов.

Во Франкфурте-на-Майне, где находился главный штаб американской военной администрации, был создан особый центр для организации более широкой и глубокой антисоветской пропаганды, а также для подрывной и шпионской активности против Советского Союза и восточноевропейских стран. Этот центр занимался изысканием средств, форм и каналов для ведения антисоветской пропаганды и подрывной работы. Он же усердно вербовал «специалистов», когда-то работавших в этих странах по поручению гитлеровских органов пропаганды и разведки. С помощью сотрудников Геббельса американские пропагандисты изучали содержание, методы и приёмы гитлеровской пропаганды. Их агенты рыскали по лагерям перемещённых лиц, выискивая «подходящих» людей.

Антисоветские машины пропагандистского центра США в Германии энергично поддерживала американская разведка. Органы американской пропаганды и разведки всегда действовали и действуют рука об руку. В их подрывных усилиях против Советского Союза часто совершенно невозможно отличить, где кончается пропаганда и начинается разведка. Все американские «пропагандисты» работали и работают на разведку, и вся американская разведка помогала и помогает ведению антисоветской пропаганды.

Даже разведки маршаллизованных стран считали своим долгом помочь американским «пропагандистам» обзавестись соответствующими кадрами. Французская разведка, например, обшарила все уголки Франции, Бельгии и французской зоны

оккупации Германии, выискивая украинский националистов, бежавших вместе с гитлеровцами, русских белогвардейцев, изменников и предателей. Французская разведка не только составила подробную опись этого сброда, но и представила американским «психологическим» стратегам в Западной Германии наиболее «пригодные», по её мнению, кандидатуры для пропагандистской и подрывной работы.

Однако антисоветская «психологическая война», развёрнутая американцами и их социал-демократическими и лейбористскими оруженосцами в Германии и в маршаллизованных странах, не принесла ожидаемых результатов. Влияние Советского Союза в Европе неуклонно расширялось и укреплялось. Позиции прогрессивных организаций, борющихся за мир и демократию, становились всё прочнее и прочнее.

Обеспокоенные провалом своих пропагандистских диверсий против Советского Союза и коммунистических партий, правящие круги США попытались создать в Европе объединённый американско-англо-французский «центр» для более широкой и централизованной антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Этому центру в Вашингтоне придавали очень большое значение. Разработка директивы, определяющей цели и характер его деятельности, была поручена известному поджигателю войны Джону Фостеру Даллесу. Директива Даллеса предписывала «объединённому» центру развернуть против Советского Союза и коммунистических партий всестороннюю и последовательную пропагандистскую войну. В плане ведения этой войны были намечены три стадии. На первой стадии Даллес планировал ликвидировать симпатии прудящихся Западной Европы к своему освободителю от фашистского ига — Советскому Союзу. На второй — намечалось выставить Советский Союз в виде всемирного пугала и заставить европейцев бояться его. В третьей стадии он рассчитывал привить европейским народам чувство вражды и ненависти к Советскому Союзу. Последнее должно было служить «моральной мобилизацией» народов Западной Европы для агрессивной войны американского империализма против Советского Союза и стран народной демократии.

В распоряжение «объединённого» центра были отпущены большие средства. Он мог приобретать газеты, радиостанции, содержать свои кадры, необходимые для переброски в соответствующие страны. «Центру» поручалась организация всяких провокаций, которые позволили бы американским, английским и прочим маршаллизованным пропагандистам поднимать в печати и по радио клеветнические кампании, направленные на подрыв авторитета коммунистических партий.

Начало деятельности этого «центра» оказалось скандально неудачным. Первая же провокационная фальшивка, состряпанная по его заданию английской разведкой, так называемый «протокол М», в котором делалась попытка опорочить коммунистов в Западной Европе, провалилась. Немецкие коммунисты немедленно разоблачили этот подлог. Даже английский министр иностранных дел Бевин, выступавший сначала с горячей поддержкой «протокола М», должен был вскоре признать, что это фальшивка.

Почти так же провалилась попытка вести провокационную работу в рабочих и прогрессивных организациях с помощью засланных туда агентов «центра». Как ни старались эти агенты распускать провокационные слухи и вести клеветнические кампании «шёпотом», рабочие и прогрессивные организации разоблачили этот замысел. Агенты были быстро обнаружены и изгнаны из рядов рабочего класса.

Не увенчался успехом и другой, не столько пропагандистский, сколько бандитский, замысел американских пропагандистов-разведчиков. Американский разведчик Маллани, работавший под видом профсоюзного чиновника в американской зоне оккупации Германии, представил «центру» план «обезвреживания коммунистов и левонастроенных элементов в Западной Германии». Он предлагал выявить всех коммунистов и сочувствующих им рабочих, а затем приступить к «индивидуальной ликвидации» их. Ликвидация должна была осуществляться путём организации «несчастных случаев» на предприятиях или «катастроф» на дорогах. Коммунистов и сочувствующих им рабочих, которых не удалось бы физически уничтожить, Маллани предлагал «обезвредить» путём моральной ликвидации. Предлагалось подбрасывать им украденные вещи,

захватывать их с «поличным» и возбуждать судебные преследования по обвинению в воровстве. Тех, кого нельзя было обвинить в воровстве, Маллани рекомендовал компрометировать, провоцируя их на аморальные поступки. Все факты «моральной ликвидации» коммунистов должны были немедленно подхватываться и широко рекламироваться печатью, которая находится в руках американцев или их прихвостней.

Американским разведчикам-пропагандистам удалось организовать некоторое количество «несчастливых случаев» против коммунистов в Западной Германии. Однако их замысел «моральной ликвидации» честных людей провалился.

«Достижения» американской пропаганды в её попытках навязать народам Европы и всего мира «американский образ жизни» и возбудить антисоветские настроения среди простых людей оказались ничтожными. Они ни в какой мере не оправдывали затраченных средств и энергии. Американские пропагандисты были вынуждены ещё раз признать, что в борьбе идей между лагерем социализма, возглавляемым Советским Союзом, и капиталистическим лагерем, возглавляемым США, победа неуклонно остаётся на стороне лагеря социализма. Этот итог заставил американские правящие круги серьёзно задуматься над эффективностью своей пропаганды и усомниться в дееспособности органов, ведущих её.

3. „Генеральный штаб“ лжи и провокаций.

Дельцы и дипломаты, конгрессмены и профессора, журналисты и генералы принялись выяснять причины всех этих неудач. Две группы конгрессменов послали президенту и государственному секретарю два объёмистых меморандума, в которых выразили своё возмущение провалом американской пропаганды за пределами США. В журналах начали появляться статьи, авторы которых пытались теоретически обосновать беспомощность американской пропаганды.

В июльском номере американского журнала «Форин афферс» за 1949 год была опубликована большая статья профессора Робинсона «Идеологическая борьба». Этот профессор, слышавший знатоком России и работавший в течение всей войны в русском отделе Управления стратегических служб (разведки) США доказывал, что «Соединённые Штаты вступают в кризис 1949 года с военным снаряжением 1950 года и идеологическим оснащением 1775 года». Робинсон указывал, что в своей пропаганде США оперируют, главным образом, такими документами, как «Декларация независимости» и «Билль о правах человека», которые были хороши два века назад, но совершенно не годятся сейчас. По мнению Робинсона, Америка в настоящее время не имеет идей, которые она могла бы выдвинуть перед народами других стран и которые увлекли бы эти народы. «Американская теория, — писал он, — намного отстала от американской практики. Зачастую, казалось, не имея своей философии, мы вступаем в будущее, пятясь». Робинсон предлагал мобилизовать все силы, чтобы изобрести «привлекательные идеи» и снабдить США подходящей теорией.

Редактор журнала «Зис уик мэгэзин» Уильям Николс, например, утверждал в своём журнале, что лозунги свободной инициативы и частного предпринимательства, с которыми выступает американская пропаганда, не привлекают и не могут привлечь широкие слои простого народа. Простые люди во всех странах ставят знак равенства между США и ненавистным им словом «капитализм». Николс считал, что это зло можно и нужно срочно поправить, подобрав соответствующую замену слову «капитализм».

Известный реакционный публицист Дональд Митчелл, выступивший со специальной статьёй в июльском номере журнала «Каррент хистори» за 1950 год, отмечал, что Америка не популярна потому, что внешняя политика США не имеет ясной цели. «Состязаясь со сторонниками революционной философии, обладающей большой силой и привлекательностью, — писал Митчелл, — американская внешняя политика не могла выдвинуть контридеал такой же или ещё большей силы. В области идеологии мы не можем ответить на вызов коммунизма, противопоставив ему равнозначную демократию».

Однако правящие круги США полагали, видимо, что идейное убеждение американской пропаганды можно компенсировать крупными ассигнованиями и соответствующими организационными мерами. Веруя во всемогущество доллара, они и здесь напирали не на идеи, а на деньги. Не случайно поэтому в течение последних трёх-четырёх лет правительство США было занято практической разработкой многочисленных планов и проектов по улучшению зарубежной пропаганды, по организации и реорганизации её центральных органов.

В середине 1950 года разработка планов антисоветской и антикоммунистической пропаганды в крупных масштабах специальным указом президента была поручена вновь назначенному советнику государственного департамента Джону Фостеру Даллесу, государственному секретарю Ачесону, помощнику государственного секретаря Баррету, нынешнему руководителю Центрального разведывательного управления и бывшему послу США в Москве генералу Беделлу Смиту, бывшему начальнику американской военной администрации в Западной Германии генералу Клею, генералу Эйзенхауэру и бывшему руководителю американской разведывательной сети в Европе во время войны Аллену Даллесу. В результате усилий этой компании генералов и разведчиков правительство своим решением от 17 августа 1950 года создало при государственном департаменте «Национальное управление психологической стратегии», возглавляемое помощником государственного секретаря Барретом.

Перед новым управлением ставилась задача организовать «психологическую войну» против международного коммунизма, а также нацелить все органы американской пропаганды на обеспечение внешнеполитических целей США. Управление собиралось заниматься не только пропагандой, но и широкой подрывной деятельностью за пределами США. Об этом неопровержимо свидетельствовал тот факт, что в него вошли представители министерства обороны, Объединённой группы начальников штабов, Центрального разведывательного управления, Национального управления ресурсов безопасности и некоторых других учреждений.

Но и эта организация не оправдала надежд правящей верхушки США. Как и предшествовавшие штабы «психологической войны», управление так и не сумело организовать американскую пропаганду с требуемым размахом, а лозунги и доводы её не стали доходчивее и убедительнее. Народы мира видели потуги «психологических стратегов» США навязать им идею американского превосходства и господства и решительно отвергали её. Американская антисоветская пропаганда оставалась по-прежнему такой же неэффективной, какой она была до создания этого управления.

В начале 1951 года государственный департамент собрал «закрытое совещание», посвящённое обсуждению мер, которые могли бы улучшить позиции США на пропагандистском фронте. В этом совещании, помимо Ачесона и его ближайших помощников, приняли участие представители тридцати организаций, в том числе Национальной ассоциации промышленников, Национального совета внешней торговли, Американской федерации труда, Американского легиона и т. д. Перед этим государственный департамент собрал для обсуждения той же проблемы «лидеров американской мысли». В качестве таковых были приглашены реакционные публицисты, генералы, разведчики, профсоюзные деятели, профессора и авантюристы, наиболее известные своей антисоветской деятельностью. Но и совместные усилия представителей «делового мира» и «лидеров американской мысли» не дали конкретных результатов.

Некоторое время спустя правительство США решило изъять ведение «психологической войны» из рук государственного департамента. Президент создал особое «Управление психологической стратегии», которое, согласно его директиве, должно было «формулировать и распространять в качестве руководства для управлений и органов, ответственных за меры психологического воздействия, общенациональные психологические цели, политику и программу в этой области, а также координировать и оценивать национальные усилия в области психологии». Трумэн поставил это управление в прямое подчинение Совету национальной безопасности, который, как известно, определяет ныне политику США.

В состав Управления психологической стратегии вошли заместитель государствен-

ного секретаря Уэбб, нынешний министр обороны Ловетт и руководитель Центрального разведывательного управления генерал Смит. Представители Объединённой группы начальников штабов должны были играть роль военных советников этого управления, «чтобы политика и программа управления соответствовали утверждённым планам военных операций». Фактическим главой управления назначен руководитель разведки США генерал Смит, а директором — бывший военный министр Грей. Основная задача этой новой организации, как указывало агентство «Ассошиэйтед пресс» 21 июня 1951 года, заключается в том, чтобы «руководить холодной войной против России и её сателлитов».

Управлению психологической стратегии была передана вся сеть органов американской внешнеполитической пропаганды. Американские газеты отмечали, что, мол, США получили, наконец, «политический генеральный штаб» для ведения «психологической войны» в широких масштабах.

Руководящий состав этого «управления» свидетельствует о том, что Уолл-стрит решил держать американскую пропаганду за рубежом в собственных руках. Хозяева США намеревались сами «формулировать общенациональные психологические цели» и наблюдать за их осуществлением.

4. Маскировка империалистической агрессии.

Однако «формулировать и распространять» цели американской пропаганды, или, как говорилось в указе президента, «общенациональные психологические цели», оказалось не легко. Новое управление не смогло выдвинуть ни новых идей, ни придать привлекательность старым. Как и все предыдущие «штабы», управления, комитеты и советы, оно стояло и стоит перед неразрешимой задачей — навязать народам мира ярмо американских монополий, заставить свободолюбивые народы «психологически» принять американское мировое господство.

На протяжении послевоенных лет американская пропаганда упорно пыталась решить эту задачу. С одной стороны, она добивалась ликвидации или, по крайней мере, резкого ослабления того влияния и авторитета, которыми пользовался и пользуется среди народов мира Советский Союз. С другой стороны, американская пропаганда старалась навязать народам мира так называемый «американский образ жизни». Принятие народами этого капиталистического образа жизни должно было, по мысли американских «психологических стратегов», обеспечить США моральное и идейное руководство миром и материальное господство американских монополий.

Первую часть задачи американская пропаганда намеревалась решить путём компрометации социалистического строя, как «тоталитарного режима». Это своё утверждение она обычно приправляла злобной бранью и невероятным извращением фактов. Боясь, что правда о действительном положении в лагере социализма всё же дойдёт до простых людей в капиталистических странах, американская пропаганда подхватила клевету Черчилля о «железном занавесе». Криками о «железном занавесе» пропагандисты Уолл-стрита рассчитывали убить сразу двух зайцев. Во-первых, они надеялись подкрепить ими свою ложь о социалистическом строе, который якобы отгородился от остального мира. Во-вторых, они надеялись помешать народам капиталистических стран доискиваться правды об этом строе.

Клевета о «железном занавесе» была разоблачена многочисленными представителями народов капиталистического мира. Тысячи делегаций, десятки тысяч людей побывали за последние годы в Советском Союзе, в странах народной демократии, в Китайской народной республике. Миф о «железном занавесе» уже рассеян. Но капиталистическая печать, действуя по директивам органов пропаганды, ещё продолжает оперировать этим журавлем, хотя теперь он всё чаще и чаще начинает поворачиваться против своих создателей. Не лагерь социализма, а лагерь капитализма боится открыть свои границы представителям свободолюбивых народов.

Провал попытки американской пропаганды скомпрометировать в глазах широких народных масс социалистический строй заставил «психологических стратегов» Уолл-

стрига заняться поисками новых провокационных антисоветских измышлений. В результате этих поисков появилась басня об агрессивности Советского Союза. Тон этой пропаганде задал Трумэн, объявивший в одной из своих многочисленных и многословных речей о том, что СССР будто бы угрожает всему миру. Клевета Трумэна была вскоре повторена Ачесоном.

С тех пор американские конгрессмены, журналисты, генералы и дипломаты истощно вопят на эту тему. Американская пропаганда бессовестно обкрадывает покойного Геббельса, целиком заимствуя у него бредовый тезис о «советской опасности», «большевистской угрозе» миру и прочую чепуху. Пропагандисты Уолл-стрига не останавливаются ни перед какими грязными средствами, чтобы навязать народам, и прежде всего народам Европы, страх перед «советской опасностью». Например, во время недавних выборов во Франции, американцы отпечатали за свой счёт и распространили по всей стране большой плакат, на котором изображена промадная фигура советского солдата, бегущего с винтовкой наперевес на Париж.

Пропаганда «советской агрессии», организуемая американскими «психовояками» в последние полтора-два года, была разоблачена последовательной и целеустремлённой мирной политикой Советского Союза. Несмотря на все старания слуг Уолл-стрига, европейские страны, как недавно с горечью отмечали реакционные американские газеты, не верят в опасность советской агрессии и не хотят той гонки вооружений, которую навязывает им Вашингтон. Не только трудящиеся, но и влиятельные круги европейской буржуазии не поддались антисоветской военной истерии, разжигаемой американской пропагандой. Американцам приходится стучать кулаком по столу, чтобы «убедить» маршаллизованные правительства западноевропейских стран принять американскую программу гонки вооружений. Но даже подобные методы «убеждения», как показала недавняя конференция стран Атлантического блока в Оттаве, действуют недостаточно.

Ещё хуже справилась американская пропаганда с позитивной частью своей программы — то есть с навязыванием идеи американского руководства миром. Эту не очень оригинальную идею мирового господства американские пропагандисты пытались привить народам путём разжигания страха перед военной и экономической мощью США. Правящая верхушка США не остановилась перед крайними мерами, чтобы вызвать и всячески раздуть этот страх. Теперь уже является бесспорным тот факт, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, уничтожившие несколько десятков тысяч детей, женщин и стариков, не имели никакого военного значения и были совершены только для демонстрации разрушительной мощи «нового оружия» и устрашения всего мира. И это целиком подтвердила американская пропаганда.

Первые послевоенные годы, примерно до сентября 1949 года, американские газеты, журналы, радио, кино самыми яркими красками расписывали ужасы атомных бомбардировок и всеокрушающую силу атомных бомб. Американские иллюстрированные журналы и киножурналы, распространяющиеся за пределами США, были заполнены страшными снимками, показывающими действие атомных бомб. Телеграфные агентства США буквально засыпали европейские страны тревожными сообщениями о новых открытиях американцев в области разрушительной атомной техники.

В ту пору «атомная пропаганда» должна была подкрепить «атомную дипломатию», с помощью которой США пытались заменить в международных отношениях принцип переговоров и сотрудничества принципом диктата и шантажа. Каждый раз, когда дипломаты Уолл-стрига получали за столом международных конференций заслуженный отпор со стороны представителей Советского Союза и стран народной демократии, «психологические стратеги» американских монополий упиливали кампанию атомного шантажа.

Постоянные угрозы атомной бомбой, рекламирование её разрушительных возможностей должны были, по замыслу правящих кругов США, запугать миролюбивые народы лагеря социализма, деморализовать их сторонников в капиталистических странах и вдохновить холопов американских монополий во всём мире. Упоывая на это, американская пропаганда не жалела ни усилий, ни средств, чтобы расписать ужасы

бывших и будущих атомных бомбардировок. Каждое такое выступление американской пропаганды сопровождалось глумлым хвастовством относительно того, что только американцы могли раскрыть секрет атомной энергии и только американская промышленность может осилить производство атомных бомб.

Когда же миру стало известно, что Советский Союз не только давно знает секрет атомной энергии, но и имеет свои атомные бомбы, атомным пропагандистам Уолл-стрита пришлось поспешно ретироваться. После короткого замешательства американская пропаганда начала настойчиво утверждать, что атомная бомба вовсе не так уж страшна и разрушительна, как это казалось до сентября 1949 года. На сцену были выпущены учёные-атомники, которые стали доказывать, что разрушительная сила обычной атомной бомбы сильно переоценивалась, что от неё можно спастись, приняв некоторые меры предосторожности.

Однако американская правящая верхушка не отказалась от атомной пропаганды. Некоторое время спустя Трумэн публично, с большим шумом, отдал приказ о начале работ над «водородной бомбой». Американская пропаганда стала расписывать разрушительную силу этой бомбы почти теми же самыми «леденящими кровь» красками, какими расписывались бомбардировки японских городов и испытания атомной бомбы на атолле Бикини. «Водородная пропаганда» продолжается до сих пор. Она то поднимается до истеричного визга, то спадает до угрожающего ворчания.

Запугать атомной или водородной бомбой миролюбивые народы Советского Союза и стран народной демократии американской пропаганде не удалось. Напротив, именно в этот период советское правительство обнародовало грандиозный план великих мирных строек коммунизма, ведущих к преобразованию природы на огромной территории страны социализма, к дальнейшему огромному подъёму материального благосостояния и культуры советского народа.

Народы же капиталистического мира ответили на американскую атомную пропаганду решительным требованием запретить атомное оружие. Более полумиллиарда человек подписало Стокгольмское Воззвание, требующее запрещения атомного оружия и объявления военным преступником того правительства, которое первым применит его. Неуклюжая американская пропаганда лишь способствовала тому, что народы всего мира стали рассматривать американских атомных маньяков, как серьёзную опасность человечеству, против которой надо неустанно бороться. Разнузданная военная пропаганда Уолл-стрита содействовала, сама того не желая, сплочению сторонников мира. Таким образом, и тут американские «психологические стратеги» добились результатов, прямо противоположных тем, которых они добивались.

Последние годы американская пропаганда пыталась прикрыть пружину агрессивную политику американского империализма дымовой завесой разговоров и речей об обороне. Под ширмой обороны «Атлантического сообщества» маршаллизованным странам Западной Европы был навязан откровенно агрессивный «Атлантический пакт». Остриё этого пакта направлено против Советского Союза и стран народной демократии. Американская пропаганда усердно подчёркивала это обстоятельство, рассчитывая найти сочувствие в среде европейской буржуазии, готовой на предательство национальных интересов во имя сохранения и обеспечения своих классовых привилегий. Действительно, американским пропагандистам удалось заставить европейскую буржуазию и её верных правосоциалистических холопов поверить, что Уолл-стрит готов взять на себя все расходы по вооружению Западной Европы. Однако, привязав западноевропейских вассалов к своей колеснице, Уолл-стрит заставляет их не только поставлять ему солдат, но и содержать войска.

В самое последнее время американские «психологические стратеги» выдвинули идею ликвидации национальных государств. Принятие этой космополитической идеи означало бы превращение Западной Европы в простой колониальный придаток США. Воротилы Уолл-стрита понимают, что правящие клки западноевропейских стран, смертельно боящиеся своих собственных народов, согласятся даже на ликвидацию национальной независимости, если им удастся при этом обеспечить себе хотя бы место приказчиков американских монополий в Европе. Однако этот новый лозунг аме

риканской пропаганды, кстати сказать, усердно проповедуемый правосоциалистическими лидерами, решительно отвергается народами Европы.

Ещё более трудным оказалось убедить народы всего мира и, прежде всего, народы Азии, в том, что, мол, агрессивная война американского империализма в Корее является войной оборонительной и справедливой. Американским пропагандистам не помогло даже то обстоятельство, что ООН, которую правящие круги США стремятся превратить в филиал государственного департамента, благословила эту войну и пыталась прикрыть чудовишные зверства и преступления американской военщины своим голубым флагом. Пятисотмиллионный китайский народ единодушно и решительно выступил против этой войны, поспав в помощь германскому корейскому народу своих славных добровольцев. Народы Азии не поверили лживой американской пропаганде. Их симпатии остались целиком на стороне корейского народа. Народы маршаллизованных стран, несмотря на то, что их правительства поддержали американскую авантюру в Корее, также осудили эту войну, как разбойничью и варварскую.

Потуги «психологических вояк» США навязать народам мира «американский образ жизни» провалились с таким же треском. Безидейные и ограниченные американские пропагандисты подходили к народам в других странах с меркой среднего американского обывателя, воспитанного на криминальных романах, голливудской полупорнографии и описаниях гангстерских походов. Эти пропагандисты усердно расписывали богатство США, усиленно награждая рядовых американцев теми благами, которыми, на самом деле, пользуются в Америке лишь наиболее обеспеченные слои населения. Тупая классовая ограниченность или самоуверенное невежество мешает «психологическим стратегам» Уолл-стрита понять, что эта картина изобилия и процветания вызывает у жителей разоряемых американцами европейских стран, совсем не те чувства, на которые рассчитывают в США. Народы западноевропейских и азиатских стран знают, что в результате американского хозяйничанья им приходится ещё меньше есть, ещё хуже одеваться, ещё больше мёрзнуть в неотапливаемых квартирах. «Американская пропаганда,— сообщал 28 августа 1950 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» Трамбл из Индии,— неумеренно восхваляя частную инициативу и постоянно приводя в пример процветание американцев, вызывает здесь зависть и ненависть к США». Корреспонденты американских газет в Европе оценили итоги пропаганды «американского образа жизни» почти такими же уничтожающими словами.

5. Голос поджигателей войны.

Идейное убожество своей «психологической войны» правящая верхушка США пытается компенсировать увеличением финансовых затрат, усилением технических средств пропаганды, применением ещё более открытых и грубых форм воздействия на сознание народов. Заправилы Уолл-стрита отдают себе отчёт в том, что провал их пропаганды отражает в полной мере провал американской внешней политики. Будучи, однако, не в силах изменить характер своей внешней политики, правящие круги США намереваются добиться осуществления своих целей с помощью откровенного политического и экономического нажима и шантажа.

В самом конце января и в начале февраля 1950 года в органе американских монополий «Уолл-стрит джорнэл» была опубликована серия статей вашингтонского корреспондента этой газеты Кромли под единым заголовком: «План Ачесона». В них доказывалось, что американская внешняя политика вынуждена будет в дальнейшем шире использовать подрывные методы в отношении стран народной демократии и ещё бесцеремоннее вмешиваться в дела стран, зависящих от США. «Ачесон,— писал Кромли,— убеждён в том, что наша мировая политика с её планом Маршалла и прочим является недостаточной. Долларовые субсидии не устояли против продвижения коммунизма. Помощь Китаю провалилась. Помощь Японии не сделала Японию способной самой двигаться вперёд». Поэтому, указывал Кромли, Ачесон намерен перейти к более жёсткой политике в отношении стран, нуждающихся в долларах, и «прямо влезать в их дела». Подобные планы, по словам Кромли, разработаны с

недрах государственного департамента. Помощники Ачесона планируют проведение широких финансовых реформ в Европе, направленных на создание Европейского экономического союза, то есть на превращение Евралы в рынок, широко открытый для демпинга американских товаров.

Проведение этой программы не могло пройти гладко. Государственный департамент, как отмечал Кромли, намеревался прибегнуть в отношении своих союзников и сателлитов к методам прямого политического нажима, экономического давления и широкой пропаганды. В отношении же стран, входящих в лагерь социализма и демократии и не зависящих от американского денежного мешка, «план Ачесона» предусматривал усиление диверсионной и подрывной работы, проводимой средствами дипломатии, разведки и пропаганды. В своём стремлении разложить этот лагерь и подорвать его силы государственный департамент, по словам Кромли, не остановится ни перед чем.

В «плане Ачесона» особое место отводилось лживой и подрывной пропаганде, которую ведёт так называемый «Голос Америки», являющийся на самом деле голосом американских поджигателей войны.

«Голос Америки», созданный государственным департаментом США для ведения зарубежной пропаганды, охватывает эфир с первых послевоенных лет. В 1948 году «Голосу Америки» было ассигновано 7,5 миллиона долларов. Тогда этот фальшивый и лживый голос, пользуясь двадцатью шестью коротковолновыми передатчиками, извергал свою ложь на двадцати двух языках. Полтора года спустя государственный департамент просил конгресс ассигновать на ведение радиопропаганды уже 36 миллионов долларов. Голос Уолл-стрита стал вещать на все страны Европы и на большинство стран других частей света. Передачи «Голоса Америки» транслировались также радиостанциями Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си) и правительственными радиостанциями Франции и Италии. По приказу американцев в Западной Германии были поспешно восстановлены мощные немецкие радиостанции, которые использовались «Голосом Америки» для ведения лживой подрывной пропаганды против Советского Союза и стран народной демократии. На Дальнем Востоке американцы использовали радиостанции Японии и Филиппин, стремясь распространить свою пропаганду на Китай, на Корею, на Индию и на советский Дальний Восток и Сибирь.

В составе государственного департамента создан специальный отдел, который ведает подготовкой материалов для «Голоса Америки». В этом отделе работает 3,5 тысячи человек. Здесь собраны изменники и предатели, бежавшие из Советского Союза и стран народной демократии. С помощью этого отребья заправили государственный департамент и готовят то антисоветское, антикоммунистическое враньё, которым прикинуты все передачи «Голоса Америки». Чернильные наёмники Уолл-стрита, обслуживающие «Голос Америки», не утруждают себя подысканием каких бы то ни было фактов. А чиновники государственного департамента в своей антисоветской озлобленности готовы пропустить любой самый фантастический материал, лишь бы он был направлен против Советского Союза или коммунистических партий. В результате в эфир часто попадают настолько невероятные и дикие вымыслы, что американская антисоветская пропаганда давно стала посмешищем для радиослушателей. Не умея скрыть свою бешеную ненависть к советскому строю и к строю народной демократии, руководители «Голоса Америки» работают настолько тенденциозно, так извращают действительность своими злобными, клеветническими комментариями, что эта пропаганда не может вызвать ничего, кроме отвращения. Антисоветские, антикоммунистические фугательства, передаваемые по радиостанциям «Голоса Америки», так и не смогли произвести ожидаемого в Вашингтоне впечатления. Не помогли и все новые и новые ассигнования на зарубежное радиовещание.

За первые пять послевоенных лет из «Голоса Америки» было израсходовано из кармана американских налогоплательщиков 265 миллионов долларов. Это показалось недостаточным. В начале марта 1951 года Трумэн обратился со специальным посланием к конгрессу, в котором просил ассигновать на «Голос Америки» дополнительно 97,5 миллиона долларов. «Нынешнее международное положение, — писал Трумэн, —

вынуждает нас расширить деятельность «Голоса Америки». «Как бы неправдоподобно это ни казалось, но во многих частях мира люди верят коммунистам», — со злобой раздражительностью и горечью указывал Трумэн, убеждая конгрессменов не скупиться на расходы по радиопропаганде.

Конгресс США принял предложение Трумэна, хотя и несколько урезал просимую сумму. Но крупная долларовая подачка не сделала ложь «Голоса Америки» более убедительной и доходчивой. Тогда последовали новые ассигнования. Трумэн ухитрился использовать для этой цели даже резолюцию Президиума Верховного Совета СССР, в которой предлагались конкретные меры для улучшения отношений между США и Советским Союзом. Передавая эту резолюцию конгрессу США, Трумэн снова потребовал увеличить ассигнования на «Голос Америки». «Существующие ассигнования на кампанию распространения истины (непрудно догадаться, что под «истиной» Трумэн понимает повседневное антисоветское враньё. — Д. К.), в том числе ассигнования на «Голос Америки» имеют большое значение. Я просил ассигновать в нынешнем финансовом году для этой цели 115 миллионов долларов. Палата представителей сократила эту сумму до 85 миллионов. Если конгресс хочет победить в битве за умы людей, то он должен поддерживать непрерывную и деятельную кампанию, преследующую эти цели. Урезывание средств, ассигнованных на «Голос Америки» в данный момент, причинит серьёзный ущерб нашим усилиям, направленным на то, чтобы повлиять на сердца и умы других народов».

До сих пор огромные ассигнования не помогли американским империалистам «влиять на сердца и умы других народов». Голос поджигателей войны не был и не может быть популярным среди широких слоёв простого народа, который хочет мира и отвергает военную пропаганду.

6. Пропагандисты от дипломатии.

И до появления «плана Ачесона» дипломаты США вели пропаганду и занимались подрывной деятельностью в тех странах, в которых они находились. Они повсюду финансировали и финансируют пропагандистскую деятельность самых реакционных организаций и органов печати, издания антисоветских и антикоммунистических брошюр, листовок, плакатов и т. д. Часто они активно вмешивались в борьбу между политическими партиями в буржуазных странах. Известно, например, что во время итальянских выборов в 1948 году государственный департамент США оказал решающую поддержку предвыборной пропаганде проамериканской реакционной партии христианских демократов. Американские дельцы финансировали газеты, поддерживающие эту партию. Американское посольство печатало и распространяло листовки, плакаты и брошюры, направленные против прогрессивных партий, отстаивающих национальные интересы страны. Государственный департамент организовал посылку многих миллионов писем от итальянцев, живущих в США, их родственникам в Италии. В этих письмах заокеанские итальянцы советовали своим родственникам голосовать за партию христианских демократов.

Государственный департамент не постеснялся мобилизовать в помощь демохристианской пропаганде даже... французского министра иностранных дел Бидо. Ему было поручено отправиться в Турин и выступить накануне выборов с речью. Здесь Бидо высказался за пересмотр мирного договора с Италией в части, касающейся Триеста. Государственный департамент рассчитывал, что выступление Бидо улучшит шансы партии христианских демократов на выборах. Бидо не осмелился не выполнить распоряжения американцев, но его выступление усилило реваншистские настроения Италии не столько в отношении Триеста, сколько в отношении других итальянских территорий — Тенда и Брига, занятых Францией. После выборов демохристиане достойно оценили речь Бидо, признав, что она помогла им добиться победы, но своих требований о возвращении Тенда и Брига не сняли.

После итальянских выборов американское посольство в Риме стало без стеснения направлять пропаганду демохристианской партии. 17 сентября 1950 года американский обозреватель Дрю Пирсон писал в газете «Иль прогрессо итало-американо»,

что итальянский премьер Де Гаспери, по прямому настоянию американского посла в Италии Данна, предпринял и уже целых шесть месяцев ведёт, как выражался Дрю Пирсон, «гигантское контрнаступление» против коммунистов.

Посольства и миссии США во всех странах давно стали органами американской пропаганды. Помимо отделов печати, финансирующих газеты и контролирующих их деятельность, при всех посольствах и миссиях США существуют отделы, носящие короткое название «Юсис» — информационная служба США. «Юсис» издаёт свои бюллетени и журналы, распространяет по редакциям газет и журналов статьи и материалы, пропагандирующие американскую внешнюю политику, «американский образ жизни». «Юсис» организует также просмотры американских пропагандистских фильмов, содержит библиотеки с пропагандистской литературой и снабжает учебные заведения своими «специалистами», главным образом «специалистами» по части пропаганды «американского образа жизни».

В странах народной демократии, на Ближнем Востоке, а также во всех маршаллизованных странах информационная служба издаёт антисоветские и антикоммунистические бюллетени. Эти бюллетени специальные курьеры доставляют не только лицам, сочувствующим американцам, американским агентам, но и видным представителям культуры и науки, ещё не занявшим определённую позицию в отношении Советского Союза и США. Когда власти стран народной демократии попытались ограничить провокационную деятельность американской информационной службы, посольства и миссии США выступили в защиту «Юсис». Американская дипломатия подняла бешеный крик о нарушении свободы печати, личности и т. п.

В маршаллизованных и зависимых от США странах американские посольства и миссии закупили «на корню» многие газеты и журналы. Английская газета «Дейли уоркер», разоблачая подрывную американскую пропаганду в Западной Европе, писала 22 августа 1951 года: «США во всех странах покупают или субсидируют газеты. Существовая на американские доллары или непосредственно подчиняясь Уолл-стриту, такие газеты являются продажным рупором иностранной державы, хотя несут своё старое название. Известно, что французская социалистическая ежедневная газета «Попюлер» существует лишь на американские доллары. В Англии функционируют два информационных агентства и несколько фотобюро, находящихся под американским контролем. Им же принадлежат несколько еженедельных и ежемесячных журналов. Теперь американское правительство открыто и официально учредило фонд в 1,25 миллиона стерлингов с целью оказания помощи (то есть финансирования) газетам в Западной Германии».

Американские посольства и миссии превратились в каналы подрывной пропаганды Уолл-стрита. Между американской дипломатией и пропагандистами существует тесное сотрудничество. В таком же тесном сотрудничестве американские дипломаты находятся и с разведывательными органами США. Правящая верхушка США бесцеремонно нарушает общепринятые нормы международных отношений, прикрывая дипломатической неприкосновенностью подрывную деятельность американских пропагандистов, разведчиков и диверсантов.

7. Чернильные наёмники.

Ещё в 1944 году американцы, едва только вступив в Париж, захватили одну из лучших типографий. На робкие запросы французских властей, нельзя ли вернуть эту типографию французским газетам, испытывавшим большой недостаток в полиграфических средствах, американское командование ответило решительным отказом. Оно сослалось при этом на потребности армии в типографии и на право военных властей производить реквизицию. Чтобы отвязаться, американское командование всё же предложило какую-то жалкую денежную компенсацию. Французским властям, приехавшим в Париж в обозе американской армии и потому целиком зависящим от неё, не оставалось ничего иного, как согласиться на эту принудительную сделку.

Каково же было удивление парижан, когда некоторое время спустя в этой типо-

графии стала печататься не военная газета «Старз энд Страйпс», а хорошо известная американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн». На упрёки французских корреспондентов в отделе общественных связей Сюзного командования с циничной прямотой ответили:

— Надо же американцам продвигать свои взгляды во Франции...

Протестующих французских журналистов американцы пытались урезонить ссылками на гитлеровцев, которые издавали свои газеты и журналы во всех оккупированных европейских странах, даже не спрашивая местные власти. И в самом деле, между гитлеровцами и американцами большой разницы в этом отношении не было. Разница заключалась лишь в том, что гитлеровцы изготовляли обычно свои журналы в Берлине, рассылали статьи, фотографии и макеты для этих журналов в европейские страны с приказом перевести всё это и издать на соответствующем языке; американцы же передавали статьи своей нью-йоркской газеты по билль-аппарату.

Американское командование водворило во французской столице одну из ведущих американских газет, обеспечило её бумагой и создало все условия для «продвижения» американских взглядов во Франции. Несколько раньше, почти таким же путём, в Риме была водворена другая американская газета, которая должна была «продвигать» американские взгляды в гущу итальянского народа. Но скоро американцы поняли, что издание газет в Европе на английском языке не решает задачи американской пропаганды. Круг читателей этих газет был весьма узок. Основная масса населения оставалась вне их воздействия.

В Западной Германии американцы не стали издавать газеты на английском языке. Они сразу создали целую сеть печатных органов — больших и малых — на немецком языке. Эти газеты, выходящие в Берлине, в Мюнхене и во многих других городах Западной Германии, проповедывали американские взгляды с неменьшим усердием, чем их проповедают газеты, выходящие в Нью-Йорке.

Это, однако, было возможно только в стране, оккупированной американскими войсками. В других государствах, даже экономически и политически зависимых от США, издание американских газет на языке данной страны сопряжено с известными осложнениями. Поэтому американская пропаганда, помимо подкупа так называемых национальных газет, попыталась продвинуть во все западноевропейские страны газеты, журналы и книги, выходящие в Америке. Монополии и концерны США не поскупились на большие затраты, чтобы позволить наиболее антисоветским и реакционным американским журналам — таким, как «Ньюсуик», «Таймс», «Ридерс дайджест» и другим, выходить на языках большинства европейских стран и распространяться там почти бесплатно. Американские монополии щедро финансируют иллюстрированные журналы «Лук», «Лайф», «Кольерс», «Сатердэй эвнинг пост», «Американа» и др., которые продаются в большинстве европейских стран по такой низкой цене, что она не окупает даже расходы на бумагу. Это делается для того, чтобы эти журналы как можно шире проникли в зарубежные страны, где они своей дешевизной, яркостью фотографий и их подбором, рассчитанным на непритязательные вкусы обывателей, могут успешно конкурировать с местными журналами. Даже в Англии американские журналы завоевали широкий рынок и вытеснили многие английские издания.

Таким же широким каналом пропаганды Уолл-стрита являются американские газеты. Располагая большими средствами, крупные газетные концерны США содержат своих корреспондентов во многих европейских и азиатских странах и через них пытаются оказывать давление на ту или иную страну, навязывая ей американские взгляды. Неоднократно отмечались случаи, когда американские газеты организовывали по команде госдепартамента кампании против правительств, партий, общественных организаций и лиц, негодных правящей верхушке США. В течение 34 лет буржуазная печать США ведёт пролагодистскую войну против советского социалистического государства. Вот уже несколько лет подряд она клеветает на страны народной демократии и Китайскую народную республику.

В последнее время американская печать развернула ожесточённую провокационную кампанию против правительства Чехословацкой республики. Газеты требовали от

конгресса и правительства США принять против Чехословакии репрессивные меры, если чехословацкое правительство не освободит корреспондента агентства «Ассошиэйтед пресс» Оатиса, осуждённого за шпионаж. Она же вдохновила и организовала провокационные выступления против чехословацкого посольства в Вашингтоне.

В течение уже нескольких лет американская печать, поддерживая гонку вооружений, проводимую по приказу Уолл-стрита, пыталась разжечь во всём мире военную истерию. Американские газеты пугали европейские страны, а также Иран, Турцию, Пакистан и Индию «советским вторжением». Газеты расписывали самыми яркими красками эту войну, не скупясь при этом на предсказания о сроке её начала.

Но американской печати не удалось разжечь военную истерию за пределами США и привить народам Европы и Азии страх перед «советским нападением». Этой безудержной антисоветской пропаганде и военному психозу поддалась лишь некоторая часть населения в самих США. Одной из жертв этой кампании страха был министр обороны Форрестол, сошедший с ума и выпрыгнувший из окна психиатрической больницы с криком «Красная Армия! Красная Армия!». В последнее время американская печать вынуждена отметить резкое увеличение количества самоубийств в стране на почве страха перед будущим. Американские исследователи недавно подсчитали, что психоз страха настолько проник в определённые слои населения США, что по меньшей мере 17 миллионов американцев нуждаются в психиатрическом лечении.

Если американские газеты, наряду с государственным департаментом и другими органами пропаганды, это грязные кухни, где стряпают провокационные фальшивки и сообщения, то телеграфные агентства США являются каналами, по которым это враньё, подготовленное в недрах госдепартамента антисоветскими эмигрантами, распространяется по всему миру. Телеграфные агентства «Ассошиэйтед пресс», «Юнайтед пресс», «Интернешенл ньюс сервис» и другие не только собирают и аккумулируют всю антисоветскую и антикоммунистическую клевету со всего мира, но размножают и рассылают её по всему свету. Корреспонденты этих агентств — не только соглядатаи, шпионы и доносчики. Это активные и наиболее опасные пропагандисты. Они не произносят хвастливых или ругательных речей, пропагандистский смысл которых выплывает наружу. Корреспонденты телеграфных агентств подтасовывают или искажают факты, добиваясь такого изображения жизни, какое хотят представить народам правящие круги США. Эта пропаганда тщательно искажёнными или просто вымышленными фактами особенно опасна. Простые люди, не искушённые в приёмах пропагандистской кухни, часто принимают эти подтасованные или искажённые факты за чистую монету. На самом деле, в мнимо «достоверных» сообщениях этих агентств нет ни одного факта, который не был бы изуродован в интересах монополий США.

8. „Крестоносцы“ агрессии и реакции.

Пропагандисты Уолл-стрита давно пытались подкрепить свои органы пропаганды — радио, печать и т. д. — организацией массового движения, которое придало бы антисоветским усилиям правящей верхушки США соответствующий размах. «Психологические стратеги» США понимают, что эмигрантское отребье, подкармливаемое государственным департаментом за счёт американского налогоплательщика, не представляет никакой реальной силы. Ещё летом 1949 года некий профессор Джозеф Морзе выступил в журнале «Лук» с большой статьёй, носящей интригующий заголовок: «Как привлечь мир на нашу сторону».

«Нам, — писал Морзе, — следует создать демократический интернационал. В качестве первого шага руководители всех стран должны собраться, чтобы наметить план действий мирового масштаба. Затем нам следует создать тайную армию вторжения — международную армию, состоящую из специалистов. Это будут шпионы, тайные агенты, организаторы диверсий и пропагандисты. Каждый должен пройти тщательную подготовку для своей работы в школах. Подобных школе генерала Уильяма Donovan при Управлении стратегической службы во время второй мировой войны. Генеральный штаб, состоящий из лучших специалистов мира, должен стать во главе тайной армии демократического интернационала. Она должна опи-

ратся на неограниченные средства. В неё будут вербоваться представители всех тех стран, в которые нам придётся совершать вторжения. Я предлагаю вторгаться при помощи нашей тайной армии во все некоммунистические страны. Ещё важнее организовать вторжение в страны-сателлиты Советского Союза и в Советскую Россию. Мы должны привести с собой опытных специалистов, чтобы подделывать удостоверения личности и паспорта. Мы должны создать подпольные газеты и радиостанции, обеспечить тайные явки и организовывать побеги. Мы должны предоставить руководству средства и материалы, необходимые для роста подпольной армии».

«Демократический интернационал», предлагаемый Морзе, не был создан, и тайная международная армия не была сформирована. «Психологическим стратегам» Уолл-стрига пришлось ограничиться пока тайной армией, состоящей из американских дипломатов, разведчиков и пропагандистов, которые усердно использовали и используют методы, рекомендуемые Морзе.

Вместо «демократического интернационала» американские пропагандисты создали реакционную организацию, названную «Крестовый поход за свободу». Эту организацию, финансируемую крупными банкирами и промышленниками, возглавил генерал Клей, являющийся крупным промышленником и совладельцем южноафриканских свинцовых, медных и цинковых рудников, где до сих пор применяется рабский труд. «Крестоносцы» организовали поход не за свободу, а за уничтожение свободы во всех странах и прежде всего за уничтожение последних остатков свободы в США. Они организовали бешеную травлю прогрессивных организаций и деятелей. Газеты, финансируемые этой организацией, открыли клеветническую кампанию против американских сторонников мира. Они требовали жестокой расправы со всеми, кто выступает за укрепление мира и за расширение сотрудничества между народами.

С помощью своих богатых и щедрых покровителей — банкиров и промышленников — «крестоносцы» собрали большую сумму денег, чтобы построить в Западной Германии мощные радиостанции для ведения подрывной пропаганды против СССР и стран народной демократии. Вместе с этим «Крестовый поход за свободу», как объявил генерал Клей в Берлине в конце 1950 года, стал засылать своих агентов — провокаторов, диверсантов, шпионов в страны народной демократии. Он взял на себя финансирование подрывного подполья в этих странах. Не сумев овладеть умами и сердцами трудящихся стран народной демократии через эфир, «крестоносцы» Уолл-стрига организовали массовую заброску листовок на территорию Чехословакии с помощью воздушных шаров. В этой гнусной затее приняли участие не только генерал Клей, который всегда отличался склонностью к позёрству и актёрской игре, но и многие другие видные деятели США.

«Крестовый поход за свободу», начатый с огромным шумом, собрал под свои знамена главным образом отставных генералов, провалившихся политиканов, неудачливых профессоров и антисоветски настроенных журналистов. Ряды «крестоносцев», разумеется, были пополнены за счёт реакционной эмиграции, живущей на американских харчах и потому обязанных отработать свой кусок хлеба крикливым участием во всех антисоветских «походах» и демонстрациях. Простые американцы не участвовали в этом «походе», несмотря на энергичные поощрения всех слуг Уолл-стрига, начиная с президента и кончая мелкими газетчиками.

Некоторое время назад в США был создан так называемый «Национальный комитет борьбы за свободную Европу». Этот комитет, также финансируемый и вдохновляемый крупными банкирами и промышленниками, занимается подрывной антисоветской пропагандой в Европе. Подобно «крестоносцам» Клея этот комитет организует радиопередачи, в которых антисоветская брань сменяется антисоветским враньём, а антисоветское враньё — бранью. Члены этого комитета разъезжают вдоль границ стран народной демократии и Советского Союза, выискивая удобные места для запуска воздушных шаров с листовками и заодно ведя шпионскую работу.

Стараниями «крестоносцев» и агентов государственного департамента в Париже был создан ещё один американский антисоветский комитет, носящий название «Европейский комитет мира и свободы». Перед этим комитетом поставлена задача воспре-

пятствовать росту влияния и авторитета коммунистических партий и Советского Союза в Западной Европе. Комитет собрал вокруг себя предателей и изменников, бежавших из Советского Союза и стран народной демократии, но не сумевших перелазить через океан, поскольку их «калибр» оказался недостаточным для американских требований. На американские деньги этот комитет печатает американские листовки и распространяет их по американским же каналам.

Помимо старых политических партий, списанных историей в тираж, американские пропагандисты всё чаще используют для своей провокационной и подрывной работы католическую церковь с её разветвлённой сетью. Подобно «крестовому походу» генерала Клея, Ватикан объявил в конце 1950 года свой «крестовый поход по радио». Во время этого «радиопохода» «святые отцы» пытались изложить грубые лозунги пропаганды американской империалистической агрессии в смиренных проповедях и молитвах. Ватикан провёл конференцию, на которой целиком принял американскую программу антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Недавние процессы в Бухаресте и Будапеште разоблачили агентов Ватикана, занимавшихся шпионажем и диверсиями, и ясно показали, что католическая церковь ныне стала таким же органом американской пропаганды, как посольства, миссии и разведывательные органы США.

Но несмотря на «крестовые походы», «национальные» и «европейские» комитеты и т. д., все усилия пропагандистов Уолл-стрита разбиваются о стену недоверия широких слоёв простого народа. Поэтому правящим кругам США не остаётся ничего иного, как прибегнуть к старым приёмам подрывной пропаганды — с помощью дипломатии, разведки и тайной агентуры, купленной на доллары.

9. Провал американской пропаганды.

Подрывная антисоветская пропаганда, проводимая государственным департаментом США, американской печатью, радиостанциями, многочисленными учреждениями, комитетами и решительно поддерживаемая католической церковью, правосоциалистическими партиями, титовской бандой и прочими американскими прихлебателями, принесла пока Уолл-стриту весьма ничтожные плоды. Она никак не оправдала ни ожиданий американских хозяев, ни их огромных расходов. Американской пропаганде несомненно удалось создать обстановку военной истерии в самих США; эта истерия охватила известные слои населения, она же помогла проташить в конгрессе грандиозные военные бюджеты. Американским пропагандистам удалось внушить тревогу перед так называемой «советской опасностью» некоторым буржуазным кругам Западной Европы и тем самым приковать их к американской империалистической колеснице. Однако широкие слои народа во всех странах, в том числе и в США, отвергли провокационную антисоветскую пропаганду Уолл-стрита. Авторитет Советского Союза был и остаётся повсеместно высоким. Пропагандистам Уолл-стрита не удалось сделать «американский образ жизни» популярным в массах простых людей. Им также не удалось представить американские войска в Европе защитниками от несуществующей «советской опасности». Простые люди в странах Западной Европы рассматривают американцев как оккупантов. Даже американская печать вынуждена признать, что европейские народы относятся к американской военщине в Европе с плохо скрываемой ненавистью.

«Психовояки» Уолл-стрита обвиняют в провалах американской пропаганды коммунистическую и советскую пропаганду. Конгресс США даже начал расследование причин поражения американской пропаганды в её борьбе против «коммунистической пропаганды». Конгрессмены пришли к выводу, что американской пропаганде не хватает средств. Но дело, конечно, не в этом. Простой народ оказался умнее американских пропагандистов. Он оценивал и оценивает империалистов США не по их красивым речам, а по их отвратительным делам.

Агрессивная политика США разоблачает ложь американской пропаганды. Ещё в конце 1949 года корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Бигарт, касаясь усилий американской пропаганды в Китае, писал: «Американские идеи и идеалы раз-

венчаны в Китае, а пропаганда, распространяемая американскими информационными агентствами, потеряла свой смысл для огромной массы китайцев». Член верховного суда в США Дуглас, совершивший большую поездку по странам Азии, вынужден был с сожалением признать 30 августа 1951 года, что в Азии Америку отождествляют с войной, а не с идеями социальной справедливости. И даже генерал Эйзенхауэр, выступая 4 сентября 1950 года по радио в Денвере, признал, что широкие слои народа во многих странах верят, «что мы (американцы) — поджигатели войны, что мы вторглись в Северную Корею».

Никакая шумная пропаганда не может заглушить голоса всенародного недовольства и возмущения, вызванных агрессивной политикой США в Европе и варварской войной американского империализма в Корее. Ложь американской пропаганды о Советском Союзе разоблачается советской действительностью и миролюбивой политикой Советского Союза. Даже матёрый поджигатель войны генерал Маршалл, выступая 5 июня 1950 года в сенатской комиссии по иностранным делам, вынужден был признать, что не советская пропаганда, а «советская позиция в некоторых вопросах создала благоприятную реакцию даже в Соединённых Штатах».

Борьба Советского Союза за мир, за сотрудничество между народами, за запрещение атомного оружия и за сокращение всех других видов вооружения настолько близка и понятна широким слоям народа, что никакая пропаганда не может опровергнуть её. Простые люди понимают, что политика Советского Союза, диктуемая интересами советского народа, целиком отвечает и интересам всех народов, для которых война всегда была источником бедствий, а не средством наживы. Народы также понимают, что путь, избранный советским народом, является единственно правильным путём, ведущим к достойной человеческой жизни. Поэтому они симпатизируют Советскому Союзу, несмотря на вопли и истерику американской пропаганды.

Вторую мировую войну Советский Союз встречал в качестве единственной социалистической державы, окружённой сплошным морем враждебного капиталистического мира. Сейчас рядом с Советским Союзом стоит великая Китайская Народная республика и Корейская Народно-демократическая республика, страны народной демократии в Европе. Лагерь социализма и демократии вырос, его силы многократно увеличились именно в послевоенные годы. В этом сказалась притягательная сила советского социалистического пути жизни, сила коммунистических идей.

В начале 1950 года американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», подводя итоги усилиям США распространить своё влияние в мире, с горечью отмечал, что в послевоенные годы от лагеря США отделилось более миллиарда человек, тогда как лагерь мира и демократии, возглавляемый Советским Союзом, увеличился по числу населения более чем в четыре раза. Журнал утверждал, что чем больше усилий проявляют США, чтобы подчинить другие народы своему влиянию, тем упорнее эти народы сопротивляются американским попыткам. Журнал, как обычно, обвинял в этом американскую внешнюю политику, лишённую целеустремлённости и последовательности, и американскую пропаганду, лишённую привлекательных идей и доходчивых лозунгов.

Дело, конечно, не в американской пропаганде. Дело в том, что народы всего мира, разбуженные великой освободительной войной советского народа против фашистского агрессора, всё настойчивее проявляют стремление взять решение своих судеб в свои собственные руки. Они не хотят носить ярмо монополий и концернов США. И американской пропаганде, сколько бы она денег ни израсходовала и к каким бы средствам и методам ни прибегала, никогда не удастся сделать это ярмо привлекательным для народов мира, как не удастся реакционным законам США повернуть колесо истории вспять.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

А. ТВАРДОВСКИЙ

★

ОТВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ „ВАСИЛИЯ ТЕРКИНА“

Первые главы «Василия Тёркина» были опубликованы в 1942 году, хотя имя героя книги было известно по военной печати значительно ранее. Но именно с 1942 года я, как автор «Книги про бойца», получаю читательские письма, в которых, вместе с общей оценкой этого произведения, высказываются замечания, пожелания, выдвигаются вопросы. Их нельзя оставить без ответа. В моей частной переписке с читателями я, конечно, старался всякий раз хоть коротко отозваться на все эти вопросы, замечания и пожелания. Но мне уже давно казалось, что этим ограничиться в данном случае я не могу и должен в печати дать некоторые разъяснения по поводу «Тёркина».

Вопросы, с которыми читатели этой книги обращаются ко мне вот уже около десяти лет, при всём многообразии оттенков и частных случаев сводятся к трём основным:

1. Вымышленное или действительно существовавшее в жизни лицо Василий Тёркин?

2. Как была написана эта книга?

3. Почему нет продолжения книги о Тёркине в послевоенное время?

Начну по порядку с первого вопроса, который вообще чаще всего возникает у читателей в отношении героя той или иной книги.

«Существует ли в действительности Тёркин?», «Тип он или один, известный вам, живой человек?», «Есть ли он на самом деле?» — вот взятые выборочно из писем фронтовиков формулировки этого вопроса. Он возникал у читателя ещё в то время, когда «Книгу про бойца» я только начал печатать в газетах и журналах. В одних письмах этот вопрос ставился с очевидным предположением утвердительного ответа, а из других явствовало, что сомнений в существовании «живого» Тёркина у читателя нет, а речь лишь идёт о том, «не в нашей ли, такой-то, дивизии он служит?» И случаи адресования писем не мне, автору, а самому Василию Тёркину, — также свидетельство распространённости представления о том, что Тёркин — «живое лицо».

Словом, было и есть до сих пор такое читательское представление, что Тёркин — это, так сказать, личный человек, солдат, живущий под этим или иным именем, числящийся за номером своей военной части и полевой почты. Более того, прозаические и стихотворные послания читателей говорят о желании, чтоб это было именно так, то есть, чтобы Тёркин был лицом невымышленным.

Однако я не мог и не могу, к удовлетворению этого простодушного, но высоко ценимого мною читательского чувства, заявить (как это могли и могут сделать некоторые другие писатели), что мой герой — не вы-

мышленное лицо, а живёт или жил там-то и встречался мне тогда-то и при таких-то обстоятельствах.

Нет, Василий Тёркин, каким он является в книге, — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нём, были наблюдаемы мною у многих живых людей, — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Тёркина.

Но дело в том, что задуман и вымышлен он не одним только мною, а многими людьми, в том числе литераторами, а больше всего нелитераторами, и, в значительной степени, самими моими корреспондентами. Они активнейшим образом участвовали в создании «Тёркина», начиная с первой его главы и до завершения книги, и поныне продолжают развивать в различных видах и направлениях этот образ.

Я поясню это в порядке рассмотрения второго вопроса, который ставится в ещё более значительной части писем, — вопроса: как был написан «Василий Тёркин»? Откуда взялась такая книга?

«Что вам послужило материалом к ней и что — отправной точкой?»

«Уж не был ли автор сам одним из Тёркиных?»

Об этом спрашивают не только рядовые читатели, но и люди, специально занимающиеся предметом литературы: студенты-дипломники, взявшие темой своих работ «Василия Тёркина», преподаватели литературы, литературоведы и критики, библиотекари, лекторы и т. п.

Попробую рассказать о том, как «образовался» «Тёркин».

«В а с и л и й Тёркин», повторяю, известен читателю, в первую очередь армейскому, с 1942 года. Но «В а с я Тёркин» был известен ещё с 1939—40 гг. — с периода финской кампании. В то время в газете Ленинградского Военного Округа «На страже Родины» работала группа писателей и поэтов: Н. Тихонов, В. Саянов, А. Щербаков, С. Ващенко, Ц. Солодарь и пишущий эти строки.

Как-то обсуждая совместно с работниками редакции задачи и характер нашей работы в военной газете, мы решили, что нужно завести что-нибудь вроде «уголка юмора» или еженедельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. Затея эта не была новшеством в армейской печати. По образцу агитационной работы Д. Бедного и В. Маяковского, в пореволюционные годы в газетах была традиция печатания сатирических картинок со стихотворными надписями, частушек, фельетонов с продолжениями, с обычным заголовком «На досуге», «Под красноармейскую гармонию» и т. п. Там были иногда и условные, переходящие из одного фельетона в другой персонажи, вроде какого-нибудь повара-весельчака, и характерные псевдонимы, вроде «Дяди Сысои», «Деда Егора», «Пулемётчика Вани», «Снайпера» и др. В моей юности, в Смоленске, я имел отношение к подобной литературной работе в окружной «Красноармейской правде» и других газетах.

И вот мы, литераторы, работавшие в редакции «На страже Родины», решили избрать персонаж, который выступал бы в сериях занятных картинок, снабжённых стихотворными подписями. Это должен был быть некий весёлый, удачливый боец, фигура условная, лубочная. Стали придумывать имя. Шли от той же традиции «уголков юмора» красноармейских газет, где тогда были в ходу свои «пулькины», «мушкины» и даже «протиркины» (от технического слова «протирка» — предмет, употребляющийся при смазке оружия). Имя должно было быть значимым, с озорным, сатирическим оттенком. Кто-то предложил назвать нашего героя Васей Тёркиным, именно Васей, а не Василием. Были предложения назвать Ваней, Федей, ещё как-то, но остановились на Васе. Так родилось это имя.

Здесь я должен остановиться, к слову, на одном частном читательском вопросе как раз относительно имени Василий Тёркин.

Майор М. М-в, москвич, пишет в своём письме:

«Недавно прочитал я роман П. Д. Боборыкина «Василий Тёркин». И, откровенно говоря, почувствовал большое смущение: что есть общего между его и вашим Василиями Тёркиными? Чем похож ваш Вася Тёркин — умный, весёлый, бывалый советский солдат, действующий во время Великой Отечественной войны и с великим патриотизмом отстаивающий свою Советскую Родину, — на купца-пройдоху, выжигу и ханжу Василия Ивановича Тёркина из романа Боборыкина? Так почему же вы выбрали для своего (да и нашего) героя такое имя, за которым уже скрывается определённый тип и который уже описан в нашей русской литературе? Неужели вами руководило соображение родственности этого, уже описанного, типа и созданного вами? Но ведь это оскорбление для бывалого солдата Васи Тёркина! Или это случайность?»

Сознаюсь, что о существовании боборыкинского романа я услышал, когда уже значительная часть «Тёркина» была напечатана, от одного из своих старших литературных друзей. Я достал роман, прочёл его без особого интереса и продолжал свою работу. Этому совпадению имени Тёркина с именем боборыкинского героя я не придал и не придаю никакого значения. Ничего общего между ними абсолютно нет. Возможно, что кому-нибудь из нас, искавших имя персонажа для фельетонов в газете «На страже Родины», подвернулось это сочетание имени с фамилией случайно, как запавшее в память из книги Боборыкина. И то сомневаюсь: нам нужен тогда был именно Вася, а не Василий, Васей же боборыкинского героя никак и не назовёшь — это совсем иное. Что же касается того, почему я впоследствии стал именовать Тёркина больше Василием, чем Васей, это опять дело особое. Словом, ни тени «заимствования» здесь не было и нет. Просто есть такая русская фамилия Тёркин, хотя мне раньше казалось, что эту фамилию мы «сконструировали», отталкиваясь от глаголов «тереть», «перетирать» и т. п. И вот одно из первых писем моих корреспондентов по «Книге про бойца», когда она печаталась в газете Западного фронта:

«В редакцию «Красноармейской правды», поэту тов. А. Твардовскому.

Тов. Твардовский, спрашиваем вас: нельзя ли в вашей поэме заменить имя Василий на Виктор, так как Василий — мой отец, ему 62 года, а я сын его — Виктор Васильевич Тёркин, командир взвода. Нахожусь на Западном фронте, служу в артиллерии. А потому, если можно, то замените, и результат прошу сообщить мне по адресу п/п 312, 668 арт. полк, 2-й дивизион, Тёркину Виктору Васильевичу».

Наверное это не единственный из однофамильцев героя «Книги про бойца».

Но возвращаюсь к «Тёркину» периода боёв в Финляндии.

Написать вступление к предполагаемой серии фельетонов было поручено мне, — я должен был дать хотя бы самый общий «портрет» Тёркина и определить, так сказать, тон, манеру нашего дальнейшего разговора с читателем. Перед этим я напечатал в газете «На страже Родины» небольшое стихотворение «На привалё», написанное под непосредственным впечатлением от посещения одной дивизии. В этом стихотворении были, между прочим, такие строчки:

Дельный, что и говорить,
 Был старик тот самый,
 Что придумал суп варить
 На колёсах прямо...

Для меня, до того времени не служившего в армии (если не считать короткого времени освободительного похода в Западную Белоруссию) и не писавшего ничего «военного», это стихотворение было первым шагом в освоении новой тематики, нового материала. Я был тут очень ещё неуверен, держался своих привычных ритмов, тональности (в духе, скажем, «Деда Данилы»). И в своём вступлении к коллективному «Тёркину» я обратился к этой ранее найденной интонации, которая в применении к новому материалу, новой задаче казалась мне наиболее подходящей. Приведу некоторые строфы этого «начала» «Тёркина»:

Вася Тёркин? Кто такой?
Скажем откровенно:
Человек он сам собой
Необыкновенный

При фамилии такой,
Вовсе неказистой,
Слава промкая — герой —
С ним сроднилась быстро.

И ещё добавим тут,
Если бы спросили:
Почему его зовут
Вася — не Василий!

Потому, что дорог всем,
Потому, что люли
Ладят с Васей как ни с кем,
Потому, что любят...

Богатырь, сажень в плечах,
Ладно сшитый малый.
По натуре весельчак,
Человек бывалый.

Хоть в бою, хоть где нивесть,—
Но уж это точно:
Перво-наперво поесть
Вася должен прочно...

Но зато не бережёт
Богатырской силы,
И врагов на штык берёт,
Как снопы на вилы...

И при этом, как ни строг
С виду Вася Тёркин,—
Жить без шутки б он не мог
Да без поговорки...!

Замечу, что когда я вплотную занялся своим, ныне существующим «Тёркиным», черты этого портрета резко изменились, начиная с основного штриха:

¹ Фронтонная библиотечка газеты «На страже Родины». «Вася Тёркин на фронте». Издательство «Искусство», Ленинград. 1940.

Тёркин — кто же он такой?
 Скажем откровенно:
 Просто парень сам собой
 Он обыкновенный...

И можно было бы сказать, что уже одним этим определяется наименование героя в первом случае Васей, а во втором — Василием Тёркиным.

Все последующие иллюстрированные фельетоны, выполненные коллективом авторов, носили единообразные заголовки: «Как Вася Тёркин... то-то и то-то». Приведу полностью, к примеру, фельетон «Как Вася Тёркин «языка» добыл»:

1. Снег глубокий, а сосны редки.
 Вася Тёркин на разведке.
 Белоснежен, без заплат
 Маскировочный халат.
2. Тёркин видит, Тёркин слышит —
 Белофинн летит на лыжах:
 Знать, беды не чужь, он
 Лезет прямо на рожон.
3. Тёркин, взвесив обстановку,
 Применяет маскировку:
 Он уткнулся в снег ничком —
 Стал похож на снежный ком.
4. Вид заманчивый «трамплина»
 Привлекает белофинна,
 Мчит он смаху на «супроб»..
5. Дальше хода нету, стоп!!!
 Так в разведке очень ловко
 Применивши маскировку,
6. Добыл Тёркин языка
 И доставил в штаб полка.

Может показаться, что я выбрал особо слабый образец, но и рассказы о том, «как Вася Тёркин поджигателей в плен взял», которых он «бочками накрыл всех поодиночке и, довольный, закурил на дубовой бочке», о том, как он «на лыжах донесение доставил», «пролетая лёса выше, над бурливую рекой», «через горы, водопады мчась без удержу вперёд», о том, как из кабины вражеского самолёта он кошкой вытянул «за штанину» шюцкоровца и другие, — всё это производит теперь впечатление наивности изложения, крайней неправдоподобности «подвигов» Васи и не такого уж избытка юмора.

Я думаю, что тот успех «Васи Тёркина», который у него был на финской войне, можно объяснить потребностью солдатской души позабыться чем-то таким, что хотя и не соответствует суровой действительности военных будней, но что в то же время как-то облекает именно их, а не отвлечённо-сказочный материал, в почти что сказочные формы. Ещё мне кажется, что немалую долю успеха нужно отнести на счёт рисунков Б. Брыскина и В. Фомичёва, исполненных как бы в мультипликационном стиле и нередко забавных по-настоящему.

К слову, неоднократно отмечалось, что иллюстрации О. Верейского к

«Книге про бойца» очень слитны с её стилем и духом. Это правда. Я лишь хочу сказать, что, в отличие от «Васи Тёркина», ни одна строка «Василия Тёркина», иллюстрированного моим фронтовым товарищем художником О. Верейским, не была написана как текст к готовому рисунку, и мне трудно представить, как бы это могло быть. А с «Васей Тёркиным» именно так и было, то есть задумывалась тема очередного фельетона, художники «разносили» её на шесть клеток, выполняли в рисунках, а уже потом являлись стихи-подписи.

Отдав дань «Васе Тёркину» одним-двумя фельетонами, большинство его «зачинателей» занялись, каждый по своим склонностям и возможностям, другой работой в газете: кто писал военно-исторические статьи; кто фронтовые очерки и зарисовки, кто стихи, кто — что. Основным автором «Тёркина» стал А. Щербаков, красноармейский поэт, давний работник редакции.

А успех у читателя-красноармейца «Тёркин» имел больший, чем все наши статьи, стихи и очерки, хотя тогда к этому успеху мы все относились несколько свысока, снисходительно. Мы по справедливости не считали это литературой. И по окончании войны в Финляндии, когда один из моих товарищей по работе в военной печати услышал от меня — в ответ на вопрос о том, над чем я теперь работаю, — что я пишу «Тёркина», он лукаво погрозил мне пальцем: так, мол, я и поверил тебе, что ты станешь теперь этим заниматься.

Но я именно теперь думал, работал, бился над «Тёркиным». Трудно сказать, в какой день и час я пришёл к решению всеми силами броситься в это дело, но летом и осенью 1940 года я уже жил этим замыслом, который отклонил все мои прежние намерения и планы. Одно ясно, что это определялось остротой впечатлений пережитой войны, после которой уже невозможно было просто вернуться к своей обычной литературной работе.

«Тёркин», по тогдашнему моему замыслу, должен был совместить доступность, непритязательность формы, прямую предназначенность фельетонного «Тёркина» — с серьёзностью и, может быть, даже лиризмом содержания. Думая о «Тёркине» как о некоем цельном произведении, поэме, я старался теперь разгадать, ухватить тот «нужный момент изложения» (как выразился в письме ко мне недавно один из читателей), без которого нельзя было сдвинуться с места.

Недостаточность «старого» «Тёркина», как это я сейчас понимаю, была в том, что он вышел из традиции давних времён, когда поэтическое слово, обращённое к массам, было нарочито упрощённым, применительно к иному культурному и политическому уровню читателя, и когда ещё это слово не было одновременно самозаветнейшим словом для его творцов, полагававших свой истинный успех, видевших своё настоящее искусство в другом, отложенном на время «настоящем» творчестве.

Теперь было другое дело. Читатель был иной — это были дети тех бойцов революции, для которых Д. Бедный и В. Маяковский когда-то писали свои песни, частушки и сатирические двустушия, — люди поголовно грамотные, политически развитые, приобщённые ко многим благам культуры, выросшие при советской власти...

Я прежде всего занялся, так сказать, освоением материала пережитой войны, которая была для меня не только первой войной, но и первой по-настоящему близкой встречей с людьми армии. В дни боёв я глубоко уяснил себе, что называется прочувствовал, что наша армия — это не есть особый, отдельный от остальных людей нашего общества мир, а просто это те же советские люди, поставленные в условия армейской и фронтовой жизни.

Я перебелил мои карандашные записи из блокнотов в чистовую тетрадь, кое-что заново записал по памяти. Мне в этом новом для меня материале было дорого всё до мелочей — какая-нибудь картинка, словесный оборот, отдельное словцо, деталь фронтового быта. А главное — мне были дороги люди, с которыми я успел повстречаться, познакомиться, поговорить на Карельском перешейке. Шофёр Володя Артюх, кузнец-артиллерист Григорий Пулькин, танковый командир Василий Архипов, лётчик Михаил Трусов, боец береговой пехоты Александр Посконкин, военврач Марк Рабинович, — все эти и многие другие люди, с которыми я подолгу беседовал, ночевал где-нибудь в блиндаже или уцелевшем во фронтовой полосе переполненном доме, — не были для меня мимолётным журналистским знакомством, хотя большинство из них я видел только раз и недолго. О каждом из них я уже что-то написал — очерк, стихи, — и это само собой в процессе той работы заставляло меня разбираться в своих свежих впечатлениях, то есть так или иначе «усваивать» всё, связанное с этими людьми.

И, вынашивая свой замысел «Тёркина», я продолжал думать о них, уяснять себе их сущность как людей первого пооктябрьского поколения.

«Не эта война, какая бы она ни была, — записывал я себе в тетрадку, — породила этих людей, а то большее, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни. А война обнаруживала, выдавала в ярком виде на свет эти качества людей. Правда, и она что-то делала».

И ещё:

«Я чувствую, что армия для меня будет такой же дорогой темой, как и тема переустройства жизни в деревне, её люди мне так же дороги, как и люди колхозной деревни, да потом ведь это же в большинстве те же люди».

Задача — проникнуть в их духовный внутренний мир, почувствовать их как своё поколение (писатель — ровесник любому поколению). Их детство, отрочество, юность прошли в условиях советской власти, в заводских школах, в колхозной деревне, в советских вузах. Их сознание формировалось под воздействием, между прочим, и нашей литературы».

Я был восхищён их душевной красотой, скромностью, высокой политической сознательностью, готовностью прибегать к юмору, когда речь заходит о самых тяжких испытаниях, которые им самим приходилось встречать в боевой жизни. И то, что я написал о них в стихах и прозе, — всё это, я чувствовал, — как бы и то, да не то. За этими ямбами и хорями, за фразеологическими оборотами газетных очерков оставалась где-то втуне, существовала только для меня — и своеобразная живая манера речи кузнеца Пулькина или лётчика Трусова, и шутки, и повадки и ухватки других героев в натуре.

Я перечитывал всё, что появлялось в печати относящееся к финской войне, — очерки, рассказы, записи воспоминаний участников боёв. С увлечением занимался всякой работой, которая так или иначе, пусть не в литературном собственно плане, касалась этого материала. Совместно с С.Я. Маршаком я обрабатывал появившиеся затем в «Знамени» воспоминания генерал-майора, Героя Советского Союза В. Кашубы. По заданию Политического управления РККА выезжал с Вас. Гроссманом в одну из дивизий, пришедших с Карельского перешейка, с целью создания её истории. Между прочим, в рукописи истории этой дивизии нами изложен, со слов участников одной операции, эпизод, послуживший основой для написания главы будущего «Тёркина» — «Переправа».

Осенью 1940 года я съездил в Выборг, где стояла 123 дивизия, в которой я находился в дни прорыва «линии Маннергейма»: мне нужн

было посмотреть места боёв, встретиться с моими знакомцами в дивизии. Всё это — с мыслью о «Тёркине».

Я уже начинал «опробовать стих» для него, нащупывать какие-то начала, вступления, запевы:

...Там, за той рекой Сestroю,
На войне, в снегах по грудь,
Золотой Звездой героя
Многих был отмечен путь.
Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них...

Именно этот размер — четырёхстопный хорей — всё более ощущался как стихотворный размер, которым нужно писать поэму. Но были и другие пробы. Часто четырёхстопный хорей казался как бы слишком уж сближающим эту мою работу с примитивностью стиха «старого» «Тёркина». «Размеры будут разные, — решал я, — но в основном один будет «обтекать». Были наброски к «Тёркину» и ямбами, — из этих «заготовок» как-то потом образовалось стихотворение: «Когда пройдёшь путём колонн...»

«Переправа» начиналась, между прочим, и так:

Кому смерть, кому жизнь, кому слава.
На рассвете началась переправа.
Берег тот был, как печка, крутой,
И угрюмый, зубчатый,
Лес чернел высоко над водой,
Лес чужой, непочатый.

А под нами лежал берег правый, —
Снег укатанный, втоптанный в грязь —
Вровень с кромкою льда.

Переправа

В шесть часов началась...

Здесь налицо многие слова, из которых сложилось начало «Переправы», но этот стих у меня не пошёл.

«Очевидно, что размер этот явился не из слов, а так «напелся», и он не годится», — записывал я, отказываясь от этого начала главы. Я и теперь считаю, вообще говоря, что размер должен рождаться не из некоего бессловесного «гула», о котором говорит, например, В. Маяковский, а из слов, из их осмысленных, присущих живой речи сочетаний. И если эти сочетания находят себе место в рамках любого из так называемых канонических размеров, то они подчиняют его себе, а не наоборот, и уже являют собою не просто ямб такой-то или хорей такой-то (счёт ударных и безударных — это же чрезвычайно условная, отвлечённая мера), а нечто совершенно своеобразное, как бы новый размер.

Первой строкой «Переправы», строкой, разившейся в её так сказать «лейтмотив», проникающий всю главу, стало само это слово — переправа, повторённое в интонации, как бы предваряющей то, что стоит за этим словом:

Персправа, переправа...

Я так долго обдумывал, представлял себе во всей натуральности эпизод переправы, стоившей многих жертв, огромного морального и фи-

зического напряжения людей и запомнившейся, должно быть, навсегда всем её участникам, так «вживался» во всё это, что вдруг как бы прознее про себя этот вздох-возглас:

Переправа, переправа...

И «поверил» в него. Почувствовал, что это слово не может быть произнесено иначе, чем я его произнёс, имея про себя всё то, что оно означает: бой, кровь, потери, губительный холод ночи и великое мужество людей, идущих на смерть за Родину.

Конечно, никакого «открытия» вообще здесь нет. Приём повторения того или иного слова в зачине широко применялся и применяется и в устной и в письменной поэзии.

Но для меня в данном случае это было находкой: явилась строка, без которой уже я не мог обойтись. Я и думать забыл — хорей это или не хорей, потому что ни в каких хорях на свете этой строки не было, а теперь она была и сама определяла строй и лад дальнейшей речи.

Так нашлось начало одной из глав «Тёркина».

В это, примерно, время мною было написано два-три стихотворения, которые скорее всего даже и не осознавались как «заготовки» для «Тёркина», но впоследствии частично или полностью вошли в текст «Книги про бойца» и перестали существовать как отдельные стихи. Например, было такое стихотворение «Лучше нет»:

На войне, в пыли походной...

и т. д. до конца строфы, ставшей начальной строфой «Тёркина».

Было стихотворение «Танк», посвящённое танковому экипажу Героев Советского Союза тт. Д. Диденко, А. Крысюка и Е. Кривого. Отдельные его строфы и строки оказались нужны при работе над главой «Тёркин ранен».

Страшен танк, идущий в бой...

Некоторые дневниковые записи с весны 1941 года рассказывают о поисках, сомнениях, решениях и перерешениях в работе, может быть, даже лучше, чем если я говорю об этой работе с точки зрения своего сегодняшнего отношения к ней.

«Написано уже строк сто, но всё кажется, что нет «электричества». Всё обманываешься, что вот пойдёт само и будет хорошо, а на проверку оно и в голове ещё не сложилось. Не твёрдо даже знаешь, чего тебе нужно. Концовка (Тёркин, переплывший в калсонах протоку и таким образом установивший связь со взводом) яснее перехода к ней. Надс, чтобы появление героя было радостным. Это нужно подготовить. Думал было заменить покамест это место точками, но, не справившись с труднейшим, не чувствуешь сил и для более лёгкого. Завтра буду вновь ломать».

«Начинал с неуверенной решимостью писать «просто», как-нибудь. Материал, казалось, такой, что как ни напиши, будет хорошо. Казалось, что он и требует даже известного безразличия к форме, но это только казалось так. Пока ничего об этом не было, кроме очерков... Но и они уже отняли у меня отчасти возможность писать «просто», удивлять «суровостью» темы и т. п. А потом появляются другие вещи, книга «Бои в Финляндии», — и это уже обязывает всё больше. «Колорит» фронтовой жизни (внешний) оказался общедоступным. Мороз, иней, разрывы снарядов, землянки, зандевелые плащ-палатки — всё это есть и у А. и у Б. А нет того, чего и у меня покамест нет или есть только в намёке: человека в индивидуальном смысле, «нашего парня» — не абстрагированного (в плоскости «эпохи», страны и т. п.), а живого, дорогого и трудного».

«Если не высекать настоящих искорок из этого материала — лучше не браться. Нужно, чтоб было хорошо не в соответствии с некоей сознательной «простотой» и «грубостью», а просто хорошо, — хоть для кого. Но это не значит, что нужно «утончать» всё с самого начала. (Б., между прочим, тем и плох, что не о читателе внутренне гадает, а о своём кружке друзей с его эстетическими жалкими приметам)».

«Начало может быть полулубочным. А там этот парень пойдёт всё сложнее и сложнее. Но он не должен забываться, этот «Вася Тёркин».

«Больше должно быть предыдущей биографии героя. Она должна поступать в каждом его жесте, поступке, рассказе. Но не нужно её давать как таковую. Достаточно её продумать хорошо и представлять для себя».

«Трудность ещё в том, что таких «смешных», «примитивных» героев обычно берут в пару, для контраста к герою настоящему, лирическому, «высокому». Больше отступлений, больше с а м о г о себя в поэме».

«Если самого не волнует, не радует, не удивляет, порой хотя бы, то, что пишешь, — никогда не взволнует, не порадует, не удивит другого: читателя, друга-знатка. Это надо ещё раз хорошо почувствовать сначала. Никаких скидок самому себе на «жанр», «материал» и т. п.»

22 июня 1941 года прервало все эти мои поиски, сомнения, предположения. Всё это было той нормальной литературной жизнью мирного времени, которую нужно было тотчас оставить и быть ото всего этого свободным при выполнении задач, стоявших теперь перед каждым из нас. И я оставил свои тетрадки, наброски, записи, намерения и планы. Мне тогда и в голову не пришло, что эта моя, прерванная началом большой войны, работа может понадобиться на войне.

Теперь я объясню себе этот бесповоротный разрыв с замыслом, с рабочим планом ещё и так. В моей работе, в поисках и усилиях, как ни глубоко было впечатление минувшей «малой войны», всё же был грех литературности. Я писал в мирное время, моей работы никто особо не ждал, никто не торопил меня, конкретная потребность в ней как бы отсутствовала во мне. И это позволяло мне считать очень существенной стороной дела — форму как таковую. Я был ещё в какой-то мере озабочен и обеспокоен тем, что сюжет не представлялся мне готовым; что герой мой не таков, каким должен быть, по литературным представлениям, главный герой поэмы; что не было ещё примера, чтобы большие вещи писались таким «несолидным» размером, как четырёхстопный хорей, и т. п.

Впоследствии, когда я вдруг обратился к своему замыслу мирного времени, исходя из непосредственных нужд народной массы на фронте, я махнул рукой на все эти предубеждения, соображения и опасения.

Но покамест я просто свернул всё своё писательское хозяйство для того, чтобы заниматься тем, чего неотложно и немедленно требует обстановка.

В качестве спецкорреспондента, а ещё точнее сказать — в качестве именно писателя (была такая штатная должность в системе военной печати), я прибыл на Юго-Западный фронт, в редакцию газеты «Красная Армия», и стал делать то, что делали тогда все писатели на фронте.

Я писал очерки, стихи, фельетоны, лозунги, листовки, песни, статьи, заметки — всё.

И когда в редакции возникла идея завести постоянный фельетон с картинками, я предложил «Тёркина», но не своего, оставленного дома в тетрадках, а того, который со дней финской кампании был довольно известен в армии. У того Тёркина было много «братьев» и «сверстников» в различных фронтовых изданиях, только они носили другие имена.

В нашей фронтовой редакции так же захотели иметь «своего» героя, назвали его Иваном Гвоздём, и он просуществовал в газете вместе с отделом «Прямая наводка», кажется, до конца войны. Несколько главков этого «Ивана Гвоздёма» я написал в соавторстве с поэтом Борисом Палийчуком, никак, опять же, не связывая этой своей работы с намерениями мирного времени в отношении «Тёркина».

На фронте один товарищ подарил мне толстую тетрадь в прочном клеёнчатом переплёте, но из бумаги «под карандаш» — плохой, шершавой, пропускающей чернила. В эту тетрадь я наклеивал или подкальывал мою ежедневную «продукцию» — вырезки из газеты. В обстановке фронтового быта, переездов, ночёвок в пути, в условиях, когда всякий час нужно было быть готовым к «передислокации» и быть всегда в сборе, эта тетрадь, которую я держал в полевой сумке, была для меня универсальным предметом, заменявшим портфели, папки архива, ящики письменного стола и т. п. Она поддерживала во мне очень важное в такой жизни, хотя бы условное чувство сохранности и упорядоченности «личного хозяйства».

Я в неё не заглядывал, пожалуй, с той самой поры, и, перелистывая её теперь, вижу, как много в той разнообразной по жанрам газетной работе, которой я занимался, было сделано для будущего «Тёркина», без мысли об этом, о какой-нибудь иной жизни этих стихов и прозы, кроме однодневного срока газетной страницы.

«Иван Гвоздём» был в смысле литературного выполнения, пожалуй, лучше «Васи Тёркина», но того успеха не имел. Во-первых, это дело было не в новинку, а во-вторых, и это главное, — читатель был во многом иной. Война не была позиционной, когда досуг солдата, хотя бы и в суровых условиях военного быта, располагает к чтению и перечитыванию всего сколько-нибудь отвечающего интересам и вкусам фронтовика. Газета не могла с регулярностью попадать в части, которые находились в сущности на марше. Но ещё более важно то, что умонастроения читательской массы определялись не просто трудностями собственно солдатской жизни, а всей огромностью грозных и печальных событий войны: отступление, оставление многими войсками родных и близких в тылу у врага, присущая всем суровая и сосредоточенная дума о судьбах Родины, переживавшей величайшие испытания. Но всё же и в этот период люди оставались людьми, у них была потребность отдохнуть, развлечься, позабавиться чем-то на коротком привале или в перерыве между огневым налётом артиллерии и бомбёжкой. И «Гвоздёма» читали, хвалили, газету смотрели, начиная с уголка «Прямой наводкой». Это был фельетон, посвящённый определённому эпизоду боевой практики «казака Гвоздёма» (в отличие от В. Тёркина — пехотинца, — Гвоздём был, может быть, по условиям насыщенности фронта кавалерийскими частями — казаком).

Вот, например: «Как обед варить искусно, чтобы во-время и вкусно. (Из боевых приключений казака Ивана Гвоздёма)»:

I

Бой в тот день кипел суровый.
 Ранен повар. Как тут быть?
 И приходится Гвоздёву
 Для бойцов обед варить...
 Взял он всё на скору руку;
 Как гласит один стишок,—
 На приправу перец, луку
 И иструшки корешок.

II

Хорошо идёт работа,
С говорком кипит вода.
Только вдруг из миномётов
Начал немец бить сюда.
— Боем — бой, обед — обедом,
Всё ивсе ниючём.
Мины рвутся? Я отъеду,
Сберегу котёл с борщом.

III

Борш до сыта, чай до пога
Будет во-время готов.
Глядь — накрыли самолёты,—
Залезай-ка в щель, Гвоздév.
Забирай с собой лукошко —
Ждут борща бойцы-друзья.
Пусть бомбёжка, а картошку
С шелухой в котёл — нельзя.

IV

И случись же так для смеху,
На помеху так случись,—
В лес, куда Гвоздév отъехал.
С неба — сок! — парашютист.
Подсмотрел Гвоздév фашиста,
Поспешил котёл прикрыть,
Приложился. Грянул выстрел...
— Не мешай обед варить.

V

Борш поспел, крупа упрела,
Не прошло и полчаса.
И Гвоздév кончает дело:
Борш готовый — в термоса.
Ничего, что свищут мины,
Не стихает жаркий бой.
Развернул шофёр машину
И давай — к передовой.

VI

На переднем нашем крае,
Примостившись за бугром,
Борш отменный разливае
Повар добрым черпаком.
Кто ж сегодня так искусно,
Сытно, во-время и вкусно
Накормить сумел бойцов?
Вот он сам: Иван Гвоздév.

Ещё были высказывания от имени Ивана Гвоздэва по разным актуальным вопросам фронтовой жизни. Вот, например, беседа о важности сохранения военной тайны: «О языке (сядь послушай слово казак Гвоздэва)»:

Каждый знать обязан,
 Как затвор и штык,
 Для чего привязан
 У него язык... и т. д.

Или «Приветственное слово к ребятам из Девяносто девятой от казака Гвоздѣва» по случаю награждения названной дивизии за успешные боевые действия. А вот фельетон на тему: «Что такое «Сабантуй» (из бесед казака Гвоздѣва с бойцами, прибывшими на фронт)»:

Тем, кто прибыл с немцем драться,
 Надо, как там ни толкуй,
 Между прочим, разобраться:
 Что такое «Сабантуй»...

Это было поучение, довольно близкое по форме и смыслу соответствующей беседе Тёркина на ту же тему в будущей «Книге про бойца».

Откуда это слово в «Тёркине» и что оно в точности означает? — такой вопрос очень часто ставится мне и в письмах, и в записках на литературных вечерах, и просто изустно при встречах с различными людьми.

Слово «сабантуй» существует во многих языках, и, например, в тюркских языках означает праздник окончания полевых работ: сабан — плуг, туй — праздник.

Я слово «сабантуй» впервые услышал на фронте ранней осенью 1941 года где-то в районе Полтавы, в одной части, державшей там оборону. Слово это, как часто бывает с полюбившимися словечками и выражениями, употреблялось и штабными командирами, и артиллеристами на батарее переднего края, и жителями деревушки, где располагалась часть. Означало оно — и ложное намерение противника на каком-нибудь участке, демонстрацию прорыва, и действительную угрозу с его стороны, и нашу готовность устроить ему «угощение». Последнее ближе всего к первоначальному смыслу, а солдатскому языку вообще свойственно ироническое употребление слов «угощение», «закуска» и т. п. В эпиграфе к одной из глав «Капитанской дочки» А. С. Пушкин приводит строки старинной солдатской песни:

Мы в фортеции живѐм,
 Хлеб едим и воду пьѐм;
 А как люгые враги
 Придут к нам на пироги,
 Зададим гостям пирушку,
 Зарядим картечью пушку.

Слово «сабантуй» мы с моим товарищем по работе в газете С. Вашенцевым привезли из этой поездки на фронт, и я употребил его в фельетоне, а С. Вашенцев в очерке, который так и назывался «Сабантуй».

В первые недели войны я написал как-то фельетон «Дело было спозаранку». Вместе с фельетоном о «сабантуе» и стихотворением «На привале», написанном в начале финской кампании, он послужил впоследствии как бы черновиком к главе «Тёркина», также озаглавленной «На привале».

«Дело было спозаранку,
 Погляжу я...
 — Ну и что ж?..
 — Прут немецких тыща танков..
 — Тыща танков? А не врѣшь?..
 — Чтoб я врал тебе, дружище?
 — Ты не врѣшь — язык твой врѣт.
 ...Ну, пускай себе не тыща,
 Только было штук пятьсот...» и т. д.

Это — рифмованное переложение на фронтовой лад старой побасенки о лжеце со страху, образец той стихотворной импровизации, которая чаще всего выполнялась в один присест, по плану завтрашнего номера газеты. Так делался «Гвоздѣв» мною с Б. Палийчуком вместе. Затем серия «Про деда Данилу» — мною одним по праву, так сказать первоавторства, затем серия о немецком солдате — «Вилли Мюллер на востоке», в которой я совсем мало участвовал, переложения популярных песен «Катюша», «По военным дорогам» и иная всевозможная стихотворная мелочь.

Правда, в эти писания западало кое-что из живого изустного солдатского юмора, зарождавшихся и приобретающих широкое распространение словечек и т. п.

Но в целом вся эта работа, подобно «Васе Тёркину», далеко не соответствовала возможностям и склонностям её исполнителей и ими самими считалась не главной, не той, с которой они связывали более серьёзные творческие намерения. И в редакции «Красной Армии», как и в своё время в газете «На страже Родины», наряду со всей этой специальной стихотворной продукцией, появлялись стихи поэтов, причастных «Прямой наводке», но уже написанные с установкой на «полную художественность». И, странное дело, — опять же те стихи не имели такого успеха, как «Гвоздѣв», «Данила» и т. п. А что греха таить — и «Вася Тёркин», и «Гвоздѣв», как и всё подобное им во фронтовой печати, писались наспех, небрежно, с такими допущениями в форме стиха, каких ни один из авторов этой продукции не потерпел бы в своих «серьёзных» стихах, не говоря уже об общем тоне, манере, рассчитанной как бы не на взрослых, грамотных людей, а на некую выдуманную «деревенскую» массу. Последнее ощущалось всё более и, наконец, становилось невозможу говорить таким языком с читателем, которого нельзя было не уважать, не любить. А вдруг остановиться, начать говорить с ним по-другому не было сил, не было времени.

Внутреннего удовлетворения мне больше доставляла работа в прозе — очерки о героях боѣв, писанные на основе личных бесед с людьми фронта. Пусть эти короткие в 200—300 газетных строк очерки далеко не вмещали всего того, что давало общение с человеком, о котором шла речь, но, во-первых, это было фиксацией живой человеческой деятельности, закреплением реального материала фронтовой жизни, во-вторых, здесь не нужно было шутить во что бы то ни стало, а просто и достоверно излагать на бумаге суть дела и, наконец, мы все знали, как ценили сами герои эти очерки, делавшие их подвиги известными всему фронту, заносившие их как бы в некую летопись войны. И если описывался подвиг или, как тогда говорили, боевой эпизод, где герой погиб, то и тут было важно посвятить его памяти своё описание, лишний раз упомянуть в печатной строке его имя. Очерки чаще всего и озаглавливались именами бойцов или командиров, боевой работе которых они посвящались: «Капитан Тарасов», «Батальонный комиссар Пётр Мозговой», «Красноармеец Саид Ибрагимов», «Сержант Иван Акимов», «Ко-

мандир батареи Рагозян», «Сержант Павел Задорожный», «Герой Советского Союза Пётр Петров», «Майор Василий Архипов» и т. п.

Из стихотворений, написанных в этот период не для отдела «Прямой наводкой», некоторые я до сих пор включаю в новые издания своих книжек. Это — «Баллада о Москве», «Рассказ танкиста», «Сержант Василий Мысенков», «Когда ты летишь», «Бойцу Южного фронта», «Дом бойца», «Баллада об отречении» и другие. За каждым из этих стихотворений было памятное до сих пор для меня живое фронтовое впечатление, факт, встреча. Но и в то время я чувствовал, что собственно литературный момент как-то отдалял от читателя реальность и жизненность этих впечатлений, фактов, людских судеб.

Словом, чувство неудовлетворённости всеми видами нашей работы в газете постепенно становилось для меня личной бедой. Приходили мысли и о том, что, может быть, не здесь твоё настоящее место, а в строю — в полку, в батальоне, в роте, где делается самое главное, что нужно делать для Родины.

Зимой 1942 года у нас в редакции возникла мысль расширить отдел «Прямой наводкой» до отдельного еженедельного листка — приложения к газете. Я взялся написать как бы программную передовую в стихах для этого издания, которое, кстати сказать, по разным причинам просуществовало недолго. Вот вступительная часть этого стихотворения:

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под зябким кровом —
Лучше нет простой, здоровой,
Прочной пищи фронтовой.

И любой вояка старый
Скажет попросту о ней:
Лишь была б она с наваром,
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей.

Чтоб она тебя согрела,
Ободрила, в кровь пошла,
Чтоб душа твоя и тело
Поднялися вместе смело
На хорошие дела.

Чтоб итти вперёд, в атаку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя. Однако
Дело тут не только в шах..

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки.
Шутки самой немудрой..

Перед весной 1942 года я приехал в Москву и, заглянув в свои тетрадки, вдруг решил сживить «Василия Тёркина». Сразу было написано вступление о воде, еде, шутке и правде. Быстро дописались главы «На привале», «Переправа», «Тёркин ранен», «О награде», лежавшие в черновых набросках. «Гармонь» осталась в основном в том же виде, как

была в своё время напечатана. Совсем новой главой, написанной на основе впечатлений лета 1941 года на Юго-Западном фронте, была глава «Перед боем».

Перемещение героя из обстановки финской кампании в обстановку фронта Великой Отечественной войны сообщило ему совсем иное, чем в первоначальном замысле, значение. И это не было механическим решением задачи. Мне уже приходилось говорить в печати о том, что собственно военные впечатления, батальный фон войны 1941—45 гг. для меня во многом были предварены работой на фронте в Финляндии. Но дело в том, что глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первого дня отличила её от каких бы то ни было иных войн и тем более военных кампаний.

«Тёркин» — почувствовал я, по-новому обратившись к этой работе, — должен сойти со столбцов «уголков юмора», «прямых наводок» и т. п., где он до сих пор выступал под этим или иным именем, и занять не какую-то малую часть моих сил, как задача узко специального «юмористического» толка, а всего меня без остатка.

Я не долго томился сомнениями и опасениями относительно неопределённости жанра, отсутствия первоначального плана, обнимающего всё произведение наперёд, слабой сюжетной связанности глав между собою. Не поэма — ну и пусть себе не поэма, — решил я; нет единого сюжета — пусть себе нет, не надо; нет самого начала вещи — некогда его выдумывать; не намечена кульминация и завершение всего повествования — пусть, надо писать о том, что горит, не ждёт, а там видно будет, разберёмся. И когда я так решил, порвав все внутренние обязательства перед условностями формы и махнув рукой на ту или иную возможную оценку литераторами этой моей работы, — мне стало весело и свободно. Как бы в шутку над самим собой, над своим замыслом я набросал строчки о том, что это «книга про бойца, без начала, без конца». Действительно, было «сроку мало начинать её сначала»: шла война, и я не имел права откладывать то, что нужно сказать сегодня, немедленно, — до того времени, как будет изложено всё по порядку с самого начала.

Почему же без конца? —
Просто жалко молодца.

Мне казалось понятным такое объяснение в обстановке войны, когда конец рассказа о герое мог означать только одно — его гибель. Однако в письмах товарищей, не просто читателей «Тёркина», а рассматривающих его так сказать в научном плане, было какое-то недоумение по поводу этих строк: не следует ли понимать их как-нибудь иначе? Не следует!

Но не скажу, что вопросы формы моего сочинения так-таки и не волновали меня больше с той минуты, как я отважился писать «без формы», «без начала и конца». Формой я был озабочен, но не той, какая мыслится вообще в отношении, скажем, жанра поэмы, а той, какая была нужна и постепенно в процессе работы угадывалась для этой собственно книги.

И первое, что я принял за принцип композиции и стиля, — это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода, строфы и строчки. Я должен был иметь в виду читателя, который хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашёл бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе нечто целое, округлённое. Кроме того, этот читатель мог и не дожидаться моей следующей главы: он был там, где и герой, — на войне. Этой примерной

завершённости каждой главы я и был более всего озабочен. Я ничего не держал про себя до другого раза, стремясь высказаться при каждом случае — очередной главе — до конца, полностью выразить своё настроение, передать свежее впечатление, возникшую мысль, мотив, образ. Правда, этот принцип определился не сразу, а после того, как первые главы «Тёркина» были напечатаны подряд одна за другой, а новые потом уже появлялись по мере написания. Я считаю, что правильным и во многом определившим судьбу «Тёркина» было моё решение печатать первые главы до завершения книги. Читатель мне помог написать эту книгу такой, какова она есть, — об этом я ещё скажу ниже.

Жанровое обозначение «Книга про бойца», на котором я остановился, не было результатом стремления просто избежать обозначения «поэма», «повесть» и т. п. Это совпадало с решением писать не поэму, не повесть или роман в стихах, то есть не то, что имеет свои узаконенные и в известной мере обязательные сюжетные, композиционные и иные признаки. У меня не выходили эти признаки, а нечто всё-таки выходило, и это нечто я обозначил «Книгой про бойца». Имело значение в этом выборе то особое, знакомое мне с детских лет звучание слова «книга» в устах простого народа, которое как бы предполагает существование книги в единственном экземпляре. Если говорилось, бывало, среди крестьян, что, мол, есть такая-то книга, а в ней то-то и то-то написано, то здесь никак не имелось в виду, что может быть и другая точно такая же книга. Так или иначе, но слово «книга» в этом народном смысле звучит по-особому значительно, как предмет серьёзный, достоверный, безусловный.

И если я думал о возможной успешной судьбе моей книги, работая над ней, то я часто представлял себе её изданной в матерчатом мягком переплёте, как издаются боевые уставы, и что она будет у солдата храниться за голенищем, за пазухой, в шапке. А в смысле её построения я мечтал о том, чтоб её можно было читать с любой раскрытой страницы.

С того времени, как в печати появились главы первой части «Тёркина», он стал моей основной и главной работой на фронте.

Ни одна из моих работ не давалась мне так трудно по началу и не шла так легко потом, как «Василий Тёркин». Правда, каждую главу я переписывал множество раз, проверял на слух, подолгу трудился над какой-нибудь одной строфой или строкой, но всё это пусть даже было трудно, но не нудно, делалось всегда в большом душевном подъёме, с радостью, с уверенностью. Должен сказать вообще: по-моему, хорошо бывает то, что пишется как бы легко, а не то, что набирается с мучительной кропотливостью по строчечке, по словечку, которые то встанут на место, то выпадут — и так до бесконечности. Но всё дело в том, что добраться до этой «лёгкости» очень нелегко, и вот об этих-то трудностях подхода к «лёгкости» идёт речь, когда мы говорим о том, что наше искусство требует труда. А если ты так-таки и не испытал «лёгкости», радости, когда чувствуешь, что «пошло», — не испытал за всё время работы над вещью, а только, как говорят, «тащил лодку посуху», так и не спустив её на воду, то вряд ли и читатель испытает радость от плода твоих кропотливых усилий.

В это время я работал уже не на Юго-Западном, а на Западном (3-м Белорусском) фронте. Войска фронта находились тогда, примерно говоря, на земле восточных районов Смоленской области. Направление этого фронта, которому предстояло в недалёком будущем освободить Смоленщину, определило некоторые лирические мотивы книги. Будучи

уроженцем Смоленщины, связанный с нею многими личными, биографическими связями, я не мог не увидеть героя своим земляком.

С первых читательских писем, полученных мною, я понял, что работа моя встречена хорошо, и это придало мне сил продолжать её. Теперь уже я не был с ней один на один: мне помогало тёплое, участливое отношение читателя к ней, его ожидание, иногда его «подсказки»: «а вот бы ещё отразить то-то и то-то»... и т. п.

В 1943 году мне казалось, что, в соответствии с первоначальным замыслом, «история» моего героя завершается (Тёркин воюет, ранен, возвращается в строй), и я поставил была точку. Но по письмам читателей я понял, что этого делать нельзя.

В одном из таких писем сержант Шершнёв и красноармеец Соловьёв писали:

«Очень огорчены Вашим заключительным словом, после чего не трудно догадаться, что Ваша поэма закончена, а война продолжается. Просим Вас продолжить поэму, ибо Тёркин будет продолжать войну до победного конца».

Получалось, что я, рассказчик, поощряемый моими слушателями-фронтовиками, вдруг покидаю их, как будто чего-то не досказав. И, кроме того, я не видел возможности для себя перейти к какой-то другой работе, которая бы так захватила меня. И вот из этих чувств и многих размышлений явился решение продолжать «Книгу про бойца». Я ещё раз пренебрёг литературной условностью, в данном случае условностью завершённости «сюжета», и жанр моей работы определился для меня, как некая летопись — не летопись, хроника — не хроника, а именно «книга», живая, подвижная, свободная по форме книга, неотрывная от реального дела защиты народом Родины, от его подвига на войне. И я с новым увлечением, с полным сознанием необходимости моей работы принялся за неё, видя её завершение только в победном завершении войны и её развитие в соответствии с этапами борьбы, вступлением наших войск на новые и новые, освобождаемые от врага земли, с продвижением их к границам и т. д.

Ещё одно признание. Примерно на середине моей работы меня было увлék-таки соблазн «сюжетности». Я начал было готовить моего героя к переходу линии фронта и действиям в тылу у противника на Смоленщине. Многое в таком обороте его судьбы могло представляться органичным, естественным и, казалось, давало возможность расширения поля деятельности героя, возможность новых описаний и т. д. Глава «Генерал» в своём первом напечатанном виде посвящена была прощанию Тёркина с командиром своей дивизии перед уходом в тыл к врагу. Были опубликованы и другие отрывки, где речь уже шла о жизни за линией фронта. Но вскоре я увидел, что это сводит книгу к какой-то частной истории, мельчит её, лишает её той фронтовой «всеобщности» содержания, которая уже наметилась и уже делала имя Тёркина нарицательным в отношении живых бойцов такого типа. Я решительно повернул с этой тропы, выбросил то, что относилось к вражескому тылу, переработал главу «Генерал» и опять стал строить судьбу героя в сложившемся ранее плане.

Говоря об этой работе в целом, я могу только повторить слова, что уже были сказаны мною в печати по поводу «Книги про бойца»:

«Какое бы ни было её собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринуждённой форме изложения. «Тёркин»

был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

Читатель-фронтвик, которого я за время нашего очного и заочного — через страницы печати — общения привык считать как бы своим соавтором — по степени его заинтересованности в моей работе, — этот читатель со своей стороны также считал «Тёркина» нашим общим делом.

«Уважаемый Александр (не знаю, как по отчеству), — писал, например, боец Иван Андреев, — если Вам потребуется материал, могу сделать услугу. Год на передовой линии фронта и семь боёв кое-чему научили и кое-что дали мне».

«Я слышал на фронте рассказ бойца о Васе Тёркине, который не читал в вашей поэме, — сообщал К. В. Зорин из Вышнего Волочка. — Может быть он вас интересует?..»

«Почему нашего «Василия Тёркина» ранило? — спрашивали меня в коллективном письме Д. Калаберды и др. — Как он попал в госпиталь? Ведь он так удачно сшиб фашистский самолёт и ранен не был. Что он — простудился и с насморком попал в госпиталь? — так наш Тёркин не таковский парень. Так нехорошо, не пишите так про Тёркина. Тёркин должен быть всегда с нами на передовой, весёлым, находчивым, смелым и решительным малым... С приветом! Ждём скорее из госпиталя Тёркина».

И много таких писем, где читательское участие в судьбе героя книги перерастает в причастность самому делу написания этой книги.

Задолго до завершения «Тёркина» в редакции газет и журналов, где печатались очередные части и главы книги, стали поступать «продолжения» «Тёркина» в стихах, написанных почти исключительно людьми, впервые пробующими свои силы в подобном деле. Одним из первых опытов была «третья часть» «Тёркина», присланная гвардии старшим сержантом Кондратьевым, который в своём письме на имя редактора газеты «Красноармейская правда» писал:

«Тов. редактор!

Убедительно прошу извинить, если оторву несколько минут вашего времени на мою поэму «Василий Тёркин», 3-я часть. Прошу, конечно, согласовать с тов. Твардовским, как автором этой поэмы. Будучи на фронте, за последние 8—10 месяцев мне не приходилось читать новинки нашей литературы. Вот только в госпитале я увидел поэму о Тёркине, хотя не читал первую часть. Не зная замысла автора и будущего Тёркина, я дерзнул попробовать изобразить его как красноармейца, предполагая, что его в момент захвата селения не было в первых рядах, но он должен был как хотя бы и временным командиром проявить себя и стать примером...»

Курсант В. Угрюмов рассказывает в письме о своём «...плане описать второго Тёркина, героя труда...»

Солдат приходит с войны, — пишет он, — но ему отдых (даже месяц отдыха после всех передышек) не по нутру. С первого дня он начинает работу. Встречается с замкомбатом и вместе начинают руководить, работать. От бригадира полевой бригады Тёркин доходит до директора МТС. За доблестный труд представлен к высшей награде...

Вот примерно вкратце такой сюжет...»

Кроме «продолжений» «Тёркина», большое место среди писем читателей, особенно в послевоенное время, занимают стихотворные послания к Василию Тёркину с настоятельными пожеланиями, чтобы «Книга про бойца» была мною продолжена.

Мне остаётся остановиться на этом, может быть наиболее трудном, пункте из трёх, которые я наметил вначале.

В мае 1945 года была опубликована заключительная глава «Тёркина» — «От автора». Она вызвала много откликов в стихах и прозе. Девяносто девять процентов их сводилось к тому, что читатели хотят узнать Тёркина в условиях мирной трудовой жизни. Такие письма я получаю до сих пор, а иногда они адресованы не мне, а редакциям различных изданий, Союзу писателей, то есть организациям, которые, по мнению авторов писем, должны воздействовать на меня, так сказать, в общественном порядке.

В. Минеров из Пречистенского района на Смоленщине в сопроводительной к своим стихам «Розыск Тёркина» приписке в адрес одной из московских редакций пишет: «Я очень прошу пропустить эти небрежные и грубые строки. Я не поэт, но пришлось погрудиться: призвать Твардовского к труду».

В пожеланиях и советах продолжать «Тёркина» поле деятельности героя в мирных условиях определяется обычно родом занятий авторов писем. Одни желали бы, чтобы Тёркин, оставшись в рядах армии, продолжал свою службу, обучая молодое пополнение бойцов и служа им примером. Другие хотят его видеть непременно вернувшимся в колхоз и работающим в качестве предколхоза или бригадира. Третьи находят, что наилучшее развитие его судьбы было бы в работе на какой-нибудь из великих послевоенных строек, например, на сооружении Волго-Донского канала, и т. п.

Вот строфы, взятые из послания в стихах к герою книги от имени людей Советской Армии:

Где ж ты, наш Василий Тёркин,
Вася Тёркин, наш герой?
Или ты теперь не Тёркин,
Или стал совсем другой?

О тебе мы часто помним,
Вспоминаем о былом,
О войне, как воевали,
Как покончили с врагом...

Но прошло четыре года,
Как настал войне отбой,
Как тебя средь нас не стало,
Что случилось, брат, с тобой?..

Может, ты ушёл на стройку
Пятилетки боевой?
Но наш адрес ты ведь помнишь —
Он всё тот же — полевой...

Но мы знали твой характер,
И уверены мы в том,
Что ты с нами будешь вместе
После всей войны большой.

В нашей Армии трудиться,
Как в семье своей родной,
Ты ей можешь пригодиться,
У тебя ведь опыт свой...

(Н. Матвеев).

Автор послания выражает уверенность, что герой «Книги про бойца» находится в рядах армии. Другой корреспондент, курсант Ж. Ягупов, от лица самого Тёркина утверждает это не без явного упрека в адрес автора книги:

Я готовый вам ответить,
 Мой создатель, мой поэт.
 Разрешите лишь заметить,
 Где вы были столько лет?
 Что-то Армию забыли.
 И обидно очень мне:
 Ведь когда-то мы служили
 Вместе с вами на войне..
 Я солдат хотя негордый,
 Но обидно мне, поэт..
 Значит Тёркин, в битвах тёртый,
 Вдруг в отставку? Шутишь. Нет!
 Я, брат, с Армией сроднился,
 И в отставку мне нельзя..
 . . . . .
 И поэтому простите,
 Что у вас я, не спросив,
 Стал курсантом. Как хотите,
 Мне советовал актив.
 Жить хотят со мной солдаты,
 Говорят мне, мол, уважь..
 Остаюся виноватым
 Перед вами. Тёркин Ваш.

В. Литаврин из Читы 1, также озабоченный послевоенной судьбой Тёркина, допуская её различные возможности, спрашивает:

Может, он сейчас в забое
 Выполняет норму втрае,
 Чем дают ему по плану?
 Может быть, подходит к стану,
 И с весёлой поговоркой,
 Всем известный Вася Тёркин,
 В прошлом доблестный солдат,
 Он даёт стальной прокат?..
 Что же делает ваш Тёркин:
 Посещает ли вечерки?
 Иль женился уж давно?
 Всё пишете — всё равно.
 Может, он, мечту лелея,
 Тихим утром средь аллен
 Внемлет песне соловья?
 Иль давным-давно судья?
 Иль герой он наших дней?
 Иль играет он в хоккей?
 Может, стал он комбайнером?
 Или властвует над хором
 И ведёт он драмкружок.
 Где ты, наш родной дружок?..

А вот А. И. Макаров в своём письме, вроде подробной инструкции, решительно предлагает мне «пустить» Тёркина «на фронт сельского хозяйства».

«Пусть он, — рекомендует А. И. Макаров, — серьёзно и с юмором расскажет и укажет колхозникам и колхозницам, трактористам и работникам МТС, совхозов:

1) что продовольствие во всех видах... это физическая сила народа, бодрый дух народа...

2) что изобилия продовольствия можно добиться своевременным посевом всех культур хорошими семенами, хорошей обработкой почвы, внесением удобрений, введением правильных многопольных севооборотов...

Следующий раздел... критика недостатков... по которым надо удалить... тёркинским острым словом:

1. По недобросовестной работе...

2. По плохому качеству сельхозмашин и запасных частей к ним...

3. По... небрежному... уходу за сельхозмашинами, инвентарём, рабочим скотом и сбруей.

4. По агрономам, которые... не сделали планов правильных многопольных севооборотов.

5. По виновникам, у которых на полях больше сорняков, чем колосьев.

6. По Министерству лесного хозяйства.

7. По руководителям рыбной промышленности».

И т. д.

А. И. Макаров представляет себе эту работу в виде «объёмистой брошюры-сборника... «Тёркин в сельском хозяйстве»... С иллюстрациями и под отдельными заголовками (главами) — Тёркин в колхозе, в совхозе, на молочной ферме, в птичнике, на плантациях табака, свёклы, в фруктовом саду, в огороде, на бахчах, на виноградниках, в Заготзерно — на элеваторе, на рыбных промыслах и прочее и прочее.

Стоит, конечно, пригласить на это дело и помощников и поехать по рыбопромыслам...

Помочь в этом деле вам готов во всём и всегда, в чём только смогу».

Уже само по себе такое многообразие пожеланий в отношении конкретной судьбы «послевоенного Тёркина» ставило бы меня в крайне затруднительное положение.

Но дело, конечно, не в этом.

Я отвечал и отвечаю моим корреспондентам, что «Тёркин» — книга, родившаяся в особой, неповторимой атмосфере военных лет, и что, завершённая в этом своём особом качестве, книга не может быть продолжена на ином материале, требующем иного героя, иных мотивов. Я ссылаюсь на строки из заключительной главы:

Песня новая нужна,
Дайте срок, придёт она...

Можно возразить, что сроку пора бы исполниться, но это уже отдельный вопрос.

Однако новые и новые письма с предложениями и настоятельными советами написать «мирного» «Тёркина» (причём, каждому корреспонденту естественно представляется, что он первым открыл для меня такую возможность) понуждают меня объясниться с читателями по этому поводу чуть-чуть подробнее.

«По-моему, — пишет И. В. Леньшин из Воронежской области, — вы и сами чувствуете и вам самим жаль, что вы кончили писать Тёркина. Надо бы ещё его продолжить... написать, что делает Тёркин сейчас...»

Но если это было даже и так, что я жалел бы о разлуке с «Тёркиным», я всё равно не мог бы «продолжать» его. Это означало бы

«эксплуатировать» готовый, сложившийся и уже как-то впечатлевшийся в сознании читателей образ, увеличивать количество строк под старым заглавием, не ища нового качества. Такие вещи в искусстве невозможны. Приведу один пример.

В той же газете «Красноармейская правда», где печатался «Тёркин», печатались «Новые похождения brave солдата Швейка». Писал эту вещь мой товарищ по работе на фронте литератор М. Слободской. Это было «продолжение» произведения Я. Гашека, созданного на материале первой мировой войны. Успех «Новых пождений brave солдата Швейка» объясняется, по-моему, во-первых, большой потребностью в такого рода занимательно-развлекательном чтении, во-вторых, конечно, тем, что знакомый образ был сатирически отнесён к условиям гитлеровской армии.

Но никому, я думаю, не пришло бы в голову продолжать это «продолжение» «Швейка» в послевоенное время. Более того, автор «Нового Швейка» после минувшей войны даже не нашёл нужным издать его отдельной книжкой — нет такой книги, а была и есть книга Я. Гашека «Похождения brave солдата Швейка». Потому что книга Гашека была творческим открытием образа, а работа М. Слободского в данном случае была более или менее искусным использованием готового образа, что, вообще говоря, не может быть задачей искусства.

Может быть, для отдельных читателей все эти пояснения излишни, но я имею здесь в виду главным образом тех читателей, которые с неизменной настойчивостью требуют продолжения «Тёркина». Между прочим, им тем более непонятно моё «молчание», что «продолжение» им представляется делом не таким уж трудным.

В цитированном выше послании В. Литаврина так прямо и говорится:

Где ваш Тёркин, где Василий —
Вы найдёте без усилий,
Так как, знаю, для поэта —
Малый труд — задача эта..

И Литаврин, как и другие, думающие так, совершенно прав. «Продолжить» «Тёркина», написать несколько новых глав в том же плане, тем же стихом, с той же «натурой» героя в центре, действительно, «малый труд — задача эта». Но дело в том, что именно эта очевидная лёгкость задачи лишала меня права и желания осуществить её. Это значило бы, что я отказался от новых поисков, от новых усилий, при которых только и возможно сделать что-нибудь в искусстве, и стал бы переписывать самого себя.

А что задача эта, очевидно, не трудная, тому доказательством служат и сами «продолжения» «Василия Тёркина», которые до сих пор имеют широкое распространение.

«Я недавно прочёл Вашу поэму «Василий Тёркин»... — пишет мне 17-летний Юрий Морятов, — и я решил написать сам поэму «Василий Тёркин», только:

Вы писали о том, как Вася
Дрался с немцем на войне,
Я пишу о пятилетке
И о васином труде...

Другой молодой поэт Дмитрий Морозов пишет «Открытое письмо Василия Тёркина бывшим однополчанам» в плане освещения именно послевоенной судьбы героя:

В арсенал мой автомат
 Сдан под смазкой жирной.
 Я по форме — не солдат,
 Перешёл, как говорят,
 К жизни новой, мирной.
 Край наш дремный — глушь да лес —
 Весь преобразился,
 Так сказать, большой прогресс
 В жизни проявился.
 Ужрупились мы весной,
 Зажили богато.
 Как в атаку, словно в бой,
 Шли на труд солдаты.
 Демобилизован я,
 В первый срок Указа,
 Дом отстроил, и своя
 Завелась теперь семья
 Или, скажем, база.
 . . . . .
 Слава мирному труду!
 Нынче будьте зорки.
 Если что, — так я приду!
 Шлю привет. В. Тёркин.

Из «продолжений» и «подражаний» «Тёркину», известных мне, можно было бы составить книгу, пожалуй, не меньшего объёма, чем существующая «Книга про бойца». Мне известны случаи печатных продолжений «Тёркина».

Например, в нескольких номерах газеты «Звезда на заводе имени Сталина» (Молотов) печатался «Василий Тёркин на заводе» Бориса Ширшова:

В новой летней гимнастёрке,
 (Отпуск взять пришёл черёд)
 Фронтовик Василий Тёркин
 Навестить решил завод.
 Говорят, Василий Тёркин
 Из смоленской стороны.
 А другие спорят: «В сборке
 Он работал до войны».
 Ну, а третьи не шутейно,
 А серьёзно говорят:
 «Вася Тёркин? Да в литейном
 Вместе много лет подряд
 Проработали». Короче,
 Чтоб не спорить, скажем так:
 Тёркин нашим был рабочим,
 Остальное всё пустяк..

Главы «Тёркин в сборочном цехе», «Тёркин в инструментальном цехе», «Тёркин в литейном цехе» и другие рассказывают об участии приезжего солдата в заводских делах, о его встречах с рабочими; собственные имена и конкретные факты производственной жизни — фактура привычной строфики и интонации стиха «Тёркина».

Спорить с читателем — дело невыгодное, безнадёжное, но объяснить с ним при нужде можно и должно. В порядке этого объяснения приведу ещё такой пример.

Когда я написал «Страну Муравию» и опубликовал её в том виде, как она есть до сих пор, то не только я, по молодости, но и многие другие товарищи считали, что это «первая часть». Предполагались ещё две части, в которых путешествие Никиты Моргунка распространилось бы на колхозы юга страны и район Урало-Кузбасса. Это представлялось обязательным, а главное — и трудов-то, казалось, не составляло больших: повествование развернулось, стиль и характер его определились: давай дальше. Но эта-то очевидная лёгкость и обязательность задачи насторожили меня. Я отказался от «продолжения» поэмы и до сих пор не жалею об этом.

«Василий Тёркин» вышел из той полуфольклорной современной «стихии», которую составляют газетный и стенгазетный фельетон, репертуар эстрады, частушка, шуточная песня, раёк и т. п. Сейчас он сам породил много подобного материала в практике газет, специальных изданий, эстрады, устного обихода. Откуда пришёл — туда и уходит. И в этом смысле «Книга про бойца», как я уже отчасти говорил, — произведение не собственно моё, а коллективного авторства. Свою долю участия в нём я считаю выполненной. И это никак не ущемляет моё авторское чувство, а, наоборот, очень приятно ему: мне удалось в своё время потрудиться над выявлением образа Тёркина, который приобрёл, как свидетельствуют письменные и устные отзывы читателей, довольно широкое распространение в народе.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить моих корреспондентов за их письма о «Тёркине», как те, что содержат в себе вопросы, советы и замечания, так и те, что просто выражают своё доброе отношение к этой моей работе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Н. ТОЛЧЕНОВА

★

ПО ПОВЕРХНОСТИ ЖИЗНИ

(Современная тема в художественной прозе
журнала «Звезда»)

В своём историческом постановлении «О журналах «Звезда» и «Ленинград» Центральный Комитет ВКП(б) потребовал от редакции «Звезды» «выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала».

Произведения художественной прозы, опубликованные «Звездой» за 1950 год и первую половину 1951 года, позволяют видеть некоторые итоги перестройки журнала. Со страниц «Звезды» исчезли идилично чуждые советскому народу произведения, проникнутые тоской и пессимизмом, чизкопоблжнством перед буржуазным Западом. Появились новые литературные имена — С. Антонов, В. Кочетов и другие. Напечатано талантливое произведение удгейской прозы — «Там, где бежит Сукпай» Д. Кимонко. Проза журнала характеризуется известным разнообразием жанров. «Звезда» чаще, чем другие журналы, печатает рассказы.

Наиболее ценные и значительные произведения, опубликованные в «Звезде» за последние полтора года, — это роман А. Кожевникова «Живая вода» и роман Мирзо Ибрагимова «Наступит день». Оба эти произведения заслуженно получили высокую оценку советского читателя.

Однако в июле 1951 года редакционная статья «Правды» — «Против идеологических извращений в литературе» вновь привлекла к «Звезде» внимание литературной общественности, указав на националистическую сущность напечатанного в журнале стихотворения В. Сосюры «Люби Украину».

Партийная печать подвергла резкой кри-

тике и творчество бывшего члена редколлегии «Звезды» поэта А. Прокофьева, ото-рвавшегося от современности, ушедшего в искусственный мирок стародеревенский представлений.

Глубоко ошибочной в идейном отношении является опубликованная в «Звезде» работа Ильи Груздева «Горький и его время», трактующая облик великого пролетарского писателя с обывательских позиций.

Эти ошибки свидетельствуют о том, что редакция «Звезды» не до конца выправила линию журнала, как требовал того ЦК ВКП(б), не сумела обеспечить высокий идейно-художественный уровень публикуемых произведений. Факты показывают, что журнал ещё далеко не достаточно борется за неразрывную связь коммунистической идейности и высокого художественного мастерства. Пытаясь изобразить черты передового, нового в нашей современности, журнал неглубоко раскрывает это новое, ограничивается поверхностным, бледным отражением жизни.

К сожалению, наиболее слабыми произведениями из опубликованных в «Звезде» как раз и являются немногочисленные повести и романы, посвящённые современной, сегодняшней жизни рабочего класса, колхозного крестьянства. Советской молодёжи.

В 1950 году «Звезда» опубликовала произведение, глубоко и правдиво раскрывшее перед читателями поэзию труда, новаторское значение трудовых подвигов людей, строящих коммунизм, — роман «Живая вода» А. Кожевникова. Печатаемая «Живую воду», журнал «Звезда» на деле принял участие в осуществлении важнейшей задачи

строительства коммунизма. выдвинутой перед советским народом партией Ленина — Сталина, — задачи покорения и преобразования природы.

Однако, открыв романом А. Кожевникова первые номера 1950 года, журнал в дальнейшем уже не сумел дать своему читателю ни одного значительного произведения, посвящённого советской действительности и изображающего духовное величие, красоту и силу людей нашей эпохи. Особенно бледно представлена в журнале тема творческого труда и раскрывающегося в этом труде коммунистического отношения к жизни — тема созидания, тема новаторской инициативы советских людей.

За полтора года «Звезда» опубликовала две повести, посвящённые жизни крупных машиностроительных ленинградских предприятий: «Бронзовую прялку» Е. Катерли и «Передний край» К. Косцинского.

Критика уже отмечала слабые стороны обоих произведений. На невысокий художественный их уровень указывала, например, Ир. Ирошникова в статье «Образ рабочего в книгах наших дней» («Литературная газета» от 14 августа 1951 года).

Соглашаясь с Ир. Ирошниковой, мы скажем бы, однако, что недостатки художественного мастерства обоих произведений — и особенно повести К. Косцинского — переросли в серьёзные идейные недостатки. И это вполне закономерно. Более того, это неизбежно там, где допущен разрыв между единством содержания и формы.

Создать произведение, отличающееся совершенством формы, высоким художественным мастерством, невозможно без глубокого проникновения писателя в жизнь. Вот такого-то проникновения и не хватает ряду произведений, публикуемых «Звездой». Причём, этот серьёзный недостаток вряд ли можно объяснить только авторской спешкой. Причины его значительно глубже. Они кроются, прежде всего, в поверхностном знакомстве с действительностью, мешающем писателю уловить типическое в облике людей нашей эпохи и ярко отобразить его в своём творчестве.

«...некоторые работники искусств, — указывает ЦК ВКП(б), — живя среди советских людей, не замечают их высоких идейных и моральных качеств, не умеют понастоящему отобразить их в произведениях искусства».

Неумение создать яркие, выразительные образы советских людей — наших современников — сказывается как в повести Е. Катерли, так и в повести К. Косцинского. И хотя «Бронзовая прялка» по уровню художественного мастерства стоит выше «Переднего края», разбирать их следует рядом. Объединяет и роднит их не только одна и та же «производственная» тема. Они становятся похожими именно в своих недостатках. Оба автора, по сути дела, совершают одну и ту же ошибку, подменяя последовательное, целеустремлённое, правдивое раскрытие человеческих характеров надуманными ситуациями, искусственными трудностями и конфликтами, внешне правдоподобными, а на самом деле схематичными, нежизненными.

Важная тема советской современности получает — и в сюжете, и в образах разбираемых произведений — лишь приблизительное, поверхностное решение.

Поскольку о положительных сторонах повести Е. Катерли подробно писал в «Новом мире» Ю. Лукин, мы позволим себе остановиться главным образом на слабых сторонах «Бронзовой прялки».

Далёк от жизни, надуман, а следовательно, лишён и идейной целеустремлённости прежде всего самый конфликт повести Е. Катерли. Он построен на искусственном столкновении двух проектов новых текстильных машин — шелковой и льняной; один из них создан главным конструктором завода Митрофановым, а другой — неким «неизвестным мастером» Н. И. Коваль.

Надуманному конфликту соответствует примитивная «водевильная» интрига. Мастер Коваль, указывавший в письмах на завод только свои инициалы (и поэтому всеми принимаемый за старого питерского рабочего-производственника), «неожиданно» оказывается к концу повести молодой девушкой.

Не столько исходя из опыта живой жизни, сколько оказавшись в плену надуманной интриги, имеющей чисто формальное назначение — усложнить линию сюжетного развития, — писательница, в результате, сама лишила себя возможности осуществить верный и хороший замысел. Обладая выразительным словом, а подчас и меткой наблюдательностью, Е. Катерли могла бы гораздо более убедительно показать твор-

ческое содружество инженеров и учёных, стахановцев и конструкторов Ленинграда. К сожалению, трудно согласиться с ленинградским критиком Б. Платоновым, заявившим на страницах той же «Звезды», что повесть Е. Катерли «Бронзовая прялка» представляет «интересный творческий опыт развития этой идеи». Как раз эта идея и оказалась смазанной. Она расплылась, потерялась в сюжетных ответвлениях. И это неудивительно. Писательница не смогла вести развитие произведения по линии основного конфликта, ибо он — сам по себе — почти не давал ей этой возможности. Ведь читатель повести заранее знает, что ценное рационализаторское предложение, пусть даже исходящее от «неизвестного» автора, всегда встретит живую и горячую поддержку на любом советском предприятии. Таков уж закон нашей жизни, нашей действительности. Поэтому, пытаясь во что бы то ни стало изобрести некие «сложности» на пути осуществления проекта льняной машины (возникающие лишь по сюжетным соображениям, а отнюдь не исходящие из требований жизненной правды), автор повести то и дело оказывается вынужденным создавать ситуации как бы «в обход» характеров.

Несмотря на явную симпатию писательницы к своим героям — работникам крупнейшего ленинградского предприятия, — показаны они бегло, характеристики их бледны, а зачастую просто надуманны и неверны.

Е. Катерли явно стремилась к тому, чтобы героем её произведения стал весь заводской коллектив. Задача — правомерная и творчески интересная.

Как же разрешает её писательница?

Наметив большой круг действующих лиц, Е. Катерли не сумела наделить своих героев всесторонним, запоминающимся обликом. Создаётся впечатление, что она торопится хотя бы понемножку, но сказать обо всех!

Характеристики многих персонажей повести намечены уже в крошечном (всего три странички) прологе. Но какая же тут «толчея», как тут тесно людям!.. Здесь и Костромичёв, директор завода «Машиностроитель», и его секретарь Валентин Воронов, и секретарь парткома Морозов, и секретарь парторганизации механического цеха Гончаров, и «профсоюзный

деятель» этого цеха — кадровая работница Сима Карташова. Здесь же — главный конструктор завода, автор проекта шёлковой машины — Иван Яковлевич Митрофанов, его жена, его дочь военврач Наташа. Здесь главный инженер завода Шварц, конструктор Настасья Николаевна, техник Володя Афанасьев, мастер литейного цеха Лебедь, старший контрольный мастер Андрей Андрейч, формовщики-комсомольцы Сергей Попов и Игорь Рыжов, токарь механического цеха Юля Незнайко, старые производственники муж и жена Волковы и их избалованные дочери..

А сколько новых имён встретит читатель в последующих главах: инженер Тарасов, секретарь комитета комсомола Чернов, член комитета комсомола Власова, директор столовой Рыбакова, охранница Ириша, уборщица Феня, комендант Тютин, замначцеха Варвара Лосьева, токарь Сомов, старая пенсионерка Матрёна Николаевна Афанасьева, лучший формовщик завода — бывший лейтенант Бондаренко, кандидат наук — специалист-прядильщик доцент Борис Андреевич Озеров и многие, многие другие!

Если бы писательница сумела раскрыть облик этих людей, показать существо их взаимоотношений, — главные черты коллектива советского завода выступили бы в повести гораздо ярче. Но, наметив всего двести характерные черты для каждого из действующих лиц повести или сказав несколько слов по поводу биографий персонажей, автор в дальнейшем уже не сообщает о них почти ничего нового, а следовательно, и не показывает людей в развитии, хотя как будто и стремится к этому.

Возьмём к примеру образ директора завода Костромичёва. Ещё в прологе читатель узнаёт, что это «худощавый быстрый человек со смеющимися глазами». Вскоре мы видим директора и главного инженера ленинградского завода в Москве. Министрство утвердило заказ на шёлковую машину. До возвращения в Ленинград остаётся один вечер. Гуляя по улицам, Костромичёв с «детским радостным любопытством» оглядывается по сторонам, разглядывая прохожих, машины, вещи в витринах. В ресторане Костромичёв встречает старого товарища по рабфаку и уж конечно осматривает его «смеющимся, любовным взглядом» (при этом писательница не забывает напомнить о «худощавой фигуре»

Костромичёва, уже описанной вначале, и вновь говорит об улыбках директора). Утром Шварц, едва открыв глаза, уже видит «смеющееся лицо Костромичёва». Улыбается директор и по дороге на аэродром.

Вернувшись на завод, Костромичёв осведомляется о заводских новостях сначала у шофера, затем (улыбаясь!) у своего секретаря Валентина Воронова.

«— А дома у нас как? — продолжал допрашивать директор, глядя смеющимися глазами на Валечку. — Хозяйство в порядке?»

— Кот убежал, — мрачно ответил Валечка. — Третий день уже...

— Так, так, убыток значит в хозяйстве, — грустно сказал Костромичёв, опуская смеющийся взгляд на лежащие перед ним бумаги. — Вечером разберёмся, кто должен за него отвечать».

Разобравшись в домашних делах, Костромичёв отправляется по цехам.

Хочет того Е. Катерли или не хочет, но директорский обход цехов напоминает прогулку филантропа, задавшегося благотворительными целями. Вот Костромичёв заходит к Варваре Лосевой. Он недавно назначил её заместителем начальника цеха по административной части.

«Тяжёлый случай с Варварой Лосевой! — пишет Е. Катерли. — Была много лет секретарём цеховой партийной организации, а на последних выборах провалили её с треском...

Директор отгонял неприятные мысли о Варваре: он Варваре поможет всем, что только в его силах. — Вот подобрал ей работу, а это не просто было, она ведь не очень-то образованная. В санаторий надо её послать, нервы подлечить. Премию какую-нибудь подкинуть. Она заслужила — больше четверти века на заводе работает.

«Может быть, в другой цех её перевести? — думает директор. — Там ей не так тяжело будет».

В этом же цехе Костромичёв видит приятную для него сцену: старший контрольный мастер Андрей Андреевич даёт «нагоняй» бригадире Юле Незнайко. В её бригаде — брак.

«...Директору становится жалко Юлю, и он делает шаг вперёд, чтобы заступиться за неё, но Андрей Андреевич сам смягчается».

Вернувшись к себе в кабинет, директор

велит Валечке «принести приказ о премировании женщин к восьмому марта». Пробежав глазами приказ, он вычеркнул жирной чертой Рыбакову, а Марию Михайловну Волкову, которую предполагали премировать ста рублями, перенёс в список тех, кого награждали грамотой и месячным окладом.

— Волкова недавно месячный оклад получила, — сказал Валечка, следивший за тем, что писал директор. — В юбилей завода.

— Ну и что же из этого? — внезапно рассердился на него директор. — Без тебя знаю, что и когда она получила. Перепечатать приказ быстро и дай мне на подпись».

Почему же Волкова нуждается в особой поддержке директора? Оказывается, дочь Волковой, буфетчица Таня, допустила недостачу полутора тысяч рублей. Помимо премии, выделенной её матерью, директор намеревается покрыть денежную недостачу, обнаруженную у Тани, из своих собственных средств.

Таков Костромичёв.

Лишь увидев явный брак, допущенный комсомольцем Игорем Рыжовым, директор завода находит в себе силы произнести осуждающую фразу:

«— Что же это ты, орёл? Руки тебе надо оторвать за такую работу».

Он сказал это негромко и не сердито, и даже смеюшнся глаза его не потемнели обычного своего выражения, но лучше бы он ругался!..»

Назойливое упоминание о «смеющихся глазах» директора здесь уже наносит прямой ущерб идейному, смысловому значению образа.

Мы видим, что писательница — словно не в силах отказать от понравившейся ей выражения — обедняет, приближает этот образ, делает его духовно неинтересным. И совсем уже шаржированный характер придаёт образу Костромичёва описание его улыбок в конце этой сцены. Костромичёв стоит перед молодым рабочим, засунув руки в карманы, а «насмешливая улыбочка» не сходит с его лица.

«Все лицо его улыбалось, — подчёркивает Е. Катерли, — и глаза, от которых бежали по вискам морщинки, и рот с такими белыми зубами, какие рисуют только на картинках. Но не настоящая это была

улыбка. Не от радости. И, понимая это, никто не улыбался в ответ, и все стояли мрачные и насупленные.

Не переставая улыбаться, директор прошёл мимо Игоря и направился к конторке начальника цеха. Всё начальство двинулось за ним».

Право, эту улыбающуюся схему, которой писательница подменила изображение живого советского человека, никак нельзя считать удачей произведения!

Желая показать директора завода человеком заботливым, чутко относящимся к кадрам, Е. Катерли вместо этого наделяет Костромичёва какой-то размягченностью, слашавостью — чертами, совершенно не отвечающими представлению советского читателя о подлинном облике хозяйственного руководителя крупнейшего социалистического предприятия. Производственную деятельность директора в произведении Е. Катерли часто определяют различные побочные мотивы и соображения — воспоминания детства, личные привязанности, семейные условия и т. д. и т. п. Именно поэтому, например, совершенно неверное освещение в повести получает линия Тани Волковой. Сложную проблему воспитания у советской молодёжи чувства хозяйской бережливости по отношению к социалистической собственности Е. Катерли превращает в частный вопрос взаимоотношений директора-«филантропа» с матерью Тани, старой производственницей Марией Михайловной Волковой, ещё в молодости помогавшей жить и работать подростку Костромичёву.

В конце книги писательница попыталась показать превращение Тани в лучшую стхановку заводской стройки. Но факт этот не раскрыт в повести. Он лишь засвидетельствован в ней. В образе Тани, как и в других образах повести, нет той «диалектики души», той глубины психологического анализа, которая, как известно, только и делает любой литературный персонаж живым и убедительным.

Читателю неясно, почему девушка, с отвлечением относившаяся к работе в цехе, куда определили её в целях «перевоспитания», вдруг сама — без какого бы то ни было заметного воздействия на неё — загорелась желанием «надеть синий комбинезон строителя!» Конечно, вся наша среда, вся заводская атмосфера делают эту кон-

цовку закономерной, правильной. Творческой задачей Е. Катерли было раскрыть данную закономерность, показав внутренний рост Тани, становление её сознания. Но именно это и не удалось писательнице. Обходя задачу психологического раскрытия образа Тани, Е. Катерли ограничилась общим, поверхностным, а значит — неизбежно схематическим изображением девушки.

Совершенно обезличен в произведении образ Наташи, дочери конструктора Митрофанова. Если Юлия Незнайко имеет хоть тёмные глаза и длинные косы, с которых автор упоминает всякий раз, как только заговорит о ней, если у Тани Волковой голубые глаза и ямочки на щеках, то Наташу Митрофанову вообще представить себе почти невозможно. Видишь, разве, только её шинель военврача...

Наташу любит секретарь парткома Морозов, но тема любви, так же, как образ Наташи, осталась в повести лишь белло и робко намеченной. А жаль! Раскрытие этой темы могло бы наполнить содержанием образ Морозова, удачно задуманный, как справедливо отмечал в своей рецензии Ю. Лукин, но далеко не доведённый Е. Катерли до конца.

Не совсем верно показаны писательницей образы женщин старшего поколения. Думается, что это произошло в силу всё того же беглого, поверхностного подхода, неумения отделить главное от второстепенного, характерное от случайного, нетипического.

Вот, например, Варвара Лосьева — ясная, грубая, угрюмая женщина. Писательница так упорно акцентирует своё внимание на этих немногих чертах облика Варвары, что в конце произведения читателю трудно представить себе Лосьеву в роли заботливой, мягкой и чуткой хозяйки общежития девушек...

Вот Сима Карташова — женщина «с резкими складками на некрасивом лице, с громким, хриплым голосом и жёсткими рыжеватыми волосами». Она не входит, а «врывается» в кабинет Костромичёва, не садится, а «с размаху опускается» в кресло. Она курит, посыпая пеплом всё вокруг и затыгиваясь так, что трещит папироса.

«Брякни», «надерётся», — так выражается Сима, беседуя с Костромичёвым.

В тех же выражениях ведёт она разговор и со своей приятельницей Марией Волковой. Вновь она не входит, а «врывается» в квартиру подруги, «с размаху» садится на диван и закуривает, после чего сообщает, что «Татьяну завтра на работу поставят... Обратно на завод. Только не в столовую, а в цех».

Одну из папирос, изрядно смятую, Сима достаёт из-за уха. Окурок она суёт «в слюдечко».

А вот как разговаривает с Марией Волковой старая пенсионерка Матрёна Николаевна Афанасьева.

«— Молодёжь была скромней, — говорит она. — Взять хоть тебя, Маня, ты, как мышка, беззвучно по земле бегала. Мёрду не пудрила. Волосы не завивала».

Или:

«— Ты чего скривилась? — спросила её старуха Афанасьева. — Давай чокнемся! Я водочки с Нового года не нюхала.»

И дальше:

«— Пьём? — спросила Афанасьева и стукнула краем своего стакана о стакан Марьи Михайловны. — Пьём и на дне не оставляем».

...— К чёрту их обоих, к чёрту! — кричала Афанасьева. — И дочку и зятя... За ради какого лешего мне с ними жить? Я опять на производство пойду — у меня руки ещё не отсохли».

Нарочитую грубость, резкость Афанасьевой писательница изображает словно некие типические черты, присущие «коренной» пролетарке.

Узнав о неприятностях Марии, старая пенсионерка так «утешает» огорчённую, взволнованную женщину:

«— Вот и дура! — крикнула Афанасьева. — Работой своей ты должна гордиться. А вот что дочерей воспитать не сумела, за это бить будут, и ты голову не отвёртывай».

Старуха не признаёт никаких оправданий Волковой.

«— Ну и дура! — сказала Афанасьева. — ...Ты кто? Мастер, уважаемый человек, а она — пшик, и пустое место».

И наконец:

«— Тебе, дура, ещё муж золотой достался, — сказала Афанасьева. — Другой бы муж такую тетёху бросил...»

Мы видим, что писательница подбирает для речи Симы Карташовой, старухи Афа-

насьевой слова и выражения, неправомерно огрубляющие их образы.

Портреты Лосьевой, Карташовой, Афанасьевой особенно наглядно показывают, что Е. Катерли создавала образы своей повести, во многом исходя из устаревшего представления о людях, пользуясь готовым литературным штампом.

Итак, беглые портретные зарисовки, передающие лишь внешние черты людей, — вот что положила Е. Катерли в основу своей творческой манеры. Но этого совершенно недостаточно, чтобы изобразить духовное богатство советского человека, его сложный внутренний мир.

«Недотянутость», незавершённость образов, их схематичность — всё это, главным образом, и помешало Е. Катерли нарисовать яркую картину жизни большого производственного коллектива.

В «Бронзовой прялке» много существенных недостатков. Но повесть К. Косцинского «Передний край» по своему идейно-художественному уровню стоит значительно ниже повести Е. Катерли.

Тема повести «Передний край» — борьба рабочего класса города Ленина за быстрейшее техническое оснащение великих строек коммунизма — чрезвычайно интересна. Однако с творческой разработкой этого очень важного замысла К. Косцинский не справился. Больше того. Трактовка большой и серьёзной темы в его произведении приняла глубоко ошибочный характер.

Решение конфликта повести зиждется на совершенно ложном представлении автора, будто значительная часть советских рабочих, хозяйственников и инженерно-технических работников ещё не сознаёт всей важности строек коммунизма, будто эти кадры ещё надо «подтягивать» и «перевоспитывать».

Герой повести, передовой рабочий, токарь-скоростник Николай Шорохов, представлен в произведении как «кустарь одиночка», затерявшийся на одном из крупнейших предприятий Ленинграда. Ему приходится вести борьбу за скоростное резание металла чуть не со всем коллективом цеха.

Думается, что в поисках художественного воплощения задуманной темы К. Косцинский пошёл по неверному пути «пере-

лицовки» сюжета, известного советской литературе ещё в 30-х годах, когда ударничество, а затем стахановское движение только прокладывало себе путь, ломая сопротивление классово-враждебных сил, преодолевая пережитки капитализма в сознании людей (вспомним, например, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова).

К. Косцинский, видимо, не понял, что для нашей современности характерно уже не появление стахановца-одиночки, а рождение целых стахановских бригад, цехов и даже заводов. Автор не сумел показать, что стройки коммунизма есть дело, глубоко осознанное всем советским народом, что преодоление пережитков капитализма в сознании отдельных людей совершается в условиях морально-политического единства всего советского общества. В этих условиях борьба за передовое, новое становится уже делом сплочённых коллективов, а не отдельных новаторов-одиночек типа Николая Шорохова.

Автор «Переднего края» не сумел передать в повести и той взволнованно-приподнятой, глубоко-творческой атмосферы труда, которая характерна для наших заводов и которая в известной мере несомненно чувствуется в повести Е. Катерли.

Торопливо ухватившись за актуальную тему, но не постаравшись серьёзно изучить её, писатель пошёл по пути шаблона и ремесленничества, не замечая, как крадываются существенные ошибки даже в самые, казалось бы, патетические места его повести.

«Да, это было наступление! — пишет, например, К. Косцинский. — Наступление, которое могут выиграть только люди с железной уверенностью в своей правоте. Наступление, в котором нет места нытикам и колеблющимся».

Спрашивается, откуда бы взяться в наши дни на передовом заводе «нытикам и колеблющимся»?

Или такая, например, фраза:

«На Ленинском заводе начинались напряжённые дни... В заводоуправление приезжали озабоченные, куда-то торопящиеся люди из Сталинграда, Куйбышева и Москвы. Они ходили от главного инженера к главному технологу, а от технолога к директору и доказывали, что Ленинский завод; стремясь увеличить сроки для себя,

незаконно сокращает сроки для заводов-поставщиков».

Странная картина! Ведь даже из газет К. Косцинскому должно бы стать известным, что каждый заводской коллектив, выполняющий заказы строек коммунизма, сам, по своей инициативе, берёт обязательство уложиться в кратчайшие сроки, а все не идёт по линии «нажима» на поставщиков.

Динамику сюжета в повести составляют поиски токарем Шороховым нового резца для скоростной обработки деталей. Вначале Шорохов действительно изобретает некий резец, но оказывается, что подобный резец давно уже существует в практике. Сменный же инженер Наташа Вахтина ничего не говорит об этом Шорохову, боясь обидеть токаря, которого она полюбила с первого взгляда. За такой «либерализм» Наташа получает от начальника цеха Хоменко выговор, а Шорохов, рассердившись на Наташу, но убедившись в своей «оплошности», мечется по Ленинграду в поисках помощи. Эти поиски долгое время остаются безрезультатными.

Наконец, новый резец таинственно создаётся в Доме техники по идее Шорохова, но без его ведома и участия. Это происходит после разговора Шорохова в трамвае со случайными спутниками. Шорохов и его собеседники только потом спохватываются, что не знают адресов друг друга... Тщетно героя разыскивают в городе, насчитываемом, по словам автора, 56 Шороховых, причём, 18 из них зовут Николаями!..

Но зачем понадобились автору все эти приключения, более пригодные для развлекательного чтения, чем для произведения, отображающего подлинную жизнь, подлинное участие ленинградского рабочего класса в великих стройках коммунизма?

Если Шорохов, якобы в одиночку дебищающийся увеличения скоростей резания металла, не может сразу найти верного решения вставшей перед ним важной задачи, то почему же не помогает ему начальник цеха Хоменко?

Пытаясь разобраться в этом, читатель видит, что автор повести ставит уже не только Шорохова, но и Хоменко в фальшивое, ложное положение. Образ Хоменко надуман, схематичен, а главное — прогнито-

речив. Причём, эти противоречия идут вовсе не от жизни, а от ошибочных представлений автора о заводском труде, о всей заводской обстановке сегодняшнего дня. И здесь писатель снова оказывается во власти штампа, во власти привычной литературной схемы.

Образ Хоменко писатель неправомерно превращает в образ рутинёра. А схема, требующая наличия рутинёра, требует и борьбы с рутинёром. Эту задачу в повести «Передний край» осуществляет секретарь парткома Бобров.

На протяжении всей повести Бобров пытается убедить Хоменко в том, что тот стал «узким, равнодушным человеком», «живёт за стенкой» и «не видит широкой жизни». А жизненной убедительности во всём этом снова нет.

Бобров груб в обращении с людьми, часто неискренен с ними. Пытаясь «воспитывать» их, Бобров говорит им не то, что он сам о них думает, а то, что он «должен», «обязан» им сказать в его — крайне упрощённом, обеднённом автором — представлении. Говоря с Хоменко, он ругает его и, наоборот, хвалит Шорохова. Говоря с Шороховым, Бобров обижает и его, бросает ему резкие, несправедливые слова: «Копаясь у станка, как мужик на своей полосе, и знать ни черта не хочешь» Или: «Я в тебе очень ошибся. Очень ошибся... В партию я тебя принимал (?). И думалось мне тогда — вот растёт настоящий, хороший парень... А ты вот вырос... — ни то, ни сё, ни кукареку».

Стараясь изобразить секретаря парторганизации передовым, деятельным человеком, автор, по сути дела, заставляет его брать на себя функции и обязанности директора. Роли директора, его инициативы в борьбе за выполнение ответственного заказа для строек коммунизма в повести совсем не видно.

А вот образы рабочих. Старый мастер Шорохов (отец Николая) придерживается убогой житейской философии: «тише едешь, дальше будешь», и на этом основании конфликтует с сыном и дома, и на работе. Рабочий Молочков, хоть и является многостаночником, в то же время изображён, как предельщик и рвач...

В. Ильин в статье «Повесть К. Косцинского «Передний край» («Октябрь» № 8, 1951 г.) пишет:

«Противоречивость образов Шорохова и Хоменко, надуманность их конфликта — в большой мере результат того, что спор их, дела их показаны в отрыве от производственного коллектива... Такого коллектива... в повести Косцинского нет. И от этого обеднёнными получились не только Шорохов и Хоменко, но и другие герои».

Думается, не в этом дело. Основная беда в том, что новый коллектив показан в повести Косцинского по-старому. В изображении сегодняшнего дня явно звучат вчерашние мотивы. Жизнь ушла вперёд, а писатель остался, видимо, на старых позициях.

Главы повести, рисующие творческую и личную дружбу токаря Шорохова с инженером Наташей Вахтиной, В. Ильин отмечает в своей статье как удачные. А по нашему мнению, эти главы особенно наглядно показывают, что автор идёт по проторённому пути, что он не ищет нового решения темы, а следует готовому, установившемуся стандарту.

Облик Наташи Вахтиной многими своими чертами повторяет образ Наташи Митрофановой из «Бронзовой прялки» Е. Катерли.

Фигуры обеих героинь одинаково незавершённые. Но не это, разумеется, делает похожей одну Наташу на другую. Как это ни странно, они наиболее похожи тогда, когда авторы пытаются индивидуализировать их.

Так, например, единственной запоминающейся чертой обеих Наташ является их одинаковая готовность гулять с любимым человеком, забывая о времени, под нескончаемым ленинградским дождём, в метель и вьюгу... Именно то, что (хоть в какой-то степени) всё же могло бы характеризовать человеческую индивидуальность одной Наташи, — неизбежно становится схемой, шаблоном, повторяясь в другой... В конечном же счёте тускнеют и теряют своеобразие оба персонажа! Читатель остаётся равнодушным к стандартному описанию переживаний и чувств героев, превращённых в манекены.

Нельзя не упомянуть, что подобная же примитивная схема ещё раз встречается на страницах «Звезды» — в рассказе Жанны Гаузнер «Бархатная пила».

Стахановец деревообделочного цеха на одном из крупных ленинградских заво-

дов — Алексей Гаврилович Иванеев изобретает станок для заточки новых пил названных «бархатными». Главный инженер завода к идее станка относится вначале скептически, затем увлекается ею. Конструкторы настойчиво ищут решение задачи, изучают техническую литературу. На помощь Иванееву приходит студентка ленинградского вечернего педагогического института — Сашенька, работающая днём в заводской библиотеке. Она, как и инженер Наташа в повести «Передний край», — равнодушна к умному, культурному стахановцу. Саша обещает Иванееву достать всю необходимую литературу, «и, передавая книги Иванееву, говорит: «А знаете, в библиотеке Технологического один молодой доцент меня спрашивает: зачем вам это? Я: так и так, на заводе новую дисковую пилу решили изобрести. Слово за слово, доцент тоже занимается вопросами дисковых пил». Короче — через три дня доцент Берковский уже был на заводе».

Случайно встреченный Сашей в «Бархатной пиле» Берковский — точная копия случайно встреченного Наташей в «Переднем крае» Евдокимова! Глядя на молодых энтузиастов науки — доцентов Евдокимова и Берковского, стремящихся сочетать теорию с практикой, помогать практике, мы уже невольно вспоминаем, что точно такая же фигура — доцента Озерова — встречалась нам в «Бронзовой прялке»!

Доцент Берковский («Бархатная пила»), доцент Евдокимов («Передний край»), доцент Озеров («Бронзовая прялка») — вот схематичные фигуры учёных-новаторов, которые, случайно мелькнув на страницах «Звезды», так и не получили своего подлинного художественного воплощения.

Основной недостаток этих образов именно и состоит в их шаблонном решении, в том, что, создавая их, писатели как бы заранее наделяют своих героев одним и тем же, неизменно повторяющимся обликом. Причём, вместо раскрытия положительных качеств людей даётся беглое и поверхностное перечисление этих качеств, что лишь подчёркивает унылое однообразие заштампованных персонажей.

А ведь именно в этих образах — ключ к интереснейшей теме содружества учёных и рабочих-стахановцев: Юли Незнайка, Игоря Рыжова, Шорохова, Иванеева.

Не заметив или не поняв этого, авторы не сумели раскрыть духовного роста рабочих, показать многообразие борьбы за технический прогресс, происходящей на передовых предприятиях Ленинграда.

Помимо гнетущего однообразия в обрисовке молодых доцентов, вызывает возражение один и тот же сюжетный «ход», при помощи которого появляются они во всех трёх произведениях. Авторы делают самую судьбу изобретения, лежащую в основе фабулы, как бы целиком зависящей от «счастливой случайности»! Неправомысленность подобного решения конфликтов для нашей литературы настолько ясна, что не нуждается в комментариях.

Откуда же берётся этот шаблон в повестях, романах и рассказах «Звезды»? Почему возникает это досадное сходство сюжетов, характеров, образов и даже языка?

Думается, что всё это, опять-таки, является результатом подмены жизни надуманными, условными литературными построениями. Схема, штамп со всеми их удручающими последствиями — бедность мысли и серостью языка — порождаются прежде всего незнанием жизни, нежеланием серьёзно изучать эту жизнь во всём её многообразии, неоправданным стремлением как можно быстрее откликнуться на актуальную тему, — стремлением, которое не всегда подкреплено глубоким пониманием, ярким внутренним видением самой темы. Неудивительно, что автор при этом,вольно или невольно, обходит главное, решающее, а иной раз подменяет его грубой схемой, заполняя пустоты наспех созданной «литературной конструкции» тем, что лежит на поверхности жизни, — внешними эпизодами, мелкими фактами, множеством случайных, второстепенных деталей.

Разрастаясь и накапливаясь, это второстепенное часто берёт в плен даже способного автора, всё более оттесняя живую действительность на задний план. Так получилось у несомненно одарённого ленинградского писателя Вс. Кочетова, выступившего на страницах «Звезды» с романом «Под небом родины» — на тему о колхозном строительстве.

Герой романа «Под небом родины» — Пётр Дементьевич Лаврентьев — оковчил ленинградский сельскохозяйственный ин-

ститут перед самым началом Великой Отечественной войны. Вскоре молодой агроном ушёл на фронт, где храбро сражался за родину... Тяжёлые ранения ещё дают себя знать, когда Лаврентьев приезжает на работу в колхоз, в село Воскресенское.

Семь орденов Лаврентьева — красноречивое свидетельство незаурядных человеческих качеств: отваги, находчивости, инициативы. Все эти качества должны по-новому раскрыться на трудовом поприще агронома. Лаврентьеву предстоит многому научить людей, с которыми он будет работать; но многому он и сам обязан учиться у них, ибо за время войны люди росли и в тылу, в труднейших условиях обеспечивая фронт всем необходимым.

За время войны Пётр Деметьевич многое забыл, и, если он не хочет отстать от жизни, ему надо непрерывно совершенствоваться, всё время подкрепляя теорию практикой; причём, практика социалистического сельского хозяйства, в свою очередь, будет систематически выдвигать перед теорией всё новые и новые проблемы, требуя научного, творческого разрешения их коллективом советских людей.

Такова, очевидно, идея произведения.

Для того чтобы сделать образ Лаврентьева — центрального героя романа — идейно и художественно полноценным, Всеволоду Кочетову предстояло раскрыть черты характера агронома (как и других действующих лиц) в процессе творческого социалистического труда. Достаточно убедительный пример тому — «Живая вода» А. Кожевникова, «Жатва» Г. Николаевой и многие другие произведения советских писателей, где социалистический труд составляет картину поэтическую, глубоко впечатляющую.

К сожалению, автор романа «Под небом родины» словно избегает говорить о главном в жизни своего героя — о его непосредственной работе в колхозе.

В романе почти не видно, как работает Лаврентьев, как он учится сам или учит других. А в тех немногих случаях, когда Лаврентьев изображён за работой, — автор ставит своего героя в неловкое, затруднительное положение. Не зная что делать, как поступить, агроном часто совершает грубые ошибки. Писатель же необоснованно усматривает в них попытки новаторства и призывает читателей восхищаться

«смелостью» Лаврентьева. Именно таков эпизод со Снежинкой — чистопородной колхозной тёлочкой, которую агроном уморил буквально своими руками.

Когда Снежинка заболела воспалением лёгких, агроном, не считая себя (и вполне справедливо!) знатоком животноводства, почему-то* предпочёл обойтись без помощи ветеринара, хоть и почувствовал, как общается автор, что «он гут бессилён, что впереди какой-то глухой тёмный тупик».

В поисках выхода агроном, взявшийся не за своё дело, перелистывал не только учебники по животноводству, но и труды биологов и растениеводов — Тимирязева, Мичурина, Лысенко...

Наконец, после нескольких часов сидения над книгами, Лаврентьев не без труда усваивает ту простую истину, что «домашняя корова выведена из диких животных», не нуждавшихся прежде в тёплом помещении. Сделав это «открытие», Лаврентьев вытаскивает кашляющую, температуращую тёлочку на улицу — прямо на жестокий мороз. Печка в телятнике погашена! Окно и дверь — настезь! Снежинка стоит среди двора на войлочной подстилке, в наброшенном, вместо попоны, пальто Лаврентьева и отфыркивается от инея, облепившего ей ноздри...

К вечеру, как и следовало ожидать, Снежинка погибает. И несмотря на заверения автора, что Лаврентьев «экспериментировал с чистой совестью», да ещё якобы по указаниям «основоположников агробиологической науки», — читатель, несомненно, испытывает то же чувство протеста и возмущения, которое чувствовал этот неразумный «эксперимент» у телятницы Елизаветы Степановны.

Правда, случай со Снежинкой будто бы привёл к тому, что телятница в дальнейшем перестала «кутать» телят, стала, закаляя их, чаще проветривать помещение, и, таким образом, падеж молодняка в колхозе прекратился. Автор хочет доказать, что «холодный метод» (столь жестокой ценой «теоретически открытый» Лаврентьевым, но давно уже известный во многих совхозах и колхозах, неоднократно освещавшийся к тому же в печати) подтверждён теперь практикой в Воскресенском. Но сама эта практика никак не раскрыта писателем. Больше того: выясняется, что телятница Елизавета Степановна по неизвестным при-

чинам считает нужным держать блестящие результаты «холодного метода» в секрете от всего колхоза, в том числе и от Лаврентьева. Лишь узнав о том, что агроном получил за Снежинку партийное взыскание, телятница прибегает к нему — «падать в ноги и каяться!»

Рассказывая о партийном взыскании, полученном Лаврентьевым, автор романа занимает странную позицию. Оказывается, он считает агронома виноватым вовсе не в гибели тёлки, а в ...«отрыве от партийной организации».

«— Сам один в райком ездешь» (!) — укоризненно, но весьма невнятно говорит агроному секретарь партийной организации колхоза — Дарья Васильевна, предлагая объявить Лаврентьеву выговор. Коммунисты не согласны: «— На одни весы и человека и тёлку кладём».

— Не тёлку, отрыв от партийной организации, — рассердилась Дарья Васильевна...

— На вид, и то много!» — вновь раздаются возражения.

За выговор голосует Дарья Васильевна, оставшаяся в полном одиночестве. За то, чтобы поставить Лаврентьеву на вид, — все коммунисты, кроме председателя артели Антона Ивановича, да ещё двух колхозников — Аси Звонкой и Павла Дрёмова. «Они воздержались», — сообщает автор, — чем привели секретаря парторганизации в большое негодование. (Заметим в скобках: Дарья Васильевна, вместе с автором, очевидно, забыла, что и Ася, и Павел лишь недавно приняты в кандидаты партии и права решающего голоса на партийном собрании не имеют).

Вопреки желанию Вс. Кочетова, у читателя создаётся впечатление, что герой романа не очень хорошо разбирается не только в теории, но и в практике избранной им профессии, недостаточно отчётливо представляет себе чисто деловую роль агронома в жизни колхоза. Лаврентьев всё время ищет каких-то «особых трудностей» в своей деятельности, пренебрежительно отмахиваясь от наиболее существенного в ней. Агроном не умеет и не хочет серьёзно решать задач, которые выдвигает перед ним сама жизнь, сама колхозная действительность.

Но, может быть, писатель ставит своей задачей пожритиковать молодого агронома как неопытного ещё работника?

Нет, это не так. Автор и дальше всё так же необоснованно восторгается поступками и действиями своего героя.

Лаврентьев в течение всей зимы проявляет удивительную беспечность по отношению к организации предстоящих полевых работ, то есть по отношению к одной из своих прямых и важнейших производственных задач. А ведь по отдельным репликам колхозников можно догадываться, что судьба посевов вызывает у них немалую тревогу. Село Воскресенское лежит в междуречье Лопати и Кудесны. Весенние разливы рек, частые осенние дожди вымывают, истощают почву. В этих сырых, заболоченных местах без помощи науки нельзя собрать обильные урожаи. Однако то же непонятное легкомыслие, та же беспечная неопределённость («весна, мол. покажет!») — звучат в самоуверенных ответах агронома на поставленные перед ним конкретные вопросы коммунистов села Воскресенского, собравшихся для обсуждения колхозного плана. Выступление самого Лаврентьева на собрании по поводу плана носит — скажем прямо — несерьёзный, прожектёрский характер.

«Лаврентьев, — пишет Вс. Кочетов, — говорил об электрификации, о высоковольтной линии, которую можно подвести из леспромхоза... Говорил о мощёной дороге до города... об автомашинах, о высоких урожаях, о мерах повышения продуктивности животноводства, об осушении полей, о колхозном радиоузле... Он широко взмахивал рукой, длиннокрылые тени пролетали по стенам, по экваториальным лесам и полярным айсбергам, по географическим картам, как будто не об одном Воскресенском шла речь, а обо всём земном шаре... И когда Лаврентьев кончил, ему чуть ли не хором задали вопрос:

— А как с заболоченностью? Какие меры будут против этого? Простая мелиорация не помогает.

Люди знали, даже Нина Владимировна (учительница. — Н. Т.), непосредственно не связанная с сельским хозяйством, знала, что корень местных бед — в заболочиваемости. Преодолеть эту трудность — дальше всё одолимо.

— Ещё подумаем, — ответил Лаврентьев. — Не верю, что спасуем. Заволжье и то встаёт на ноги. А суховеи страшнее болот.

Ответ понравился», — заключает автор.

Трудно в это поверить. У нас ведь цена людей не по словам, а по делам. О делах же Лаврентьева автор попрежнему говорит очень мало и бегло, хотя судить о них позволяет следующий, например, эпизод. Как только на Лопати прошёл ледоход, к агроному, спокойно сидящему дома, является встревоженная колхозница Ася.

«— Озимые преют. Залило. Вот вам! — выхватила Ася из кармана пучок бледнозелёных всходов, бросила их на скатерть. — Корни гниют. С ума сойти, какая мокрая весна!..

— Что же предпринять?

— За этим и пришла. Вы обещали подумать.

— Всю зиму, Асенька, думал. Ни до чего не додумался. Историческое бедствие вашего села.

— Пётр Дементьевич! Мы не имеем права так спокойно рассуждать. Зачем всю осень, как лошади, работали, зачем семена по зёрнышку отбирали, зачем в кружке учились? Зачем? Чтобы сидеть у разбитого корыта?

— Успокойтесь, Ася!

— На том свете успокоюсь. Здесь спокойя не будет, не будет. Вижу.

— Успокойтесь, ещё раз вам говорю. Пошли!..»...

Как в случае со Снежинкой, так и теперь Лаврентьев, неизвестно чем занимавшийся всю зиму и, вместо подготовки к весне, ожидавший «что она покажет», начинает «смело экспериментировать». По его «импровизированным» указаниям на участке роют ямы, проводят канавы..

Часть урожая спасена, но часть — и немалая, — конечно, погибла.

За Снежинку Лаврентьева «взрели» на колхозном партсобрании. На этот раз Пётр Дементьевич за самоуправство получает выговор от райисполкома.

Автор романа и в данном случае всячески стремится оправдать своего героя — путём сопоставления Лаврентьева, как якобы смелого новатора, с безнадёжным рутинёром, отвратительным стяжателем и завистником Серошевским, старшим агрономом райзо.

В глазах читателя Лаврентьев вновь заслуживает выговора за свою отсталость. И мы думаем, что Вс. Кочетов снова отступает от жизненной правды и слишком

сгущает краски, когда пишет: «Взыскание, наложенное на агронома райисполкомом, казалось колхозникам до крайности несправедливым. С наступлением сумерек к дому Лаврентьева для выражения сочувствия и возмущения потянулись делегации...» (!).

В конце романа автор сообщает, что правительство республики утвердило план мелиоративных работ в Междуречье. Приступая к осушению заболоченных земель, воскресенские колхозники торжественно закладывают первый канал. Почти одновременно начинается задуманное воскресенцами строительство нового посёлка.

Это строительство опять-таки показано автором ошибочно.

Автор изображает дело таким образом, что весь впервые накопленный колхозниками миллион рублей по инициативе Лаврентьева и председателя колхоза в первую очередь вкладывается в новый посёлок, в жилые дома. Читатель романа не видит заботы агронома о росте общественного хозяйства колхоза. А ведь колхоз долгое время был отстающим. Понятно, что именно его общественное хозяйство прежде всего нуждается в серьёзном укреплении, в капитальном строительстве.

Вместо этого нас призывают восхищаться неразумным, нехозяйским расходованием общественных средств, которое неминуемо должно привести колхозное производство к упадку.

Роман заканчивается «массовой» сценой расставания агронома с колхозниками. Лаврентьев, избранный председателем райисполкома, уезжает из села Воскресенского в город, а навстречу ему в колхоз мчатся строители, не знающие, что «...светловолосый человек в запылённом пиджаке, облокотившийся о мешок с сеном, есть тот, кто начал дело, которое они ехали продолжать...»

Но вопреки этой патетической концовке, читатель холодно прощается с Лаврентьевым, ибо «слава», пришедшая к нему, очень бледно, поверхностно аргументирована Вс. Кочетовым. Как ни старался убедить нас автор, агроном не стал в романе подлинным героем, «душой» колхоза.

Роман композиционно раздроблён. Писатель вводит в действие всё новые и новые лица. Впоследствии от многих из них он

как бы забывает и больше к ним уже не возвращается.

Второстепенные персонажи, равно как и основные герои произведения, статичны. Психологический облик, духовный мир людей, описываемых автором, в процессе действия не меняется. В конце романа они остаются такими же, какими мы встретили и узнали их в начале произведения.

Ирина Аркадьевна Пронина, её брат — старший пасечник «дядя Митя», её дочь — Катя, Елизавета Степановна и Ася Звонкие, председатель колхоза Антон Иванович и его жена Марьянка, Павел Дрёмов, Костя и многие другие персонажи мелькают на страницах произведения, не оставляя заметного следа на ходе событий, не изменяя их.

Не умея заинтересовать читателя по существу, автор романа стремится как можно больше поразить его чисто литературной выдумкой. Занятый приключениями, встречами и разлуками своих героев, автор упускает из виду главное, основное — их духовный мир, их внутреннюю психологическую сущность. В результате образ превращается в схему, передающую неточно, а во многом просто неверно, черты и качества советского человека. Именно такую искажённую схему представляют собою в романе молодой сельский врач Людмила Кирилловна Орешина и стахановка Клавдия Рыжова.

«Жестокие» страдания неразделённой любви Людмилы Кирилловны к Лаврентьеву и самого Лаврентьева к передовой колхознице Клавдии Рыжовой, равно как и «счастливый» конец романа (женитьба Петра Дементьевича на Клавдии), подчас кажутся заимствованными со страниц до-reволюционной мещанской литературы.

Как и в других произведениях, о которых уже шла речь выше, в романе Вс. Кочетова многое построено на неожиданностях. В прямую зависимость от этих чисто сюжетных неожиданностей и случайностей автор одинаково ставит решение и такой серьёзнейшей жизненно-важной для колхозников проблемы, как мелиорация Междуречья, и решение чисто личного конфликта Лаврентьева и Клавдии Орешинной.

Личная история героев построена по принципу той же ложно понимаемой «интриги», нарочито усложнённой автором в интересах внешней занимательности. Ведь именно из

этих соображений наделяет Вс. Кочетов рыжую, зеленоглазую модницу Клавдию гордым, «неприступным» характером, якобы мешающим ей признаться в любви к Лаврентьеву. Да и агроном слишком высоко ценит себя, чтобы по-человечески просто раскрыть своё чувство к Клавдии. Любовь будто бы берёт верх над гордостью лишь тогда, когда герой несёт в своих объятиях ужаленную змеей, теряющую сознание героиню!.. Столь же малохудожественной, неубедительной является сцена сражения агронома со взбесившимся колхозным быком Бураном. Лаврентьев опасно ранен. Он присмерти. И лишь теперь «сдаётся» Клавдия. Бросив работу, все колхозные дела, она уезжает в город, в больницу к Лаврентьеву, при молчаливом одобрении всех жителей села... Таким образом, не забодая Лаврентьева бык, не ужаль Клавдию змея, — не бывать бы семейному счастью!

Дурная литературщина подавляет жизненную правду в романе Кочетова. Советская современность и в этом произведении выступает лишь как внешний колорит. Временами у читателя романа рождается обманчивое впечатление новизны, актуальности. Но вскоре читатель разочаровывается, — по сути дела роман ничего нового не говорит ему, не воспитывает и не учит его.

Необходимость правильно воспитывать молодёжь, отвечать на её запросы была особо подчеркнута в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Это требование включает в себя необходимость правильного освещения жизни и самой молодёжи.

Анализ прозы, опубликованной в «Звезде», свидетельствует о том, что на её страницах нет полноценных, художественно-ярких образов молодёжи, образов, достойных подражания, на которых воспитывалось бы подрастающее поколение. Единственная — за полтора года — повесть, рассказывающая о жизни советской молодёжи, «Первокурсники» Вл. Лифшица, — беспомощна в художественном отношении и имеет серьёзные недостатки с точки зрения её идейного содержания.

Вл. Лифшиц не сумел воспроизвести в своей повести моральный облик советского студенчества, не сумел показать главное в жизни советской молодёжи — её учёбу и

работу, её творческие устремления. Автор знакомит нас в основном с мелкими деталями жизни и быта героев, с их узко личными переживаниями, часто представленными к тому же в фальшивом и надуманном виде.

Главным действующим лицом в повести Вл. Лифшица является Герой Советского Союза, бывший командир батальона Сергей Морозов. Уже зрелым человеком, прошедшим суровые испытания войны, поступает он на первый курс Ленинградского энергетического института. Перед Морозовым стоят особые трудности. За годы войны он несколько отстал от своих товарищей-первокурсников (забыл, например, теорию логарифмов). Но он—Герой. Он имеет, следовательно, большую закалку воли и характера. Именно ему предстоит стать душой и центром студенческого коллектива, сплотить первокурсников, вдохновить молодёжь.

И опять, как в романе Вс. Кочетова, мы видим, что, пойдя автор, «не мудрствуя лукаво», по пути прямого, «глубинного» разрешения хорошей, простой, жизненно важной темы, не стремясь ошеломить читателя завязыванием как можно большего количества сюжетных узлов, — могла бы, вероятно, получиться интересная и содержательная повесть. Во всяком случае, жизненного материала у писателя было достаточно. Требовался умелый отбор этого материала при определении конфликта, сюжета характеров, при самом композиционном построении произведения.

Прежде всего перед Вл. Лифшицем стояла задача раскрыть интересно задуманный образ Морозова.

«Про войну он рассказывает неохотно... — пишет в письме первокурсник Голубев о Морозове.— У него много правительственных наград, они лежат в чемодане, в алюминиевой коробочке, которую смастерил ему в подарок связной. Заниматься Морозову поначалу было очень трудно, он всё перезабыл, но у него поразительное упорство... Очень быстро Морозов восстановил старое, наверстал упущенное и пошёл в ногу с группой... Разговаривая, Морозов смотрит прямо в глаза собеседнику. Иногда он бывает резок, но всегда справедлив. Если при нём начинают нести какую-нибудь пошлятину про девушек (когда собираются ребята, у нас это иногда, к сожалению, бывает), он встаёт и выходит из комнаты...»

Уже здесь, в письме Голубева, отчётливо выступает схематизм наброска, долженствующего дать читателю первое представление о Морозове. Уже здесь виден основной недочёт писателя — неумение отобразить основное, главное, стремление замаскировать второстепенными, иной раз явно лишними деталями, наспех сбитую литературную схему. Эти недочёты ещё более явно выступают в дальнейшем ходе повествования. С пути Морозова искусственно устраняются подлинные трудности (он, и глазом не моргнув, навёрстывает упущенное!). Зато столь же искусственно и неправомерно писатель ставит перед Морозовым «трудности» того самого надуманного, литературно-ремесленного порядка, которые, вытеснив правду жизни, способствуют искажению действительности.

Вл. Лифшиц делает Морозова (как и почти всех остальных героев своего произведения) человеком внутренне ущемлённым.

«Мне бы ваши радости и печали», — снисходительно и горестно думает Морозов, прислушиваясь к разговорам товарищей по комнате. Сергея терзает мысль о том, что ему изменила любимая девушка. Он готов бросить институт и уехать из Ленинграда «потому, что стало невыносимо жить в городе, где всё так настойчиво напоминало о Маше».

Морозов не раз встречается с Машей. Но вместо того, чтобы честно объясниться с любимой девушкой, положить конец возникшему между ними мучительному для обоих недоразумению, — Сергей отравляет жизнь и ей и себе, неосновательно ревнуя Машу к ослепшему лётчику Громову.. В конце концов между Машей и Сергеем всё благополучно разъясняется: герои мирно говорят о грядущей свадьбе, Маша смущается и краснеет, Сергей счастлив... Однако, пока Вл. Лифшиц «интриговал» читателя, пытаясь увлечь его надуманными переживаниями Сергея, он упустил гораздо более существенное — раскрытие роли Морозова как передового человека, вожака комсомольской организации.

Правда, Вл. Лифшиц пытается достичь этого иным путём. Примирив Сергея с Громовым, автор повести делает их обоих инициаторами строительства колхозной ГЭС силами студентов.

Казалось бы, наконец-то писатель хоть здесь, в середине произведения, станет на

верный путь. Но это не так. Бойкая легковесность, к сожалению присущая повести, сводит на нет «актуальный» поворот темы

В своём постановлении «О журналах «Звезда» и «Ленинград» Центральный Комитет ВКП(б) поставил перед советской литературой насущно важную задачу «воспитать новое поколение бодрым, верящим в своё дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия». Но совершенно неправильно, на наш взгляд, поступает Вл. Лифшиц, когда изображает строительство задуманной Морозовым сельской ГЭС в качестве своеобразного «препятствия» в жизни и учёбе ленинградских студентов-первокурсников, — «препятствия», трактуемого, опять-таки, лишь с формально-сюжетных позиций. Автор начинает буквально жонглировать этой серьёзной темой!

Мы узнаём из повести, что по решению комсомольского собрания участником строительства может быть только отличник учёбы. Как же выполняет это требование студенческая молодёжь вуза? Об этом можно судить по тому, например, как занимается перед зимней сессией один из героев повести, комсомолец-первокурсник Алёша Джоуа.

«Целые штабеля книг и учебников громзились перед Алёшей Джоуа. Он словно забаррикадировался ими. Одну из книг он изучал. Тихо подошёл Голубев, шёпотом спросил:

- Немецкий?
- Угу.
- Молодец... Грамматика?
- Угу... Не мешай!

Голубев возвратился к своему столу, а Алёша перевернул страницу»

И далее, к полному изумлению читателя, следует текст из ...«Трёх мушкетёров» Дюма.

«Трюк» поистине головокружительный!

Таким несложным, примитивным способом автор достигает той искусственной живости повествования, которая построена, как мы видим, на сочетании весьма незначительных внешних противоречий, неожиданностей, странностей. И если вначале эта манера художественного изображения ещё способна занять читателя, то вскоре она утомляет его своим бессодержательным и неумным однообразием.

Весьма поверхностно, в неуместно иронических, развязных, полукوميдных тонах описывается и стройка.

Нельзя не остановиться ещё на одном образе из повести Вл. Лифшица — образе Михаила Брагина, способнейшего выпускника Ленинградского энергетического института. Он-то и создал талантливый проект колхозной ГЭС, лёгший в основу студенческой стройки. Для первокурсников Михаил Брагин должен был бы являться неким образцом в учёбе, в работе.

Как же изображает Брагина Вл. Лифшиц?

Писатель подчёркивает в нём, прежде всего, карикатурные и даже уродливые черты. Приведём, например, описание встречи студентов-первокурсников с Михаилом Брагиным.

«В дверь постучали. Высокий, взлохмаченный парень в роговых очках, не поздоровавшись, стремительно прошёл на середину комнаты, постоял, обогнул стол и так же молча направился к двери. Там он остановился и, не оборачиваясь, спросил:

— Вы Любу не видели?

— Какую Любу? Мы никого ещё не знаем...

— Мою Любу! — раздражённо ответил парень, словно не мог и предположить, что бы не знали его Любу.

— Миша, вот она — я! — и Брагина, смеясь, вышла из-за двери. — Мишенька, это новенькие, только приехали. Я зашла узнать — может, нуждаются в чём.

— Они только приехали, и ты сразу зашла? — свистящим шёпотом спросил Миша.

— А что такого?

— Ты ведёшь себя возмутительно.

— Помилуй, почему?

Стоя посреди комнаты, они объяснялись шёпотом, слышным, вероятно, даже в коридоре. Приезжие тактично отвернулись к своим кроватям.

— Ты сама знаешь почему! — шипел Миша.

— Михаил, опять? Ты ставишь нас обоих в смешное положение. Что подумают? Под здоровайся хотя бы... Невежа!

— Здравствуйте, — не оборачиваясь, сказал тот. — Брагин...

...Брагин ещё постоял немножко посреди комнаты, а потом вдруг сказал: — «Салют!» — и направился в коридор.

— Странный какой парень! — заметил Саватеев.

— А ты знаешь, почему он странный? — Алёша разделял кефаль и сооружал бутерброды. — Нет? А я знаю. Он ревнив!

— Глушости.

— Уверю тебя, он ревнивек!..»

В этой неприглядной роли «ревнивца» и выступает Брагин перед читателем на протяжении всей повести. Все же другие свойства его якобы талантливой натуры неправомочно приглушены.

Глядя на Морозова, Брагина, Гурина, Голубева, Джонуа и других действующих лиц повести Вл. Лифшица «Первокурсники», читатель всё больше и больше сомневается в достоверности изображения писателем советской молодёжи. Это сомнение к концу произведения перерастает в чувство глубокой неудовлетворённости, больше того — протеста...

Таковы опубликованные в «Звезде» основные произведения художественной прозы, посвященные нашей послевоенной, сегодняшней действительности.

Анализ этих произведений показывает, что «Звезда» всё ещё отстаёт от жизни советского народа, слабо отражая глубочайшие

по своему содержанию процессы, которые происходят в нашей стране в условиях строительства коммунизма. Журнал всё ещё недостаточно показывает то новое, что рождается коммунистическим строительством в нашей советской действительности, в трудовой жизни советских людей, в их быту, в их духовной жизни.

А ведь Ленинград с его передовыми предприятиями и научными учреждениями может дать богатейший материал для создания значительных произведений, способных заинтересовать широкие круги советских читателей.

Есть в Ленинграде кадры талантливых писателей. Есть и база для роста новых литературных сил. Однако всё это весьма слабо ощущается в «Звезде».

Призванный отражать многогранную жизнь нашей страны, журнал справится с этой ответственнейшей задачей лишь при условии непрерывного расширения рамок своей деятельности, своей тематики, своего авторского коллектива. Достаточно напомнить, каким огромным вниманием пользовалась «Звезда», когда в ней печатался роман А. Кожевникова «Живая вода», чтобы прийти к выводу: редакция журнала далеко ещё не исчерпала всех возможностей глубокой, подлинно творческой перестройки.

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

О ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Среди публикуемых ниже читательских писем, посвящённых отдельным книгам писателей для детей и некоторым общим вопросам литературы для детей, нашли себе место и письма, не содержащие конкретной критики тех или иных произведений, но выражающие справедливые требования читательской общественности к писателям и издательствам.

Как и в предыдущих публикациях «Трибуны читателей», письма, печатаемые нами, носят в большинстве своём критический характер.

Письма приводятся в сокращённом виде.

★

Хороший подарок детям

У меня двое племянников — Шурик и Таня. Тане шестой год, и в школу она, понятно, ещё не ходит, но это не мешает ей играть и «в школу, и «в учительницу». В таких случаях четырёхлетний Шурик бывает у неё «учеником».

На днях бабушка купила большую и интересную книгу, которая сразу же стала у ребят любимой.

Вот и сейчас они, тесно прижавшись друг к другу, листают её, и Таня, уже выучив с помощью бабушки стихи, бойко декламирует их Шурику, показывая иллюстрации:

Мать с детьми выходит в поле:
— Ну, старайтесь, малыши,
Хорошенько лён прополоем,
Сядем полдничать в тиши.

Просто и понятно. Над стихами на левой странице цветная иллюстрация: мать с детьми идёт в поле, а справа — во всю страницу — акварель: мать с детьми полет лён. Широко расстилается поле, вдаль виднеется село, за ним — снежные нивы, и над всем этим — синее с облаками небо.

Ребята с интересом в который уже раз рассматривают картинку, страница за страницей, очень внимательно следят за героиней книги.

Вот и последняя строфа:

И ведут ребята песню:
— Слава лён в краю родном!
На холсте портрет чудесный,
Вышею — Сталину пошлём!

Эту книгу для детей младшего возраста выпустило украинское издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь». Называется она «Вышею Сталину портрет». Автор стихов — широко известный советский поэт Павло Тычина. В простых, понятных, образных стихах рассказывает он малышам о заветном желании своих героев: вырастить лён, чтобы потом вышить на полотне портрет и послать его в подарок товарищу Сталину. И таким портретом Сталина открывается книга.

Художники Л. Джолос и Е. Соловьёва в стилизованной (под ковёр) манере рисунка просто, непосредственно и, вместе с тем, высокохудожественно передают ребятам замечательный образ вождя, его теллоту, сердечность.

Глядишь на ребят и видишь, какой чудесный подарок сделали им авторы и издательство этой книгой!

Как жаль, что наши критики почти никогда не останавливают своего внимания на подобных изданиях, очевидно считая это «мелочью», не стоящей внимания. А напрасно! Посмотрите, с каким интересом приняли в свой детский мир эту книгу ребята, сколько радости она принесла им!

И становится ясно, что о книгах для дошкольников нужно говорить так же серьёзно, как и о больших романах.

Пользуясь случаем, хочется сделать здесь несколько замечаний по поводу

книг для дошкольного возраста, замечаний, возникших из живых наблюдений над ребятами.

Прежде всего, хочется сказать далеко не новую, но часто забываемую истину о том, что ребята очень тонко чувствуют настоящую любовь к ним и чутко на неё реагируют. Недаром в народе говорят, что дети не любят плохих людей. Сюсюканьем их не обманешь.

И мне кажется, что причину успеха этой книги у ребят нужно искать раньше всего в той большой настоящей любви к маленьким читателям, с которой авторы и издательство сделали книгу. Это чувствуют ребята во всём: и в понятных хороших стихах (авторизованный перевод с украинского Татьяны Волгиной), и в простых, «настоящих», а не аляповатых, как это часто бывает, картинках, и в хорошей «настоящей» бумаге, и в той добросовестности, с какой издательство отнеслось ко всем техническим «мелочам» печати и репродуцирования...

«Настоящий» переплёт, «настоящий» вид издания внушают ребятам уважение и любовь к книге. Они бережно хранят её. Это свидетельствует о том, что для младшего возраста книги нужно делать так же хорошо, как и для взрослых, и даже лучше. А сколько ещё наши издательства выпускают для детей брака, оправдываясь тем, что это, дескать, для детей, — всё равно, мол, порвут...

Нетребовательность поэтов

В редакционной коллегии журнала «Мурзилка» — одного из лучших наших журналов — состоят такие мастера стихов для детей, как С. Маршак и С. Михалков. Тем более непростительной представляется для редакции «Мурзилки» нетребовательность к стихам многих и, порою, талантливых поэтов, объединяемых журналом.

Вот некоторые стихи, напечатанные в «Мурзилке» в 1950 году.

...Нестройностью сюжетного построения, неточностью языка отличается стихотворение Е. Трутневой «В Артеке».

В Артеке, оказывается, можно срывать —

Большие цветные букеты...

Эта языковая небрежность просто бросается в глаза, а редакторы журнала её

Когда издательства, как это ещё часто бывает, выпускают хорошие сказки, стихи и рассказы чуть ли не на обёрточной, серой бумаге, с грязными, аляповатыми рисунками, они делают очень вредный антипедагогический шаг: такая «продукция» не воспитывает у малышей трепета перед книгой, художественного вкуса, уважения к книге. И вполне понятно, что малыши относятся небрежно к таким книгам и рвут их без сожаления.

Интересно отметить, что и Таня и Шурик больше любят книги о людях — о ребятах и о взрослых, книги с такими сюжетами, которые близки их ребячьему миру. Что же касается всевозможных зайчиков, лис, слонов, медвежат и прочих «зверушек», кочующих из книги в книгу для детей, то они гораздо меньше волнуют и не так захватывают ребят, как подлинные герои книг «про людей».

Всё это заставляет желать, чтобы наши детские писатели писали побольше книг именно в простом, реалистическом, а не иносказательном плане, не боясь, что дети не поймут их, — поймут, если мысли в книге будут, конечно, ясны и выражены таким же непосредственным и понятным языком, каким говорят и мыслят дети.

Хорошим примером такой книги для младшего возраста и является книга П. Тычины.

Виктор Гончаренко,
студент Киевской консерватории.
Ст. Воярка, Киевской обл.

почему-то не заметили, или — в худшем случае — примирились с нею.

Примирилась редакция журнала и со следующими двумя строками в этом стихотворении, отличающимися не только неточностью языка, но и погрешностями против здравого смысла:

По козьим тропам забираться
С альпийской палкой в руке...

Слово «забираться» и звучит не поэтично, и не имеет значения восхождения: можно «забираться» в чулан, в подвал, на крышу, на дерево; по тропам же можно «взбираться», или «всходить», как это и делают юные альпинисты из Артека. Далее заметим, что «альпийских» палок не существует у альпинистов, у них в руках — «альпинистские» палки.

В недоумение приводит читателя концовка стихотворения:

Всё это бывает в Артеке,
У синего моря в Крыму.

Разве это хотел сказать автор? Разве только «бывает», а не всегда «всё это» так?

Поэту недостаточно обладать природным талантом, нужно уметь распорядиться своими способностями, нужно растить в себе мастера. Поэт должен заботиться о том, чтобы произведения его как в целом, так и в отдельных частях — в каждом стихе, в каждой фразе, в каждом слове — были художественно-выразительными, полноценными, свободными от погрешностей против простоты, против точности языка.

Вот стихотворение «Юрмала» — скорее даже маленькая поэма — Надежды Павлович. Читаешь его, перечитываешь — и всё больше убеждаешься, что многое в этом стихотворении случайно, не оправдано, слабо связано с контекстом, не приведено, выражаясь арифметически, к одному знаменателю.

Начинается оно с описания того, как прибыл детский сад из Риги на взморье, в Юрмала.

Вскоре отправляются ребята с тётей Леной купаться в море — «в первый раз»:

Показались лодки...
На баркасах буквы
«Ю» и «Р» белеют,—
Юрмала и Рига,—
Чтобы всякий знал,
Что колхоз рыбацкий
Вырос, богатеет,
Что для государства
Рыбу он поймал...

Пытливый ребёнок тотчас спросит, как это по одним буквам «Ю» и «Р» всякий может узнать, что рыбацкий колхоз «вырос», «богатеет» и какую-то «рыбу» поймал «для государства»?..

Далее. Вот рыбацкий бригадир, старый Кундзинь, вынул из кармана кораблик, который сам смастерил, кораблик —

С парусом, с матросом,
Вставшим у руля.

Как не продуманы автором художественные детали в этом стихотворении! Неужто правдоподобно, чтобы рыбацкий бригадир, отправляясь с бригадой в море на лов рыбы, захватил с собой игрушечный кораб-

лик (для чего, для кого?) и, не боясь повредить на нём мачты, паруса, матроса, руль, взял да и просто сунул его в карман?

Ребята чутки к стихам и разбирают их по деталям, как игрушки, стараясь узнать, «что внутри», «что к чему». Этого не должны забывать поэты.

Подарив кораблик мальчику Янису, бригадир шуточно говорит ему:

И пойдёт корабль твой
В Лепаю и Таллин,
Повезёт он рыбу
В славный Ленинград...

Хорошо. Но сразу же оказывается, что—

Маленький кораблик
Волны закачали,
Над волною чайки
Белые летят.

Каким же образом, спросит ребёнок, этот «маленький кораблик» могли на руках бригадира «волны закачать», а над этими мнимыми волнами — «чайки белые» летать? Что-то тут неладно! И разве не прямо из рук рыбака принял Янис кораблик, и разве не «пóсуху» принёс его в детский сад?

Беда здесь не только в бессвязности изложения. Стихи эти, кроме того, отдают неприятным привкусом инфантильности, умилённости, слащавости, то есть теми интонациями, которые в своё время осуждала в детской литературе Надежда Константиновна Крупская.

Мечтать никому не возбраняется, тем более поэтам, — и не только мечтать, но и фантазировать.

Если, как говорил Ленин, фантазия нужна даже в математике, — то, конечно же, нельзя возражать против того, что украинский поэт Игорь Муратов решил «помечтать о машине», которая бы обеспечивала, в случае засухи, любой уголок родной страны «послушным дождём» —

Ведь научились же люди летать!

Но когда мечтающий поэт свою фантазию о «послушном дожде» облакает в конкретную форму, то такая фантазия должна всё же покоиться на каких-то физических законах, на каких-то научных гипотезах. Не то получилось у Игоря Муратова в его «Послушном дожде»: в Москве — для всех «советских республик страны» — будут какие-то машины с рулями, которые «быстро..

работать должны», стоит только позвонить в Москву и дать заказ на дождь:

«Сколько вам дождика?» — спросят
в Москве.
«Нам хорошо бы недели на две!»
Рудь повернут на машине кругом,
В трубку ответят: «Верите!, Даём!»
Ветер подует, листья задрожит,—
На небо глянем — к нам туча бежит.

Славные стихи, но не слишком ли наивна такая фантазия поэта? Даёт ли она какое-либо представление о возможности осуществления таких машин, способна ли она будить творческое воображение наших ребят?..

...В результате недостаточной требовательности редакции журнала к стихам сохранились в них и такие погрешности против языка и грамотности, которые легко могли бы быть устранены авторами.

Не посчитался, например, с правилами ударения переводчик стихотворения Валентина Бычко «По-рыболовному»:

Да крючок заострённый;

есть слово «заострённый», в котором буква «ё» показывает, что ударение должно стоять на нём, а не на «о».

В боске — карасики,
На быстрине — щуки..

Откуда такая произвольность ударений?

Обычной грамматической ошибкой является употребление винительного падежа вместо родительного после глаголов с отрицанием «не»:

Полотенце Одно
Саша не возьмёт.

(вместо — «полотенца Одного»).

С птичкой он не спугает
Синий самолёт.
(«Наши полотенца» Нины Найдёновой)

Та же грамматическая ошибка — в переводе Т. Волгиной стихотворения Платона Воронько «Железная дорога»:

Паровоз не сдвинешь паром
(вместо — «паровоза»).

В заключение хотелось бы — так велико искушение сопоставления — остановить внимание на одном стихотворении, особенно резко выделяющемся своим совершенством на фоне многих недоработанных стихов в «Мурзилке».

Стихотворение это выполнено с присущим поэту мастерством: основная мысль, идея выражены с предельной ясностью, замысел претворён в высокохудожественную форму. Стихотворение это — «Что такое год?» С. Маршака.

Встретился поэту второгодник, поэт завёл с ним разговор:

— Слушай,
Скажи мне вкратце,—
Что же тебе за расчёт
Каждый год оставаться
В классе на будущий год?

В три и четыре года
Люди закончат у нас
План пятилетний завода!
Ты же — в два года
Класс!

Разговор поэта построен занимательно, остроумно и убедительно — на широком показе нашей действительности. Остаться на второй год — значит на век расставаться с классом» и «зады повторять» «с теми, кто на год моложе», — так может ли школьник «на год откладывать год!»

И поэт прекрасно заканчивает разговор, действительно ставя точку над «и» запоминающейся концовкой:

Помни —
по классу в год!

Стихотворение С. Маршака «Что такое год?» может служить образцом того, как нужно писать для детей. Но хорошо было бы, если бы один из редакторов «Мурзилки» — С. Маршак столь же требовательно относился к чужим стихам, как относится он к своим.

И. Бокарёв,
юрист. Москва.

Две важные проблемы

Трудовые резервы — это мальчики и девочки, юноши и девушки — будущие строители коммунизма. Строгие шинели, ловко сидящие на подростках, — под ними бьются горячие, рвущиеся к жизни сердца...

Детей воспитывают опытные производственники, знающие жизнь, суровую, когда человек не умеет найти «живинку» в деле, и удивительно покладистую, когда голова, руки и любовь к мастерству гармонично сочетаются воедино...

У городской и сельской молодёжи, перед которой стоит задача выбрать себе место в жизни, естественен огромный интерес не только к разным профессиям, о которых они хотят знать всё, но и к жизни в ремесленном или фабрично-заводском училище, и к перспективе, ждущей их после окончания срока обучения.

Издательства Трудрезервиздат и Детгиз, хотя и очень скупо, но откликаются на требования читателей. Повесть Евг. Пермяка «Путешествие в мастерство», сборник «Их растёт страна», повесть А. Андреева «Ясные дали» выпущены за последние годы Трудрезервиздатом для детей-ремесленников. Детгизом за эти же годы изданы и переизданы повести: И. Ликстанова «Малышок», И. Василенко «Звёздочка», В. Беляева «Город у моря»...

Все эти книги говорят о труде, большом и творческом, о радости жить и трудиться.

Лучшие из них — повести И. Ликстанова «Малышок» и И. Василенко «Звёздочка» — удостоены Сталинской премии.

К сожалению, книга рассказов К. Львовой «Настойчивый характер» не может стать в один ряд с этими лучшими детскими книгами последнего времени.

Лауреат Сталинской премии, автор умной и интересной книги для взрослых «На лесной полосе», К. Львова написала для учащихся трудовых резервов книгу, которая, на мой взгляд, обладает серьёзными пороками.

Для недостатков книги особенно показателен первый рассказ «Настойчивый характер», давший название всему сборнику. Автор ставит себе трудную задачу — раскрыть становление характера мальчика через преодоление им трудностей роста. К. Львова ведёт повествование от первого лица, и вся жизнь ремесленного училища дана через восприятие центрального героя.

А герой этот отрицательный, он должен переделаться, перевоспитаться. Непонимание чувства долга, отсутствие понятий о нормах поведения советского юноши приводит его к внутренней недисциплинированности и уродливому представлению о своих товарищах и взрослых людях.

Пятнадцатилетний ремесленник, комсомолец Павел Коплик, работающий на заводе, рассказывает о себе в таком духе:

«Я закрыл лицо руками и заревёл. Мои воспалённые нервы не выдержали.

— Лучше вы... ударьте... меня, Иван Григорьевич, — давась горючими слезами, вымолвил я — Но не говорите такие болезненные слова. Я не... выйду».

Перевернув страницу, снова читаешь:

«Как мне было отвечать на такие горькие слова? Опять же одними слезами, ибо от всей этой истории мои нервы дошли до полнейшего воспаления...»

После того, как Павел Коплик был пойман в момент побега из ремесленного училища на фронт, разоблачён и осуждён комсомольской организацией, его другом Антоном и всеми ребятами, начинается «переделка» Коплика. Но переделка идёт своеобразно: Коплик начинает сам перевоспитывать одного из самых отсталых ремесленников — лодыря, скрягу Груношкина, которого он терпеть не может.

Портрет и характеристику Груношкина Павел Коплик даёт в таких выражениях:

«...Длинноногое унылое лицо Груношкина с известными вам зелёными глазами, которые даже не мигали от бессовестности». Или: «Груношкин очень жадный, за это его никто не любит. Попросишь отрезать кусок хлеба, ни за что не даст. И скрытный. От него ничего не добьёшься...»

О другом своём товарище Павла говорит:

«Он (Фёдор Немцев. — Е. Р.) всегда спал на одно ухо в ожидании новостей, чтобы потом, по своей природной склонности, двадцать раз их перевернуть». Или: «Наш Федя парень практичный, он не считает зазорным кое перед кем унизиться, попросить, чтобы ему не зачили лишний брак. Он не плохо вылезает».

А вот автопортрет самого Павла Коплика: «Я увидел серые с косым разрезом глаза — признак железной воли, толстова-

тый короткий нос и не слишком тонкие губы — все пропорции в норме.

От всех этих характеристик и портретов веет какой-то ограниченностью, грубостью, себялюбием, дурной недетской иронией. Таков герой рассказа. Можно ли назвать его характерным для юной армии трудовых резервов, из рядов которой вышли Герои Советского Союза Юрий Смирнов, Галочкин, Алмазов, новаторы производства Василий Бородин, Фёдор Дуданов и многие другие? Нет. Это искажённый, выдуманный образ комсомольца, от него веет литературщиной. И хотя Павел Коплик перевоспитывается, он не становится привлекательным героем.

У прочитавшего эту книгу ребёнка вряд ли появится желание идти в ремесленное училище. А родители, наверно, призадумаются, отдавать ли своего сына в такое учебное заведение. Ребята не знают рабочих, с бригадой которых они соревнуются, и знакомятся с ними... в бане. К слову сказать, эта сцена в бане дана навязчиво натуралистично.

Уже из приведённых примеров ясен характер языка, а следовательно, и мышления героя рассказа. Но для большей убедительности можно привести ещё несколько фраз.

«После этой глупой хитрости с её стороны у всех понизилось самочувствие...»

«У меня даже в животе запекло».

«Интересно наблюдать в работе различные проявления у ребят».

«Канительный тип», «что я разоряюсь», «отмежовка»...

Таким жаргонным языком написан рассказ.

Чему научится молодой читатель, прочитав подобную книгу? Только не любви к труду. Труд, процесс труда, поэзия труда в книге изображены слабо. Труд дан только как фон, как плоский задний план декораций на сцене...

Есть, на мой взгляд, один принципиальный вопрос развития литературы, предназначенной детям, который может, правда, вызвать различные суждения, — это вопрос о том, имеет ли право быть центральным героем детской книги отрицательный персонаж?

Герой Архадия Гайдара — Тимур («Тимур и его команда»), Борис («Школа»), Аля («Военная тайна») — это яркие но-

вые типы юных людей, несущих в жизнь новое, чудесное, это люди, рвущиеся вперёд, в будущее.

В художественном произведении центральному герою автор отдаёт всё богатство своих красок. И это закономерно. Но если это герой отрицательный, то часто бывает, что, собирая всё богатство красок, какими располагает писатель, он отнимает их у положительных, но второстепенных героев. А это уже не закономерно.

Центральный герой книги для детей должен быть обязательно положительным. Может быть, это мнение и дискуссионно, но я уверена в его правоте. Молодой читатель верит в реальность литературного образа, домысливает его судьбу, и, если литературный герой становится близок ему, то читатель старается быть таким же, подражает ему, берёт с него пример.

Есть ещё один принципиальный вопрос, который вряд ли вызовет различные суждения. Это вопрос о языке произведения для детей.

В детской литературе язык играет особенно большую роль, так как художественное произведение, обогащая словарь юного читателя, обогащает и мышление ребёнка, делает его более гибким, острым и точным.

Имеет ли право автор детской книги давать искажённую речь, жаргон, речь, засорённую местными или вульгарными словами и словечками? Обогащает ли он этим мышление ребёнка, двигает ли он этим вперёд культуру слова, обогащает ли он этим общую культуру детей? Вряд ли педагоги и родители ответят на этот вопрос положительно. Но, к сожалению, этого иногда не понимают литераторы.

Не натуралистическое подражание жаргонной речи создаёт художественный образ, а показ внутреннего содержания героя, его отношения к окружающей жизни, его целеустремлённости. От внутреннего содержания к внешнему облику и к языковой характеристике героя — вот, по моему, единственно правильный путь показа и раскрытия образа.

Искажённые слова говорят об ограниченности мышления героя, о его низкой культуре. Жаргонная речь только искажает положительные образы советской молодёжи, которая в большинстве имеет семилетнее образование, то есть в течение

семи лет воспитывается в школе на лучших образцах классической и советской литературы. Искажённый язык — это наследие старого, с которым надо бороться.

Хотелось бы, чтобы автор хорошей повести для взрослых «На лесной полосе» — Ксения Львова написала бы и для детей такую же ценную и нужную книгу, вдумавшись в особенности детской литерату-

ры, которые, конечно, не ограничиваются несколькими положениями, высказанными выше.

Неудача на поприще детской литературы не должна отталкивать талантливого писателя от почётной, но трудной задачи.

Е. Рогова,
коллектор детских
и юношеских библиотек. Ленинград.

О злободневности литературы для детей

...Как-то в печати появилось сообщение, что в Корее лысынмановцами было убито пять мальчиков только за то, что они пели песню о своём лучшем друге и отце — Ким Ир Сене. Какую замечательную книгу можно было бы написать об этой страшной трагедии. Такая книга — будь то поэма, рассказ или повесть — имела бы огромное воспитательное значение. Но книги этой никто не написал..

С каждым годом появляется всё больше и больше хороших, интересных детских книг самого разнообразного содержания. Но следует сказать, что при всём том у нас ещё мало детской литературы на злободневные темы. Очень мало. Советские дети — смыслённые, развитые, их интересуют все события, происходящие в нашей стране и за её рубежами. А вот литература для детей неизменно отстаёт от этих событий. Вот, например, две огромные темы.

Великий Китай строит новую жизнь. Пора, давно пора в стихах, поэмах, повестях рассказать об этом и нашим советским детям.

Небывалым пафосом охвачен наш народ.

В каждом советском доме говорят о великих стройках коммунизма. Таких строев человечество не знало. Настало время нашим писателям для детей приступить к созданию ярких произведений на эту благородную и величественную тему, раскрыть перед молодым поколением, перед будущими строителями коммунизма окно в завтрашний день.

Может быть, найдутся писатели, которые возразят:

— Зачем, мол, такая спешка?

— Кое-что ведь всё-таки делается..

Я считаю, что эти возможные возражения неосновательны. «Кое-что» — это мало! А о спешке говорить нечего. Ведь мимо всех этих жизненных тем и вопросов наши дети не проходят. Они внимательно вникают во всё, о чём говорят и чем живут их родители. Главное в том, чтобы искать и находить такие формы, которые позволили бы доступно, образно, ярко передать детям великое, волнующее содержание нашей сегодняшней жизни, не отставая от неё!

Подполковник **Мих. Тихонов.**
Смоленск.

Против скидки «на Тюзик»

В детских театрах идёт пьеса Ц. Солодаря «Мальчик из Марсея». Посвящённая теме борьбы за мир, пьеса эта вызывает большой интерес у юного зрителя. Автору удалось показать любовь французских детей к Советскому Союзу, яркими штрихами противопоставить счастливую жизнь нашей детворы тяжёлому положению трудящихся и их детей на Западе.

Однако пьеса Ц. Солодаря заслуживает, вместе с тем, серьёзной критики. Основная беда пьесы в том, что автор делает совершенно непростительную, вредную «скидку на Тюзик», ошибочно полагая, что

подростков можно удовлетворить поверхностным, легковесным изображением жизни.

Пионеры и школьники хотят увидеть, как подрастающее поколение молодых французских рабочих и молодёжь других капиталистических стран участвует в борьбе за мир. Но Ц. Солодарь фактически подменяет эту тему другой. Получилась пьеса не о борьбе за мир, а о несчастном мальчике — «котлочисте», застрявшем в паровом котле. Внимание зрителей сосредоточивается не на том, будет ли задержан борцами за мир корабль с оружием, а на том, будет ли спасён мальчик..

Дети французского народа, как и юные итальянцы, англичане, норвежцы, датчане и др., активнейшим образом участвуют в движении за мир: они собирают подписи под Обращениями сторонников мира, проводят эстафеты мира, участвуют в караванах мира, выполняют ответственные и опасные поручения. Борьба за мир во Франции, как мы это знаем из сообщений печати, стоит в центре внимания большой пионерской организации «Союза отважных». Но всё это не нашло отражения в пьесе «Мальчик из Марселя». «Отважные» даже не упоминаются в пьесе.

Познавательная ценность пьесы явно недостаточна. Нашим детям полезно и интересно знать героев французского народа, таких, как Раймонда Дьен, Анри Мартен или Даниель Казанова. Но о них в пьесе — ни слова. Юный зритель хочет знать, как коммунисты Франции добиваются успеха, как была подготовлена ими забастовка докеров. Автор же ограничился тем, что показал лишь конечный результат этой подготовки, а самую подготовку, то есть ход борьбы, перипетии борьбы целиком вынес за кулисы.

В борьбе за мир против американской оккупации коммунисты Франции, как и других «маршаллизованных» стран Европы, стоят лицом к лицу с «американской партией» — во Франции это все реакционеры — от правых социалистов до деголлевцев.

Коммунисты преодолевают бешеное сопротивление реакции, разоблачают предателей народа, шаг за шагом завоевывают массы. Горячей атмосферы этой современной борьбы в пьесе, к сожалению, нет. Нет в ней пламенных трибунов, которыми богата компартия Франции, нет героических подвигов, которые зажгали бы юные сердца.

Наконец, автор допустил ряд очевидных нелепостей, опять же, видимо, считая, что для детей «сойдёт». К числу этих нелепостей относится, например, тот факт; что американцы ведут секретнейший разговор на открытом, «лобном» месте. Или, скажем, такой факт. Корабль с оружием собирается выходить в море, разводят пары, американцы спуют, командуют, строго следят за всем происходящим, капитан корабля заявляет, что судно скоро будет готово к выходу, — а в это время, оказывается, в коцегарке американского корабля, незамеченные, бесшумно (!) действуют борцы за мир — автогенщики, разрезающие котёл!.. Можно ли в это поверить?

Автор недостаточно серьёзно подошёл к делу, а театры не критически отнеслись к пьесе. Досадно, что такой мастер советской драматургии, как Б. Лавренёв, редактируя пьесу, не заметил этих, разумеется, исправимых недостатков.

Ив. Колосов,
преподаватель средней школы. Москва.

Школы ждут...

В каждой школе для внеклассной работы созданы различные кружки, в которых дети занимаются по своему желанию и склонностям. Больше всего ребята любят литературный и драматический кружки. Но как скоро разочаровываются дети, записавшись в драматический кружок! Разочарование у них появляется потому, что этот кружок на протяжении всего года не может, как правило, поставить ни одной современной детской пьесы.

Нашим школам имеют художественную и научную литературу, и книги эти дети читают с большим увлечением. Но почти нет пьес, которые бы отражали жизнь школы и учащихся, отмечали бы плохое и хорошие стороны в поведении ученика, которые бы вместе со школой воспитывали в учащихся жажду знаний,

любовь к своей Родине, своему народу, прививали бы им навыки культурного поведения в школе, в семье, в общественных местах, любовь к искусству...

Те детские пьесы, которые существуют сейчас в репертуаре школьной самостоятельности, как правило, не удовлетворяют потребностей школ, особенно сельских — семилетних и начальных, — так как в них большое количество действующих лиц, они огромны по своему объёму и, что самое главное, не отражают жизни сегодняшней советской школы.

Школы особенно нуждаются в серии небольших одноактных пьес с малым числом действующих лиц.

Отсутствие таких пьес приводит иногда к запущенности внеклассной и внешкольной работы. И это даёт себя знать на

каждом шагу. Неудивительно, что многие дети, предоставленные самим себе, в свободное от уроков время не находят ничего лучшего, как слоняться по магазинам и улицам, рынкам и вокзалам, а в сёлах дети, в поисках развлечений, нередко посещают вечеринки взрослых.

Поэтам и прозаикам нашим, как и драматургам, нельзя оставаться в долгу перед школьной самодеятельностью. Стихи и не-

большие рассказы так же нужны нашим драмкружкам, как и одноактные пьесы о школьной жизни.

Учительский коллектив ждёт и надеется, что наши советские литераторы окажут помощь советским школам и работникам этих школ. Пишите, товарищи!

В. Купор,

директор Грушевской семилетней школы,
Новочеркасский (сельский) район.

О научной фантастике

Прочёл книгу Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов» и решил написать несколько слов о самой серии «Научная фантастика и приключения», которую издаёт «Молодая гвардия».

Научно-фантастических и приключенческих книг сейчас очень мало. А интерес к научной фантастике (подчёркиваю, к научной, потому что есть фантастика, лишённая научной основы) так велик, что книги под рубрикой «НФП» достать в магазинах совершенно невозможно — сотни книг в течение каких-нибудь десяти минут мгновенно раскупаются. Так же трудно достать их и в библиотеках. Даже такие тиражи, как 50 000, 75 000 экземпляров, не могут удовлетворить запросы наших читателей, многомиллионную массу школьников.

Не все книги хорошо оформлены. Есть книги, всё оформление которых состоит из одной обложки, хотя иллюстрации к тексту были бы очень и очень кстати. Примером может служить книга «Дороги в глубь» В. Охотникова, где, кроме небольших заставок перед главами, нет никаких рисунков, которые помогали бы ясно представлять себе происходящие события.

Возьмём маленькую книжку того же автора «На грани возможного». В этой книге, несмотря на небольшой объём, имеются иллюстрации. И книга от этого, конечно, выигрывает.

Не всегда рисунки отличаются хорошим исполнением. В некоторых книгах рисунки неясны, расплывчаты, как бы «недорисованы», сразу видно, что художник работал спустя рукава. Иногда же рисунки просто не соответствуют содержанию книги.

По-моему, необходимо сопровождать каждую научно-фантастическую книгу примечаниями учёного-специалиста или статьёй на тему, затронутую в книге, как это уже практиковалось в некоторых книгах раньше. Статья и примечания помогут понять читателю, какую научную основу имеет под собой фантазия писателя, обогатят знания читателей. А то ведь иногда просто трудно самому решить — рассказывает ли писатель о научном факте или рисует картину будущих достижений техники. Научную фантастику нужно издавать больше и лучше.

Ю. Федичский,

ученик 8-го класса, Москва.

Зачем издана эта книга?

Недавно я купила своему четырёхлетнему сыну «Русские народные сказки». На обложке книги изображена нарядно одетая девушка, и легко было догадаться, что это та самая красавица, которую по настоянию злой мачехи повёз зимой в поле отец и которую так щедро одарил Мороз. Я представила себе радость ребёнка по поводу новой книги и, придя домой, не стала долго испытывать его терпение. Быстро пробежав оглавление, решила прочитать вслух раньше других наиболее известную сказку «По щучьему веленью».

Начало её несколько озадачило меня.

Вместо давно знакомого славного Иванушки-дурака героем здесь был мужичок «убогий», которому просто не везло в жизни. Сам он так определил причину своих бедствий: «Видно я богу не угодил; стану я до вечера молиться, авось господь и смилуется». Он так и сделал: «Начал он богу молиться; по целым дням голодает, а всё молится». Для того, чтобы не пришлось объяснять ребёнку, что всё это означает, каков смысл выражений «богу не угодил», «молиться», «господь смилуется» и т. п., я «перестроилась на ходу» и стала попросту наполовину проглатывать слова. Но вскоре

чуть ли не всё моё чтение превратилось в сплошное бормотанье. Пришлось совершенно пропустить такие фразы, как «все люди станут разгавливаться...», «пошёл в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться...», фразы которые, откровенно говоря, были и мне не до конца понятны.

Между тем нужно было не терять нить рассказа.

...Многодневные молитвы «убогого» не остались без внимания, и он в награду за них поймал удивительную штуку. Отпустив её и увидев накрытый стол, «убогий» не забывает обратиться с благодарностью к богу: «Слава тебе, господи, есть чем разговеться».

Боженька был в сказке всюду, даже вместо обычного — «по щучьему веленью, по моему хотенью», — мужичок здесь говорит: «по щучьему веленью, по божьему благословенью».

Вскоре сын запротестовал, он хотел, чтобы я читала сказку не себе под нос, а громко, как следует. Зная, что дальше богу в сказке делать абсолютно нечего, я приободрилась и продолжила чтение весёлым, ясным голосом... Мимо мужичка проходит царевна и забывает подать ему милостыню. Но он не теряет: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесёт и родит себе сына». «По тому слову царевна в ту же минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал её царь допрашивать: «Признавайся, — говорит, — с кем согрешила?» А царевна плачет и всячески клянется, что ни с кем не грешила: «И сама не ведаю, за что господь покарал...»

Думаю, излишне говорить, что всё это я, не обращая внимания на протесты мальчугана, читала про себя. На последней фразе я чтение прекратила, так как ясно было, что сказка не для детей. Я, правда, и раньше несколько удивилась, что книжка выпущена не Детиздатом, но была твёрдо убеждена, что, независимо от того, кто их издаёт, сказки остаются сказками, и с удовольствием будут слушаться детьми. А тут ещё написано — «Массовая серия», и тираж 500 000 экземпляров!

Дальнейшее знакомство с книгой показало, что она и взрослым не даст ничего полезного, что редактор книги В. Седова в любой сказке оставила в целостности и со-

хранности и самого боженьку, и молитвы ему. В сказке «Морозко» Мороз приходит девушке на помощь лишь потому, что она «тихонько молитву творила», а её «умные речи», которые так полюбились Морозу, заключаются в том, что она твердит несколько раз: «Знать, бог тебя принёс по мою душу грешную».

Боженька стародавних сказок выручает редактора и во всех тех случаях, когда он для характеристики действий и явлений не находит в русской народной речи достаточно ярких и сильных выражений: «Вдруг поднялся сильный вихрь — что и боже мой! — схватил царицу и унёс неведомо куда». «Иван-царевич... приходит к такому дворцу, что и господи боже мой!..»

Но это ненужное и вредное «охранительство» бога в сказках — далеко не единственный недостаток книги. Вызывают удивление и герои сказок, которые должны были воплотить в себе (и действительно воплощают, если сказки не просто коллекционировать, а отбирать наиболее типичные и яркие из них) лучшие черты великого русского народа.

Вот, например, Бормá. В качестве награды за подвиг он просит царя: «Дозволь мне три года безданно-беспощинно пить во всех кабаках!» Кончается эта сказка «Борма-Ярыжка» тем, что «Борма недели три пьянствовал и опился в кабаке». А один сын, прощаясь с матерью, говорит: «Я поеду по вольному свету; когда найду дурковатей тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну!»

Могучий язык, на котором писали (и в частности сказки, причём, обходились без молитв и спáсов на каждом шагу) Пушкин, Лермонтов, Некрасов и другие великие русские писатели, подменён в этих сказках областными наречиями, дурной простонародностью. Примеров этому можно найти сколько угодно, на любой странице. Вот наугад, из разных мест: «не отдашь чество, насилком возьму!», «жеребёнок нимало не поробил», «жил-был некоторый купец», «русский дух воочью совершается», «двое братовой робят».

Встречаются в книге такие замысловатые предложения, которые без разъяснений вообще трудно понять. Вот всем известный эпизод, когда Иванушка-дурачок достаёт перстенёк (здесь портрет) с руки царевны: «Иван-дурак с размаху нагнал, копь его

скачил, и патрет не достал только через три бревна». «Потом старик созвал его (т. е. Ивана-царевича) разгуляться». «Соскакали с лесу». «Сидит в башне Василиса Кирбитьевна—из косточки в косточку мозжечок переливается»...

Постоянно встречаются слова, которые хоть и были когда-то в употреблении, но давно из него вышли, а в литературном языке вообще не бытовали, и вряд ли обогащают русскую речь: «двоймя», «приели», «зворотить» и много других.

Я не говорю уже о таких местах в книге, которые граничат с непристойностями. «А Мальчик с пальчик напаскудил ему в карман, прогрыз дыру и ушёл».

Не знаю, как реагировала на появление в свет этой книги наша литературная критика, но рядовые читатели быстро откликнулись на недостатки книги. В «Ленинградской правде» в марте 1951 года появилось коротенькое письмо читателя Аверья-

нова («Книга с пороками»), в котором он пишет: «В некоторых сказках... русский народ представлен покорным судьбе, смиренным, безвольным. Язык сказок отредактирован плохо. В нём много непонятных слов и грубых выражений; вызывает недоумение большое количество церковных слов».

Всё сказанное верно. Мне тоже кажется, что книга в такой редакции никуда не годится, и издательство допустило большую ошибку, напечатав её.

И. Галлямова,
студентка Ленинградского
архитектурного техникума.

Р. С. Только после того, как написала это письмо, я познакомилась со статьёй А. Югова в «Литературной газете» об архаизмах в языке. Прочтя этот сборник сказок, он сможет увидеть, куда способна завести его проповедь архаизации и вольного обращения с русским языком. **И. Г.**

Обеднённые былины

Я — воин Советской Армии, рядовой читатель. Больше всего я люблю читать и слушать былины и старинные песни моего народа. Сколько в них русской удалости и воображения, каким прекрасным образным языком они говорят и поются! Какие темы и идеи заключают они в себе! Поэтому я с удовольствием стал недавно перечитывать сборник былин, выпущенный Государственным издательством художественной литературы (редактор С. Бортник). Прочитал я эту книгу и разочаровался. Многого я там не нашёл, что хотелось бы найти, особенно сейчас.

Кто не знает русского богатыря Илью Муромца? Это собирательный образ, в нём отразились черты народа русского. Так почему же в былинах об Илье, напечатанных в этой книге, нет многого, что характерно для русского народа? Вот, например, в известной былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» рассказывается, как Илья уничтожил «силу поганую несметную» под городом Черниговом, как «мужики черниговские» благодарили его за освобождение и предлагали стать воеводою Чернигова. Но Илья бескорыстен, да и не мог он, могучий богатырь, прятаться в глуши, когда Русь отовсюду враги грозили. Он отказался. Так почему же нет ни этой просьбы черниговских мужиков, ни этого характерного от-

каза Ильи в былине, которую я прочитал в книге, выпущенной в 1950 году?

И ещё—в былине говорится, что киевский князь Владимир не верил в силу Ильи и в то, что он разогнал несметную рать врагов под Черниговом и полонил Соловей-разбойника. По-моему, это очень важный момент. Князь и бояре не верят в силу народа, не верят, что историю делают не отдельные личности, а народ. В этом смысле предания. А ведь этого тоже нет в опубликованном варианте былины. Почему?

В былине «Илья Муромец и Калин царь», в самой моей любимой былине, я не нашёл, что Илья сидел в тюрьме князя Владимира, что растерявшийся перед опасностью князь умоляет Илью Муромца «постоять за веру христианскую, за столичный Киев-град» (характерно: князь убеждается, что без народа он — ничто, и поэтому при нужде всегда обращается к народу). И Илья Муромец отвечает (чудесные слова: это слова всего народа русского, поднявшегося на защиту своей Родины):

Я иду служить за веру христианскую
И за землю Российскую,
Да и за столичный Киев-град,
За вдов, за сирот, да за бедных людей,
А для собачьего князя Владимира
Да не вышел бы я вои из погребца...

И этих чудесных слов (простим старым певцам их «веру христианскую»), которые

так ярко характеризуют наш народ, которые с успехом можно использовать в беседе с воинами и в наши дни — этих слов в былине нового сборника нет.

Можно привести много подобных примеров и из былин о Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче, Василии Буслаеве... Но думаю, что сказанного достаточно.

Я знаю, что былины имеют очень много вариантов. И все эти варианты нужно довести до читателя. Но это можно сделать в специальных сборниках, так и назвав их: «Варианты былин об Илье Муромце», «Ва-

рианты былин о Добрыне Никитиче» и т. д. Эти сборники удовлетворят интересующихся и дадут богатый материал для литературоведа. Но нам, рядовым читателям, дайте самый яркий, самый полный вариант!

Ведь по этому новому сборнику будут впервые знакомиться с былинами и тысячи наших детей. Они получат неполное, а, значит, превратное, представление об идеальном богатстве русских былин, им запомнятся обеднённые духовные образы русских сказочных богатырей.

Рядовой Терёшин В.

Книги без сокращений

На протяжении ряда лет Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство выпускает серию книг «Библиотека школьника».

В эту серию вошли лучшие произведения классиков мировой литературы — Чарльза Диккенса, Марка Твена, Мигеля де-Сервантеса, Вальтера Скотта, Шарля де-Костера и др. Книги эти пользуются большим спросом у юных читателей, тем более, что школами эти произведения внесены в списки рекомендательной литературы для чтения. Таким образом, издательство вполне правильно поступает, печатая серию «Библиотека школьника».

Но... как оно издаёт эти книги!

М. Горький в статье «Литературу детям» писал: «...мы можем взять из... буржуазного наследия только очень немного, гораздо меньше, чем взяла литература для взрослых: некоторые произведения классиков и мирового народного эпоса, — да и то в новых переводах и пересказах...»

Об этом указании Горького редакторы издательства, видимо, забыли. Забыли они и то, что подготавливаемые ими к печати книги являются не академическими изданиями, а предназначаются для школьников 5—8 классов, для подростков в возрасте 12—16 лет. Иначе чем же можно объяснить, что в изданных книгах сохранены в неприкосновенности все натуралистические подробности адюльтерных походов их героев, все откровенные рассуждения о взаимоотношениях полов, одним словом, вся эротика, которую нередко можно встретить во многих произведениях классиков иностранной литературы.

Вот перед нами «Легенда об Уленшпигеле». Эту замечательную книгу Шарля де-

Костера (в переводе А. Горнфельда, под редакцией В. Вальдман) издательство сочло возможным включить в «Библиотеку школьника» без существенных купюр. Благодаря этому, юные читатели могут ознакомиться с историей неудачной женитьбы короля-садиста Филиппа II на уродливой королеве Марии, могут узнать, как эта «бесплодная, жаждущая ласки женщина говорила ему страстные слова и, стараясь придать нежное выражение своим глазам, просила бесчувственного Филиппа о любви. Она называла его всеми ласковыми именами, какие дают упоённые страстью женщины своим возлюбленным»... Далее школьники смогут убедиться, что, несмотря на настойчивые просьбы несчастной королевы о любви, её беспутный венценосный муж уходил в ночные вертепы «к грязным потаскухам, которые ещё не успели отмыться от объятий пьяных наёмников», причём, оказывается, король предпочитал королеве проститутку, тогда как «нет девушки, нет мужней жены, нет вдовы, которая отказала бы ему»... Далее вниманию юного читателя предлагается описание ночных приключений нидерландских гёзов в домах с опознавательным красным фонарём, где девушки. «идущие по пути порока», расппевают недвусмысленные песенки с таким рефреном:

Под звуки лютни звонкой
Я день и ночь пою.
Я шалая девчонка,
Любовь я продаю.

А в другом случае эти девушки на протяжении нескольких страниц ведут жаркий спор о преимуществах любовных утех с молодым бедняком по сравнению с богатым импотентом...

Или вот ещё одна книга из серии «Библиотека для школьника» — знаменитый «Дон-Кихот».

Не ясно ли, что две главы, посвящённые истории измены супруги Ансельмо, могли быть опущены без всякого ущерба для сюжетной цельности повествования о Дон-Кихоте?

Однако редакторы Б. Кржевский и А. Смирнов не только оставили эти главы, но сохранили и другие истории о соблазнённых и покинутых девушках, предоставили детям возможность прочесть о ночном происшествии на постоялом дворе, где дочь хозяина, спешившая на свидание к своему любовнику — погонщику мулов, нечаянно попадает в кровать Дон-Кихота, и даже довели до сведения школьников о мудрости «губернатора» несуществующего острова Санчо-Панса, остроумно доказавшего, что девица, жалующаяся на изнасилование её свинопасом, возводит на бедного парня явную напраслину...

Что и говорить, назидательное чтение для детей!

Приведём ещё один пример — роман «Сбор Парижской Богоматери» Виктора Гюго.

В этой книге редактор Ю. Эшман оста-

вил в неприкосновенности и фривольный рассказ о Марии Жиффард, которая «грееет постель королю распутников», и историю падения Пакетты Шантфлера, и главы «О неудобствах, которым подвергаешься, преследуя хорошенькую женщину», «О мушкетёрах, которые берут девушек приступом», и всю сцену соблазнения Фебом Эсмеральды, за которой тайно подсматривает обезумевший от страсти Клод Фролло...

Пожалуй, довольно примеров!

Нам кажется, что руководство Ленинградским газетно-журнальным и книжным издательством и указанные выше редакторы, поставив перед собой благородную задачу — ознакомить детей с лучшими произведениями мировой классической литературы, — с задачей своей явно не справились.

В пример им можно привести работу над этими же произведениями таких издательств, как «Детгиз» и «Молодая Гвардия». Там творения великих мастеров иностранной литературы были преподнесены детям в сокращённом виде и не вызывали никаких возражений.

Г. Захарукин,
советник юстиции.
Ленинград.

Такой журнал нужен

В нашей стране издаётся много книг для детей, выходят детские газеты, журналы для юношества по вопросам науки и техники, например: «Знание — сила», «Техника молодёжи», существует большое количество детских библиотек.

Тем ощутимее отсутствие толстого литературного журнала для детей. Эту брешь в литературе для детей ни в какой мере не восполняет журнал «Пионер». Он мал по формату, иногда не очень интересен по содержанию и, по-моему, не пользуется среди школьников широкой популярностью.

Союзом советских писателей издаются четыре толстых литературных журнала для взрослых; неужели одного журнала такого типа нельзя создать для детей? Во главе этого журнала должен стать кто-нибудь из любимых детских писателей. Там должны печататься новые романы, рассказы, повести, стихи для детей. В нём мог бы быть отдел литературной критики со статьями о

произведениях для детей, статьями, которыми сейчас так редко встречаются. В этом отделе давались бы полезные советы читателям, подробно рассказывалось бы, например, что читать детям разных возрастов, ребятам с разными интересами.

В этом журнале должен был бы быть отдел детского творчества, в котором печатались бы лучшие из присылаемых стихов или рассказов самих молодых читателей. Ведь те, которым через десять-двадцать лет может быть предстоит стать писателями, сейчас ещё сидят на школьных скамьях. Этот журнал был бы для них первым другом на литературном поприще, их первой школой. Он бы поощрял, критиковал, указывал, советовал.

Хорошо было бы, чтобы такой журнал выходил с приложениями: книгами советских писателей для детей.

Л. Фризман,
ученик 8-го класса
Харьков.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ю. Лукин. Слово боли и гнева.— **К. Лапин.** Университет борьбы.— **С. Швецов.** Неполноценный сборник.— **Е. Романова.** Теория и практика литературных бизнесменов.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Б. Леонтьев. Будущее принадлежит коммунизму.— Доктор философских наук **Б. Быховский.** Откровения Иммануэля Ньюйоркского.— **М. Давыдов.** Преображённая Сибирь.— **Г. Нуоров.** Гордость узбекской науки.

Литература и искусство

Слово боли и гнева

Два разных поэта, два разных «речевых истска», как писал Маяковский, — и единая, выраженная ими по-разному, мысль, единое чувство. Это мысль о том, что нельзя покорить народ, узнавший счастье свободного труда, это чувство братской любви к мужественному корейскому народу, ненависти к его палачам.

Русский поэт Николай Грибачёв выпустил книгу, где собраны его стихи и поэмы о Корее, переводы стихов корейских поэтов. В 1949 году осенью он побывал с группой деятелей советского искусства в Северной Корее, объехал почти всю эту часть страны, видел там «тучные рисовые поля, вдохновенный труд рабочих на фабриках и заводах, упорную учёбу в школах и университетах», видел талантливый и честный корейский народ, его страстную любовь к свободе. Во вступлении к книге поэт выражает свою глубокую веру в то, что корейский народ «будет свободным, победа будет за ним!» Автор предупреждает, что рассказ, который ведётся в этой книге, «не полон, но он идёт от чистого сердца, он создан во имя победы корейского народа, он продиктован страстным желанием, чтобы эта победа пришла как можно скорее».

Да, рассказ не полон. Это сплав из

Николай Грибачёв. «Непокорённая Корея». Редактор **А. Жаров.** «Советский писатель», 1951.

Андрей Малышко. «Корейская поэма». Журнал «Огонёк» № 30 за 1951 год. Главный редактор **А. Сурков.**

воспоминаний о виденном год тому назад и впечатлений от узанного в дни, когда на Корею обрушилось нашествие уолл-стритовских наймитов и приспешников, прикрывающих свои злодеяния флагом Объединённых Наций. И всё же из книги встаёт образ истерзанной, но не покорённой, миролюбивой, но самоотверженно борющейся страны, встают образы её славных сынов.

Поэт сумел дать в своих стихах выразительные черты, рисующие жизнь и облик народа, его стремления и волю.

Стихи говорят о вековой борьбе корейского трудового народа против японских захватчиков, об освобождении, которое принесла Корее Советская Армия, о чувствах любви и веры, с которыми обращены сердца трудящихся Кореи к нашей стране, к великому Сталину — вождю всего передового человечества, знаменосцу мира во всём мире.

Поэт показывает дела и подвиги народо-строителя, воспрянувшего к новой, свободной жизни, показывает, с каким мужеством отстаивает своё право на счастье корейский народ в кровопролитной битве против заокеанских бандитов.

Неудержимо ширится и крепнет по всей земле могучее движение борцов за мир. Советские люди, выступая на собраниях, в печати, единодушно выражают свою непреклонную волю к миру, волю обуздать империалистических поджигателей войны. И в выступлениях самых различных людей звучат слова боли и гнева, слова, напоми-

нающие о том, что творят фашистские изверги в Корее, пытаюсь раздуть пожар мировой войны. Это всенародное слово боли и гнева стало содержанием стихов советских поэтов о Корее.

В стихах Н. Грибачёва мы видим образы городов, заводов, построенных умелым и одарённым, освобождённым народом-тружеником, и разрушенных, испепелённых американскими бомбами, образы нив, возделанных трудолюбивыми и искусными руками и сожжённых пожарами разбойничьей войны, образы природы, сливающиеся в строю стихов с образами жизни народа — утра, которое озарило его свободу, тьмы, которая заволочла горизонт, солнца — животворящего источника веры и силы.

Таковы стихи «В Японском море», «Утро в Пхеньяне», «Ариран», «Притча», «Меж рисовых полей», «Моранбон — гора освобождения» и другие.

Большое чувство вложено в лирическое стихотворение «Пела девочка» — одно из лучших стихотворений сборника.

Многие советские люди могли познакомиться с проникновенным искусством знаменитой корейской танцовщицы Цой Сын Хи. Многие видели её замечательный танец, в котором она изображает старика-гребца, сквозь бурю ведущего лодку к желанной цели. Поэт очень хорошо написал об этом танце, показал вдохновенное творчество славной и талантливой дочери корейского народа.

..ветер в скалах, буря на реке,
мерный шум прибоя вдалеке.

И глядит и видит вдруг народ:
лодка партизанская плывёт,

а на ней оружие. А кругом
пена волн, и молнии, и гром,

и старик кореец у руля
не поймёт, где небо и земля,

и вода, что смешана с огнём,
языками пламени на нём.

Но скрипит, но бьёт волну весло
вверх, и вниз, и вверх — всему на зло.

И глядит и судит так народ:
— Кто гребёт, тот в волнах не умрёт!

А затем победа — вот она,
в хороводный круг заплетена,

где народной армии солдат
с поселанкой пляшут в ряд да в лад..

Ночь луну в ущелье увела,
каягыма выкрики глухи,

посреди корейского села
допоздна танцует Цой Сын Хи.

Об этом танце вспоминал в своих очерках из Кореи корреспондент «Правды» С. Борзенко, рассказывая о подвигах партизан-паромщиков, переправляющих под губительным огнём, на глазах у врага, важные грузы для Народной Армии.

Вводя в свои стихи образы солдат и крестьян, шофёра и танцовщицы, сталевара из Сенгджина и девочки, поющей песенку поселан, поэт сумел передать душу народа, неоценимое его единство, пробудившиеся в нём качества нового человека, воспитанные в боях и труде под водительством народного вождя Ким Ир Сена.

Ким Ир Сену посвятил автор поэму, которой завершается книга. В этой небольшой поэме очерчен образ вождя, вышедшего из самых недр народа и поведшего родной народ на борьбу за свободу, за счастливую жизнь, к завоеванию победы.

Н. Грибачёв перевёл стихи Ким Де Гю «Слово к Сталину», Мин Бен Гюна «У реки Дярен», Ким Сан О «Друг», Те Ги Чена «Ночь перед боем».

Исполнено большой силы стихотворение Ким Де Гю:

Я, поэт корейский рядовой,
взгляд на север обращаю свой —
над Россией вижу солнца свет,
золотой над краем голубым.
Посылаю свой ему привет,
голову склоняю перед ним

Это солнце рушит в мире тьму,
в будущее путь им озарён,
Сталин — имя гордое ему,
другу всех народов и племён!

Задушевно и прогательно по интонации говорит поэт Ким Сан О о своей дружбе к советскому солдату, который пришёл в Корею «как к родне родня». Стихи рассказывают о корейских и русских песнях, которые вместе пели друзья, и концовка тонко завершает этот поэтический мотив:

Напишу письмо я до рассвета
и пошлю... Куда? Куда-нибудь!
Если друг живёт в Стране советов,
вся земля к нему укажет пути!

Яркие образы сынов народа, поднимающегося на борьбу против варваров-чужеземцев, создал в стихотворении «Ночь

перед боем» поэт Те Ги Чен, недавно погибший от американской бомбы.

Картины великой битвы корейского народа даны в поэме украинского поэта Андрея Малышко. Здесь отсбражены события более позднего времени, нежели в книге Н. Грибачёва, и поэт шёл непосредственно по следам этих событий, страстно, широко душою отозвался на них.

Любопытно сопоставить, для примера, строки, которыми открывается книга Н. Грибачёва, и начало поэмы А. Малышко.

Прибоем в тусклых скалах порская,
срывая шхуны с якорей,
о камни плещется Японское —
свирепейшее из морей...—

так пишет Н. Грибачёв. Энергичный стих резко выражает индивидуальность поэта. Ритм стиха чеканен. Но не чрезмерно ли чеканен? Не мешает ли поэту ритмическая скованность, однообразие, затрудняющее передачу сложных и многообразных чувств? Противоречит основной направленности творчества поэта некоторая холодноватость описаний и красок, заметная кое-где вычурность, приближающаяся к манерности. В книге дают себя знать элементы несложной стилизации, не в пользу стихам — постоянное обыгрывание рифмовкой «экзотических» названий: не новый и тоже несложный приём. «Охра и хна», которыми тронул «крыш драконью хребты» луч — «художник земной», возможно, в этих стихах и уместны, но «пепел с охрой пополам» заставляет уже насторожиться читателя: и красок маловато, и слишком уж стремится быть изысканным автор. словно эти слова принадлежат не тому поэту, который написал:

А пыль ещё теплым-тепла,
ещё легка, как пух,
чуть завилась и поплыла
через поля на юг...

Там, где поэт уходит от простоты, он теряет близость к народному слову.

Андрей Малышко смело отверг какую бы то ни было стилизацию и экзотику. В поэме о горе, муках и мужестве другого народа он использовал то, что дала ему поэзия родного народа. Строем, образностью украинской песни характерен запев его поэмы:

За хребтом, крутым и голым,
Волком рыщет зло.
Над корейским взрытым полем
Ворона крыло...

Мыслям и чувствам привольно в простом, сжатом слове народной песни. Это её драгоценное качество А. Малышко стремится перенести в свои стихи. В них нет цветистой детализации, но много говорят они сердцу.

В поэме А. Малышко песенное начало сочетается с горячей публицистичностью. Различные по стилю куски чередуются в зависимости от того, идёт ли речь о корейском народе или о его врагах. Это не производит впечатления стилистического разнообразия. Сквозь поэму проходят две линии развития поэтических образов, два стилевых и речевых строя, сливающиеся в сильной концовке, — проклятия врагам мира и здравие миру.

Начальные строфы говорят о том, как

..ринулась река слепого сброда
И грязью потекла, снося дома,
На только что расцветшую свободу,
На молодость Кореи, как чума...

Обращаясь к «жирному Джеку из Мичигана, в зелёном хаки, как зелёный гад», — поэт спрашивает: не этот ли подкупленный злодей разбойничал в Греции, убивал и шпионил в Албании, колорадским жуком проползал к болгарским сёлам, пытался тайком отравить польскую пшеницу, не он ли теперь залил огнём Корею?

Да, это ты! Тебя везде узнали
Суровые глаза простых людей.

Ты землю превратил бы в пепелище.
Огонь и кровь повсюду за тобой.

Но встал народ. Война металлом свищет.
Ты начал бой,
Ты проклянёшь тот бой!

Затем снова вступает мелодия песни о плачущей земле, распаханной не плугами, а вражьиими танками, о поле, засеянном пулями, об урожае, который молотили не цепы, а снаряды, и который обмывался на пожарище людской кровью. Возникает тема материнского горя и великой силы женщины-матери.

Плачет земля. И, собравшись в дорогу,
Молча стоит, чтобы слёзы сдержать,
Так, как стояла моя — у порога
Хилой землянки — корейская мать.

«Как стояла моя»... Сердечно, очень простыми и сильными словами выражает поэт то, что так волнует советского человека в судьбе корейского народа, то, что так роднит героический народ непокорённой, борющейся Кореи с великим советским народом-героем.

Поэт говорит о партизанке — дочери простой корейской женщины:

Вот так же шли Алёнушки и Зои
По нашей русской дорогой земле.

Твой путь нелёгкий, славой осиянный,
Твой горный путь уходит к вышине...
Вот так же шли Марысы и Оксаны,
По украинской выжженной стерне.

То слава их, что в подвигах мужала,
Была с тобой на взорванных мостах.
То слово их, что палачей сражало,
Горит, как пламя, на твоих устах.

Старуха-мать, семнадцатилетняя девушка, её маленький брат, который читает по букварю «Мы — не рабы», — вот на кого обрушили американо-английские захватчики бомбы, снаряды, напалм — огонь и смерть.

Поэт написал боевой реквием повешенному американскими палачами корейскому мальчику. Сильные, прекрасные в своей простоте нашёл он слова:

О, мой сынок!

Уже рассвет по долам,
Зарницы угасают у реки,
И по дорогам, от бомбёжки голым,
Шагают кимирсеновы полки.

Бойцы тебя снимают с чёрной ели,
И, грозные, стоят к плечу плечом,
Прикрыв тебя навеки от метели,
Как воина, правдивым кумачом.

И медных горнов траурные звуки
Плывут над сопкой, над тобой, над всем.
И, взяв звезду пылающую в руки,
Склонился над тобою Ким Ир Сен.

И, полный гнева, мужества и боли,
Марш ленинский грозиво окружил:
«Замучен в тяжёлой неволе
Ты голову честно сложил...»

И гробик твой всплывает над плечами,
Солдаты, закалённые в бою,
Несут тебя в торжественной печали,
Несут, как боль, несут, как месть свою.

Мать партизанки и этого мальчика собирается в дальний путь. Народ Кореи, Ким Ир Сен посылают её на конгресс мира в Варшаву. Там она должна рассказать

людям, собравшимся, чтобы бороться за дело мира, о Корею. Она должна рассказать о пламени и золе, о жестоких муках народа, о своём сыне, о дочери, о миллионах людей, поднявшихся на грозную битву. Проникновенно передаёт поэт эту сцену, мудрую простоту в выражении мыслей и чувств, присущую народу. Молча постояла женщина у порога своей землянки, среди других таких же женщин, среди крестьян, среди бойцов, гордая их доверием —

...повязала голову косынкою,
Да поклонилась в ноги всем, тревожная,
Да застегнула пальцецо дорожное.

Много света и любви встретила корейская крестьянка в Советском Союзе, в кругу друзей и братьев. Её путь стал путём почёта и славы, всюду её принимали как дорогую гостью, как родного человека.

Поэт напутствует свою героиню — простую дочь свободолюбивой Кореи, рассказывая о том, что предстоит ей в Варшаве:

Там ты, мать, в просторном тихом зале
Прикоснёшься к голубю, любя,
А с портрета наш великий Сталин
Ласково посмотрит на тебя.
Там, твои благословляя муки,
Путь многострадальный твой и труд,
Люди, подхватив тебя на руки,
Как саму Корею понесут.

В поэме А. Малышко есть свои недостатки. Тщательно избегая нарочитости, экзотики, поэт увлекается своим стилевым приёмом и подчас лишает характеры и образы присущего им и необходимого в художественном изображении национального своеобразия. Это заметно обедняет поэму. Интернациональная тема не освобождает художника от передачи всей национальной конкретности изображаемой им жизни. Наоборот, лишь при такой конкретности возможно полное художественное воплощение темы.

Что касается отдельных строк, то следует отметить, что у Н. Грибачёва часты однообразные рифмы: «Тедонган — туман», «туман — Пхеньян», «туман — Туманган», «туману — Пхохану», «Пусана — тумана», «Ариран — туман», «Туманган — гаолян», «гаолян — Ариран». У переводчика же поэмы А. Малышко — М. Максимова танкетки «разят бензином», Макартур «не промолвил «здравствуй», как годится» (?), в одной из

строчек кружится «профашистский ворон»... В целом перевод поэмы удачен, выразителен, а вот такие небрежности портят его.

Надо пожелать, чтобы авторы и переводчик в дальнейшей работе над текстом устранили следы некоторой торопливости в отделке стихов, избавили их от ряда погрешностей, потому что и книга Н. Грибачёва,

и поэма А. Малышко — ценные, важные работы на очень актуальную тему.

Оба поэта, каждый по-своему, в своей творческой манере, откликнулись на большую и благородную тему современности, внесли серьёзный вклад в её разработку советской поэзией.

Ю. ЛУКИН.

★

Университет борьбы

„Неужели возможна такая жизнь, при которой не придётся страдать от вечной безработицы? Можно ли поверить, что есть страна, где люди не должны дрожать за свой завтрашний день? Нет, я хочу знать правду — неужели в мире существует такая страна, и, если да, то почему же все дороги туда закрыты и правду о ней держат под семью замками? Почему огненными буквами не пишут её имени над городами мира, почему о ней не кричат на всех перекрёстках и площадях, почему детей ещё на школьной скамье не учат любить её?»

Такие вопросы задаёт безработная девушка Марта, героиня одноимённой повести латышской писательницы Анны Бродэлэ, услышав на митинге рижских безработных рассказ человека, побывавшего в Советском Союзе.

Дело происходит в буржуазной Латвии в 1932 году. Незадачливое антинародное правительство завело страну в тупик. В городах Латвии свирепствует безработица, в деревне происходит дальнейшее обнищание крестьянства. Латвия становится аграрным придатком империалистических держав, которые превращают всю Прибалтику в плацдарм для будущего нападения на СССР.

Всего этого не понимает Марта — честная, трудолюбивая, наивная девушка. Она ещё полна иллюзий, верит в такие затасканные понятия буржуазной морали, как добродетель, торжество справедливости и т. д.

Но каждое новое столкновение Марты с живой действительностью — тщетные поиски работы, произвол хозяина-эксплуататора, разгон демонстрации безработных полицией, наконец, арест за распространение

листовок и тюрьма — снимают пелену с глаз девушки, показывают ей истинное положение вещей. Разобраться в обстановке, найти своё место в жизни Марте помогают передовые, сознательные борцы за лучшую долю — латышские коммунисты-подпольщики. Один из них, портовый рабочий Антон, учившийся некогда с Мартой в одной школе, даёт исчерпывающий ответ на наивный вопрос девушки, почему правители Латвии запрещают говорить о Советском Союзе:

«Чтобы люди не узнали правду. Если узнают — конец этому строю...»

Не сразу девушка становится сознательным борцом, по капле она выдавливает из себя «раба». Вот она узнала из газет, что её друг Антон арестован, что он — известный руководитель подпольной организации портовых рабочих. Марта, в которой ещё бродят остатки мещанской закваски, поначалу ужасается. «Арест», «тюрьма», «каторга» — да это ж самые страшные слова! С детства слышала она, что существуют тюрьмы, что в них сидят преступники, воры, убийцы, что сажают, правда, в тюрьму и честных людей, если они пошли против произвола и насилия, но это — рыцари духа, революционеры. Но вот полиция схватила и Марту, схватила её — прѳстую, слабую девушку — лишь за то, что она хотела лучшей жизни для всех.

«Тюрьма... я в тюрьме», — повторяет девушка про себя, оказавшись за решѳткой после допроса и издевательств.

С первой минуты появления Марты в тюрьме читатель видит, что писательница хорошо знает описываемый материал, и укрепляется в мысли, что образ главной героини в известной степени автобиографичен. Невольно вспоминаются записки о тюрьме и каторге революционерок-подпольщиц Веры Фигнер, Людмилы Волкенштейн,

А. Бродэлэ. «Марта». Повесть. Авторизованный перевод с латышского Д. Глезера. Редактор И. Бать. Латгосиздат, Рига, 1951.

Елизаветы Васильевой и других. Несмотря на разницу эпох и места действия, есть много общего в описании жизни и быта политзаключённых. В латышской тюрьме политзаключённым не легче, чем в царских застенках, но есть и большое, принципиальное отличие. И это отличие заключается в том, что в годы, описанные в книге А. Бродзэ, существовал уже могучий Советский Союз — государство трудящихся, государство, где борцы за лучшую жизнь победили. Их победа, их боевой опыт, их пример помогают держаться революционным борцам всего мира.

Вот почему в латышской тюрьме изучают русский язык, переписывают от руки труды Ленина и Сталина, тайком пересланные в камеру, изучают историю гражданской войны в СССР, поют русские советские песни. Здесь, в тюремной камере, даже устраивают, по примеру советских товарищей, «вечера самокритики». На одном из таких вечеров товарки по камере осуждают Марту за пассивность и замкнутость. И дружеская критика помогает героине найти себя.

«...Ты должна учиться», — говорит Марте её подруга по камере Зента, молодая женщина, но «старая заключённая», как её все называют: она отбывает уже второй срок «за политику». — Нельзя попусту терять время. Эти тюремные камеры и есть наша школа, недаром тюрьму называют университетом рабочих...»

И для Марты тюрьма становится настоящим университетом борьбы. Каждая камера здесь — маленький отряд революции, каждый политзаключённый — боец! Впервые Марта ощущает себя частицей той великой силы, которая потрясает правительства и троны.

Разве может сломить её волю тюремная надзирательница Мадам, садистка и мучительница, внешне похожая на этакую богомольную безобидную старушку с пухлым лицом; или сам начальник тюрьмы Дуревич, скрывающий за надменностью и презрением лютой страх перед заключёнными, перед неминуемым будущим. Никакие репрессии не могут сломить единую волю политзаключённых, сцементированную партией коммунистов.

Как один человек, протестует вся тюрьма против издевательств над умирающей от туберкулёза заключённой Паулиной Зале, которой администрация тюрьмы предлагает

дать перед смертью подписку об «отказе от политической деятельности», — тогда, может быть, будет смягчена её участь. Коллектив политзаключённых требует перевести другую заключённую, арестованную в период беременности, в тюремную больницу. А когда в 1933 году в тюрьму доходит весть о новых драконовских законах по отношению к политическим заключённым, когда их и без того жалкие права урезаются — вся тюрьма, все тюрьмы Латвии, извещённые «Центром», объявляют голодовку.

Тринадцать дней голодают люди, требуя отмены каторжного закона...

«Трудно лежать на спине, когда ощущаешь в животе пустоту и тебе кажется, что внутренности прилипли к позвоночнику.

...Теперь я знаю, что такое голодовка. Лежишь, испытывая болезненное чувство пустоты и слабости; и в то же время тебе кажется, будто ты в жизни перескочила через какое-то препятствие, и ты думаешь только о том, ради чего ты так лежишь, полная решимости не сдаться, ни за что не сдаться!

Мне приходит в голову сравнение — когда-то я читала, как бастующие трамвайщики легли на рельсы, чтобы остановить трамвай. И мы вот тоже теперь словно легли на рельсы, — лежим и не знаем — остановим вагоны, или они промчатся по нашим телам».

Исхудавшие, измученные сплошными «чёрными месяцами», во время которых политзаключённые были лишены права переписки и получения передач, люди всё же не сдаются. «Душа камеры», как её все зовут, работница Зента в самые тяжёлые минуты поддерживает товарищескими рассказами о Москве, где она бывала. Маленькая Елена Крауя, которую больше зовут Мальчиком, так она мала и худа, и Старушка — пожилая политзаключённая — одинаково мужественно переносят лишения и муки.

В день 7-го ноября, когда весь мир отмечает годовщину Великой Октябрьской революции, политические заключённые выходят на прогулку, словно на парад. Земля гудит от их чётких по-военному шагов. Громкое вызывающее эхо звучит среди каменных стен тюрьмы.

«— Сегодня маршируют на Красной площади», — тихо говорит Зента.

Вот это равенство на СССР, эта неразрывная связь латышских товарищей с со-

ветоким народом и показаны в повести А. Бродэля. Передовые люди Латвии всегда помнили о тех славных годах, когда их родина тоже называлась Советской; за Советскую Латвию боролись в застенках её лучшие сыны и дочери.

Удача повести А. Бродэля заключается в показе становления характера Марты, которую мы ощущаем, как живого человека со всеми его достоинствами и недостатками. Жаль только, что редактор книги не помог автору и переводчику снять налёт мелодраматичности и сентиментализма.

В книге часты повторы, усиливающие этот налёт. Так, сердце у Марты то «сильно стучит», то «словно выскакивает из груди», то «колотится и прыгает», то даже «разрывается от неосуществимых желаний» и т. д. В варианте повести, опубликованном в шестой книжке альманаха «Дружба народов» за 1950 год, повесть отредактирована значительно внимательней, в частности нет приведённых нами повторов.

Для сравнения двух этих вариантов приведём несколько фраз из абзаца, процитированного в начале рецензии. Книжный вариант здесь ближе к подлиннику, хотя мы считаем, что редактор журнала имел право вместо длинной и не очень конкретной фразы: «и, если да, то почему же все дороги туда закрыты и правду о ней держат под семью замками?» — написать коротко: «И если существует, то почему же скрывают правду о ней?» Но совершенно непонятно, как мог редактор книги вычеркнуть такую важную фразу, которая есть в этом абзаце и у автора, и в журнальном варианте: «страна... где их (безработных. — К. Л.) не топчут лошади полицейских, когда они требуют себе работы...»

В переводе, сделанном Д. Глезером, падаются нередко огрехи и ляпсусы: «Очень не хочется возвращаться с тёплого летнего воздуха в сырые стены»; «звезда... сулящая избавление»; «на пластинке Марис Ветра поёт...» (речь идёт о патефоне) и т. д.

Русскому читателю не мешало бы объяснить неизвестные латышские слова. В начале повести автор, желая показать безденежье своей героини, сообщает, что у неё оставалось на жизнь всего полтора лата. В книге объяснения слова «лат» вообще нет, в журнале есть примечание: «Лат — денежная единица в буржуазной Латвии». Что лат — деньги, читатель может и сам легко догадаться из описания; интереснее и важнее ему знать, какую же сумму составляют эти полтора лата? И если бы он узнал, что полтора лата — это меньше рубля, — бедственное положение героини стало бы ясней. К названию газеты «Дарбс ун Майзе» в книге дано примечание, подробно объясняющее, в какие годы газета издавалась, кто был издатель. Нет только перевода самого названия этой прогрессивной латышской газеты — «Работа и хлеб», — который и без длинных объяснений раскрыл бы программу её.

Всё это недостатки частные, вполне исправимые. Русский читатель с интересом прочтёт правдивую повесть А. Бродэля о борцах за Советскую Латвию. Кстати, об одном из этих борцов — самой Анне Бродэля, проведшей четыре года в ульманисовских застенках, следовало бы рассказать русскому читателю хотя бы в краткой биографической справке.

К. ЛАПИН.

*

Неполноценный сборник

В сборнике «Сатира и юмор в поэзии народов Советского Союза» имеется немало интересных и значительных по своему содержанию стихов, относящихся как к дореволюционному, так и к советскому времени, переведённых с достаточным литературным умением. Широко представлены здесь произведения, в которых разобла-

«Сатира и юмор в поэзии народов Советского Союза». Избранные переводы Бориса Тимофеева. Редактор Вс. Рождественский. «Советский писатель», Л. 1951.

чаются грабительская сущность дворянско-помещичьего строя, произвол царских чиновников, высмеиваются ханжество и лицемерие служителей церкви. К наиболее сильным стихам на эти темы должны быть причислены «Мужик» Янки Купалы, «Осади назад!» Якуба Коласа, «Собака бая Кадырбая» Джамбула, «Мулла и пёс» И. Гришашвили, «Разговор помещика с крестьянином» Сабира, «Пёс Голован» К. Донелайтиса, «Терпение крестьянина» Яна Райниса, «Пять манапов» Т. Сатыл-

При месяце в ночи блеснуло что-то;
 Максим бежит на яркий свет:
 «Никак здесь золото?» — Ах, нет:
 Гнилое дерево лежало у болота...

Блестящих мало ли таких вещей?
 Но... Цыц!

(«Гнилушка»).

Переводчик и составитель рецензируемого сборника Б. Тимофеев в своём послесловии пишет: «Настоящая книга стихотворных переводов имеет целью ознакомить читателя с богатством и разнообразием сатирической и юмористической поэзии братских народов Советского Союза».

Воздавая должное инициативе и активности Б. Тимофеева, положительно оценивая ряд его переводов, мы всё же вынуждены признать, что он не справился со своей задачей. Его книга не даёт достаточного представления о богатстве и разнообразии сатирической и юмористической поэзии народов СССР. По ней в полной мере можно судить только о переводческой деятельности самого Б. Тимофеева.

Думается, составление подобного рода антологий должно быть делом коллективным. Одному человеку такая задача не под силу. Кроме знания большого количества языков (в сборнике представлены двадцать четыре национальности Советского Союза), требуется ещё проникновение в поэтическую природу каждого переводимого стихотворения. И вряд ли найдётся такой переводчик-универсал, которому с одинаковым успехом удалось бы перевести на русский язык стихи более восьмидесяти поэтов, различных по своей творческой индивидуальности.

Мы уже знаем, к чему приводит подобный «универсализм». Слишком часты случаи, когда переводы произведений поэтов братских республик, сделанные по подстрочникам, нельзя даже назвать бледными копиями, — настолько они не похожи на подлинники. В этих переводах отсутствуют национальный колорит, творческая индивидуальность автора и его мастерство. Они передают только общий смысл произведений, оставляя в стороне все их поэтические особенности.

Погоня за количеством привела Б. Тимофеева к тому, что даже переводы с украинского языка, весьма близкого русскому языку, он выполняет «приблизительно», словно у него под руками находится

не подлинник, а всё тот же злополучный подстрочник. Укажем хотя бы на его перевод стихотворения украинского поэта Степана Олейника «Дипломат». Можно было бы привести большое количество строк и четверостиший из этого перевода, находящихся в вопиющем несоответствии с украинским текстом. Остановимся только на некоторых, наиболее разительных примерах:

У С. Олейника:

(Був, як бачите, Гнат із таких,
 Що не дзуть в кишеню за словом).
 И почалась «асамблея» у них
 За селянським столом квадративим.

У Б. Тимофеева:

(Гнат, как видите, был из таких,
 Что не любят робеть, безусловно...)
 ...И пошла «ассамблея» у них
 Очень вежливо, гладко и ровно...

Слово «безусловно» выглядит в переводе явно неуместно. Оно делает строку ученической, беспомощной. Ещё хуже переведена четвёртая строчка. Она не только не соответствует тексту подлинника, — она неправильно передаёт атмосферу «ассамблеи»: в стихотворении С. Олейника эта «ассамблея» носит далеко не «гладкий» характер.

У С. Олейника:

Диктор каже: ...«тепер сячі
 На Україні Радянській без хліба».
 Жінка ставить на стіл калачі!..

У Б. Тимофеева:

Диктор начал вещать: «В краткий срок
 Украина без хлеба погибла!»
 Жинка ставит огромный пирог...

«Украина без хлеба погибла»... Такую нелепость вряд ли скажет даже вконец зарпортованный американский диктор. И неизвестно, куда жинка «ставит» пирог? Может быть, в печь? У автора совершенно точно сказано: диктор говорит, что украинские крестьяне сидят без хлеба, а жинка ставит на стол калачи.

У С. Олейника:

Поспішав мовчазний до воріт,
 Бо ж невдачі були очевидні,
 Гнат, проводячи, мовив услід:
 — Погостили б ще в мене зо три дні.

У Б. Тимофеева:

Он к машине рванулся вперёд...
 Что за спешный отъезд, в самом деле?
 Гнат, вздыхая, с ним рядом идёт:
 «Заезжайте ещё на неделю!»

Перевод этого четверостишия настолько далёк от подлинника, что комментарии здесь излишни.

Народный юмор стихотворения С. Олейника, столкновение двух идеологий — социалистической и буржуазной, чувство превосходства простого советского крестьянина над вышколенным заморским дипломатом, — всё это исчезло в переводе. Вместо талантливого, остроумного стихотворения мы получили в переводе посредственную версификацию.

Неудачно переведено Б. Тимофеевым стихотворение П. Тычины «Ходит Фаусг». Чего только стоит одно первое четверостишие:

Ходит Фауст по Европе
В шутках, басенках, смешках;
Сжав молитвенник в руках,
Полон разных он идей...

Подобные малограмотные вирши встречаются и в других переводах.

Из пухлого сборника, выпущенного ленинградским отделением издательства «Советский писатель», при более строгом подходе, можно было бы отобрать два-три печатных листа сравнительно доброкачественных переводов, пригодных для печати. Нам непонятно, каким образом Б. Тимофеев оказался составителем собрания своих же собственных переводов? Напрасно он взял на себя роль некоего «монополиста». У наших поэтов найдётся немало отличных переводов, имеющих все основания быть включёнными в сборник сатиры и юмора народов СССР.

Выход в свет неполноценного сборника Б. Тимофеева свидетельствует о крайне слабом интересе наших издателей к сатире и юмору. До сих пор не собран единого огромный материал, имеющий первостепенное политическое и литературное значение: как ни странно, у нас нет антологии советской сатиры и юмора. А целесообразность издания такой книги бесспорна. Эта книга была бы весьма полезной для наших читателей; она могла бы послужить хорошим подспорьем для преподавателей и учащихся, для критиков и литературоведов, для молодых писателей, пробующих свои силы в сатирическом жанре.

Мы не должны также забывать, что в странах народной демократии выходит много сатирических и юмористических журналов. Авторы, группирующиеся вокруг этих изданий, хотя равняются в своей работе на лучшие образцы советской сатиры и юмора, а книги, где бы были собраны такие образцы, мы им пока предложить не можем.

Несколько слов о предисловии к сборнику, написанном П. Берковым. Выполнено оно добросовестно и с известным знанием предмета. Однако при всех своих положительных качествах предисловие имеет один существенный недостаток: оно несколько оторвано от сборника. Сборник существует сам по себе, а предисловие — само по себе. После фундаментального введения П. Беркова читатель вправе ожидать соответствующего капитального труда, а вместо этого видит, в общем, довольно кустарную работу. Автор предисловия слишком нетребовательно относится к переводам Б. Тимофеева и склонен преувеличивать их литературную ценность. Например, никак нельзя согласиться с утверждением П. Беркова, что стихотворение Г. Табидзе «Человек в пенсне», переведённое Б. Тимофеевым, «может быть названо в качестве примера лучших сатирических произведений, имеющих международное значение». Но перевод Б. Тимофеева столь тяжеловесен и неудобочитаем, что трудно поверить, будто это стихотворение — «лучшее сатирическое произведение».

Перевод уснащён витиеватыми и малопонятными фразами: «За стёклами глаза с самодовольством истым», «богатство вперёд выступает твёрдо», «но вот навстречу зависть шагает — очень близкая ему порода» и т. д.

Недостаточно требовательно относится П. Берков и к самому себе. Местами его предисловие тоже кажется плохим переводом. Он пишет:

«И несмотря на это — вопреки утверждениям буржуазных литературоведов — именно поэтому русская сатира...»

«Принцип, по которому мы группируем эти произведения, — момент социально-исторический, то есть социально-экономический строй...» (подчёркнуто мною. — С. Ш.).

«Так, армянский поэт Рафаэл Патканян

язвительно высмеивает своих буржуазных единомышленников, прикидывающихся истинными друзьями армянского народа. Этот «патриот» «хотел бы видеть...» и т. д. Патриотом в кавычках здесь неожиданно оказывается сам Патканян!

Приходится пожелать, чтобы критики и литературоведы, призывающие писателей к упорной работе над словом, сами тоже обращали бы больше внимания на язык своих сочинений

С. ШВЕЦОВ.

★

Теория и практика литературных бизнесменов

На протяжении последних лет со страниц американской печати не раз раздавались сетования на слабость Соединённых Штатов в сфере идеологии. Весьма характерная в этом смысле жалоба прозвучала как-то в журнале «Форейн афферз»: «Наша главная слабость сейчас не в экономической или военной, а в идеологической сфере, не в области производства товаров или пушек, а в области идей...»

Итак, область идей — вот «вопрос вопросов», которому американские монополисты уделяют сегодня особое внимание. Заправилам Уолл-стрита нужно идеологически обосновать и оправдать свою захватническую внешнюю политику и режим фашистского террора, установленный внутри страны. Этим и определяется роль, отведённая литературе и искусству в современной Америке.

Радио и журналы, театр и кино — все самые мобильные средства американской псевдокультуры — брошены империалистами Америки на подготовку новой мировой войны.

В разнузданной пропаганде расизма и человеконенавистничества, в разжигании атомного психоза и военной истерии огромная роль, как известно, отводится периодической печати Америки, безраздельно связанной с американскими монополиями и щедро ими финансируемой.

Еженедельник «Сатердей ревью оф литерачер» («Субботнее литературное обозрение»), орган, двадцать семь лет назад зачисленный на содержание банкирского дома Морганов и ныне тесно связанный через своего редактора Нормана Казинса с государственным департаментом, играет первую скрипку в этом оркестре бесноватых.

В отличие от других журналов, таких, как «Лайф», «Таймс», «Ньюсуик», с го-

раздо большими тиражами и гораздо большим радиусом распространения, «Сатердей ревью оф литерачер» при тираже, достигающем примерно 80 тысяч экземпляров, рассчитан исключительно на внутренний американский рынок. Журнал призван мобилизовать все виды американского искусства на выполнение программы Уолл-стрита как в области экспорта американской лжи в другие страны, так и в деле обработки общественного мнения в самой Америке. Давать установки, подсказывать темы, диктовать общее направление в развитии искусства — таковы задачи «Сатердей ревью оф литерачер».

В своё время много места журнал уделял дискуссии о роли Голливуда в «холодной» войне. Восторженно вторя Трумэну, Макартуру и Маршаллу, которые не раз одобрительно отзывались о заслугах Голливуда в деле «сбыта американизма» за границу, редакторы журнала, однако, предъявляли деятелям американской кинопромышленности кое-какие претензии.

В статье «Взглянем же на посланцев» Норман Казинс с явным неодобрением писал о том, что среди экспортируемых Голливудом фильмов всё ещё немало бессодержательных комедий и далёких от жизни кинокартин. Норман Казинс высказался против такого отвлечения «от проблем современности». Ему гораздо больше по душе открыто антисоветские фильмы и такие клеветнические «произведения искусства», как выпущенный недавно в Голливуде фильм «Стальной шлем», воспевающий американских убийц, душителей героического корейского народа.

Редактор «Сатердей ревью оф литерачер» и его ближайший соратник Гаррисон Смит в течение многих месяцев наперебой поют гимны вдохновителям агрессии в Корею. Самодовольством сытых бизнесменов, которым война сулит одни барышни, проникнуты пышные славословия Нормана Ка-

зинса и Гаррисона Смита по адресу тех, чьими руками было раздута пламя войны в Корее. Неудивительно, что одна из статей Смита о войне в Корее носит весьма недвусмысленный заголовок — «Пора надежд».

Казинс обрушивается на «Чикаго трибюн» и «Нью Йорк дейли ньюс» за то, что эти известные своей реакционностью газеты позволили себе критику нынешнего внешне-политического курса США. Гаррисон Смит откровенно обещает от имени правящей клики США помощь и поддержку любой стране, которая открыто противостоит укреплению и росту влияния Советского Союза.

В соответствии с этим курсом прославления агрессивной политики США и строится вся деятельность журнала. Он всячески приукрашивает американскую лжедемократию, старательно замазывает все тёмные, отвратительные стороны американской действительности.

Редакторы и авторы журнала изо дня в день твердят писателям, художникам, деятелям кино и другим работникам американской культуры, как «важно создать благоприятное мировое общественное мнение о Соединённых Штатах». Со злобой говорит «Сатердей ревью оф литерачер» о реалистической литературе, которая на протяжении десятилетий вскрывала язвы американского общества. Журнал пытается уверить своих читателей, будто писатели-реалисты «создали грубо извращённое представление о положении в США». В статье «Дилемма молодого романиста» Гаррисон Смит обвиняет молодых американских писателей в том, что они якобы искажают облик Америки. Эти писатели не усмотрели в американской действительности, утверждает Смит, тех «величайших перемен», которые произошли в стране за последние годы. Молодые писатели, по мнению Смита, «не сумели по достоинству оценить всю широту американской действительности...»

Призыв к оптимизму во что бы то ни стало, к примирению с существующим порядком вещей, даже если он «из рук вон плох», звучит со страниц «Сатердей ревью оф литерачер» постоянно. Иногда журнал заискивает перед писателями, выражая уверенность в том, что литераторы Америки, побуждаемые присущим им оптимиз-

мом, сами «переключатся с прежних унылых мелодий на нечто новое». Порою он переходит к прямым угрозам по адресу тех, кто смеет поднимать голос протеста или просто рассказывать людям правду о сегодняшней Америке. Одна из передовиц Гаррисона Смита на эту тему выразительно озаглавлена: «Тише, пожалуйста».

Не впервые звучат эти ноты на страницах журнала, ревностно охраняющего интересы своих хозяев. Ещё в августе 1949 года один из наиболее ретивых агентов американского империализма, публицист Эльмер Дэвис закончил свою статью «История без идей» знаменательными словами: «Если вы и видите многое, что вам не по нраву, не предавайте Соединённых Штатов». Таков один из принципов хвалёной заокеанской «демократии», которая откровенно приравнивает реализм в искусстве к предательству, к государственной измене.

Уж на что, казалось бы, лжива и лицемерна американская пресса! Но хозяевам «Сатердей ревью оф литерачер» этого мало. Они требуют искоренить даже намёки на неприглядную правду, проникающие на страницы американской печати. И Норман Казинс тщится с холуйским рвением выполнить хозяйский приказ.

Около двух лет назад Казинс провозгласил лозунг «Добрые новости — тоже новости», предварительно обрушившись на американскую прессу за её пристрастие к убийствам, скандалам и т. п. В поисках «позитивных ценностей», к которым, по мнению Казинса, давно пора «приковать внимание» американского народа, журнал завёл у себя специальный отдел «добрых новостей». Назначение этой ловко монтируемой «информации» — отвлечь внимание читателя от насущных жизненных вопросов, от борьбы против расового произвола и разгула реакции. Смысл «добрых новостей» в значительной мере проясняют некоторые, явно организованные журналом, «откдики» читателей. Так, в одном из писем в редакцию восторженно подхватывается лозунг Казинса, и газетам предъявляется требование сообщать «о конструктивных действиях», а в своих заголовках отказаться от таких выражений, как «борьба», «обострение конфликтов» и т. п.

Некий Джозеф Грант подобострастно лепечет: «Будем уповать на то, что ваш новый отдел... откроет новую эру в исто-

рии нашей литературы и журналистики...» Низкопробная лесть явно пришлась по душе хозяевам журнала. После этого письма Грант уже около двух лет подвизается в роли присяжного составителя отдела «Добрые новости — тоже новости».

В одной из январских номеров этого года редакция решила особыми мерами привлечь внимание читателей к отделу, обычно помещаемому на двадцатой или двадцать пятой странице журнала. На этот раз отдел содержал пятьдесят заметок вместо обычных семи-восьми, занимал полностью несколько первых страниц и был снабжён фотоиллюстрациями. С пафосом сообщает журнал об отмене сегрегации негров на... о д н о м участке о д н о й из железных дорог США, явно рассчитывая вызвать у читателя чувство умиления.

С меньшим усердием ищет журнал «позитивных ценностей» и в литературной продукции американских издательств. Редакторы «Сатердей ревью оф литерачер» не упускают случая расхвалить любую книжку, написанную в тоне, диктуемом государственным департаментом. Редактор прогрессивного журнала «Массес энд мейстрим» Сэмюэль Силлен писал: «Мистер Казинс, этот разведчик государственного департамента, в поисках книг и фильмов, которые можно без конфуза продемонстрировать в других странах, хватается за соломинку...» и пытается усмотреть «жизнеутверждающие образы» там, где их нет и в помине.

Журнал «Сатердей ревью оф литерачер» ведёт яростную кампанию, начатую буржуазным американским литературоведением после окончания второй мировой войны, за «оздоровление» американской литературы, за показ «нормального» человека, иначе говоря — за создание в литературе образа добродетельного бизнесмена, с одной стороны, и сильного духом завоевателя, американского эсэсовца, — с другой. Это — «герои» трумэновской Америки, тот «идеал», к которому зовёт «честных янки» растленная американско-фашистская пропаганда.

Казинс и Смит с радостью предъявили бы эти же требования и классикам американской литературы. Но так как это невозможно, приходится довольствоваться

посильной фальсификацией их литературного наследия.

Весьма показательны в этом смысле печатаемые время от времени на страницах журнала материалы о творческом наследии Марка Твена. Гневную сатиру, изобличающую гнилость капиталистического общества, журнал пытается свести на нет, развязно предлагая своим читателям «попросту наслаждаться величайшим из наших юмористов». Восторженную оценку на страницах журнала получила книга Глэдис Беллами «Марк Твен как художник слова», где автор, пытаясь обезвредить Твена, заявляет: «Когда тенденции к реформам берут верх, юморист теряет прелесть и превращается в едкого и зачастую несправедливого сатирика. Дух мирного созерцания покидает художника». Появление двух томов личной переписки Марка Твена вызывает у рецензента «Сатердей ревью оф литерачер» следующее замечание: «Оба эти тома тесно связаны между собой и помогают нам восстановить образ той довольно наивной и примитивной личности, каковой в действительности был Марк Твен...»

Наглая расправа с бессмертным именем и творениями одного из крупнейших писателей-реалистов США является лишь частью той кампании по «обезвреживанию» наследия Марка Твена, которая ведётся уже много лет «Международным Твеновским обществом» под эгидой Трумэна, Черчилля и де-Голля и при посильном участии идеологов американского империализма — Дьюи, Элиота, О'Нила и других. О том, какое значение придаёт этой фирме по фальсификации творчества Марка Твена правящая клика США, нетрудно судить хотя бы по тому, что в Западной Германии, где, как известно, целиком хозяйничают американцы, запланирована в ближайшем будущем организация филиала этого общества численностью в... 50 тысяч человек.

Циничные высказывания критиков из «Сатердей ревью оф литерачер» о Твене ещё раз подтверждают полную и безоговорочную готовность этих продажных борзописцев выполнять любые поручения тех, кто их кормит.

Журнал подымает на щит всякую злопыхательскую книжку, направленную против Советского Союза и коммунистической

партии США. Оголтелой ненавистью к СССР продиктовано всё то, что пишет «Сатердей ревью оф литерачер» о книгах советских авторов и о правдивых книгах, посвящённых советской действительности.

Зато сколько восторженных эпитетов оказывается в распоряжении тех же критиков, когда речь заходит о каком-либо из «трудов», вышедших из-под отравленного пера Черчилля, Даллеса или Барнхэма. Их книги, проповедующие развязывание новой войны, распространяющие идеи космополитизма и расизма, находят на страницах этого журнала самый горячий приём.

Книги известных передовых писателей либо замалчиваются журналом, либо служат поводом для злобных выпадов против прогрессивного движения. За последние два года на страницах «Сатердей ревью оф литерачер» не рецензировалась ни одна из трёх вышедших книг Говарда Фаста, а последний роман Стефана Гейма о послевоенной Чехословакии вызвал бурный поток ругани против стран социализма.

Порабощение американского искусства «всесильным» долларом, полное подчинение его задачам официальной пропаганды — вот смысл литературной политики, осуществляемой «теоретическим» органом поджигателей войны — «Сатердей ревью оф литерачер».

Какова же на деле литературная практика тех, чьи теоретические взгляды выражают деятели «Сатердей ревью оф литерачер»? Что преподносит читателю «ортодоксальная» литература поджигателей войны?

Выше всего на издательских биржах Уолл-стрита расценивается сейчас жанр, который приобрёл распространённое наименование «атомной литературы». Являясь прямым продолжением тех погромных речей, которые изо дня в день раздаются с трибуны американского конгресса, эта литературная стряпня изготавливается с явной целью внушить рядовым американцам мысль о реальности угрозы атомного вторжения в Соединённые Штаты. Красной нитью в произведениях такого рода проходит мысль о необходимости мириться со всеми невзгодами и трудностями, которые сулят американцам всё новые ассигнования, предназначенные для организации крестового похода против стран социализма.

Более других усердствует в области «атомной литературы» Эптон Синклер. Ещё в 1948 году он выступил с фантастической пьесой «Сила гиганта», в основу которой была положена только входившая тогда в моду идея необходимости превентивной войны против Советского Союза. Повышенный спрос на подобного рода изделия и крупный финансовый успех, который они сулят при нынешней обстановке в США, толкают этого барышника от литературы на новые «подвиги». В 1950 году он выпускает ещё одну пьесу «И враг располагал этим». Бредовые разглагольствования расистского толка, уснащённые клеветой на Советский Союз, — такова канва, по которой расшит нелепый узор сюжета этой пьесы.

Столь же характерна для литературы поджигателей войны фантастическая повесть «Когда-нибудь никогда», автор которой, Роальд Даль, не без успеха составляет в клевете на человечество с Синклером.

Действие повести Даля начинается в 1940 году, в разгар «битвы за Англию» и заканчивается новой мировой войной, в которой гибнет всё человечество.

Замыслы автора обозначены уже в предисловии, назидательно озаглавленном «Что думать о войне», где читателю внушается мысль об естественности, обыденности убийства. Далее автор переходит к пророчествам на будущее и высказывает уверенность в неизбежной гибели человечества. Описывая период между второй и третьей мировыми войнами, автор проводит мысль о невозможности длительного и устойчивого мира вообще. Он утверждает, будто причина войны лежит «в самой природе человека», в «присущих человеку чертах». Единственным стимулом, который руководит поступками человека, является, по Роальду Далю, страсть к наживе. С особой ненавистью и злобой говорит автор о Советском Союзе и о русском народе.

Высоко расценивается в США любая, самая низкопробная стряпня, в той или иной форме проповедывающая идеи, угодные поджигателям войны.

Так, летом 1950 года Гаррисон Смит восторженно приветствовал роман Джудит Меррил «Омрачённый очаг». Ценность романа, по мнению Смита, состоит в том,

что он показывает рядовому американцу, как важна «подготовка к внезапному вражескому нападению на крупные города США». Гаррисона Смита и его хозяев вполне устраивают те аргументы, которые выдвигает Меррил для оправдания гонки вооружений (на неё правительству США потребовалось не более, не менее как 87,5 процента государственного бюджета!).

В погоне за массовым чтивом издательства охотно скупают и издают шпионско-приключенческие истории, особенно если догадливый автор сумеет вернуть в своё «произведение» какой-нибудь антисоветский мотивчик.

Образчиком такого «жанра» может служить шпионский роман некоего Кармайкла Смита «Атомск». Автор рассказывает о необычайных «подвигах» шпиона, засланного дальневосточной разведкой США на территорию СССР. Клевета на советский народ сочетается в этом творении с лакейски-угодливым восхвалением всего американского.

Военно-атомному бреду сопутствуют в современной американской литературе многочисленные произведения, в которых находят своё отражение философские и социологические теории американского неофашизма. Чрезвычайно характерен в этом смысле один из романов Джорджа Стюарта «Земля пребывает». В незамысловатый сюжет вплетены и человеконенавистническое учение неомальтузианцев, и излюбленный американской псевдонаукой миф о повторяемости истории, и апологетика убийства, и проповедь невежества, и высокомерное чванство американского расиста, кичащегося своим «англо-саксонским превосходством».

Для романа Стюарта, как и для всей американской пропаганды, чрезвычайно характерно одно обстоятельство: откровенно восторженному изображению американца, как будущего властителя судеб человечества, неизменно сопутствует крайнее презрение к человеку вообще, ко всем другим людям, кроме героя романа — этого «сверхчеловека», воплощающего в себе все «типично американские» достоинства. Вкладывая в уста своего героя Ишервуда предельно циничное (и наиболее точное, по заверению автора) определение человека как «шумо-производящего жи-

вотного», Стюарт приписывает этому «герою» роль творца будущей истории.

Стюарт пытается «доказать» историческую целесообразность уничтожения «чрезмерно расплодившейся» человеческой породы. Рисуя быт вымышленного им племени Ишервуда, он старательно подчёркивает преимущества его малочисленности: отсутствие инфекций, безопасность для пешеходов на улицах и т. п. Так Стюарт прокладывает путь к «теоретическому» обоснованию идей неомальтузианства. Для этой же цели используются специальные «лирические» отступления, выделенные по всей книге курсивом, как нечто особо важное.

Прямым продолжением «теорий» неомальтузианцев являются размышления Стюарта о судьбах живых видов при неограниченных внешними факторами возможностях размножения. Он заставляет героя наблюдать катастрофически быстрое размножение и внезапную гибель муравьёв. Какое же объяснение находит этому Ишервуд? «Когда живые существа достигают столь фантастической численности, — заявляет он, — и столь высокой плотности населения, неизбежно возмездие...» Кажется, всё ясно. Однако через тридцать страниц Стюарт ещё раз возвращается к этой мысли. На этот раз объектом его наблюдений оказываются домашние крысы. Подобно муравьям, они внезапно начинают размножаться с ужасающей быстротой и угрожают уничтожить не только всех остальных животных, но, в конечном итоге, и самих себя. Однако крысы проявляют, по мнению автора, блестящую сообразительность и начинают взаимное самоистребление в целях сохранения вида: «Если бы крысы проявили сентиментальность и решили умереть с голоду все вместе, не прибегая к самоистреблению, им действительно грозила бы серьёзная опасность. Но крысы были реалистами (!), и будущее их расы оказалось в полной безопасности».

Попутно Стюарт выполняет и другие директивы официальной американской пропаганды. Он оправдывает насилие и убийство, ибо оно, по Стюарту, приносит истинному американцу чувство удовлетворения. Он «теоретически» обосновывает и испытываемое героем чувство превосходства мужчины над женщиной. Наконец, он

с поистине фашистской тупостью разглагольствует о группе «полудиких» негров из Арканзаса, которые «без всякого труда вернулись к первобытному образу жизни на земле».

Страницы романа звучат как верноподанный гимн правительству, полиции, судам США и т. д. Автор захлёбывается в потоке слащавых и выпрненных слов, смысл которых сводится к тому, что на земле не было бы никаких благ цивилизации, если бы не Соединённые Штаты Америки. В этих пассажах романа, как в фокусе, сосредоточена мерзкая сущность шовинистических теорий англо-саксонского расового превосходства.

Для пропаганды реакционных идей и прославления американского образа жизни мобилируются самые различные жанры современной американской литературы.

Возьмём такой, казалось бы, безобидный любовно-бытовой роман Дэвида Дэвидсона, как «Час правды». Этот молодой романист уже успел снискать благосклонность правящих кругов Америки своим первым романом «Крутой утёс», в котором пытался оправдать хищническую политику американцев в Германии.

Темой второго романа Дэвидсон избрал хозяйничание американцев в странах Латинской Америки. Действие романа «Час правды» относится к разгару второй мировой войны. Герой романа, Уильям Хармон, отправляется в составе специальной миссии в одну из малых стран Латинской Америки. Автор именует её Альбой, но, как утверждает американская критика, подразумевает республику Эквадор. Провозглашается официальная альтруистическая цель миссии — борьба с эпидемиями, постройка водопровода и т. п. Но автору ясно, что этой демагогии государственного департамента уже давно никто не верит. И он пытается играть на чувстве недоверия к внешней политике американского империализма, охватывающем всё более широкие круги народа в Америке и в странах, где хозяйничает американский доллар.

Суть книги в следующем: американской дипломатии пора отказаться от чересчур откровенной колонизаторской политики в зависимых странах, где всё больше зреет ненависть к захватчикам, и выработать

более тонко замаскированные методы, чтобы получше прибрать эти страны к рукам.

Дэвидсон попал в точку. Его мазня включена в список «бест-селлеров», а это означает для автора некоторую известность и большие барыши.

Содержание последних книжных новинок, украшающих рекламные полосы в иллюстрированных буржуазных еженедельниках, свидетельствует о том, что маскировка, к которой прибегнул ловкач Дэвидсон, устраивает сейчас законодателей издательского бизнеса даже больше, чем откровенно реакционные сочинения Синклера, Стюарта и им подобных. Одним из новейших образчиков этой псевдоразоблачительной макулатуры является роман некоего Джеймса Джонса «Отсюда в вечность», который квалифицируется прогрессивным журналом «Массес энд мейнстрим» (июнь 1951 года), как «наиболее опасная литературная продукция американских поджигателей войны», именно в силу того, что его подлинно милитаристская сущность завуалирована пёстрым «разоблачительным» тряпьем.

Стюарты, Дэвидсоны, Джонсы составляют тот гнусный легион «деятелей культуры», которые, по меткому выражению Говарда Фаста, «ползают на брюхе, прижимаясь лицом к грязи, лишь бы даже краешком глаза не увидеть живую действительность!».

Этой реакционной псевдолитературе противостоят лучшие произведения передовых писателей США, мужественно разделяющих участь гонимых, преследуемых, но стойких и непоколебимых поборников свободы и мира.

Крепнут печатные органы передовых литературных сил США, объединяя вокруг себя новых и новых писателей, отдающих свой талант на дело служения народу. Пройдя большой и трудный путь, журнал «Массес энд мейнстрим» ведёт сейчас большую работу по выращиванию новых писателей и по изобличению всяческих литературных школ, под пышными вывесками которых скрывают своё подлое лицо варвары и реакционеры.

Журнал смело разоблачает политику американских империалистов: «Монополисты стремятся искоренить демократию в Америке, — пишет журнал в одной из недавних статей. — Они открыто враждебны

к отдельным национальностям и к колониальным народам. Где бы и как бы они ни затрагивали искусство и ни контролировали его, они стараются изгнать из сознания людей все гуманистические, демократические и реальные достижения революционной борьбы против феодализма. Замышляя новую мировую войну, они старательно прививают американскому народу идеи массового истребления. Они пытаются внедрить в его сознание чувство бессилия перед грубой и «мистической» силой...»

Идеологические эмиссары Уолл-стрита вроде Нормана Казинса требуют от литературы, чтобы она создала военную конъюнктуру в сознании миллионов читателей, чтобы она взяла в плен военной истерии тех, кто скептически проглядывает крикливые заголовки реакционных газет и привык не очень доверять ежеднев-

ной прессе. Но это не такая лёгкая задача. Куда легче создать военную конъюнктуру в промышленности, чем уверить миллионы людей в том, что им необходимо воевать за мировое господство Уолл-стрита.

Вот почему лезут из кожи опытные ренегаты вроде Эптона Синклера, старые шпики типа Джона Дос Пассоса и охочие до долларов дэвидсоны. Вот почему надывается журнал «Сатерлей ревью оф литерачер», страницы которого наглядно показывают, какие гнусные цели ставит перед литературой магнаты большого бизнеса.

Честные люди Америки с презрением отворачиваются от литературных блюд, изготовленных на кухне реакционной пропаганды по заказу поджигателей войны.

Е. РОМАНОВА.

★

Политика и наука

Будущее принадлежит коммунизму

Эта книга написана в современной Америке. Она создана в обстановках разгула реакции, в дни, когда начался фашистский «процесс» над одиннадцатью лидерами американской компартии, когда буржуазная пресса, захлёбываясь, вопила о «могуществе» Америки, о её «мировой роли», о «непобедимости» американского капитализма.

И всё же эту книгу, от первой до последней страницы, пронизывает оптимистическая уверенность в светлом будущем американского народа. Знаменательны строки авторского посвящения: «Моему правнуку Джозефу М. Колко, который будет жить в коммунистических Соединённых Штатах».

Работа председателя коммунистической партии США Уильяма З. Фостера «Закат мирового капитализма» представляет выдающийся интерес для советского читателя. Она убедительно показывает непобедимость идей марксизма-ленинизма, их мировое значение. Научные положения ленинизма об империалистической стадии капитализма умело применены здесь к само-

му последнему, новейшему этапу в развитии наиболее сильного и хищного капиталистического государства. И выводы, к которым подводит читателя Фостер, не оставляют сомнений в том, что все порки, противоречия и язвы капитализма, уже взорвавшие в ряде стран мира этот прогнивший общественный строй, неизбежно приведут к тому же и Соединённые Штаты Америки.

В первых же главах своей книги Фостер пишет не только о растущих противоречиях капитализма, об углублении общего кризиса капитализма, но и о перспективах ближайшего будущего. «Некоторые полагают,— говорит автор,— что капитализм в Европе сможет оправиться и восстановить свою былую промышленную и политическую мощь, опираясь на временную помощь Америки. Но это тщетные надежды... Те же разрушительные силы капитализма, которые довели Европу до её нынешнего жалкого состояния, будут действовать и впредь, толкая европейский капитализм к гибели. Капитализм в Европе имеет сейчас меньше возможностей оправиться, потому что на этом пути перед ним встало несколько новых серьёзных препятствий. К таким препятствиям относятся, в частности: а) самоубийственная

Уильям З. Фостер. «Закат мирового капитализма». Перевод с английского. Редактор В. Е. Репин. Издательство иностранной литературы, М. 1951.

изоляция, в результате плана Маршалла, от важных рынков в СССР и странах новой демократии Центральной и Восточной Европы; б) ослабление власти европейского капитализма над многомиллионными народами дальневосточных колоний; в) экономическая конкуренция со стороны крупной промышленности США и г) порождённая американским империализмом зловещая угроза фашизма, нового экономического кризиса и мировой войны».

Со времени появления в США книги Фостера прошло около двух лет. События этого периода, когда в американской внешней политике обманый план Маршалла был целиком подменён военной программой Северо-атлантического союза, ещё более обострили те факторы, о которых писал Фостер. Западная Европа насильственно, по прямым указаниям милитаристов США, ещё более изолирована от рынков стран, входящих в демократический лагерь. Экономика Западной Европы, не преодолев послевоенного кризиса, получает теперь одностороннее военное развитие, что ускоряет её неотвратимое движение к кризису.

Два факта, относящиеся к лету 1951 года, характеризуют новое изменение обстановки в сторону дальнейшего ослабления Западной Европы. Американский конгресс запретил, во-первых, торговлю западноевропейских маршаллизованных стран с «коммунистическими странами». Тот же конгресс, во-вторых, утвердил на 1951—1952 годы ассигнования на «помощь» американским союзникам в такой форме: 80 процентов этих ассигнований предназначено на поставку вооружения, а 20 процентов, остающихся на долю «экономической помощи», будут также направлены для содействия только военной промышленности в самой Западной Европе.

Ещё более ослабла власть европейского капитализма над народами дальневосточных колоний. Ни участие в преступной американской агрессии против корейского народа, ни «грязная война» французских империалистов против народа Вьетнама, ни война английских колонизаторов в Малайе, ни угрозы британского правительства по адресу национальных движений Среднего и Ближнего Востока не вернули Западной Европе этой власти, а стало быть, и прежних доходов. В то же время экономическая конкуренция со стороны

американских монополий всё более ослабляет позиции европейского капитализма как в самой Европе, так и в её колониальных владениях.

Главное внимание в своей книге Фостер уделяет американскому капитализму, разбирая и разоблачая легенды о его «исключительности», о «могуществе» США. Фостер анализирует причины появления этих легенд, а также рассматривает относительную силу Америки по сравнению с другими капиталистическими государствами.

Соединённые Штаты Америки — страна, обладающая исключительно богатыми запасами сырья, громадными естественными ресурсами. В своё время развитию американского капитализма содействовали и квалифицированная рабочая сила из Европы и европейские капиталы. Но особенно важен ещё один фактор: Соединённым Штатам Америки в силу их географического положения удавалось избежать военных разрушений, чрезвычайно ослаблявших европейский капитализм. «Это положение весьма благоприятствовало развитию американского капитализма, — указывает Фостер. — Оно позволило Соединённым Штатам наживаться на войнах, подорывавших мировую капитализм в целом. Американский капитализм похож на чудовищного паразита, живущего на теле остальной части капиталистического мира; он по-каннибальски пожирает другие капиталистические страны и жиреет за счёт их жизненных соков. Однако по мере ослабления капиталистической системы в целом расшатываются и основы американского капитализма, несмотря на то, что по видимости он ещё силён. Капитализм в США тоже охвачен общим кризисом мирового капитализма».

Анализируя современное положение в экономике США, Фостер правильно указывает на то, что американская промышленность процветала только на военных заказах во время первой и второй мировых войн. В мирных же условиях 30-х годов она была «больной и хилой». Опасаясь, как бы в условиях мира американская экономическая система не рухнула вновь, правящие круги США после второй мировой войны «предоставляют своей жаждущей крови промышленности примерно на 20 миллиардов долларов в год военных заказов, а милитаристы вопят, что им нужно по меньшей мере на 25 миллиардов».

Эти цифры, приведённые Фостером, относятся к 1948—1949 годам. Теперь дело обстоит иначе. В официальном послании президента Трумэна конгрессу по вопросам экономического положения США, в июле 1951 года было объявлено, что военные заказы американской промышленности возрастут к середине 1952 года до 65 миллиардов в год. Но это означает лишь, что американский капитализм ускоряет своё движение к тому неизбежному кризису, который предвидит Фостер.

Американские монополисты, глубоко встревоженные экономическими перспективами, «хотя бы преодолеть разрыв между производством и потреблением в основном посредством создания крупной военной экономики, которая будет поддерживать американскую промышленность военными заказами на 20—40 миллиардов в год. Именно это они сейчас и делают. Однако эти попытки создать «регулируемую экономику» как средство спасения от экономического кризиса заранее обречены на провал. Они только углубят кризис».

Фостер подчёркивает, что ни закабаление Соединёнными Штатами маршаллизованных стран Европы, ни пресловутая программа Трумэна о «помощи» отсталым странам не способны поддержать шаткую, неустойчивую американскую экономику. Хищный американский капитализм отнюдь не стремится к тому, чтобы действительно помочь другим капиталистическим государствам создать собственную индустрию, стать экономически сильными. Планы «помощи» — это лишь планы установления мирового господства Уолл-стрита и превращения зависимых стран в военные базы США.

Понятно, почему «империалисты Уолл-стрита решительно выступают против мирного соглашения с СССР», — пишет Фостер. — Военная истерия, так называемая холодная война, необходима им во что бы то ни стало. Если дать этой истерии улеяться, то американским империалистам не удастся обманным путём заставить народ создать гигантскую военную машину, необходимую для осуществления безумной попытки завоевать весь мир. Ещё важнее для империалистов то обстоятельство, что если позволить тщательно раздуваемой военной истерии улеяться, то они лишатся многомиллиардных правительственных во-

енных заказов. В результате американская промышленность (которая и так идёт к кризису) сразу же потерпит сокрушительный крах».

Руководитель компартии США указывает в своей работе на то, что, не отличаясь существенно от капитализма в других странах, американский капитализм является капитализмом империалистическим, фашистским, агрессивным. Он представляет сегодня серьёзную угрозу миру и благосостоянию всего человечества. Американский капитализм, пишет Фостер, обязательно должен быть и будет заменён социализмом.

Одновременно с разоблачением легенды о некоей «исключительности» американского капитализма, Фостер разрушает и другую легенду, имеющую хождение как в США, так и в других капиталистических странах. Это легенда об американской «демократии». Автор раскрывает подлинный смысл так называемых американских «свобод» и «равных возможностей для всех». Он показывает неравномерное распределение богатств в США, неограниченное господство узкой кучки миллиардеров и миллионеров, нищету народных масс. В американском конгрессе, который избирается якобы демократическим способом, совсем не представлены миллионы трудящихся. Подавляющее большинство членов сената и палаты представителей — это бизнесмены или юристы, состоящие на службе у корпораций капиталистов. В конгрессе, избранном в конце 1948 года, из 531 члена обеих палат всего девять женщин: восемь в палате представителей, одна — в сенате. А ведь женщины составляют половину населения США. «Если бы в конгрессе существовало подлинно демократическое пропорциональное представительство, то в нём должно было бы быть примерно 53 негра», — замечает автор. А между тем в палате представителей всего два негра, в сенате же — ни одного.

За последние годы антинегритянский террор в США ещё более усилился. Многочисленные факты позорных кровавых деяний ку-клукс-клановских и других фашистских бандитов, фактическая легализация «суда Линча», дикие примеры дискриминации негров — всем этим пестрит повседневная американская пресса. Достаточно сказать, что недавно, в августе 1951 года, имел место из ряда вон выходящий

случай: администрация одного из американских кладбищ прервала похороны негра — ветерана второй мировой войны — у самой могилы покойника. Мотивом столь изуверского акта была «боязнь», что наиболее богатые белые «клиенты» откажутся в будущем лежать рядом с цветным...

«Равенство перед законом в Соединённых Штатах — только красивая фраза, — пишет Фостер. — Надо быть глупцом, чтобы не видеть, что для богатых существуют одни законы, а для бедных — другие. Крупные бизнесмены — крупнейшие мошенники во всей Америке. Они совершают чудовищные преступления, но их защищает целая армия ловких адвокатов; отправить когонибудь из них в тюрьму почти невозможно, какие бы вопиющие преступления они ни совершали... При капитализме можно считать общественным законом, что чем беднее класс нашего общества, тем «лучше» он представлен в тюрьмах, хотя процент преступности в его среде и ниже, чем у более богатых классов.

Большой интерес представляет глубокий марксистский анализ современного состояния американского рабочего движения. Фостер разбирает причины идеологической отсталости американских профсоюзов и слабой экономической организованности рабочего класса США. Рабочий класс США является единственным крупным рабочим классом в капиталистическом мире, который не имеет своей массовой политической партии. Американский рабочий класс всё ещё идёт вместе с капиталистическими партиями, находясь в тенетах двухпартийной системы. В основе такого положения лежит, разумеется, его идеологическая отсталость. Но непосредственной причиной является предательская политика реакционного профсоюзного руководства. Однако господство реакционных лидеров в профсоюзном движении США недолговечно «Пути развития американского рабочего движения, как и американского капитализма, не «исключительные», — указывает Фостер. — Становясь более зрелым, американское рабочее движение будет уверенно и всё быстрее идти вперёд. Хотя левые элементы и прогрессивные профсоюзы в настоящее время численно ещё слабы, они составляют подлинное ядро американского рабочего движения. Будущее принесёт им победу».

Книга «Закат мирового капитализма»

написана прежде всего для американцев. Значительное место занимает в ней изложение программы коммунистической партии США, стремящейся к созданию «великой антимонополистической коалиции рабочих, фермеров, негров, интеллигенции и других демократических сил для борьбы за непосредственные интересы народа и конечное установление социализма. Нынешняя линия партии в общем направлена к созданию правительства типа народного фронта и народной демократии, какие существуют в настоящее время в Восточной Европе».

В этой связи первостепенное значение имеет вдохновенный и убедительный показ великих преимуществ социализма перед капитализмом. Соревнование между двумя системами неизменно приносит новые и новые доказательства непобедимости коммунизма. Факты последнего тридцатилетия, успехи социализма в СССР разоблачают клеветнические выдумки американской буржуазной печати.

Чего только не придумывает реакционная пропаганда для того, чтобы извратить, оболгать самый прогрессивный общественный строй — советский строй, чтобы извратить смысл великой борьбы народов за коммунизм! Бесконечные, повседневные повторения реакционной печатью вымыслов о «подавлении личности» в условиях социализма, об уничтожении «основной свободы — свободы торговать», о смысле и содержании диктатуры пролетариата — всё это предназначено для того, чтобы оболванить и запугать американского обывателя и удержать трудящихся в повиновении. Но правда о новом общественном строе, о его преимуществах сильнее этой лжи.

Фостер смело разъясняет все эти вопросы в своей книге. Он пишет: «Социализм (а впоследствии коммунизм) развивает личность на основе целого ряда конкретных и связанных между собой свобод. Первая и основная из них — это экономическая свобода... При социализме народ пользуется также и политической свободой. Уничтожение экономической эксплуатации неизбежно сопровождается крушением политического господства класса капиталистов. При социализме люди могут впервые выпрямиться во весь рост и дышать вольным воздухом политической свободы. Политическая свобода при социа-

лизме даёт им новое чувство человеческого достоинства, новое сознание, что они подлинные люди, а не роботы, отбывающие пожизненное наказание в мрачных заводских цехах ради прибылей и славы паразитов-предпринимателей. Трудящиеся Союза Советских Социалистических Республик обладают такой свободой, таким правом свободы слова и собраний, таким правом быть хозяевами своей политической судьбы, каких не знают трудящиеся ни одной капиталистической страны, в том числе и Соединённых Штатов».

Автор рассказывает американцам, что социализм несёт людям подлинную свободу мышления, открывает дорогу росту культуры, создаёт подлинную свободу и равноправие для женщин, для молодёжи делает равноправными и свободными все национальности. «Социалистический человек,— указывает Фостер,— здоровый человек. Впервые в истории общество направляет свои основные усилия на обеспечение максимального личного благополучия для всего народа... Социализм даёт людям новые, более мощные стимулы к работе, к жизни, к развлечениям... Ни в одной стране в мире нет такого всеобщего стремления к самоусовершенствованию и успехам, как в СССР».

Книга председателя коммунистической партии США У. З. Фостера много даст советскому читателю. Она поможет ему узнать Америку, понять процессы, происходящие во внутренней жизни США и во внешней политике американских правящих кругов. Уже после появления в свет этой книги началась американская агрессивная авантюра в Корее, совершился ещё более крутой переход всего империалистического лагеря к подготовке мировой войны. То, что рассказывает Фостер о неизлечимых болезнях и противоречиях капитализма, находит всё новые подтверждения. Фашизация США усилилась, расширилась поддержка американскими правящими кругами фашистских режимов во всём мире, возросла зависимость западноевропейских капиталистических стран от американского империализма. Но вместе с тем ещё нагляднее стала обречённость этой политики, её противоречие интересам всех народов. Выросли силы социализма и демократии во всём мире, ещё более мощными стали национально-освободительные движения в зависимых и колониальных странах. Соревнование двух систем проходит под знаком всё растущего превосходства социализма.

Б. ЛЕОНТЬЕВ.

★

Откровения Иммануэля Ньюйоркского

Ошеломляющие научные открытия следуют в США одно за другим. Не успели опомниться американцы от погрязших изысканий профессоров Смита и Флетчелла, обнаруживших остатки ноева ковчега на горе Арарат, ещё не пришли в себя читатели профессора Леконта дю-Нуи от эпохального открытия, что бог создал человека из праха земного и вдохнул в него душу живую, как под оглушительный барабанный бой американской рекламы на научную арену выскочил Иммануэль Великовский; он затмил славу и Флетчелла, и дю-Нуи и неоспоримо занял первое место среди американских шутов гороховых.

Сказать «о научном труде» Великовского «Столкновение миров», что он является

реакционным,— значит сказать очень мало: эта книга была бы реакционной и в XVI веке, во времена Джордано Бруно; она была бы реакционной и в III веке до н. э. во времена Аристарха Самосского. Но стать объектом нездоровой сенсации эта книга могла только в США середины XX века, в международном центре загнивающего капитализма.

Безапелляционно отвергнув все данные современной науки о происхождении и эволюции солнечной системы, отказавшись от всех выдвигаемых наукой космогонических гипотез, Великовский старается реабилитировать ветхозаветные мифы и восстановить в правах астрологические вымыслы. Его книга начинается с «обоснования» чуда Иисуса Навина, остановившего, согласно библии, солнце и луну, и кончается воскрешением апокалиптических пророчеств о судном дне. Грозя современную науку, Великовский не останавливает

I. Velikowsky. „Worlds in Collision“. New York, 1950. (И. Великовский. «Столкновение миров», Нью-Йорк, 1950).

ся ни перед чем: никакие законы природы ему не писаны, никакие научные нормы для него не существуют.

Сумасбродные космологические теории Великовского основываются не на изучении реальных естественно-научных процессов, не на физических законах, не на астрономических наблюдениях и математических вычислениях, а на свидетельствах священного писания, на религиозных мифах и преданиях. Достоверными основаниями для его астрологических спекуляций являются библия и евангелие, в частности откровение Иоанна Златоуста; правдивыми свидетельствами служат для него даже речения Валаамовой ослицы. Если его нелепые конструкции находятся в полном противоречии с основоположениями естествознания, — это Великовского нимало не смущает; если они несовместимы с законом всемирного тяготения и с учением об эволюции видов, — тем хуже, заявляет новоявленный нью-йоркский пророк, для Ньютона и Дарвина. Решение вопроса в его книге, утверждает Великовский, достигнуто «ценою отказа от определённых понятий, рассматриваемых в настоящее время как священные законы науки... со всеми их выводами применительно к теории эволюции». Нетрудно догадаться, что подобная, с позволения сказать, методология открывает безграничный простор для реставрации самых диких суеверий и для любых фантастических измышлений.

Подобно мракобесам всех времён и всех народов, Великовский рисует жизнь в небесах по образу и подобию своих представлений о земной жизни. Вполне понятно, что книга выкорыща американских империалистов является книгой о войнах в небесной сфере. Теория закономерной космической эволюции заменяется бреднями о столкновениях небесных тел.

Сенсационный «труд» Великовского состоит из двух разделов. Первый из них посвящён военной драме, якобы разыгравшейся в небесах в XV веке до н. э., второй — боевым эпизодам на небесном театре военных действий в VIII веке до н. э. При этом речь идёт о событиях, будто бы совершившихся в рамках исторической памяти человека.

Великовского не смущает даже то обстоятельство, что в достоверных исторических свидетельствах современников очевид-

цев не сохранилось никаких следов космических событий, о которых он бредит. Уже один этот факт превращает в пустую болтовню все псевдоучёные разглагольствования Великовского, уличает его как шарлатана.

Что же отвечает на это пойманный с поличным Великовский? Нимало не смущаясь, он изобретает смехотворную «теорию» исторической «амнезии», которой посвящает целую главу. Дескать, подобно тому, как отдельным людям свойственна забывчивость, особенно на неприятные происшествия, так и целым народам присуща потеря памяти на некоторые исторические события. Древние историки «запаятали», современники мнимых небесных войн «забыли», а вот Великовский вспомнил и в точности описал всё как было. А было, мол, всё точно так... как сказано в Библии.

Для того чтобы читателю стало вполне ясно, какая бездна тупоумия нужна для «обоснования» космологической «теории» Великовского, изложим вкратце её основное содержание, как ни противно излагать сей несусветный вздор.

Космическая драма № 1. Времена, описанные в Библией книге исхода. XV век до н. э. Венера не была ещё возведена в ранг планеты, она была тогда, по Великовскому, молодой, но воинственной кометой. И вот в то самое время, когда израильтяне плелись из Египта, сия агрессивная комета столкнулась с Землёй. Столкновение это произвело столь сильное впечатление на обе столкнувшиеся стороны, что Венера с тех пор превратилась из кометы в планету, в качестве каковой пребывает и поныне, а Земля... перекувырнулась по полярной оси, юг переместился на север, а вращение Земли приобрело в дальнейшем противоположное прежнему направление. После чего израильтяне продолжали свой путь.

А тем временем, продолжает Великовский, Венера не успокаивалась. 700 лет она угрожала Земле новым столкновением. Как подобает пророку, космолог с берегов Гудзона пишет об этом высоким штилем: «Около 700 лет эта угроза, подобно Дамоклову мечу, висела над родом человеческим». Но страшен сон, да милостив бог. На этот раз смилостивился бог войны Марс. Планета Марс в VIII веке до н. э.

столкнулась с Венерой и отвратила грозившую Земле катастрофу. Так и не пришлось Земле снова завертеться в обратном направлении.

Космическая битва Марса и Венеры — таков сюжет второй космической драмы, описанной во втором разделе эпохального научного труда мистера Великовского.

Из уважения к читателю мы привели лишь малую толику из нелепых, нагромождённых на 400 страницах «Столкновения миров». Но и этого вполне достаточно, чтобы понять, какой дичью отравляет Великовский американцев, какой духовной пищей пытаются кормить современные мракобесы свой народ. А ведь «Сатёрдей ивнинг пост» не постеснялась сравнить Великовского... с Галилеем!

Доказывая, что астрологические верования опирались на истинные фактические основания, Великовский идёт ещё дальше и утверждает, что современные космологические знания привели к ложным выводам. Вся история науки, весь прогресс научного познания представляется, с точки зрения Великовского, историей всё углублявшихся заблуждений. Если верить Великовскому, наука утратила те знания, которыми владела мифология и астрология. Из того, что античное преклонение перед Венерой и Марсом основывалось, по Великовскому, на понимании действительной роли этих планет в судьбах Земли, а «космические драмы» были не только описаны, но и заранее предсказаны пророком Амосом, следует вывод, что научные познания римских жрецов превосходили познания всех последующих учёных вплоть до середины XX века, когда появился... Великовский.

Книга Великовского, порывающая с наукой, со всей историей науки, возвращающая мысль вспять, к тёмным, невежественным донаучным представлениям и верованиям, является неоценимой услугой фидеизму, поповщине. Именно поэтому этот документ воинствующего мракобесия сделала своим знаменем самая махровая, разнузданная американская реакция. Его философское назначение — фидеистическая диверсия против одного из основных устоев научного миропонимания — теории развития, как закономерного естественно-исторического процесса.

Великовский противопоставляет естественно-научной теории космической эволю-

ции «теорию космического катастрофизма». Согласно его мифологической конструкции, изменения в природе осуществляются не в результате эволюционного процесса, а вследствие катастроф, катаклизмов. Вся его книга силится доказать, будто катастрофические акты являются главной движущей силой космического процесса, основой «динамики вселенной», «нормальными явлениями, подобно рождению и смерти», что катастрофы составляют закон развития.

Антинаучная сущность теории катастроф, направленной против идеи развития, была разоблачена 45 лет назад в гениальной работе И. В. Сталина «Анархизм или социализм?» на примере «катаклизмов» Кювье. Товарищ Сталин вооружил научную мысль для борьбы против этой лженаучной концепции, играющей очень большую роль в борьбе современного идеализма и метафизики против материалистической диалектики. «Теория катастроф» выступает то в форме «эмержентной эволюции» у английских неореалистов, то в форме «мутаций» у генетиков морганистов. У Великовского эта «теория» предстала в карикатурной мифологической форме, наглядно демонстрирующей её ретроградное антинаучное существо.

Но книга Великовского имеет и прямое политическое назначение.

Усердие, проявленное Великовским в «доказательстве» того, что космические катастрофы являются обычным, нормальным и сравнительно частым явлением, имело своей конечной целью возродить верования в «судный день», помочь американским мракобесам средствами псевдонауки восстановить на вооружении старинный поповский жупел грядущей «гибели мира». Недаром звучит в финале его книги истерическое проричание сибиллы.

Политический смысл своей апокалиптической «науки» Великовский раскрывает достаточно вразумительно, когда высказывает сожаление по поводу того, что «обычного человека ныне более не страшит конец света. Люди поглощены земными заботами...» Именно для того, чтобы отвлечь человека от земных забот, от борьбы против реальных угроз и опасностей, в первую очередь от борьбы против угрозы войны, и написана книга Великовского. После столкновения с Венерой, шаманит Великовский, Марс сделался постоянной

угрозой миру. Великовский страшает обольщаемых им читателей неотвратимым столкновением Земли с Марсом.

Но среди широких американских масс, вопреки всем стараниям великовских, неудержимо растёт и крепнет понимание того, что грозит им реальной гибелью и как эту угрозу можно отвратить. Американский народ всё более проникается сознанием необходимости неутомимой борьбы за мир.

Книга «Столкновение миров» Великов-

ского — лишь небольшой эпизод в идеологическом столкновении двух миров — мира реакции и мира прогресса, мира одичания и мира творческого развития, мира империализма и мира социализма.

Сделав дикую книгу Великовского своим теоретическим знаменем, американские реакционные идеологи выставили себя и всю «науку» на посмешище перед всем цивилизованным человечеством.

Доктор философских наук
Б. БЫХОВСКИЙ.

★

Преображённая Сибирь

Обь — одна из величайших рек земного шара. Вместе с крупнейшим своим притоком Иртышом она имеет протяжённость 5600 километров. Огромный Обский бассейн охватывает почти всё пространство Западной Сибири — от Уральских гор до реки Енисея, от Северного Ледовитого океана до возвышенности Центрального Казахстана. Читая книгу «Там, где протекает Обь», мы совершаем поистине увлекательное путешествие по величественной реке. Перед нами проходит весь Алтай, Кузнецкий Алатау, огромная Западно-Сибирская низменность, сопки и степи Казахстана.

Суровы и недоступны для человека были сибирские края. Первые землепроходцы в Сибири — сильные и смелые русские люди — шли от одной реки к другой, подчас перетаскивая волоком свои лодки, отвоёвывали у неприветливой тайги всё новые и новые пространства, несли в сибирскую глухомань жизнь и культуру. Они создавали на реках «остроги» — крепости. Так появились первые русские поселения: Пелым (1593), Нарым (1596), Томск (1604), Кузнецк (1618), Бийск (1709) и другие.

Сколько силы, воли, мужества требовал замечательный подвиг русских открывателей Сибири! А. И. Герцен писал: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мёрзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрыва-

лись нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана».

В книге Е. Орловой ярко показано, какие огромные природные богатства таит западносибирская земля. Но до революции эти несметные сокровища либо не были разведаны, либо хищнически эксплуатировались. Сибирь в значительной мере оставалась таёжным захолустьем, краем «нехоженных троп».

Но куда бы мы ни попали теперь, путешествуя по Оби и её многочисленным притокам, — в Алейскую степь или на просторы Кулунды, в Барабинский озёрный край или в Кузнецкую котловину, в густую Марийскую тайгу, где когда-то бродили золотоискатели-одиночки, или в город Салехард, расположенный почти у самого Полярного круга, — везде мы увидим великие перемены, принесённые революцией, чудесные плоды трудовых усилий советских людей.

Поразительна, например, судьба Кузнецкой котловины — богатейшего района Сибири, где расположен один из самых крупных каменноугольных бассейнов нашей страны. В 1721 году в обрывах реки Томи сын казака Михайло Волков увидел каменный уголь, выходивший прямо на поверхность земли. Позже были найдены залежи угля и в других местах. У берегов рек обнаружили обнажённые угольные пласты 15-метровой толщины. Но царское правительство, интересовавшееся лишь сибирским золотом и пушниной, равнодушно отнеслось к важному открытию. Кузнецкие угольные богатства были переданы в аренду иностранцам.

Только после Октябрьской революции началась настоящая жизнь этого богатей-

Е. Орлова. «Там, где протекает Обь». Редактор кандидат географических наук М. Колотков. Новосибирское областное государственное издательство, 1951.

шего района. Здесь по плану великого Сталина возник «второй Донбасс», выросли крупные промышленные центры — Сталинск, Кемерово, Прокопьевск. Теперь Кузбасс даёт стране не только уголь, но и сталь, цинк, алюминий, ферросплавы, химикалии, машины.

Знаменательные перемены произошли во всех уголках просторной западносибирской земли, даже в тех, которые издавна считались «гиблыми». Вот как автор описывает дореволюционный Нарым (что на «зыке ханты означает «болото»): «Низкий берег, песок, тальники... Село небольшое, несколько двухэтажных домов, остальные маленькие, одноэтажные. Все постройки старые, с начала улицы виден её конец, и начало и конец каждой улицы упираются в ровную гладь болота».

Ныне рядом со старым «музейным» Нарымом возникло новое индустриальное селение. Построены рыбный и лесопильный заводы. Вырос благоустроенный рабочий посёлок. На берегу — большие склады леса и штабели знаменитых нарымских шпал. У причалов — пароходы и баржи. Всюду кипит напряжённая трудовая жизнь.

У Нарымского края, занимающего площадь в 300 тысяч квадратных километров, большое будущее. Здесь имеются не только богатейшие запасы леса, но и миллиарды тонн торфа и немалые минеральные ресурсы. В ранее безлюдном Нарыме сейчас насчитывается около тысячи населённых пунктов со школами, клубами, читальнями, кинотеатрами.

Читатель знакомится с Новосибирском — одним из самых молодых и в то же время крупнейшим городом Западной Сибири, с Томском — единственным в прошлом университетским сибирским городом — и другими центрами. В книге приводится широкая — географическая и историческая — характеристика сибирских городов.

Вот что мы узнаём, например, о Тобольске. Город стоит на правом берегу Иртыша. На самом краю высокого берега сохранились каменные стены кремля, возведённые в XVIII веке пленными шведами. К этим древним стенам ведёт деревянная лестница в 900 ступеней. На Чукманском мысу раскинулся парк. У обрыва — памятник Ермаку. Тобольск основан в 1587 году и был превращён царизмом в место ссылки. Через Тобольск этапом шли Достоевский, Короленко, композитор Аля-

бьев. Здесь жили декабристы Анненков, Кюхельбекер, Муравьёв и другие. В Тобольске родился и вырос великий химик Менделеев. Автор рассказывает и о современной экономике города, о его культурном росте.

Такая всесторонняя характеристика позволяет читателю полно и чётко представить себе облик западносибирских городов.

Обь протекает по нескольким национальным округам. И здесь Е. Орлова не ограничивается описанием ландшафта, флоры и фауны, но показывает и сегодняшнюю жизнь манси, ханты, селькупов, ненцев — этих ранее отсталых народов.

В бассейне Северной Сосьвы (нижнее течение Оби) расположен Ханты-Мансийский национальный округ. Для манси и ханты — маленьких, в прошлом вымиравших народностей — после революции началась в полном смысле слова «вторая жизнь». Всё здесь в корне изменилось: быт, нравы, занятия. Когда-то манси занимались только охотой и рыболовством. Теперь в округе широко развит лесной промысел, появились земледелие и животноводство, выросли лесозаводы, работают машинно-тракторные станции. Там, где была дремучая тайга, ныне простираются поля, засеянные пшеницей и рожью. Даже в колхозах, расположенных далеко на севере, коренное население занимается овощеводством. Процветают оленеводческие колхозы (стада их подчас доходят до шести тысяч голов). В этих краях начали разводить лошадей, коров, свиней, овец.

Школа, культбаза, больница — обычное явление в селениях возродившихся народов.

...Жизнью радостной, бурливой
Счастлив наш народ,—

пишет молодой хантыйский поэт Свешников, славя новую жизнь, которую принесла советская власть в сибирскую тайгу и безмолвную тундру.

Е. Орлова говорит и о будущем этого обширного края, рисует замечательные перспективы его ещё более бурного экономического развития.

...Перекинутся через Обь плотины и шлюзы, топкие болота покроются прозрачными водами озёр. Зацветут осушённые земли Бараби и орошённые каналами чер-

нозёмы Кулунды. Какие же тогда растения будут произрастать в Сибири, если уже сейчас сахарная свёкла растёт в степи, а яблоневые сады продвинулись в тайгу?

Сплошной водный путь от крайнего Севера до Каспийского моря протянется через земли Сибири. Окончательно покорённый Алтай раскроет человеку все свои тайны. Суровые побережья Ледовитого океана будут утопать в электрическом свете, мощные отопители разгонят холод, растает вечная мерзлота, мхи и лишайники уступят место полям и садам...

«Уже не социалистическая, а коммунистическая Сибирь,— заключает автор,— расцветёт там, где протекает Обь».

Через всю книгу проходит идея покорения советским человеком суровой сибирской природы. Рассказ автора проникнут духом преобразования, смелого вторжения человека в природу, и этим выгодно отличается от сугубо описательных «чисто-географических» книг. Читатель воочию видит, как меняется лицо Сибири: растут мощные промышленные центры, осушаются болота, орошаются сухие степи, изменяется природа тайги и тундры.

Книга проникнута любовью к суровой Сибири, к её природе и людям. Даже для описания зимней тундры автор находит волнующие слова. «Говорить, что Север беден красками,— пишет Е. Орлова,— может только тот, кто не видел закатов в тундре, осенней краски растений и особенно полярных сияний. В тихой ночи над снежной пеленой снега низко спускается небо, но вот оно начинает становиться светлее и как бы поднимается всё выше и выше, и там, в вышине, начинается какой-то изумительной щедрости праздник красок и цветов... Меняясь, двигаясь, перелли-

ваясь, светлые полосы, начавшись на севере, захватывают уже половину неба, и кажется, что светится не только небо, но и вся тундра».

Справедливо отмечая огромные возможности, тающиеся в сибирских недрах, автор очень бегло и скупко говорит о колоссальной гидроэнергетической мощи сибирских рек и, в первую очередь, Оби. Жаль, что, довольно подробно рассказав о различных сторонах хозяйственного и транспортно-значения этой крупнейшей в стране водной артерии, Е. Орлова не дала представления об огромной массе обской воды, которая пока ещё бесцельно стекает в Северный Ледовитый океан (средний многолетний сток Оби — 394 миллиарда кубометров в год!). Немалыми гидроэнергоресурсами обладают и притоки Оби — Иртыш, Том, Чулым, Катунь. И нет сомнения, что в будущем Обь, Енисей и другие великие сибирские реки будут так же поставлены на службу коммунизму, как Волга, Днепр, Дон.

Язык книги живой, точный. Иногда, правда, автор увлекается излишними «красиво-стями». Книга выпрала бы, если бы она была избавлена от «ярких шелков заката», от степи, «как шёлком покрытой сединой» и т. д. Кое-где живой рассказ неожиданно перебивается протокольно-сухими фразами, вроде: «Салехардская станция ведёт большую работу по вопросу оздоровления оленьего стада и изыскания кормов». К счастью, подобные фразы встречаются в работе Е. Орловой не часто.

Новосибирское издательство выпустило хорошую книгу. Её с интересом прочтут широкие читательские круги.

М. ДАВЫДОВ.

★

Гордость узбекской науки

Средняя Азия является одним из древнейших очагов современной цивилизации. На её территории уже несколько тысяч лет назад находились многочислен-

«Бируни — великий узбекский учёный средневековья». Под редакцией члена-корреспондента АН Узбекской ССР В. Ю. Захидова, члена-корреспондента АН Узбекской ССР А. А. Семёнова и кандидата исторических наук Я. Г. Гулямова. Издательство АН Узбекской ССР, Ташкент, 1950.

ные большие города с развитой торговлей и ремёслами, существовала широкая сеть оросительных каналов.

Эту высокую культуру, созданную предками советских народов, населяющих среднеазиатские республики, буржуазные историки тщетно пытаются поставить в подчинённую зависимость от арабов, иранцев, греков. Советские учёные — историки и археологи — доказали самобытность

среднеазиатской культуры, рассказали о деятельности многих её замечательных представителей.

Выдающемуся узбекскому мыслителю Абу-Райхану, известному под именем Бируни, посвящён сборник, изданный Институтом востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

Бируни (973—1049) родился в Хорезме — наиболее значительном государстве Средней Азии, находившемся на территории нынешней Кара-Калпакской АССР. В результате феодальных междоусобиц и монгольского нашествия культура Хорезма пришла в упадок, а города его впоследствии были засыпаны песками Кара-Кумов и Кызыл-Кумов.

Хорезмийцы впоследствии вошли в состав узбекского народа, который является, таким образом, прямым наследником великих творений Бируни. Но вместе с узбекским народом выдающимся учёным справедливо гордится весь наш многонациональный советский народ.

Бируни — энциклопедически образованный для своего времени учёный — был математиком, астрономом, географом, историком, этнографом, философом, лингвистом, поэтом. Им написано свыше 150 научных трудов, из которых только 29 в той или иной форме сохранились до наших дней. Интерес к научному наследию Бируни чрезвычайно велик. Почти одновременно с ташкентским изданием вышло посвящённое ему исследование и в издательстве Академии наук СССР.

Большинство буржуазных исследователей утверждает, что Бируни был арабским учёным, а некоторые видят в нём иранца. В статье известного советского учёного С. П. Толстова «Бируни и его время» убедительно доказано, что великий Бируни был хорезмийцем. Это подтверждается, между прочим, тем, что предместье города Кята (столицы Хорезма в дофеодальный период), где родился Бируни, называлось «бирун» или «бейрун». Так же назывались и другие предместья, где жили ремесленники и городская беднота. Отсюда и литературный псевдоним учёного — Бируни, указывающий на его плебейское происхождение и означавший — «человек из предместья».

Эпоха Бируни — это время ожесточённой борьбы между феодалами и закабаленным ими народом. В этой борьбе Би-

руни был на стороне народа. Он разделял антифеодальное учение кармагов — участников общинно-крестьянского движения, презирал фактического властителя Хорезма, типичного восточного феодала — завоевателя Махмуда Газнийского.

Бируни был свободен от религиозного фанатизма, столь характерного для его времени. В своей книге «Описание Индии» учёный проводил даже идею о равноценности различных религий. Бируни резко выступал против взглядов, пронизанных враждой к другим народам, взглядов, ставших впоследствии «идеологической» основой бесконечных «священных» войн.

Желая сделать свои труды доступными наиболее широкому кругу учёных, Бируни писал на арабском языке, который к этому времени стал языком науки почти на всей территории мусульманского Востока. «На язык арабов, — отмечал Бируни, — переложены науки из всех стран мира». В то же время он резко критикует арабский алфавит, указывая на его несовершенство.

Бируни — учёный мирового масштаба. В его трудах сосредоточены достижения большинства наук, известных в X—XI веках. Он не только подытожил работу своих предшественников, но и внёс богатейший вклад почти во все области знаний, во многом опередив учёных Европы.

Книга Бируни «Описание Индии» является, по словам С. П. Толстова, «единственным в своём роде образцом географической, этнографической и историко-культурной монографии, не имеющей равной в средневековой литературе всего мира». В этой книге Бируни за много столетий до Васко да Гама «открыл» Индию всему миру.

Есть основание полагать, что Бируни читал в подлинниках сочинения древнегреческих писателей. В. Ю. Захидов в статье «Великий мыслитель X—XI веков» справедливо отмечает, что Бируни широко использовал работы как индусских и греческих учёных, так и своих непосредственных предшественников в Средней Азии.

Исключительную ценность представляет книга Бируни «Хронология древних народов», где содержатся разнообразные сведения о многих племенах Средней Азии. В этой же книге Бируни излагает свои философские взгляды. Мир рассматривает-

ся учёным как объективная реальность, существующая независимо от ощущения и мышления. В объяснении явлений природы Бируни рекомендует основываться на закономерностях, существующих в ней самой, исходить из фактов, из опыта и предлагает принимать за истину лишь то, что возможно и допустимо с точки зрения естественных законов и порядков.

В своих работах Бируни рекомендовал не «смешивать научные вопросы с религиозными преданиями», высмеивал астрологов, пытавшихся социальные явления на земле объяснить движением звёзд и т. д. Когда арабский «учёный» ал-Джабали на основе данных астрологии пытался «доказать» превосходство арабов над персами и вызвать между этими народами религиозную войну, Бируни назвал его невеждой и лжецом. Всё это в условиях средневековья, с его предрассудками и религиозным фанатизмом, было чрезвычайно смелым. Однако надо оговориться, что Бируни не был последовательным материалистом и нередко сам, особенно в объяснении общественных явлений, становился на идеалистические позиции.

Бируни до известной степени предвосхитил открытие Дарвина о роли естественного отбора в природе. В книге «Описание Индии» он, например, пишет, что природа во всём поступает так, «как садовод, который даёт возможность расти на дереве наиболее жизнеспособным и здоровым ветвям, обрезая всё остальное».

Вопреки общепризнанным в то время теориям Эвклида, Птоломея, ар-Рази, Ибн-Сина и других, Бируни осмелился сомневаться в неподвижности Земли. В книге «Мас'удиевы таблицы» он, например, писал, что «вращение Земли ни в коей мере не нарушает астрономических выкладок». С. П. Толстов указывает, что «Бируни, несомненно, разделял учение о притяжении тел к центру Земли и гелиоцентрическое учение, предвосхищая открытие Коперника».

Г. Джелалов в статье «Бируни и астрономическая наука», подчёркивает, что он впервые в истории высказал смелую мысль о том, что Солнце состоит из огня, а другие планеты получают от него тепло и свет.

Учение Бируни об образовании суши и моря предвосхитило теорию Леонардо да Винчи, разработанную на материале Ломбардской низменности. Бируни правильно оценил и так называемый Калифский Узбой, как древнее русло Аму-Дарьи.

Бируни не ошибся, когда он писал: «Я сумел приобрести одежды такой славы, память и блеск которых будет длиться, как моё наследство, в будущем через поток лет и поколений».

К недостаткам сборника следует отнести то, что тематика его не охватывает в полной мере всестороннюю деятельность узбекского учёного. Налицо и разногласия между авторами в освещении некоторых вопросов жизни и научной деятельности Бируни. Так, например, В. Ю. Захидов, излагая биографию учёного, пишет, что «родина его — селение Бирун в Хорезме», а по мнению Г. Джалалова, Бируни «родился в 973 г. н. э. в г. Кяты». Одна и та же работа Бируни у авторов сборника фигурирует под разными названиями: у С. П. Толстова «Индия», у А. А. Семёнова «Описание Индии», у В. Ю. Захидова «История Индии» и т. д.

В статьях сборника много повторов. Отдельные факты повторяются почти у всех авторов. Это тем более странно, что в большинстве своём авторы одновременно являются и редакторами книги. В ряде статей значительное место уделяется биографии учёного, хотя в сборнике помещён специальный биографический очерк А. А. Семёнова.

Эти замечания не меняют общего хорошего впечатления от книги. Её выход в свет нужно рассматривать как положительное явление в советском востоковедении.

Г. НУРОВ.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Сентябрь — октябрь 1951 года)

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

- К. Маркс.** Гражданская война во Франции. 96 стр. Цена 1 р.
- К. Маркс.** Заработная плата, цена и прибыль. 68 стр. Цена 75 к.
- К. Маркс.** К критике политической экономии. 272 стр. Цена 5 р.
- Ф. Энгельс.** Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. 19 стр. Цена 25 к.
- В. И. Ленин.** Государство и революция. 120 стр. Цена 1 р. 50 к.
- В. И. Ленин.** Карл Маркс. 40 стр. Цена 50 к.
- В. И. Ленин.** Пролетарская революция и ренегат Каутский. 104 стр. Цена 1 р. 50 к.
- В. И. Ленин.** Удержат ли большевики государственную власть? 52 стр. Цена 60 к.
- И. Сталин.** Как понимает социал-демократия национальный вопрос? 24 стр. Цена 25 к.
- И. Сталин.** Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. 40 стр. Цена 50 к.
- П. Александров.** Ленинско-Сталинская теория коллективизации сельского хозяйства и борьба партии за её осуществление. 68 стр. Цена 85 к.
- Д. Бахшиев.** Партия большевиков — руководитель советского общества. 168 стр. Цена 2 р. 15 к.
- А. Гаврилов.** Внутривнутрипартийная демократия в большевистской партии. 144 стр. Цена 1 р. 80 к.
- М. Гус.** Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. 248 стр. Цена 4 р. 20 к.
- Г. Ефимов.** Очерки по новой и новейшей истории Китая. 576 стр. Цена 11 р. 50 к.
- Л. Н. Иванов.** Авантюристическая стратегия американского империализма. 48 стр. Цена 60 к.
- А. Кирсанов.** Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. 120 стр. Цена 1 р. 20 к.
- И. Кравцов.** Агрессия американского империализма в Корее (1945—1951 гг.). 440 стр. Цена 6 р. 90 к.

М. Лициц. Советская торговля и её роль в экономической жизни страны. 72 стр. Цена 75 к.

А. Окулов. Борьба Ленина и Сталина за теоретические основы марксистской партии (1908—1912 гг.). 232 стр. Цена 4 р.

П. Павелкин. Религиозные суеверия и их вред. 164 стр. Цена 2 р. 10 к.

М. Спиридонов. Производительность труда в социалистическом обществе. 80 стр. Цена 80 к.

И. Чангли. Социалистическое соревнование — движущая сила развития советского общества. 144 стр. Цена 2 р.

Л. Шоричев. Двенадцатая Всероссийская конференция РКП(б). 56 стр. Цена 70 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Иван Арамилев. Рассказы охотника. Издание исправленное и дополненное. 430 стр. Цена 8 р. 50 к.

А. Волков. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX века. 532 стр. Цена 14 р.

Ханиф Карим. Весенний сад. Стихи и поэмы. Авторизованный перевод с башкирского. 130 стр. Цена 2 р. 50 к.

Василий Кучерявенко. На американском берегу. Записки советского моряка. 128 стр. Цена 2 р.

Н. Ляшко. Никола из Лебедина. Повесть и рассказы. 412 стр. Цена 9 р.

Аскад Мухтар. Мои сограждане. Стихи. Авторизованный перевод с узбекского. 120 стр. Цена 2 р. 75 к.

Михаил Платошкин. Начальник цеха. Повесть. 220 стр. Цена 5 р. 50 к.

В. Померанцев. Дочь букиниста. Роман. 450 стр. Цена 8 р.

Анатолий Суров. Пьесы. 402 стр. Цена 10 р. 75 к.

Украинские рассказы. Сборник. 460 стр. Цена 10 р.

Юлия Шестакова. Новый перевал. 306 стр. Цена 7 р. 50 к.

Юхан Шмуул. Стихотворения. Поэмы. Авторизованный перевод с эстонского. 184 стр. Цена 3 р. 50 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Антология таджикской поэзии с древних времён до наших дней. 608 стр. Цена 24 р.

Гёncio Белев. Случаи из жизни Минко Миннина. Роман. Перевод с болгарского М. Коровина. 240 стр. Цена 5 р. 75 к.

Иван Вазов. Отверженные. Повесть. Перевод с болгарского В. Дилевской и Н. Толстого. 100 стр. Цена 1 р. 50 к.

А. Волков. А. С. Серафимович. Критико-биографический очерк. 116 стр. Цена 1 р. 75 к.

Н. В. Гоголь. Майская ночь или утопленница. Ночь перед Рождеством. 72 стр. Цена 1 р.

М. Горький. Хозяин и другие рассказы. 224 стр. Цена 3 р.

М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. (Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Сборник материалов.) 288 стр. Цена 6 р.

М. Елизарова. Балзак. Очерк творчества. 96 стр. Цена 1 р. 50 к.

Лео Киачели. Повести и рассказы. Перевод с грузинского Е. Гогоберидзе. 576 стр. Цена 11 р.

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы и другие очерки. 240 стр. Цена 4 р.

Габиден Мустафин. Миллионер. Повесть. Авторизованный перевод с казахского. Литературная обработка перевода Ю. Либендинского. 191 стр. Цена 4 р.

Н. А. Некрасов. Избранные стихотворения. 192 стр. Цена 2 р.

И. Ольбрахт. Анна пролетарка. Роман. Перевод с чешского Т. М. Аксель. 232 стр. Цена 6 р.

Н. Г. Помяловский. Сочинения. 636 стр. Цена 11 р.

Вальтер Скотт. Легенда о Монтрозе. Перевод с английского Н. Арбеновой. 260 стр. Цена 5 р. 25 к.

Р. Хильдрет. Белый раб. Роман. Перевод с английского В. С. Вальдман. 330 стр. Цена 8 р. 75 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Э. Асадов. Светлые дороги. Стихи. 104 стр. Цена 3 р. 75 к.

Золтан Ваш. Шестнадцать лет в тюрьме. 248 стр. Цена 6 р.

В. Виткович. Путешествие по Советскому Узбекистану. 334 стр. Цена 12 р.

В помощь слушателям начальных комсомольских политкружков. 392 стр. Цена 5 р.

В. Захарченко. Утро мира. Стихи. 168 стр. Цена 4 р.

А. Калинин. Красное знамя. Роман. 480 стр. Цена 11 р.

В. Коростылёв. За полярным кругом. Стихи. 70 стр. Цена 3 р. 50 к.

И. Котенко. Правдивая повесть. 55 стр. Цена 80 к.

На границе. Сборник стихов. 112 стр. Цена 4 р.

Песни советских композиторов. 333 стр. Цена 13 р. 50 к.

Н. Сизов. Комсомольцы Подмосковья. 94 стр. Цена 1 р. 35 к.

Танцы народов СССР. 192 стр. Цена 7 р. 50 к.

А. Тарасов. Комсомольцы Кузнецкой МТС. 64 стр. Цена 90 к.

А. Ференчук. В родной семье. Повести и рассказы. 223 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. Фокин. Светлые просторы. Стихи. 112 стр. Цена 3 р.

Л. Хоменков. Лёгкая атлетика. 80 стр. Цена 1 р. 50 к.

Цеховая комсомольская организация. 56 стр. Цена 75 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. Вежинов. В долине. Повесть. Перевод с болгарского. 126 стр. Цена 1 р. 70 к.

Е. Герасимов. Товарищи из одной школы. 173 стр. Цена 5 р.

За родину! За Сталина! Комсомольцы и молодёжь Вооружённых Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне. Литературно-художественный и документальный сборник 1941—1942 гг. 659 стр. Цена 18 р.

О военной идеологии американского империализма. Сборник статей. 155 стр. Цена 5 р. 85 к.

Служу Советскому Союзу! Сборник произведений молодых писателей. 312 стр. Цена 8 р.

Стихи солдатские. Составитель С. Гудзенко. 238 стр. Цена 5 р.

Б. Черемисин. Третье лето. Повесть. 240 стр. Цена 6 р. 30 к.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. И. Мельчин. Американская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918—1920 гг. 72 стр. Цена 1 р. 25 к.

Под гнётом доллара. Путевые заметки моряков дальнего плавания. 63 стр. Цена 1 р.

Сражающаяся Корея. 72 стр. Цена 1 р. 35 к.

«Янки в мундирах». Сборник. 138 стр. Цена 4 р.

ГОСКИНОИЗДАТ

А. Бельская. О кинофильме «Секретная миссия» (Библиотека советского кинозрителя). 52 стр. Цена 1 р. 25 к.

М. Ильина, В. Яковлева. Народный артист РСФСР Н. И. Боголюбов. («Мастера советского киноискусства»). 32 стр. Цена 2 р.

М. А. Королёва. Техника кинопроекции. 332 стр. Цена 13 р. 60 к.

М. Смирнова. Киносценарий «Сельский врач» (Библиотека кинодраматургии). 68 стр. Цена 1 р. 70 к.

Николай Черкасов. (Актёры советского кино — лауреаты Сталинской премии. Фотоброшюра). 16 стр. Цена 1 р. 50 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

Е. Дунаева. Болдино. 144 стр. Цена 3 р. По следам древних культур. Сборник статей под редакцией Г. Б. Фёдорова. 272 стр. Цена 11 р.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

П. М. Астахов. Былины Севера. 846 стр. Цена 40 р. 50 к.

И. Д. Левин. Крах буржуазной демократии и современное государственное право капиталистических стран. Выпуск 1. США. 164 стр. Цена 8 р. 50 к.

Л. О. Машинский. Озеленение городов. 255 стр. Цена 12 р. 50 к.

Научные вопросы полезащитного лесоразведения. Выпуск 1. 327 стр. Цена 20 р.

В. П. Неустров. Мартин Андерсен Нексе. 215 стр. Цена 11 р. 50 к.

Описание материалов Пушкинского дома. Том 1. Н. В. Гоголь. 132 стр. Цена 8 р.

Памяти С. В. Ковалевской. Сборник статей. 154 стр. Цена 8 р.

Против философствующих оруженосцев американо-английского империализма. 334 стр. Цена 16 р.

А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. 378 стр. Цена 22 р.

Труды комплексной научной экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения. Том 1. Выпуск 1. 503 стр. Цена 35 р.

Труды Первого совещания по вопросам космогонии. 16—19 апреля 1951 г. 372 стр. Цена 20 р.

Философские вопросы современной биологии. 397 стр. Цена 16 р.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Жоржи Амаду. Луис Карлос Престес. Перевод с португальского. 309 стр. Цена 9 р. 45 к.

Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. Перевод с чешского. 123 стр. Цена 3 р. 75 к.

Планирование народного хозяйства Румынии. Перевод с румынского. 299 стр. Цена 11 р. 50 к.

**ГОРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Песни родины. Составитель П. Т. Хохрин. 264 стр. Цена 3 р. 90 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР**

Хамид Алимджан. Избранные произведения. 174 стр. Цена 7 р. 50 к.

**ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. 208 стр. Цена 5 р. 35 к.

ЛЕНИЗДАТ

Л. Бородин. Опыт новаторов — всем рабочим. 212 стр. Цена 4 р.

ПРИМИЗДАТ

Этого не забыть! Сборник воспоминаний трудящихся Приморского края о кровавых злодеяниях американских интервентов в 1918—1920 гг. 112 стр. Цена 2 р.

**СТАВРОПОЛЬСКОЕ КРАЕВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

М. Старостин. Подвиг. Роман. Книга 2. 364 стр. Цена 11 р. 50 к.

**УЗБЕКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Андрей Иванов. По солнечным просторам. Стихи. 104 стр. Цена 4 р. 60 к.

Эгам Рахим. Дорога счастья. Поэма. Перевод с узбекского Н. Милованова. 48 стр. Цена 3 р. 40 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**
Редколлегия: **М. С. Бубеннов, В. П. Катаев,
С. С. Смирнов, А. К. Тарасенков, К. А. Федин, М. А. Шолохов**

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К-5-06-96.

Сдано в набор 17/IX-51 г.
А 07669.

Объем 18 печ. л.

Подписано к печати 18/X-51 г.
Тираж 104.000.

Заказ № 1782.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова.

Цена 9 руб.